

**ПРЕСС-СЛУЖБА ПРЕЗИДЕНТА
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ЧИНГИЗ КАДЖАР

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
СЫНЫ ДРЕВНЕГО И
СРЕДНЕВЕКОВОГО
АЗЕРБАЙДЖАНА**

Издательство "Азербайджан"

Баку — 1995

К 32 (95)

Редактор и автор послесловия
ЭЛЬДАР Намазов

Составитель
НАЙМА Гараманлы

В книге в хронологическом порядке приводятся биографии выдающихся богословов, ученых, поэтов, художников, каллиграфов, музыкантов, государственных деятелей и полководцев. Написанные в увлекательной форме биографии помогут читателю лучше узнать многовековую историю, культуру и искусство Азербайджана.

The book introduces the biographies of outstanding theologists, scientists, poets, artists, calligraphy, handwriters, musicians, statesmen and generals in chronological order. The entertaining form of the written biographies helps the reader to know more about the century-old history, culture and art of Azerbaijan.

Издание книги финансировано
The BP and STATOIL ALLIANCE

К 32 (95)

Каджар Чингиз. Выдающиеся сыны древнего и средневекового Азербайджана. — Баку, издательство «Азербайджан», 1995. - 392 с.

К 4804000000-032(95) Заказное
М 670(07)-95

Подписано к печати 16.05.95. Формат издания 60х84/18.
Усл. печ. л. 22,78. Учети. -изд. л. 22,9. Печать офсетная.
Тираж 2.000. Заказ 1405. Цена договорная.

Издательство "Азербайджан"
370146, Баку, Метбуат проспекти, 520-й квартал.

© Издательство "Азербайджан"
издательство "Эргюн", 1995.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Зороастр (зардушт)	с. 5
2. Уллусуну	с. 10
3. Томирис	с. 12
4. Атропат	с. 14
5. Артавазд Атропатенский	с. 16
6. Джеваншир	с. 18
7. Муса ибн Башшар Шахават	с. 21
8. Бабек Ал-Хуррами	с. 23
9. Катран Тебризи	с. 29
10. Баба Кухи Бакуви	с. 31
11. Бахманйар Ал-Азербайджани	с. 33
12. Хатиб Тебризи	с. 35
13. Атрак-хан	с. 38
14. Шамс ад-Дин ил-Дениз	с. 43
15. Шихабеддин Абухафс Омар Сухраварди	с. 46
16. Шихабеддин Абулфатух Йахйа ибн-Хабаш Сухраварди «Ал-Мактул» («Мученик»)	с. 48
17. Абуль-Ала Гянджеви	с. 50
18. Хагани Ширвани	с. 52
19. Омар ибн-Осман Кафиэддин	с. 57
20. Низами Гянджеви	с. 60
21. Мехсети Гянджеви	с. 73
22. Аджами Нахчивани	с. 79
23. Джахан Пахлаван	с. 82
24. Кызыл Арслан	с. 84
25. Махмуд Занджани	с. 87
26. Сафиаддин Урмави	с. 88
27. Мухаммед Насирэддин Туси	с. 90
28. Мувайиэддин Орди	с. 93
29. Сефи ад-Дин Исхак Ардебилли	с. 95
30. Шамс ад-Дин Тебризи	с. 98
31. Наджмеддин Нахчивани	с. 101
32. Махмуд Шабустари	с. 102
33. Махмуд ибн Ильяс	с. 105
34. Абдул Меджид Табиб	с. 107
35. Хиндушах ибн Санджар Нахчивани	с. 108
36. Мухаммед ибн Хиндушах Нахчивани	с. 109
37. Мир Али Тебризи ибн Ильяс	с. 111
38. Фазлуллах Наими (Фазл)	с. 113
39. Ахмед (Кази) Бурханеддин	с. 115
40. Абдрашид Салех ибн-Нури ал-Бакуви	с. 117
41. Имадеддин Насими	с. 120
42. Абдулгадир Мараги	с. 124
43. Садаллах ал-Бардаи	с. 126
44. Рамазан ибн Шейх Али Ленкорани	с. 127
45. Ширваншах Ибрагим I	с. 128
46. Ширваншах Халилуллах I	с. 130
47. Ходжа Али Тебризи	с. 132
48. Музаффареддин Джаханшах (Хагиги)	с. 133
49. Абд аль-Азиз Тебризи	с. 136
50. Джафар Тебризи	с. 138
51. Гасан-бек Байандур (Узун Гасан)	с. 140
52. Сейид Йахья Бакуви	с. 144
53. Шах Исмаил	с. 145
54. Устад Султан Мухаммед	с. 150
55. Карапир-бек Каджар	с. 153

56. Физули	с. 155
57. Юсифи Мухаммед ибн Юсиф Табиб	с. 159
58. Ага Мирек Мирза Гийас	с. 160
59. Мир Сейид Али	с. 162
60. Гасан бек Румлу	с. 164
61. Имамкулу-хан Каджар	с. 165
62. Шах Аббас	с. 167
63. Садых-бек Афшар	с. 171
64. Искендер Мюнши	с. 173
65. Али Риза Тебризи	с. 175
66. Мир Имад	с. 177
67. Орудж-бек Дон-Жуан Персидский	с. 178
68. Рукнаддин Масуд Масихи (доктор Рукна)	с. 181
69. Саиб Тебризи	с. 183
70. Надир шах Афшар	с. 185
71. Гаджи Челеби	с. 188
72. Панах-хан Карабахский	с. 190
73. Ага Мухаммед шах Каджар	с. 192
74. Джавад-хан Зийад оглы Каджар	с. 198
75. Зейналабдин Ширвани	с. 201
76. Молла Панах Вагиф	с. 203
77. Мирза-Шафи	с. 209
78. Мир Мохсун Навваб Карабахский	с. 214
79. Садыхджан	с. 216
Азербайджанцы - правители некоторых Государственных Образований	с. 219
Послесловие	с. 221

Зороастр (Зардушт)

Почти двести лет в науке ведется спор о месте рождения Зардушта (Заратуштра) или Зороастра, как называли его древние греки - основателя религии, названной в его честь зороастризмом. Несмотря на это окончательно вопрос о месте рождения пророка до сих пор не решен. Большинство средневековых мусульманских историков (Бируни, Балазури, Казвини, Ягут аль-Хамави и др.), ссылающихся на поздние зороастрийские источники считают, что Зороастр был родом из Азербайджана. Современные ученые место его рождения находят в Средней Азии или даже в России. В то же время сейчас, всеми единодушно признается, что Азербайджан с его многочисленными государственными храмами огня сыграл огромную роль в создании и распространении канонизированного текста священного писания зороастрийцев - Авесты и оформлении зороастризма как государственной религии. Здесь в Шизе (ныне Тахти Сулейман) находится один из трех самых почитаемых Храмов Огня-Адургушнапс.

Около трех тысяч лет тому назад (согласно древним хроникам Зороастр жил за 258 лет до Александра Македонского) на юге Азербайджана около города Урмия во дворце, стоящем на берегу реки Дараджа на горе Збар, живет некто Пурушаспа с женой по имени Догдо. У них рождается сын Зороастр. В средневековой книге, «Зардуштнамэ» рассказывается, что в детстве Зороастр отличается от других детей тем, что он никогда не плачет, а его постоянный смех озаряет родительский дом небесным сиянием. Уже в детстве он отличается особой мудростью и все попытки [3-4] злых волшебников покончить с ним заканчиваются неудачей. С раннего возраста Зороастр обучается у священнослужителей, а с пятнадцати лет сам становится таковым, скитаясь по свету в поисках истины.

В возрасте 30 лет Зороастр выступает в качестве пророка, проповедующего новую религию.

Не найдя у себя на родине последователей, Зороастр для проповеди нового учения отправляется на Восток. Когда он переходит священный поток, к нему является небесный дух - Бахман и возводит его к престолу бога Ахура Мазды. Там Зороастр получает божественное откровение. Отсюда Зороастр попадает в ад, где его хочет отвратить от религии злой дух Ангхро Манью (Ахриман). Сделать это ему не удастся и сойдя на землю Зороастр излагает своё учение в виде священного писания, получившего название Авеста. Злые духи преследуют его и на земле, но каждый раз Зороастр отгоняет их молитвами из Авесты. Получив вдохновение сверху Зороастр, одетый в белую одежду, со священным огнем и кипарисовым скипетром в руках является ко двору царя Виштаспы и обращает его в свою веру. Соседние правители требуют возвращения к религии предков и идут войной на Виштаспу. Виштаспа одерживает победу и учение Зороастра укрепляется в стране Виштаспы. Виштаспа строит в Бактрии храмы огня. Здесь протекают последние годы Зороастра, здесь же его убивают то ли злые волшебники, то ли вражеские воины.

Учение Заратуштры защищает условия существования оседлого скотоводства и земледелия. Оно проповедует единобожие и существование в мире извечной борьбы двух начал - доброго и злого. Добрые силы возглавляет Ахура Мазда, злые - Ахриман. Согласно учению Зороастра цель жизни человека-это помощь Ахуре Мазде в его борьбе с Ахриманом. В конце концов Ахура-Мазда должен выиграть эту битву и уничтожить зло в этом мире навсегда. Мораль проповедуемая Зороастром включает в себя добрую мысль, доброе слово, доброе дело, предписывает быть щедрым, честным, умеренным в желаниях, избегать жестокости и беззакония. Человек должен охранять чистоту огня, воды и земли. Землю и огонь нельзя осквернять соприкосновением с трупом. Поэтому труп помещается на возвышенном каменистом месте или на напоминающем такое место каменном строение - дахма (башня молчания), где его терзают звери или птицы. Кости прячутся в специальных помещениях, чтобы не осквернять землю.

Учение зороастрийцев изложено в их священной книге, вернее в собрании священных книг - «Авеста». Зороастрийские жрецы проповедовали мысль, что как Гаты (наиболее древняя часть книги), так и другие ее части, написаны самим Зороастром, как божественное откровение, полученное от Ахура Мазды. С этой целью во многих случаях в текст [4-5] священного писания вводится фраза: «Так сказал Заратуштре Ахура Мазда». Современные исследователи считают, что произведением самого пророка является только ее наиболее древняя часть - Гаты.

Зороастр был женат трижды. От первых двух жен у него было три сына и три дочери. Младшая дочь Зороастра Пауручиста была замужем за главным советником Виштаспы - Джамаспой. Третьей

женой пророка была дочь Фрашаостроя - родственника Джамаспы. Этот брак был бездетным. Умер Зороастр в возрасте 77 лет.

Если верить Фирдоуси, который в «Шах-Намэ» пишет, что в память обращения Виштаспы Зороастр посадил близ храма огня в Хорасане кипарис, который был срублен и использован при постройке дворца халифом аль-Мутаваккилем в 860 году, когда дереву было 1450 лет, то время жизни Зороастра ориентировочно должно совпасть с периодом царствования последнего мидийского царя Астиага и первых персидских царей Кира, Камбиза и Дария I. Это подтверждает традиционную в мусульманской литературе дату жизни Зороастра «258 год до Александра Македонского».

В конце концов новая религия - Зороастризм побеждает не только на Востоке, но и распространяется на Запад до Мидии. Зороастризм - самая древняя религия в мире. Он оказал заметное влияние на развитие таких религий, как иудаизм, христианство, мусульманство и буддизм и стал первой государственной религией. Зороастрийцы, как уже говорилось выше, а в дальнейшем и мусульмане, родиной зороастризма и Зороастра считают Азербайджан. Здесь коронуется легендарный Джамшид и сасанидские шах-ин-шахи, здесь впервые записывается Авеста. Ямпольский считал, что Азербайджан был, как бы «папской областью» зороастризма.

Древние хроники сообщают о том, что сасанидский царь Йездигерд II введя в Албанию войска привел с ними триста магов и учителей, которые по его приказу говорили: «Если примете добровольно закон Зороастра, получите подарки и почести, царь уволит и освободит вас от всех налогов...». Через сто лет другой сасанидский правитель Хосров говорит почти то же: «Я приказал построить храмы нашим жрецам... Я повелел им внушить тюркам обязанность любить нас, быть праведными... и я попросил их обучать молодых людей нашим верованиям и обычаям». Самые почитаемые зороастрийские храмы находились в Азербайджане, здесь же жили маги - зороастрийские жрецы из азербайджанского племени магов. Слово маг вошло во все языки мира, кроме своего основного значения, также в значении фокусник и волшебник. В Азербайджане маги (азерб. муг) остались жить в названии прикуринской низменности Муган дую (степь магов) и большого количества населенных пунктов (Муганлы, Муган и др.), разбросанных по всему [5-6] Азербайджану. У мусульман слово «муган» означало «зороастриец» или «огнепоклонник» и названия эти могут быть связаны с поселениями зороастрийцев среди мусульман.

До настоящего времени у азербайджанцев сохранилось очень много зороастрийских обычаев, широко распространено имя Зардушт (Зороастр) и слово «дахма», в смысле лачуга. Ежегодно отмечается Новруз («Новый день» - праздник весеннего равноденствия и первый день Нового Года), самый почитаемый зороастрийцами праздник, с прыганьем через костер, зажиганием свеч, раскрашиванием яиц, приготовлением ритуальных блюд и т. д. Во многих районах Азербайджана до сих пор считается грехом задувание горящей свечи и тушение костра или очага водой. В сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа за 1890 год Мир-Гашим-беком Везириным описываются следующие поверия азербайджанцев: «Внезапное потухание свечи, лампы и пр. означает несчастье для семейства в скором будущем, напр: умрет старший член семьи... Бранить огонь или понапрасну клясться огнем - большой грех; нельзя заразить тушить огонь, а особенно заливать его водой. Вода тоже священна: нельзя бранить ее и по-напрасну клясться ею». Зороастрийское происхождение имеют, очевидно, такие блюда, как «самани халвасы», «аш» и «пахлава», до сих пор сохранившие свое ритуальное назначение.

Через мусульманскую религию сохранился ритуал пяти ежедневных молитв с омовением рук и ног. Под влиянием зороастризма в Азербайджане зародились такие религиозные течения, как хурраизм, хуруфизм и др. Считается, что особенно значительна роль зороастризма в становлении шиизма. Основными культами, которым поклонялись зороастрийцы были вода, огонь, хаома и Гауш-Урван (душа быка). Хаома - священное растение, оказывающее опьяняющее действие. Некоторые ученые считают, что под хаомой подразумевался и виноград. Кроме богов этих четырех культов существуют боги связанные с различными явлениями природы. Были боги неба, земли, солнца, луны, ветра и т.д. Ежедневные богослужения заключаются в приношениях и возлияниях огню и воде. Для поклонения огню (Бог огня - Атур) и воде (Богиня воды и плодородия - Аредви-Сура-Анахита) строятся специальные храмы.

О роли огня в Азербайджане свидетельствует тот факт, что в слове Азербайджан в течении 2300 лет его существования корень слова АТУР-АТРО-АДУР-АЗЕР всегда означает огонь, хотя истоки его происхождения давно забыты. В храмах огня храмовый огонь помещается на подставках в виде алтарей, поднимается на крыши высоких культовых храмов. Храм огня называется «Местом Огня» или «Домом Огня». Культ воды находит свое отражение в названии полуострова Абшерон (Аб - вода, Сура - одно из имен богини воды), перешедшего от названия поселка или храма Воды - [6-7] Абшерон, находящихся у переправы на священный остров Пираллахи, где с давних времен непрерывно горели огромные факелы природного газа. В Таджикистане до сих пор существует праздник воды Абпашон. Недалеко от Храма

Воды - Абшерона, на месте современного поселка Туркян находится Храм Огня - А-Тур-Кян. Очевидно на Абшероне должен был существовать и культ ветра. Не зря местные и персидские источники называли его, после окончательной победы мусульманства, Бакдубе, что, по их мнению означало «(место, которое) бьет ветер». Ал-Хорезми слово Adar-badkan объясняет, как «место дуновения зимнего ветра» исходя из названия девятого месяца - Adar (огонь) и bad - ветер (т. е. страна огня и ветра).

Абшерон и окружающие его острова с вечно горящими огнями на суше и на море, с множеством озер и прекрасным полным всевозможной живности морем, плантациями необыкновенно вкусного винограда и ураганными, поражающими первобытного человека ветрами, был идеальной средой для зарождения культов огня, воды, ветра и хаомы. Можно предположить, что задолго до появления зороастризма Абшерон становится крупным культовым центром, о чем свидетельствуют наскальные рисунки Абшерона и Кобыстана. И, если даже зороастризм не зародился на Абшероне, он должен был вместе с маздаизмом найти здесь благодатную почву на базе местных культов огня, воды, ветра и хаомы. О том, что Абшерон был маздаитским и зороастрийским центром существует множество свидетельств лежащих на поверхности и давно уже всем известных. Во-первых, присутствие до сих пор на Абшероне парсов (самоназвание персоязычных татов, заселяющих, в свое время большинство поселков Абшерона). Не исключено, что они являются потомками бежавших сюда от преследования мусульман зороастрийцев. Во-вторых топонимия Абшерона несет в себе очень много культовых и зороастрийских терминов. Бага-ван (Баку) - Бага-Бог, Ван - место, Кала-Храм разведения Огня, Нардаран - производящий огонь, Ху(ы)рдалан (Хур-Огонь, Солнце), Кюрд-хана (Гюрд-хана) - круглый храм, Кишлы (Гиш, Киш) - культ, священное место, Загульба-келья на берегу, Аташгях (Сураханы и Шихово) - Алтарь Огня.

Античные авторы говорят о священных землях в Албании и о вечных огнях, горящих на островах Каспия. Средневековые арабские историки пишут об албанских огнепоклонниках. Еще в конце XIX в. были живы старожилы помнящие апшеронских огнепоклонников - азербайджанцев. Они же рассказывали о мечетях и церквях построенных на развалинах храмов огнепоклонников. Средневековые мусульмане часто называли зороастризм огнепоклонством, так как огонь в этой религии играл большую роль. Например, согласно местным преданиям и древним хроникам в Ичери Шахер Джума мечиди и албанская церковь были возведены на [7-8] месте храмов Огня и Воды, на острове Пираллахи был глубоко почитаемый Храм Огня. Изображения почитаемого у зороастрийцев Быка наблюдалось на многочисленных археологических находках в Ичери Шахер и в его окрестностях. Одно из них находится над воротами Гоша Гапы крепости в окружении двух сефевидских львов. Символика этого барельефа может означать подавление последних зороастрийцев в Баку и на Апшероне людьми шаха-Аббаса. Тем более, что название ворот Гоша-гапы может быть искаженным Гауш-гапы (ворота Быка). Азербайджанскими учеными собраны очень убедительные материалы о том, что бакинская Девичья Башня в древности была зороастрийским храмом. Некоторые ученые относят к храмам и многочисленные башни Абшерона. О наличии этих башен во всех селах Абшерона говорил еще средневековый азербайджанский географ Бакуви. Явно оборонительный характер некоторых из них не исключает их храмового назначения, так же как это было у христианских монастырей. Хорошую сохранность башен, кроме их оборонного назначения можно объяснить возрождением зороастризма на Абшероне с приходом на Ближний Восток Сельджуков и монголов. В эти годы зороастрийцы бегут от преследований мусульман на юг провинции Фарс, где в городах Туркобад и Шарифабад создают новый центр зороастризма. В это же время, очевидно, зороастрийские беженцы появляются и на Абшероне.

Известный специалист по средневековой керамике С. Б. Гусейнова на основе анализа большого числа клеймен на керамических сосудах Азербайджана и, в частности, Апшерона и Баку пришла к выводу, что некоторые из них в эпоху Низами изготавливались специально для использования на ритуальных церемониях зороастрийцев. Парсы и турки - зороастрийцы прибывшие из богатых зороастрийскими традициями Ирана и Средней Азии в известный им с давних времен храмовый центр строят новые и реставрируют старые храмы, возрождают приглушенные исламом традиции. Любопытно, что и здесь появляется свой Туркобад-Туркян. Туркян расположен в месте переправы с полуострова Абшерон на остров «Вечных Огней» - Пираллахи (Переправа осуществлялась и от села Апшерон, располагавшегося в районе нынешнего маяка. Специалисты установили существование там трех башен. Эти башни могли быть связаны с культом воды.) и название этого поселения, также как название соседнего поселения - Абшерон, должно как-то отражать их культовый характер. Если поселки были заложены для обслуживания паломников - зороастрийцев следующих на остров, естественно было бы назвать их (А) Тур-кянд (Место, Дом Огня) и Абшерон (Место Воды - Суры) и возвести здесь для обслуживания паломников соответствующие храмы-башни. [8-9]

Крупный исследователь зороастризма английский профессор Мэри Бойс в книге «Зороастрийцы» пишет, что высокие и массивные погребальные башни «Дахма» т. н. «башни молчания», на крыши которых клали покойников для растерзания их птицами, стали строить после

победы ислама. Большая высота башен и высокий парапет не позволяли видеть трупы, не раздражали мусульман и защищали мертвых от осквернения. Чтобы защитить землю от осквернения трупами, башни должны были строиться на скалах. (Необходимо определить какие из башен Абшерона выстроены на скалах). Лестницы, так же как на башнях Абшерона, делались приставными, чтобы затруднить доступ вверх посторонним, поскольку бывали случаи захвата башен мусульманами. Для этого достаточно было забраться на башню и прокричать призыв к молитве. Бойс описывает такой случай захвата только что отстроенной башни. С той же целью, очевидно, в остов Девичьей Башни был встроены мусульманами строительный камень, по словам архитекторов, явно позднего происхождения.

Зороастрийские храмы, так же как храмы многих других религий посвящались определенным божествам, культам или празднествам посвященным этим божествам или культам. Известно, что названия божеств, культов и культовых празднеств очень живучи (напр. Новруз) и, если только башни Абшерона как-то связаны с этими культами или празднествами, в названиях населенных пунктов, в которых расположены башни должны были сохраниться названия божеств или культов. В зороастрийском календаре было 360 дней, разбитых на 12 месяцев, каждый из которых состоял из 30 дней. Каждый из двенадцати месяцев и каждый из тридцати дней месяца посвящались какому-либо из божеств и отмечались религиозными праздниками. Особенно торжественно отмечались дни, носящие имя того же божества, что и месяц и каждый сезон года. На праздники все собирались в Храмах Огня для еды, питья и веселья, что считалось богоугодным занятием. Всего зороастрийские жрецы признавали тридцать главных божеств достойных почитания. Количество башен (храмов) на Абшероне тоже приближается к этой цифре. Последняя двадцать пятая башня (основание) была недавно обнаружена в Сабунчи, который также, в свое время был заселен парсами. За пределами Абшерона известна всего одна аналогичная башня в селении Саадан Дивичинского района.

Анализ топонимов Абшерона показывает, что названиям населенных пунктов, в которых сохранились Башни-Храмы в основном характерны окончания хан (а), сан, кан, кян, ан, ван в значении место, дом. Мы уже писали, что Храмы [9-10] Огня тоже называли Домом или Местом Огня. Поэтому, если принять идею, что эти окончания также указывают на присутствие там храма (пира), большинство абшеронских топонимов очень легко могут быть связаны с зороастрийскими терминами. Если предположить, что все башни Абшерона были Храмами Огня (Пирами) или «башнями молчания» при храмах, станет ясно почему они так тщательно отделялись тесанным камнем и почему их было так много на небольшом Абшероне (в каждом, даже небольшом селе должен был быть свой Храм). Приводимые ниже рассуждения о возможном происхождении названий сел Абшерона могут привлечь внимание научной общественности к несомненно зороастрийскому происхождению хотя бы некоторых из них:

Город Баку. Храм Бога. Бага-ван. Баге (Богу) посвящался седьмой месяц - багаядис (месяц поклонения Богу-Митре) и шестнадцатое число каждого месяца.

Поселок Сурахана. Сура-Хана. Храм Суры. Сура - одно из имен богини вод и плодородия Аредви-Суры-Анахиты.

Поселок Мардакян. Марда-Кян. (М) Арта-Кян. Храм Арты. Поселок Шахан. (А) Ша-Хан (а). Храмы-Ашы. Арта (Аша) - божество праведности и космического порядка. Этому божеству посвящался второй месяц года и третье число каждого месяца.

Поселок Ноу-Хана. Храм Новруза. Новруз - новый день. Новруз посвящался огню и отмечался в день весеннего равноденствия. Считалось, что в этот день родился Зороастр.

Поселок Туркян. А-Тур-Кян. Храм Огня. Атур - Огонь, ему посвящался девятый месяц года и девятый день каждого месяца. В девятый день девятого месяца отмечался праздник Азер-чешн. В этот день посещали храмы огня, приносили жертвы, разжигали домашние очаги.

Поселок Амираджан. Храм Амира-тато - божества бессмертия. Этому божеству посвящался каждый пятый месяц года и каждый пятый день месяца.

Поселок Гоу-сан. Храм Быка. Гау-бык. Празднество почитания быка отмечалось 14 числа, каждого месяца.

Поселок Бузовна. Храм Быка. Полная калька Гоу-сан на азербайджанском языке. Бузов бычок (азерб.). Бузов-на находится строго на одном меридиане с Гоусан.

Поселок Маштага. Храм Мазды - верховного божества. В глубокой древности было известно написание имени Ахура Мазды в виде Машдаку, Маздака и Маздука. Ахура-Мазде посвящался десятый месяц года и первые дни всех месяцев и каждой недели. [10-11]

Поселок Рамана. Храм Рамано - божество мира, покоя. Праздник Рамано отмечался очень торжественно 21 числа седьмого месяца, в день осеннего равноденствия.

Поселок Фатмаи. Храм Фатмаи - Эдас посвящен Ахура Мазде и душам умерших праведников. Праздник - Хамас Фатмаи-Эдас самый почитаемый после Новруза и отмечался в последний день года,

накануне Новруза. И сейчас азербайджанцы накануне Новруза поминают умерших, посещают их могилы и оставляют там самани и праздничные хонча.

Поселок Саадан (Дивичи). Храм Сада - посвящен древнему зороастрийскому празднику Огня. Праздник Сада отмечался за сто дней до Новруза (фарс, сада - сто) в ноябре или декабре месяцах .

Поселок Нувади. Нувад-руз. Праздник, отмечаемый за девяносто дней до Новруза (фарс, нувад - девяносто). В этот день, чтобы уберечься от злых духов нужно было есть чеснок, пить вино и варить сабзи-говурма.

В названиях поселков Сараи, Забрат и Хурдалан также явно просматриваются зороастрийские термины сура, рат (у), хур (ахур). Таким образом, все вышесказанное может свидетельствовать о том, что Абшерон бывший с глубокой древности крупнейшим центром местных и ближневосточных культов, в том числе и огнепоклонства, впоследствии становится крупным центром зороастризма. Паломники приходят сюда по берегу и приплывают по морю. Прибывших по берегу паломников встречают Храмы Кобыстана, Шихова, Сабаила, Баку и Абшерона. Приплывших по морю встречают великолепные Храмы их любимых божеств, расположенных по всему побережью Абшерона. В дальнейшем паломники обходят все Храмы, производя приношения и возлияния. Только на пожертвования очень многих паломников можно было построить такое количество очень дорогостоящих башен - Храмов, караван-сараев и овданов на сравнительно бедном и мало населенном Апшероне. Маршруты паломников и их состав можно легко проследить по расположению и названиям караван-сараев и овданов на Абшероне и на подходах к Баку. Одновременно раскрывается много лет мучившая исследователей тайна назначения этих караван-сараев и овданов, стоящих далеко в стороне от торговых караванных путей. Все данные свидетельствуют о том, что паломники прибывали из Индии, Ирана, Средней Азии и Армении, где с глубокой древности исповедовался зороастризм. Маршрут их проходил, после посещения Шихова от Баку к Нардарану через Сураханы и Маштаги и далее по берегу моря через Мардакяны, Шаган и, наконец, Туркян или Абшерон до конечного пункта - острова Пираллахи. Туда можно было добраться и через Говсан. [11-12]

Азербайджан сыграл большую роль в создании и распространении зороастризма и давно назрело время установить в Баку памятник нашему самому великому земляку - Зороастре. Тем более, что ряд исследователей считают Абшерон родиной Зороастра.

М. Бойс. Зороастрийцы. Москва - 1988; А. О. Маковельский. Авеста. Баку - 1960; В альманахе Низами Гянджеви. «ЭЛМ», Баку - 1991; С. Б. Гусейнова. «Клейма на глазурованной керамике эпохи Низами, как элемент азербайджанского ренессанса.»; Д. А. Ахундов. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку - 1986; С. Ю. Касумова. Азербайджан в III-VII веках. Баку - 1992; Ричард Фрай. Наследие Ирана. Москва - 1972; З. И. Ямпольский. Древняя Албания III-I вв. до н.э. Баку - 1962; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск девятый. Тифлис - 1890. [12-13]

УЛЛУСУНУ

На территории, совпадающей с территорией Атропатены, а затем средневекового Азербайджана, в IX-VII веках до новой эры возникает и развивается государство Манна. Во главе страны, разделенной на ряд областей (Суригаш, Месси, Уишдиш, Арсыйанши и др.), стоит царь с наследуемой властью, во главе областей его наместники. В период расцвета Манна считается одной из крупных держав на Ближнем Востоке. Становление и укрепление ее происходит в непрерывных войнах с Ассирией и Урарту. Наибольшего могущества Манна достигает при царе Иранзу и его сыне Уллусуну.

Мало кто, кроме узких специалистов по древней истории, до недавнего времени, знал о существовании этой страны, пока в середине нашего столетия в Азербайджане - в Марлике, Хасанлу и Зивие любители - археологи, а затем и специалисты не обнаружили целый ряд кладов, содержащих наборы золотых, серебряных и бронзовых изделий с изображениями, напоминающими, а иногда просто повторяющими сюжеты так называемого «скифского звериного стиля». Интересна история открытия и исследования одного из таких кладов. На Юге Азербайджана в районе озера Урмия, около крепости Хасанлу на территории древней Манны работала американская экспедиция под руководством Роберта Дайсона. Экспедиция обнаружила в одном из археологических слоев следы крупного пожара. Здесь археологи находят золотой кубок необычайной красоты. Находка эта производит сенсацию в научном мире по двум причинам. Первая - это сам кубок. Он выделяется очень высоким техническим и [13-14] художественным уровнем. На чаще по мнению специалистов изображена сцена жертвоприношений богам, сцены из древних мифов племен, населяющих эти места во II тыс. до н. эры. И вторая причина - это то, что по расположению воинов, оружия и кубка археологам с удивительной точностью удастся восстановить события, происходившие при пожаре в крепости.

Во время осады крепости троим воинам поручается спасти главную ценность храма - ритуальный золотой кубок. Пожар уже охватил все здание, когда они попадают на второй этаж. Прогоревший пол проваливается под ними и первый воин с обнаженным мечом в руках падает лицом вниз, вытянув руки вперед. Железный меч, украшенный золотом, оказывается под его грудью. Вторым воин, несший кубок в правой руке, падает на правый бок, левая рука его оказывается прижатой к стене. На него падает третий воин и их всех заваливают обломки рухнувшего здания.

Специалистам не стоило большого труда выяснить принадлежность обнаруживаемых в упомянутых выше кладах изделий маннийским мастерам. О Манне заговорили искусствоведы и коллекционеры всего мира. Наконец, было найдено недостающее звено, раскрывающее тайну происхождения скифского искусства, а также искусства мидян и персов. Дальнейшие находки это подтвердили - высокое искусство художественной обработки металла, так поражающее уже сотни лет искусствоведов многих стран, зародилось в Азербайджане.

Большой знаток искусства Ирана В. Г. Луконин в своей книге по искусству древнего Ирана, а вернее искусству Манны, Мидии, Атропатены и Ирана писал: «Памятники, о которых здесь идет речь, представляют искусство, развивавшееся здесь в период X-VI вв. до н.э. В это время на всей очерченной территории существовало несколько государственных образований, среди которых выделялась Манна в Южном Азербайджане. Цари государства Манна принимали активное участие в политике, вмешиваясь в борьбу Ассирии, Урарту и Элама. Здесь же несколько позже сложилась мидийская держава, здесь же, согласно Геродоту, в середине или в конце VII в. до н.э скифские племена и их вожди усилились настолько, что в течение двадцати восьми лет были «владыками Азии». Искусство этой территории было той базой, на которой формировалось и искусство скифов, и искусство мидян, и искусство персов. Эта стадия, представленная памятниками Зивие, в особенности интересна, с одной стороны, потому, что в этих памятниках мы наблюдаем конечный этап развития открытой совсем недавно цивилизации, а с другой - потому, что они непосредственно связаны с начальной стадией искусства скифов и первыми памятниками искусства персов.» [14-15]

История Манны мало изучена, и известна, в основном, по ассирийским и урартским источникам, не всегда объективно сообщавшим события, происходящие в соперничающим с ними государстве. После смерти одного из выдающихся царей Манны Иранзу около 716 г. до н.э. к власти приходит его сын Аза, который, продолжая политику отца, стремится к союзу с Ассирией в ее борьбе с Урарту. Против его политики открыто выступают владельцы ряда областей Манны Метатти, Телусина и Багдатту, враждебно настроенные к Ассирии. В результате они убивают Азу и на престол возводят его брата Уллусуну, который в борьбе за трон вынужден, очевидно, против своей воли, придерживаться урартской ориентации. Он даже уступает Урарту несколько областей, граничащих с Ассирией. Ассирия,

возмущенная таким поворотом событий, вторгается в Манну. Царь Ассирии Саргон II хватается за Багдату и приказывает содрать с него кожу, а труп выставить в назидание маннейцам. Ассирийцы сжигают столицу Манны Изирту и завоевывают ряд крепостей, Уллусуну сдается на милость победителя. Известно сообщение Саргона II, о том, что Уллусуну вышел ему навстречу: «вместе со своими великими старейшинами, советниками, семенем рода своего, наместниками и предводителями, правящими его страной», а кроме того «послал своего старшего сына с подношением и приветственным даром» к Саргону II. Уллусуну посвящает Саргону II стелу. Саргон II прощает отступничество Уллусуну и оставляет его на маннейском престоле. Когда в 714 г. до н.э. Саргон начинает поход против Урарту, между двумя царями заключается договор. Цари встречаются в условленном месте и Уллусуну передает войску Саргона коней и скот. Саргон обещает Уллусуну отвоевать у Урарту утраченную Манной территорию. В честь Уллусуну царь Ассирии устраивает пир, на котором Уллусуну усаживают хотя ниже Саргона, но выше, чем, в свое время сидел его отец Иранзу. Об этом сообщает Саргон: «перед Уллусуну, царем, их господином стол почетный я накрыл, трон его выше, чем Иранзу, отца, родителя его, я возвысил». Как пишет И. М. Дьяконов, это было равносильно признанию Манны союзной державой.

Саргон II продолжает борьбу с Урарту. Уллусуну всячески помогает союзнику. Войска Урарту терпят сокрушительное поражение. Освобожденные крепости Манны Саргон возвращает Уллусуну. Войска Саргона доходят до Урарту, разрушают многие города и захватывают огромную добычу. Царь Урарту Руса I, не перенес позора поражения, кончает жизнь самоубийством. Саргон возвращает Уллусуну 22 крепости и 2 укрепленных города. После разгрома Урарту Уллусуну успешно ведет войны за возвращение областей, отошедших от Манны. Он возвращает ряд областей и городов.[15-16] Манна достигает вершины могущества. Ассирия признает Манну равноправным союзником. Уллусуну при преемниках Саргона II даже захватывает некоторые области Ассирии.

При Уллусуну в Манне строятся новые крепости и города с большими храмовыми и дворцовыми постройками, развивается искусство ремесленников. И. М. Дьяконов пишет, что «Манна и, может быть, еще более северные приурмийские области, т.е. области, расположенные на территориях будущей Атропатены, стояли выше по уровню своего экономического развития, чем большая часть территории восточной Мидии.»

На одном из маннейских сосудов VIII века до н.э. изображен маннеец, играющий на музыкальном инструменте, очень напоминающем саз или танбур. Поза музыканта и его манера игры на танбуре не оставляют никакого сомнения, что музыкант этот родом из Азербайджана и, что музыкальные традиции сохранились на этой земле с глубокой древности. История и культура Манны только начинает изучаться и предстоит еще много сделать для выяснения преемственности ее культуры и языка с более древними странами.

И. М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца века до н.э. Москва-Ленинград - 1956; С. М. Кашкай. Из истории Маннейского Царства. «Элм», Баку - 1977 [16-17]

ТОМИРИС

Геродота называют «отцом истории». Его «История», состоящая из девяти книг, посвящена описанию греко-персидских войн и событиям происходившим вокруг этих войн. Геродот признается одним из самых выдающихся историков мира, хотя приводимый им материал по традиции историков того времени лежит на грани между мифом и правдивым историческим повествованием. Один из таких полумифических эпизодов истории, приводимый Геродотом в первой книге его «Истории», посвящен событиям, связанным с гибелью царя Персии Кира в 529 году до н.э. при попытке покорения царства Массагетов, существовавшего в то время на территории современного Азербайджана и расположенного к северу от реки Аракс. Некоторые историки располагают это царство в Средней Азии, а Аракс отождествляют с Аму-Дарьей.

Героиней этого повествования является Томирис - жена покойного царя массагетов. Геродот пишет: «массагеты, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Аракс напротив исседонов». Иные считают их также скифским племенем. Царицей массагетов была супруга покойного царя. Звали ее Томирис. К ней-то Кир отправил послов под предлогом сватовства, желая будто бы сделать ее своей женой. Однако Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а домогается царства массагетов, и отказала ему. Тогда Кир, так как ему не удалось хитростью добиться цели, открыто пошел войной на массагетов. Для переправы [17-18] войска царь приказал построить понтонные мосты через реку [Аракс], а на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни.

Пока войско Кира было занято этими работами, Томирис велела через глашатая сказать Киру вот что: «Царь мидян! Отступишь от своего намерения. Ведь ты не можешь знать заранее, пойдет ли тебе на благо или нет сооружение этих мостов. Оставь это, царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей. Но ты, конечно, не захочешь последовать этому совету, а предпочтешь действовать как угодно, но не сохранять мир. Если же ты страстно желаешь напасть на массагетов, то прекрати работы по строительству моста через реку. Переходи спокойно в нашу страну, так как мы отойдем от реки на расстояние трехдневного пути. А если ты предпочитаешь допустить нас в свою землю, то поступи так же». После этого Кир призвал к себе персидских вельмож на совещание, изложил им дело и спросил совета, как ему поступить. Все единогласно сошлись на том, что следует ожидать Томирис с ее войсками здесь на этой земле.

Присутствующий на совещании лидиец Крез не одобрил, однако, это решение. «Так вот, по моему, нам следует перейти реку и затем проникнуть вглубь страны, насколько враги отступят, а затем попытаться одолеть их, поступив вот как. Как я узнал, массагетам совершенно незнакома роскошь персидского образа жизни и недоступны ее великие наслаждения. Поэтому-то нужно, думаю мне, устроить в нашем стане обильное угощение для этих людей, зарезав множество баранов, и сверх того выставить огромное количество сосудов цельного вина и всевозможных яств. Приготовив все это, с остальным войском, кроме самой ничтожной части, снова отступить к реке. Ведь если я не обманываюсь [в своем суждении], то враги при виде такого обилия яств набросятся на них и нам представится возможность совершить великие подвиги.»

Так мнения советников разошлись. Кир же отверг первое мнение и принял совет Креза. Царь велел объявить Томирис, чтобы она отступила, так как он намерен переправиться в ее владения. И царица отступила [с войском], верная своему прежнему обещанию. Тогда Кир вверил Креза своему сыну Камбису, которого он назначил своим наследником. При этом царь настоятельно внушал сыну почитать Креза и покровительствовать ему (в случае неудачи переправы и похода в страну массагетов). С таким поручением Кир отпустил Камбиса и отправил их в Персию, а сам с войском начал переправу через реку. [18-19]

А Кир между тем проник с войском за Аракс на один дневной переход и затем поступил по совету Креза. Оставив на месте только слабосильных воинов, сам царь с лучшей частью войска снова отступил к Араксу. Тогда третья часть войска массагетов напала на оставленных Киrom воинов и, несмотря на храброе сопротивление, перебила их. [После победы], увидев выставленные в стане персов яства, массагеты уселись пировать. Затем они наелись досыта, напились вина и улеглись спать. Тогда пришли персы, перебили большую часть врагов, а еще больше захватили в плен. В числе пленников был и сын царицы Томирис, предводитель массагетов по имени Спаргапис.

А царица Томирис, узнав об участии своего войска и сына, велела отправить всадника к Киру с такими словами: «Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас так же лишает рассудка, когда вино бросается в голову и когда вы, персы, [напившись], начинаете извергать потоки недостойных речей, - вот этим-то зельем ты коварно и одолел моего сына, а не силой оружия в честном бою. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета: выдай моего сына и уходи подобру-поздорову из моей земли, после того как тебе нагло удалось погубить третью часть войска массагетов. Если же ты этого не сделаешь, то клянусь тебе богом солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен».

Кир, однако, не обратил никакого внимания на слова глашатая. А сын царицы Томирис Спаргапис, когда хмель вышла у него из головы и он понял свое бедственное положение, попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден и мог владеть своими руками, он умертвил себя. Так он скончался.

Томирис же, узнав, что Кир не внял ее совету, со всем своим войском напала на персов. Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. О ходе ее я узнал, между прочим, вот что. Сначала, как передают, противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем, исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир. Царствовал же он полных 29 лет. А Томирис наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать среди павших персов тело Кира. Когда труп Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: «Ты все же погубил меня, хотя я осталась в [19-20] живых и одолела тебя в битве, так как хитростью захватил моего сына. Поэтому-то вот теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью».

Так бесславно от руки женщины погиб первый царь Персии - державы, созданной на развалинах разрушенной им Великой Мидии.

Геродот. История. «Наука». Ленинград - 1972 [20-21]

АТРОПАТ

1 октября 331 года до новой эры недалеко от развалин древней столицы Ассирии - Ниневии у местечка Гаугамела происходит сражение, повлиявшее на судьбы многих народов Передней и Средней Азии. Сражение между Александром Македонским и царем Персии Дарием Ахеменидом заканчивается полной победой Александра и окончательным разрушением огромной Ахеменидской державы. В руки Александра попадает мать, жена и две дочери Дария, а также богатая добыча.

Для нас это сражение представляет интерес по той причине, что в исторических источниках, описывающих это сражение, впервые упоминается Атропат - Сатрап (правитель) Мидии, который командует конными и пешими отрядами мидян в союзе с зависимыми от него в какой-то степени кадусиями, албанами и сакесинами.

Современные исследователи считают, что к тому времени Атропату была подвластна почти вся территория будущего Средневекового Азербайджана, а также часть земель Большой Мидии. После битвы Атропат не является к Александру с изъявлением покорности и Александр смещает Атропата с должности Сатрапа Мидии, назначив новым правителем Мидии некоего Оксодата. Однако последний не оправдывает надежд Александра и уже в 328 г. до н.э. он восстанавливает Атропата в этой должности.

Атропат понимает бесполезность открытой вражды с Александром и избирает путь дипломатических переговоров. В результате ему удается часть территории Мидии сохранить [21-22] от вторжения завоевателей. Эта территория в дальнейшем получает название Малой Мидии, Мидии Атропатены и, наконец, Атропатены.

Александр совершает победоносные походы в Среднюю Азию, Восточный Иран и Индию и создает великую Империю, управлять которой становится все трудней и трудней. Он привлекает к управлению местную знать, изучает зороастризм, объявляет себя богом и всячески поощряет браки между представителями персидского и македонского царских домов и аристократии. Он мечтает создать новую аристократию «элиноперсов», которая могла бы успешно управлять этой грандиозной империей. Первым крупным шагом с его стороны в этом направлении были торжества в Сузах, на которых празднуются в течение нескольких дней массовые свадьбы между представителями этих двух стран. Сам Александр женится одновременно на двух персидских царевнах - Сатире, дочери Дария, и Парисатиде, дочери Артаксеркса III. В один день состоятся свадьбы 80 греков и македонцев с представительницами местной аристократии. Десяти тысячам военным, взявшим в жены персиянок, раздаются дорогие подарки. Каждый из воинов получает по золотому кубку. На торжествах выступают специально приглашенные из Греции актеры, музыканты и жонглеры.

На торжествах в Сузах Атропат не упускает возможность укрепить свое положение независимого правителя Мидии. Он выдает свою дочь за главу македонской конницы - Пердикку, одного из ближайших сподвижников Александра.

К концу 324 г. до н.э. некто Бариакс объявляет себя царем Персии и Мидии и поднимается на борьбу с завоевателями. Атропат собственными силами подавляет восстание Бариакса, захватывает его самого в плен и выдает его и его соучастников Александру, который их казнит.

Александр регулярно объезжает свою империю. В одну из таких поездок он посещает Нисейские поля, расположенные на границе с сатрапией Атропата, где с древнейших времен выращивались знаменитые кони. Туда же приезжает и Атропат, и некоторое время остается в свите Александра. Во время своих поездок и всевозможных мероприятий Александр организует грандиозные торжества. На одно из таких торжеств для развлечения Александра Атропат привозит отряд всадниц, одетых в одежду мужчин-всадников, с копьями вместо секир и легкими щитами вместо обычно принятых тяжелых. Древние авторы считают этих всадниц легендарными «амазонками», которые располагались в «горах над Албанией».

13 июня 323 года до н.э. Александр умирает в Вавилоне, в предполагаемой столице его государства. Сразу после его смерти в Вавилоне собираются сатрапы для раздел сатрапий. Атропат, уверенный в твердости своей власти в Малой Мидии, на совещание не является. Регентом державы [22-23] становится Пердикка зять Атропата. Стремление Пердикки к сохранению державы от распада вызывает противодействие со стороны сатрапов и в конце-концов приводит его к гибели в 321 г. до н.э. Сразу же после этого состоится второй раздел сатрапий. Сатрапия Атропата в раздел не поступает.

Как считает академик Иггар Алиев, с этого времени Малую Мидию можно считать самостоятельным государством. Малая Мидия с этого времени превращается в независимое

государство, в дальнейшем называемое Атропатеной (Адербадаканом) или Азербайджаном, а Атропат принимает царский титул. Через два с половиной века после падения Маннейского государства на территории нынешнего Азербайджана опять появляется независимое государство. Начиная с Атропата, именно в пределах этой территории возникают всевозможные государственные образования, сохраняющие государственную и этническую преемственность. Малая Мидия, благодаря мудрой и дальновидной политике Атропата, становится первым на Востоке государством, добившимся независимости от македонских завоевателей (очевидно, и до смерти Александра Малая Мидия была самой независимой из сатрапий державы).

Как пишет древнегреческий географ Страбон в своей «Географии»: «Мидия делится на две части. Одну часть называют Великой Мидией... Вторая часть - это Атропатийская Мидия. Свое имя она получила от военачальника Атропата, который не допустил, чтобы эта страна как часть Великой Мидии также стала подвластной македонянам. Действительно, провозглашенный царем Атропат сделал по собственному решению эту страну независимой, и еще теперь наследование сохраняется в его семье... Это довольно значительная в смысле военной силы страна, так как она может... выставить 10000 всадников и 40000 пехотинцев...».

Население Атропатены этнически было очень пестрым. Имена и географические названия были большей частью зороастрийскими, также как после принятия ислама они становятся арабскими и потому определить этническую принадлежность Атропата и населения Атропатены очень трудно, тем более, что даже зороастрийские имена большей частью дошли до нас в греческой интерпретации. Так, даже принятое название этой страны - Атропатена является греческим, зороастрийское (мидийское) название этой страны было Адербадаган, арабское - Азербайджан (Азербайджан). Каким же было самоназвание этого народа и страны мы до сих пор не знаем. Ясно одно, проходили годы, века и тысячелетия, приходили и уходили завоеватели, менялись вера и язык, а границы созданного Атропатом Азербайджана почти [23-24] не менялись. В пределах этих границ свыше 2300 лет существует народ, отличающийся от сопредельных народов своими самобытными обычаями, нравом и культурой.

И. М. Дьяконов. История Мидии. М.-Л. - 1956; Иггар Алиев. Очерк истории Атропатены. Баку - 1989; Абдулла Фазили. Атропатена ер.эв. IV ер. VII эсри. «Елм». Баку-1992. [24-25]

АРТАВАЗД АТРОПАТЕНСКИЙ

К началу нашей эры борьба за власть в Передней и Малой Азии идет между двумя великими державами Парфией и Римской Империей.

В 38 году до н. э. парфяне терпят сокрушительное поражение от римлян близ города Гиндары. Войсками римлян командует военачальник Марка Антония Публий Вентилий. После битвы Антоний по ничтожному поводу смещает Вентилия и сам становится во главе огромного войска.

Брачный союз Антония с египетской царицей Клеопатрой, заключенный в 36 году до н. э., делает Антония самодержцем большой страны и вселяет уверенность в осуществимость его планов создания великой азиатской державы наподобие державы Александра Македонского. Антоний, в расчете на это назвавший своего сына, рожденного от Клеопатры, Александром, готовит новый поход на Парфию. Парфяне ждут Антония на Ефрате, а он через Армению вместе с войсками царей Армении и Понта движется на север в надежде пройти оттуда в Мидию Атропатену и ударить парфянам в тыл. Холмистая местность Атропатены, согласно этому плану, должна ослабить возможности знаменитой парфянской конницы.

Понимая критичность положения парфяне прекращают все междоусобицы и сплачиваются вокруг парфянского царя Фраата IV. В тяжелое для страны время к парфянам присоединяется и царь Атропатены Артавазд, до этого враждебно настроенный по отношению к парфянам. Он выставляет свыше 10 тысяч всадников, парфяне - около 40 [25-26] тысяч. Пройдя с большим трудом какую-то часть Атропатены Антоний допускает большую тактическую ошибку. Он оставляет обоз, состоявший из 300 тяжелых повозок, перевозивших осадные орудия и машины на легата Оппия Стациана и с основными силами уходит вперед. Антоний надеется неожиданно подойти к столице Атропатены Фрааспе, захватить ее и пленить находившуюся там семью царя Атропатены Артавазда. Однако, когда Антоний подходит к Фрааспе город оказывается прекрасно подготовленным к длительной обороне.

Пока Антоний готовится к осаде парфяне и атропатенцы разбивают римский обоз. Оппий Стациан гибнет, понтийский царь сдается в плен, а царь Армении испугавшись участи Стациана бежит обратно в Армению. Осадные машины уничтожаются. Все это, собственно и решает исход атропатской компании Антония. Армия Антония оказывается заблокированной у Фрааспы. Парфяне и атропатенцы отказываются от сражения и беспокоят войско Антония ежедневными набегами.

Приближающаяся зима вынуждает римлян покинуть Атропатену и уже другим, горным путем, уйти в Армению. Потери римлян огромны. Предполагается, что всего в Атропатене погибло свыше 35 тыс. римлян.

Грандиозная, почти не имеющая аналогов в римско-парфянских отношениях экспедиция Антония в Азербайджан вдохновленная Клеопатрой, закончилась, полным провалом. Как пишет академик Играр Алиев «Атропатенский царь торжествовал великую победу. Победа была тем более знаменательной, что ему досталась огромная добыча, он был обладателем римских знамен, захваченных у Оппия Стациана, в плену у него находился царь Понта Полемон. Все это не могло не способствовать росту авторитета Атропатены и ее царя Артавазда».

После этих событий Артавазд, очевидно хочет воспользоваться своими победами для нейтрализации парфянского присутствия в Атропатене. Между ним и царем Парфии Фраатом IV происходит ссора. Формальным предлогом ссоры был дележ добычи.

В 35 год д. н.э. царь Атропатены Артавазд посылает бывшего у него в плену понтийского царя Полемона в качестве посла к Антонию с предложением мира и союза. Это меняет все планы Антония и он решает продолжить парфянскую компанию. Отсюда можно сделать вывод о том, что авторитет и военная мощь армии Артавазда были очень высоки. Однако, прежде чем выступить с походом против парфян в союзе с атропатенцами Антоний решает расправиться с предавшим его царем Армении. Антоний движется в Армению. Здесь Артавазд возвращает ему знамена захваченные у Оппия Стациана. Царь Армении пленен, закован в цепи и послан в подарок Клеопатре, захвачена столица Армении [26-27] и сама Армения также объявляется захваченной. После этого Антоний возвращается в Александрию. Там он празднует триумф над Арменией, во время которого царя Армении ведут закованным в золотые цепи.

Своего малолетнего сына Александра от Клеопатры Антоний венчает с дочерью Артавазда Атропатского Иотаной. В связи с помолвкой он объявляет сына царем Парфии, Атропатены и Армении.

Клеопатра и Антоний предстают перед нами не просто героями какого-то романа или кинофильма, а как родители Александра и как участники совместной борьбы с агрессивным соседом. Как-то ближе становятся известные с детства имена Клеопатры и Антония и по новому воспринимается история.

Артавазд Атропатенский пока остается один на один с могучей Парфией, и естественно, его это сильно беспокоит. Наконец, весной 33 года д. н.э. Антоний двигается через Армению на восток. Однако, уже в пути к нему поступают тревожные вести из Италии. Начинается его война с Октавианом. Оставив Артавазду небольшое войско и передав ему часть территории Армении Антоний покидает Артавазда. Артавазд остается один на один с союзными войсками Парфии и Армении. Благодаря помощи римских войск, Артавазд в первое время успешно противостоит союзникам. В дальнейшем, когда Антоний отзывает свои войска для войны с Октавианом, Артавазд терпит поражение в войне с парфянами и попадает в плен. Вскоре, однако, ему удается бежать и уже в 31 году д. н. эры, как сообщает Плутарх, царь Атропатены смог прислать на помощь Антонию в его битве при Акции с Октавианом вспомогательные отряды. Битва заканчивается полной победой Октавиана. Его флот полностью уничтожает флот Антония и Клеопатры.

В безвыходном положении, Клеопатра казнит царя Армении, и голову его посылает Артавазду в Атропатену в надежде на помощь Атропатены в борьбе с Октавианом. События развиваются, однако, несколько по другому сценарию. Антоний и Клеопатра терпят полное поражение в битве с Гаем Цезарем Октавианом, будущим властителем Римской Империи. Август Октавиан, учитывая, очевидно, заслуги Артавазда Атропатского перед Римом и желая как-то нейтрализовать парфян выступает его покровителем. Он отдает ему во владение Армению и возвращает Иотану, невесту Александра.

Сбылась мечта Артавазда - он становится властителем двух царств Атропатены и Армении. Длится это, однако, не долго. Уже в 20 году д. н.э. к власти в Атропатене приходит его сын Ариобарзан II.

Ариобарзан свыше 10 лет жил в Риме, имел хорошее римское воспитание, и был очень дружелюбно настроен к Риму. Поэтому не удивительно, что римляне вручают ему и трон Армении. [27-28]

После смерти Ариобарзана Август на этот престол сажает его сына Артавазда. В честь этого Артавазда в Риме была выпущена серебряная монета с изображением Августа и надписью на обороте «Царь великий Артавазд».

А. Г. Бокщанин. Парфия и Рим. Часть II. Москва - 1966. М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. Москва - 1961; Играр Алиев. Очерк истории Атропатены. Баку - 1989. Абдулла Фазили. Атропатена ер.эв. IV ер. VII эсри. «Елм». Баку - 1992. [28-29]

ДЖЕВАНШИР

В IV веке до новой эры, а может быть и раньше, на территории современной республики Азербайджан появляется государство Албания, или, как ее сейчас называют, Кавказская Албания.

Албания активно участвует в событиях, происходящих на Кавказе и в Передней Азии. О ней много пишут античные авторы. В VII в. нашей эры Кавказская Албания переживает трудные для нее годы. С юга наступает Сасанидский Иран, пытающийся восстановить зороастризм в принявшей христианство Албании, с Запада Византия стремится взять под свой контроль албанскую церковь, с севера рвутся в Албанию тюрки-хазары, с юга наступают арабы, несущие новое и всепобеждающее учение пророка Мухаммеда.

В последних схватках с арабами на стороне Сасанидского Ирана выступает молодой албанский принц Джеваншир, сын Вараза Григора Мехранида, правителя феодального владения Гардман, расположенного первоначально в побережье реки одноименного названия.

Гардман был основан неким Мехраном, бежавшим из Ирана. Несмотря на то, что Мехраниды были зороастрийцами, а может быть именно поэтому, им за сравнительно короткий срок удается распространить свое влияние почти на всю Албанию и перенести столицу в Барду. Стабилизации положения мешают продолжающиеся уже много лет ирано-византийские войны. Албания превращается в арену войн между этими государствами. [29-30]

В 623 году на территорию Албании вторгаются войска византийского императора Ираклия, а затем и войска его союзника хазарского кагана. Византийцы и хазары захватывают Нахичевань, Гянджу, Тифлис и другие города Кавказа. В Газаке они уничтожают знаменитый храм огнепоклонников. Хазары, укрепившись в Албании, своим административным центром делают Кабалу. После разгрома многие из них хазар остаются в Албании.

В 628 году между Ираном и Византией заключается мирный договор, согласно которому Армения переходит под власть Византии, Грузия получает независимость, а Албания остается в зависимости от сасанидского Ирана. Император Ираклий со своим войском приходит в область Гардман, крестит Вараза Григора и всячески способствует строительству церквей по всей стране. Грузинские хроники сообщают, что император Ираклий крестил не только Вараза Григора, но и «весь его народ». Вараз Григор первым из Мехранидов получает титул князя всей Албании.

Ослабленный войнами с Византией, Иран с большим трудом сдерживает натиск арабов. В битвах с арабами участвуют и албанские войска, возглавляемые, как уже говорилось, сыном Вараза Григора Джеванширом. Албанский историк Моисей Каланкатуйский сообщает, что Джеваншир семь лет со своим отрядом участвует в этих войнах против арабов и показывает себя храбрым воином и талантливым военачальником. В 636 году происходит очень важная для арабов битва между персами и арабами у древней столицы Сасанидов - Медине. Вместе с 80-тысячной армией из Атропатены, под командованием сасанидского военачальника Рустама в сражении участвует и Джеваншир со своим отрядом. Персидская армия терпит поражение, а отряд Джеваншира отходит в Атропатену.

Исторические хроники описывают несколько ярких побед дружины Джеваншира и после этой битвы. Шахиншах Ирана Иездигерд, особо выделяя заслуги Джеваншира, «дал ему знамя и громкие трубы, два золотых дротика и золоченых щита, которые всегда носили перед ним. Он почитал его выше всех. Опоясал его золотым поясом, унизанным жемчугом, и мечом с золотой рукояткой, дал ему браслеты на руки и надел ему на голову прекрасный венец. Он дал ему также подвязки, осыпанные жемчугом, и много ниток жемчуга повесил на его шею.» Приняв участие еще в нескольких сражениях Джеваншир понимает, что дни Сасанидской державы сочтены и в том же году возвращается на родину. Как пишет албанский историк, «в продолжении семи лет храбрый Джеваншир воевал в этих тягостных войнах. Получив 11 тяжелых ран, он простился с ними» и «вспомнив о самодержавии прежних албанских царей,... он задумал никому не подчинять своей участи». [30-31]

Когда в 639 году остатки разбитых арабами сасанидских войск вторгаются в страну, Джеваншир в союзе с грузинами и владетелем области Сюник (Зангезур) ведет с ними затяжную войну. Историки отмечают проявленное им в этих сражениях мужество: «он лично поразил известного Гегмази, предводителя армии. Сам он и войско его с мечами в руках производили в них (персах) страшную свалку. Взяв у них много пленных, лошадей, мулов и много добычи, они возвратились. В горах они столкнулись еще раз и в этот день победа удалась ему.» Персы хитростью захватывают в плен родных Джеваншира и вновь вторгаются в пределы Албании. В конце концов Джеванширу удается

окончательно разбить персов. После этого Джеваншир женится на дочери сюникского князя. Однако, долго Джеванширу поддержать самостоятельность Албании не удастся.

В 654 году арабы под командованием Салмана ибн-Рабия, полководца халифа Османа, вторгаются в Албанию и некоторые их отряды доходят даже до Кабалы, Шаки и Дербента. За Дербентом путь им преграждают хазары. Когда арабы выходят за пределы Дербента, население города запирает за ними ворота, а «хазарский хакан встретил их со своей конницей», и четыре тысячи арабов оказываются перебитыми.

Как пишет видный специалист по истории Албании Камилла Тревер: «Арабы, видимо, были особенно заинтересованы в подчинении себе Албании, учитывая ее стратегическое положение между хазарами на севере и Атропатеной (которая все еще не была окончательно подчинена) на юге, торговые пути на ее территории, ведущие из Передней Азии на Северный Кавказ, на Волгу и в южнорусские степи, ее природные богатства, богатые металлами недра и пр.»

При халифе Али междоусобицы сильно ослабляют халифат, и Джеваншир, воспользовавшись этим, перестает платить ему дань. Независимости Албании теперь непосредственно угрожают хазары и византийцы. Джеваншир вынужден искать пути сближения с Византией. Он обменивается с византийским императором Константином II письмами и несколько раз с ним встречается. Джеваншир предлагает Константину II принять албанский народ под свое покровительство и византийский император с большой радостью принимает это предложение. Он шлет Джеванширу от византийского двора драгоценные дары, называя Джаваншира властителем Гардмана и князем Албании. Как пишет албанский историк: «Он послал ему в дар великолепные подарки - серебряные престолы с вырезанными позолоченными спинками, златотканые одежды, жемчугом осыпанный меч со своей поясицы... Он отдал ему из рода в род все села и пределы агванских царей.» Политика сближения с [31-32] Византией в это время, очевидно, была оправдана. Границы ее, как пишет Калантакуйский, теперь простираются от «пределов Иберии до ворот хонов и до реки Аракса».

Через два года после заключения договора с Византией Албания подвергается нашествию хазар. Хазары доходят до Куры, где объединенные войска албан наносят им поражение и заставляют их уйти за пределы Албании. Через несколько лет хазары внезапно повторяют свой набег и на этот раз доходят до Аракса. Джеваншир вынужден идти на переговоры с хазарами. На берегу Куры происходит его встреча с хазарским правителем. Встреча завершается заключением мирного договора, по которому хазары возвращают пленных, а Джеваншир берет в жены дочь хазарского хакана.

Ослабление Византии в борьбе с арабами позволяет Джеванширу выйти из под ее зависимости и, как пишет албанский историк, «подчиниться игу властителя Юга».

В 667 году он отправляется на переговоры в столицу халифата. Халиф встречает его с торжественностью, соответствующей его рангу и официально признает его князем Албании. Дипломатический талант Джеваншира и его личные качества позволяют наладить с халифом дружеские отношения. Через три года после этого Джеваншир получает приглашение от халифа приехать в Дамаск, на этот раз в качестве посредника в его переговорах с императором Византии. Джаваншир блестяще справляется с обязанностями посредника. Обе договаривающиеся стороны удовлетворены результатами переговоров. После этого халиф соглашается с предложением Джеваншира снизить подати, которые были наложены на Албанию, на одну треть. Халиф подчиняет Джеванширу княжество Сюник и просит принять в управление Атропатену. От последнего предложения Джеваншир отказывается. Домой Джеваншир возвращается с дорогими и диковинными дарами. Вместе с общепринятыми тогда подарками, такими как дворцовое оружие и дорогие одежды, Джеваншир увозит домой слона и заморских говорящих попугаев.

Сближение Джеваншира с мусульманским халифатом стало поворотным пунктом в истории Азербайджана, в процессе исламизации страны. Может быть этот шаг и послужил причиной организации заговора прохристиански настроенных феодалов против своего властителя.

Джеваншир умирает в 669 г. от тяжелых ран, нанесенных ему одним из участников этого заговора.

Джеваншир вошел в историю Азербайджана как выдающийся полководец и мудрый государственный деятель, который в очень тяжелое для страны время смог восстановить и сохранить независимость страны, и как талантливый дипломат, [32-33] умеющий мирным путем разрешать проблемы, возникающие в его взаимоотношениях с арабами, византийцами и хазарами.

Джеваншир много сделал для развития материальной и духовной культуры Албании, чему в большой степени способствовали его связи с Халифатом и Византией. При нем жил и работал выдающийся албанский историк Моисей Каланкатуйский. Очевидно, по указанию Джеваншира им была написана «История Албании», в которой, кроме трудов предшествовавших ему историков, были использованы материалы дворцовых архивов, предоставленные в его распоряжение. Здесь, например, приводятся письма Вачагана к епископам, письмо Джеваншира к византийскому императору

Константину, письмо Константина к Джеванширу и др. Приводится также элегия придворного поэта Давтака на смерть Джеваншира, в которой он оплакивает своего покровителя и проклиная убийц. В заключении поэмы он пишет: Он был нам светильником истинного мира, был кормчим - укротителем бурных волн, - храбрый Джеваншир, рассеивавший сонмы врагов!». Каланкатуйский пишет, что Джеваншир построил в Барде и в других городах много дворцов и храмов.

Вскоре после смерти Джеваншира Албания покоряется арабами и народы ее низменной части принимают мусульманство. Исламизация горных районов несколько затягивается, а население нагорной части Карабаха, сохранившее христианство до настоящего времени, приняв со временем армянский язык за язык церкви частично арменизируется.

К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. Москва-Ленинград - 1959; Вопросы истории Кавказкой Албании. Баку -1962; Зия Буниятов. Азербайджан в VII-IX вв. Баку - 1965; Р. Б. Геюшев. Христианство в Кавказской Албании. «Элм». Баку - 1984. [33-34]

МУСА ибн БАШШАР ШАХАВАТ

К VII-IX векам ислам распространяется на огромной территории от Испании до Северо-Западной Индии. В распространении ислама, создании государственных образований и так называемой «мусульманской культуры» участвовали в основном, арабский, тюркский и персидский народы. В первые века распространения ислама основным языком во всех мусульманских странах был арабский. В развитии этого языка и литературы на этом языке активно участвуют персы и тюрки. Появляется целая плеяда поэтов из Азербайджана, пишущих на арабском языке. Их называют «мавали». Ибн Кутейб ад-Динавари в известной книге «Аш-Шир ва-ш-шуара», ссылаясь на Абу-л-Йазгана, пишет: «В Медине среди мавалиев нет такого поэта, который не был бы родом из Азербайджана. Потом он приводит имена Исмаила ибн Йасара, его брата Мусы Шахавата и Абу-л Аббаса». Со временем арабский язык уступает ведущее место другим языкам, а сам остается до сих пор языком духовной культуры.

Фарсидским и тюркским языкам пришлось вести тяжелую борьбу за свое место под солнцем. Особенно в тяжелом положении оказались тюркские языки. Им приходилось выдерживать конкуренцию таких высокоразвитых языков, как персидский и арабский, имеющих многовековые письменные традиции. Кроме того, эти языки были языками двух больших религий зороастрийской и мусульманской. [34-35]

Можно предположить, что тюрки еще задолго до принятия мусульманства активно общались с персоязычными племенами поклонялись Ахуре Мазде и, в какой-то степени, владели одним из персидских языков или диалектов. Поэтому, когда язык «парси» («фарси») начинает борьбу с арабским языком, тюрки отдают предпочтение первому. В Средней Азии и Азербайджане появляются выдающиеся персоязычные поэтические школы. Почти одновременно с этим зарождается тюркоязычная литература, ни в чем не уступающая арабской и персидской. Почти на всей территории от Багдада до Дели тюркские языки вплоть до XVII-XIX веков становятся разговорными языками знати и уставными языками военных. Однако еще долго азербайджанские ученые и поэты одновременно с тюркским языком используют в своих трудах арабский и персидский языки.

Одним из самых выдающихся арабоязычных азербайджанских поэтов конца VII и начала VIII веков был Муса Шахават. Отца его звали Башшар. О псевдониме поэта есть несколько мнений. В переводе с арабского Шахават означает «жадный», и в то же время это слово переводится, как «сладости». Согласно одной версии, Муса перепродавал сладости. По другой он был очень жадным и, видя у кого-либо что-либо ценное, будь то продукт питания, одежда, или даже породистый конь, начинал слезливо просить подарить этот предмет ему. Согласно историческим хроникам, однако, известно, что Муса часто ездил на родину в Азербайджан, откуда привозил для продажи сахар и кондитерские изделия. Наиболее вероятно, что именно в связи с этим он получил псевдоним «Шахават».

Кунья Мусы Шахавата была абу-Мухаммед. Таким образом, полностью фамилию поэта мы должны писать как абу Мухаммед Муса ибн Башшар Шахават. К большому сожалению «Диван» стихов Мусы Шахавата до сих пор не обнаружен. Все из немногих известных стихов поэта взяты из сборников тазкиристов разных веков. Очевидно, поэтому большинство из них носят панегирический характер. Однако, не смотря на это, скудные биографические сведения о Мусе Шахавате взяты, в основном, из этих стихов.

Одним из самых популярных стихов Шахавата был панегирик в честь эмира Сайда ибн Халида ибн Абдуллаха ибн Халида ибн Асида.

Муса Шахават влюбляется в невольницу. Он решает на ней жениться, но хозяин девушки в качестве выкупа требует десять тысяч дирхемов. Ему с друзьями удается собрать четыре тысячи дирхемов. За оставшимися шестью тысячами он обращается к близкому другу Сайду ибн Халиду ал-Османийя и получает отказ. Тогда Муса обращается с той же просьбой к его двоюродному брату Сайду ибн Халиду ибн Абдуллаху ибн Халиду ибн Асиду. Сайд ибн Халид ибн Абдуллах дает Мусе 6 тысяч дирхемов в долг и дарит еще [35-36] две тысячи на свадебные расходы. После этого, как пишет известный исследователь творчества Мусы Шахавата Малик Махмудов, поэт пишет панегирик, принесший ему известность остролова и поэта. Используя тот факт, что у упомянутых двоюродных братьев имена и отчества совпадали, Муса Шахават строит стих так, что из панегирика одному из кузенов следовала сатира на другого. Разгневанный на сатиру Саид ибн Халид ал-Османи жалуется халифу Сулейману ибн Абд ал-Малику. Приглашенный к халифу Муса спокойно объясняет свой стих

следующим образом: «Так как у них имена и отчества одинаковы, я решил во избежание путаницы отметить их именами матерей, а то, что я не написал панегирик двоюродному брату (Саид ал-Османи), его разозлило». Халифу очень нравится остроумный ответ Мусы и он его отпускает.

Другим получившим широкую известность произведением Мусы Шахавата становится хвалебная ода, посвященная Хамзе ибн Абдуллаху. Оду эту на одном из торжественных приемов, по просьбе Мусы Шахавата, поет Хамзе, известный в то время певец Мобед. Награду в 400 динаров певец делит с поэтом. Песня эта впоследствии вошла в сборник, включающий 100 лучших песен того времени. Рассказывают, что когда до Мобеда дошла весть о взятии Гутейбом ибн Муслимом пяти городов в Средней Азии, он воскликнул, что «мои пять песен стоят больше, чем пять городов, взятых Гутейбом ибн Муслимом». Среди этих пяти песен была и ода Мусы Шахавата. Из другого стиха поэта видно, что после 712 года он женится вторично на дочери одного из мавлана, некой Хамиде.

Ряд стихов Мусы Шахавата появляется в ответ на несправедливости, чинимые правительственными чиновниками и богословами.

Малик Махмудов пишет, что стихи Мусы Шахавата становятся настолько популярными, что их цитируют и в народе и при дворе. Отдельные выражения и отрывки стихотворений приобретают характер афоризмов, пословиц и поговорок.

Малик Махмудов. Əрəбчə јазмыш Азəрбајчанлы шаир вə əдиблэр. VII-XII əсрлэр. «Елм», Баки - 1983. [36-37]

БАБЕК АЛ-ХУРРАМИ

За много веков до появления ислама Азербайджан становится крупным центром зороастризма. Здесь находятся самые почитаемые зороастрийские храмы, здесь живут маги - зороастрийские жрецы. Поэтому неудивительно, что, когда в Азербайджане в начале IX века поднялось крестьянское восстание, под руководством простого крестьянина Бабека, превратившегося впоследствии в народного вождя и великого полководца, лозунгом своим восставшие принимают борьбу с исламом и восстановление древних верований.

Точных сведений о годе рождения Бабека ал-Хуррами нет, но из косвенных указаний большинство исследователей считают, что родился он в 798-800 году. Отца его зовут Абдалла. Это чисто арабское имя указывает на то, что он был мусульманином. Однако, не исключено, что он только внешне принимает ислам, как это делают многие представители покоренных арабами народов ради освобождения от подушной подати. Отец Бабека живет в Азербайджане и торгует растительным маслом в разнос. С матерью Бабека он знакомится в селе Билалабад, куда он попадает с бурдюком масла за спиной. После женитьбы Абдулла продолжает торговать, маслом бродя по всему Азербайджану. Однажды, недалеко от Ардебилля он подвергается нападению разбойников, получает тяжелое ранение и, вернувшись домой, умирает. [37-38]

Вдова остается с двумя детьми-Хасаном и Абдаллой. Старший сын Хасан впоследствии принимает имя - Бабек. Чтобы как-то поддержать семью мать Бабека поступает в няньки к детям в зажиточный дом. Когда Бабеку исполняется десять лет, он нанимается пастухом, чтобы как-то помочь матери. Об этом периоде жизни историк Мухаммед ибн Исхак передает такую легенду: «Однажды Бабек долго не возвращался домой, и мать, встревоженная его отсутствием, пошла его искать. После долгих поисков она нашла его среди стада коров, которых он пас; он спал под деревом, совершенно голый. Дело было в полдень. Взглянув на сына, она увидела, что под каждым его волосом выступала кровь. Когда она его разбудила и он встал, кровь начала менять цвет и стала невидимой. Тут она поняла, что ее сын призван к великим делам и что пролито будет много крови в его жизни».

Через несколько лет Бабек становится погонщиком верблюдов. С караванами он обходит весь Азербайджан вдоль и поперек. В дальнейшем глубокое знание географии этого края не раз выручает Бабека в его борьбе с регулярными войсками арабов. На этой работе Бабек тоже долго не задерживается. Бросив работу погонщика верблюдов, он отправляется в Тебриз. Там Бабек знакомится с учением хуррамитов, впервые на практике сталкивается с неприемлемой для него политикой исламизации страны арабами. В восемнадцать лет Бабек покидает Тебриз и возвращается к матери в Билалабад. Этот шаг сыграл очень важную роль в жизни Бабека. Здесь в его жизни происходит событие, в результате которого маленький погонщик верблюдов Хасан, в конце-концов превращается в великого полководца под именем Бабек.

Случилось это так. Недалеко от Билалабада на неприступной горе в крепости Базз жил богатый владетель области, хурремит по имени Джавидан ибн Сухрак. Он возглавляет местную хурремитскую организацию. Вражда с соседним феодалом по имени Абу Имран - тоже хурремитом, вынуждает Джавидана быть в постоянной боевой готовности. Однажды, зимой, распродав в Зинджане скот, Джавидан возвращается в крепость. В дороге его застает снежная буря. В поисках убежища его отряд оказывается в Билалабаде и на ночлег попадает в дом матери Бабека. Джавидан поражен встречей с Бабеком. Он никак не ожидал встретить в этом бедном крестьянском доме захолустного села такого не по летам развитого и толкового юношу. Без долгих колебаний он приглашает Бабека к себе в отряд. Бабек отказывается, ссылаясь на одиночество матери. Тогда Джавидан обращается к матери с просьбой отпустить сына к нему в управляющие, обещая потерю помощника компенсировать [38-39] пятью, десятью дирхемами в месяц. Мать дает согласие и на следующий день отряд Джавидана въезжает в крепость Базз, пополнившись еще одним бойцом.

Хотя название крепости Базз вошло в историю вместе с именем Бабека, местонахождение ее до сих пор вызывает споры ученых. Версия, приводимая академиком Буниатовым, в настоящее время является наиболее убедительной. Он располагает крепость Базз восточнее Ордубада между реками Аракс с севера и Ахар с Юга, в области Карадаг.

За короткое время работы управляющим поместьями Бабек сумел завоевать уважение и симпатии не только соратников Джавидана, но и его супруги. Так, что когда Джавидан погибает в очередной стычке с Абу Имраном, жена, собрав всех воинов, у тела покойного, объявляет его предсмертную волю: «Передай моим товарищам, - я знаю, что сегодня ночью должен умереть, - что

душа моя перейдет из моего тела в тело Бабека, сольется с его душой и он с вашей помощью достигнет такого могущества, которого еще никто из нас не достигал, истребит сильных мира сего, восстановит учение Маздака; презренный среди вас достигнет почета и униженные возвысятся». Арабский писатель Мухаммед ибн Исхак так описывает происходящее: Воины спросили у жены: «Почему же он сам не сказал нам этого перед смертью?» Она ответила: «Вы разбрелись по вашим селениям, и если б он разослал гонцов, чтоб созвать вас, то арабы узнали бы об этом и воспользовались его беспомощным состоянием. Поэтому он обязал меня созвать вас, чтобы вы выслушали его завещание и выполнили его». «Говори, - сказали крестьяне, - мы ему повиновались, когда он, был жив и не пойдем против воли умершего». Вдова сказала: «Вот его последние слова: - Я должен умереть этой ночью, душа моя перейдет в тело этого юноши, моего слуги (и он указал на Бабека). Я решил передать ему власть над моими соратниками и, как только умру, сообщи им. Проклят тот, кто будет против этого и чья воля будет противоречить моей». «Мы согласны», - ответили они. Тогда она приказала им привести быка, зарезать его, содрать с него шкуру, разостлать ее, поставить на ней кубок с вином, а вокруг него положить ломти хлеба. Затем она стала вызывать всех одного за другим, говоря: «Поставь ноги на кожу, возьми ломоть хлеба, обмакни его в вино, съешь его и скажи: «Верю в тебя, дух Бабека, как верил раньше в дух Джавидана». Затем возьми руку Бабека, нагнись и поцелуй ее». Так сделали все присутствовавшие. После этого начался пир. Трижды все выпили, а вдова Джавидана взяла связку благовонных трав и передала ее Бабеку. Так прошел их свадебный обряд. Произошло это в 816 году. Став приемником Джавидана, Бабек возглавляет общину хуррамитов в Баззе и восстанавливает свое мусульманское имя Бабек. [39-40]

Задолго до Бабека хурремиты начали борьбу с арабами и насильственной исламизацией. При Джавидане Азербайджан становится центром этой борьбы, а Базз хуррамитской столицей.

Религия хурремитов, основываясь на догмах маздакизма и зороастризма, проповедовала существование извечной борьбы двух начал, светлого и темного, добра и зла. Как пишет академик Буниатов «Бабек всю жизнь боролся против халифата и пытался восстановить существовавшие в Азербайджане доисламские порядки и законы, связанные в той или иной степени с зороастризмом и маздакизмом». О хурремитах мусульманские хроникеры пишут все плохое, что могло бы опорочить правовежного мусульманина. У хурремитов, они с одной стороны находят кровосмесительные браки, как у древних зороастрийцев, с другой стороны отсутствие семьи и общность жен. Время хурремиты, якобы, проводят в вечном веселье, попойках, плясках и пении под звуки веселой музыки. Абу-Музаффар Исфахани пишет: «Бабекиты обоего пола собираются в одну из ночей года на той горе для совершения всяких порочных дел, с музыкой и вином. Затем гасят светильники и идет каждый из них к одной из женщин, которая достается ему по жребию». По этому поводу академик Буниатов замечает, что: «считать хурремитов, в течении двадцати с лишним лет ведших суровую и мужественную освободительную борьбу против халифата, какой-то развеселой толпой, людьми «веселой и разгульной жизни», нельзя».

Возглавив хурремитскую общину, Бабек приступает к решительным действиям. Перед хурремитами он ставит задачу изгнания арабов, уничтожения ислама и восстановления религии предков. По условленному сигналу сторонники Бабека вырезают в окрестностях Баззы всех арабов и их сторонников. После этого восстание распространяется на соседние области. Вскоре, почти весь Азербайджан оказывается в руках хурремитов. Отсюда восстание перекидывается на север в Арран и на юго-восток в Джабиль и Хорасан. Бабек везде действует по одному сценарию. Все захваченные укрепления сносятся, а гарнизон и арабское население вместе с сочувствующими им, жестоко вырезаются. Истребляются и местные феодалы, выступающие против Бабека. В результате Бабеком за двадцать лет было казнено свыше 200 тысяч человек и около 10 тысяч взято в плен.

Быстрый успех Бабека, в какой-то степени, объясняется благоприятным стечением обстоятельств. Дело в том, что, согласно воле халифа Харуна ар Рашида, после его смерти на престол возводится его сын от главной жены Зибейды - Эмин. Восточные же провинции Халифата отдаются другому его сыну Мамуну, мать которого была персианкой. С первых дней правления между братьями вспыхивает ожесточенная борьба, победителем в которой выходит Мамун. На [40-41] этом, однако выступления сторонников Эмина, недовольных проиранской политикой Мамуна, не кончаются. В конце концов Мамун резко меняет политический курс с учетом интересов арабов и переносит в 819 году столицу из Хорасана в Багдад и только после этого получает возможность заняться внутренними делами Халифата.

Для борьбы с Бабеком Мамун посылает регулярные войска. Однако, дело зашло слишком далеко и справиться с Бабеком не так просто. Пять раз Мамун посылает против Бабека свои лучшие войска и пять раз его военачальники терпят сокрушительные поражения. Одного за другим Мамун меняет главнокомандующих и набирает новые армии, но все безрезультатно. Бабек непобедим. Первым войском, которое послал Мамун против Бабека, командовал Йахья ибн Муза ибн Муслим. Первое

сражение, состоявшееся в 819 году, и последующие под командованием Йахьи ибн Муазы не привели к существенным победам не одну из сторон. В 820 году Мамун на его место назначает известного военачальника Ису ибн Мухаммеда ибн Абу Хамеда и делает его одновременно правителем Армении и Азербайджана. Новый командующий двигается по ущелью в сторону Баззы. Бабек встречает его в пути и разбивает наголову. Современники рассказывают, что один остроумный солдат спросил бегущего без оглядки Ису: «Куда это ты, о Абу Муса». Он ответил: «Нет нам в войне с ними удачи, мы можем устрашать только мусульман». Неудача ждет и следующего командующего - Зурайка ибн Али ибн Садака ал-Азди.

В эти годы впервые проявляется полководческий гений Бабека. Имея малочисленные и плохо обученные войска Бабек, используя знание местности и применяя новые тактические приемы и военные хитрости, легко выходит победителем в борьбе с самоуверенными военачальниками, еще не осознавшими серьезности движения хурремитов и таланта их предводителя. Оценив, наконец, серьезность сложившегося положения, Мамун собирает большое войско, во главе которого ставит опытного полководца, Мухаммеда ибн Хумайда ат-Туси и опять одновременно назначает его правителем Армении и Азербайджана. Под давлением превосходящих сил арабов Бабек отступает к крепости Бааз. В ожидании близкой победы войска Хумайда располагаются в долине у этой крепости. Перед тем, как начать бой 3 июня 829 года Бабек прячет за одной из окрестных гор отряд, состоящий из отборных воинов, а сам располагается на скале у входа в долину, откуда видно все поле битвы. Войска Бабека выходят из крепости в долину и завязывается ожесточенная битва. Неизвестно, кто бы вышел из нее победителем, если бы не резерв Бабека. Судьба сражения решается, когда в разгар сражения в тыл арабов врывается [41-42] из засады отряд хурремитов. Разгром был полный. Армия обращается в бегство, а сам Мухаммед ибн Хумайда гибнет.

Багдад был потрясен случившимся. Погиб талантливый полководец, разбита 150 тысячная армия, гинет свыше 30 тысяч человек. Давно арабская армия не терпела такого поражения. Уже на следующий год новый командующий арабскими войсками Ибрахим ал-Лайс ибн ал-Фадл тоже терпит поражение. Мамун решает собрать новую армию, но война с Византией отвлекает его от борьбы с Бабеком. Бабек может теперь спокойно закреплять свои завоевания и заниматься внутренними делами.

Восстание хурремитов перекидывается в Исфаган, Фарс и Кухистан. Назревают события в Хорасане. В Базз Бабеком завозится огромная добыча, доставшаяся при взятии крепостей и замков и разгроме арабских армий. Здесь царят доарабские порядки. Женщины имеют равные с мужчинами права, ходят с открытыми лицами, не прячутся в гаремах, могут свободно находиться в обществе мужчин и выходить замуж по своей воле. По ночам в Базе слышатся звуки музыки и пения. Веселье не кончается здесь даже в тяжелые для хурремитов дни.

В этот спокойный для Бабека период времени наверное изменяется характер Бабека. Он начинает проявлять высокомерие к своему окружению и, что самое страшное, пренебрежительно относиться к силе арабского оружия, отказываться от так много давшей ему тактике партизанской войны. Как уже говорилось, первой женой Бабека была супруга Джавидана. Затем, согласно историческим хроникам, он женится на дочери Сюникского князя Васака. Согласно дошедшим до нас легендам у него были и другие (другая) жены. Так, среди женщин, вывезенных из Баззы были, якобы, жены и дети Бабека. Одни рукописи упоминают о 7 сыновьях и 3 дочерях, другие пишут о 17 сыновьях и 23 дочерях. Пишут об его двух братьях. Одного зовут Абдуллах, другого Муавийа.

В 833 году халиф ал-Мамун умирает, назначив наследником престола своего брата ал-Мутасима. В завещании, оставленном брату, Мамун пишет: «Что касается хурремитов, то пошли на войну против них человека решительного и жестокого, терпеливо помогай ему деньгами, оружием и войсками-конными и пешими. Если же продлится их время, то отправляйся против них сам вместе со своими приверженцами и близкими.»

Сразу после прихода к власти Мутасим приступил к реорганизации армии. Он организует наемное войско, в основном состоящее из тюрок. Кстати, тюрки были и в армии Бабека. Таким тюрком, например, был один из самых способных [42-42] военачальников Бабека - Тархан. Великолепные воины, привыкшие к суровому образу жизни, тюрки сыграют основную роль в деле победы Мутасима над Бабеком.

Столицу со своим тюркским окружением Мутасим переводит из Багдада в Самарру. Произведя новый набор войск и включив в это войско новые тюркские подразделения, Мутасим дает бой Бабеку у Хамадана. Бабек изменяет своим традиционным партизанским методам ведения войны и принимает бой в открытом поле. Арабское войско возглавляет правитель ал-Джибали Исхак ибн-Ибрахим ибн Мусаб. Естественно, плохо обученное крестьянское войско Бабека, не имеющее конницы, терпит в таком бою сокрушительное поражение. Гибнет около пятидесяти тысяч крестьян. Остальные спасаются бегством. Многие бегут в пределы Римской империи. Бабек тоже спасается бегством и достигнув Баззы начинает набирать новые войска.

Разгром под Хамаданом сильно подрывает авторитет Бабека. Многие крестьяне, теряют после этого веру в его божественное происхождение и начинают расходиться по домам. Мутасим приказывает одному из своих эмиров Абу Сайду Мухаммеду окружить пристанище Бабека, закрыть все проходы и проезды, блокировать подвоз провианта и оружия, восстановить укрепленные пункты, в свое время разрушенные Бабеком. Несколько отрядов высланных Бабеком за припасами были наголову разбиты войсками Абу Сайда. Далее для завершения компании халиф объявляет новый набор войск и командование поручает одному из самых талантливых и энергичных полководцев Гайдару ибн Каусу эль Афшину. Ему же отдаются в управление Азербайджан, Армения, Арран, Мукан и Джебаль. Афшин по происхождению был знатным иранцем и официально исповедовал ислам. Однако, как показали дальнейшие события, в действительности он придерживался зороастрийских верований своих предков и мечтал избавить Иран от власти арабов. Учитывая опыт предыдущих походов правительственных армий, Афшин с самого начала выбрал правильную тактику - тактику медленного затягивания петли вокруг Базза, хотя многие средневековые и современные историки медлительность его объясняют желанием выиграть время для вступления в борьбу с Халифом с участием Византии или, даже Бабека.

Весной 836 года Афшин вступает в Азербайджан. Двигаясь по горным, труднодоступным тропам, он, наконец достигает входа в ущелье, ведущее к Баззу. Наученный поражением под Хамаданом Бабек не решается на сражение в открытом поле и отсиживается в крепости, довольствуясь редкими вылазками. Афшин, тоже не веря в возможность успешного штурма непреступной крепости выжидает, надеясь каким-либо путем выманить Бабека из крепости. Однажды, сделав вид, что армия отходит, Афшину удалось выманить отряд хуррамитов из крепости и с легкостью его разбить. [43-44] В результате, вернувшись в крепость, Бабек недосчитывает тысячи воинов. В другой раз один из видных арабских полководцев Буга ал-Кабира, вопреки воле Афшина, решает сам сразиться с Бабеком. В первой же стычке удача сопутствует Бабеку. Это не останавливает самоуверенного Буга и он продолжает движение по ущелью в поисках встречи с Бабеком. Однажды, после бесплодных горных переходов в поисках Бабека, Буга дает приказ найти место для ночлега. На одной горе несколько тысяч человек разместить не удастся и воины разделяются на две группы, которые располагаются на ночлег на двух соседних горах. Бабек усыпляет их бдительность. Его отряд не показывается до тех пор, пока утомленные воины Буга, под утро, не уснут. Тут воины Бабека нападают на них с двух сторон. Большинство полусонных воинов Буга убиты. Многие из них в отчаянии бросаются со скал в пропасть. Брат Афшина ранен, а Буга успевает добежать до подножья горы, где его ждет лошадь.

К концу зимы Мутасим посылает Афшину в подкрепление корпус в девять тысяч тюркских воинов, под начальством тюрков Итаха и Джафара ибн Динара. Положение Бабека сильно ухудшается. Он пишет императору Римской империи Феофилу: «Царь арабов послал против меня всех, кого имел, даже всех, которые живут во дворце. Если нападешь сейчас на его страну, никто тебя не остановит». Получив письмо, Феофил начинает военные действия против Халифата. Однако, Мутасим, несмотря на временные неудачи в войне с Византией, не отзывал ни одного воина из Азербайджана. После же успешного окончания войны, в письме, потребовал от Афшина завершения порученного ему дела: «Аллах заставил людей Рума бежать при появлении войска правоверных. Опасность миновала. Ты же энергичней займись Бабеком и старайся скорее покончить дело». Афшин тут же решает вернуться в свой прежний лагерь у крепости Базз.

Бабек посылает одного из самых опытных своих военачальников Адсина с десятитысячным отрядом преградить Афшину дорогу. Адсин недооценивает противника и, потерпев полное поражение возвращается в Базз. На пути к Баззу Бабек еще раз пытается задержать Афшина и опять терпит неудачу. Подойдя к крепости, Афшин располагает войско на трех близких друг к другу вершинах. Лагерь укрепляет каменными стенами в расчете на длительную - осаду крепости.

Крепость продолжает жить прежней жизнью, соблюдая традиции хурремитов. Опять из крепости доносятся звуки музыки и пения. Веселье продолжается до глубокой ночи. По ночам отряды хурремитов делают вылазки. Некоторые из этих вылазок заканчиваются для Бабека неудачно. Однако, штурм крепости, предпринятый Джафаром ибн Динаром со [44-45] своим отрядом, успешно отражен хурремитами, у Бабека опять появляется надежда на успех. Он решается на очень смелый шаг. В случае удачного осуществления этой операции войско Афшина должно было быть полностью уничтожено. Перед очередным штурмом крепости Афшином Бабек почти всех бывших в крепости воинов во главе с Адсином посылает на ближайшую к крепости гору, где они прячутся в лесу. Афшин через своих лазутчиков узнает об этой хитрости и ночью приказывает своим отрядам с трех сторон подойти к лесу, в котором прячется отряд Адсина, а отряду Джафара приказывает идти на штурм крепости. На следующий день отряд Адсина, несмотря на отчаянное сопротивление, оказывается уничтоженным, а сам Адсин убит.

Бабек наблюдает за сражением из крепости. Он прекрасно понимает, что положение его безнадежно, тем более, что тюркские войска и войска добровольцев уже ворвались в крепость. Желая

как-то выиграть время, Бабек просит «аман» - помилования. Причем, требует бумаги от самого халифа. Афшин дает согласие на «аман» и посылает гонцов в столицу. Бабек тем временем, переодевшись купцом бежит в сторону Аррана, надеясь оттуда добраться до Византии. Афшин, узнав о бегстве Бабека, 26 августа 837 года вступает в крепость и приказывает снести ее до основания. В крепости находятся несметные богатства. Афшин скрывает от халифа размер добычи и большую ее часть пересылает к себе на родину. В дальнейшем историки будут писать, что «Богатства эти должны были послужить основным фондом для восстановления иранской державы, а на худой конец для создания независимого Мавераннахара, где царем будет Афшин, а правителями провинций его приближенные командиры».

Когда от халифа прибыл «аман», Афшин просит сына Бабека отвезти его отцу. Сын категорически отказывается. Тогда Афшин предлагает «аман» отвезти кому-либо из пленных. Они тоже, как один, отказываются, ссылаясь на знакомство с независимым характером Бабека. На все уговоры Афшина они отвечают: «О, амир! Ни один из нас не согласится стать лицом к лицу с ним, вот с этим... Ты его не знаешь, а мы знаем». И действительно, когда один из пленных в сопровождении одного из воинов Афшина, нагоняет Бабека и передает ему «аман», тот восклицает: «Кто ты, что смеешь приносить мне грамоту от пса» - и выхватив меч отрубает ему голову, а грамоту даже не распечатав прикрепляет ему к груди.

С Бабеком осталось всего пятеро попутчиков, это - брат Абдаллах, мать, жена, главнокомандующий Моавия и слуга. Через горы и леса, по нехожим тропинкам, они пробираются в сторону Византии. После долгих скитаний они, истощенные добираются до владений феодала Сахла ибн Сумбата. Во времена могущества Бабека они дружили и теперь, [45-46] по старой дружбе, Сахль ибн Сумбат приглашает Бабека переждать тревожное время в его замке, заверяет его в своей преданности.

К этому времени Сахль ибн Сумбат уже получил послание от Афшина с обещанием за поимку Бабека награду чуть-ли не в миллион дирхемов и делает все, чтобы не упустить своего шанса. Он шлет гонца к Афшину с извещением о местонахождении Бабека. Афшин, чтобы убедиться в верности сообщения, присылает своего человека, знавшего Бабека в лицо, который под видом повара проникает в жилище Бабека. Для поимки Бабека Афшин посылает к замку Сахля двухтысячный отряд. Сахль просит арестовать Бабека вне замка, чтобы он не догадался, кто его предал. Бабека арестовывают во время охоты, организованной Сахлем. Арестовывают и его брата Абдаллаха. Обоих привозят в ставку Афшина. Сахль получает крупную награду, подарки и освобождается от налогов. Как пишет Томара М.: «С этого времени начала восходить звезда дома Сахля, легендарного выходца из Палестины, давшего затем царей Армении, Абхазии и Грузии - потомков Баграта». Академик Буниатов считает Сахля ибн Сумбата потомком царского албанского рода Зармирх и убедительно опровергает гипотезы об армянском происхождении Сахля ибн Сумбата.

Афшин с пленными движется в сторону столицы. В 30 км от нее Афшина встречает сын Мотасима - Гарун и высшая знать халифского двора. Они награждают Афшина и приступают к исполнению сценария последнего акта трагедии.

Бабека и его брата одевают в царские одежды обшитые жемчугами и драгоценными камнями. Бабека сажают на громадного серого слона, подаренного Мамуну царем Индии, Абдаллаха на великолепную бактрийскую верблюдицу. Слон и верблюдица покрываются дорогой парчой и шелковой материей. На всем пути до Самарры по обе стороны дороги располагаются гражданские и военные конные и пехота, одетые в праздничные одежды, с развернутыми знаменами. Бабек на всем пути, рассматривая этих карнавальных воинов, то и дело повторяет: «Какое горе, что мне не удалось истребить всех этих собак». Процессия, наконец достигает дворца Халифа. Передадим опять слово М. Томара: «Бесчисленные дворцовые постройки, составлявшие сами по себе целый город, были все украшены драгоценными коврами. Во дворе перед дворцом на золотых цепях были прикованы сотни львов. По залам дворца была расставлена личная гвардия халифа в драгоценном вооружении, затем семь тысяч белых рабов и семьсот высших придворных чинов. Стены были обвешаны десятками тысяч позолоченных панцирей и дорогим оружием. Афшин слез с коня перед дворцом. Бабек спустился с своего слона и пленников [46-47] повели вслед за полководцем. Они пошли через знаменитую залу, где посредине мраморного бассейна стояло дерево с восемнадцатью ветками, сделанными целиком из золота; на нем сидели золотые птицы, у которых вместо глаз блестели драгоценные камни. Наконец они вошли в тронный зал, убранный великолепными коврами исключительной редкости и ценности. Мутасим восседал на троне, по правую руку его стоял верховный кади Ахмед ибн Аби Дуад, по левую - главный евнух. Перед ним была разостлана «кожа казней» и стоял палач. Казни совершались по старому обычаю, на этом куске кожи в присутствии халифа. Когда подошел Афшин, халиф посадил его вблизи себя на почетное место. Затем подвели к трону Бабека.»

У Бабека был палач по имени Нуднуд. В столицу Афшин привез его вместе с другими пленными. Ему и поручил Мутасим казнь Бабека и его брата Абдаллаха. С Бабека снимают одежду и раздевают догола. После этого палач отрубает ему правую руку и ударяет этой рукой, несколько раз Бабека по

лицу, то же делает с левой рукой. Затем палач отрубает ему обе ноги. Бабек катается на шкуре в луже крови. Потом ему вспарывают живот и только после этого ему отрубает голову. Туловище Бабека прибивают к кресту и выставляют на окраине Самарры. Это место носило название «Крест Бабека», даже после того, как город был заброшен. Голову Бабека выставили в Багдаде на главном мосту, а затем отправили в Хоросан для устрашения готовых к восстанию жителей. Брат Бабека, Абдалла, был казнен почти по тому же сценарию, на потеху жителей в Багдаде.

Афшин на вершине славы. В его честь пишут стихи лучшие поэты, от халифа он получает двадцать миллионов дирхемов. Сыну Афшина Хасану халиф отдает в жены Утруджу, дочь одного из выдающихся его тюркских полководцев Ашнаса. Невесту к жениху отвел сам халиф в сопровождении всего двора. Возвышение Афшина пугает и халифа и его окружение. Его обвиняют в тайных связях с Бабеком, поклонение идолам и в организации заговора с «целью отобрать империю у арабов и восстановить ее такой, какой она была при Хосрове». Его судят, но казнить боятся, из-за его большой популярности в народе и армии и он умирает «естественной» смертью в тюрьме, от голода.

Крестьянское восстание Бабека охватило огромную территорию, равную территориям современных европейских государств. В течение двадцати лет Бабек, благодаря своему необыкновенному полководческому и организаторскому таланту, руководил огромным крестьянским государством, в котором он пытался сделать людей счастливыми и свободными. [47-48] И каждый раз, когда азербайджанский народ встает на борьбу за независимость и свободу, имя и дела великого предка служат ему путеводной звездой.

Сәид Нәфәси. Бабәк. «Өрнәк», Бақы - 1990, Зия Бунятов. Азербайджан в VII-IX вв. Баку - 1965; М. Томара. Бабек. Москва - 1936. [48-49]

КАТРАН ТЕБРИЗИ

Одним из первых прославившихся на весь Восток поэтов в Азербайджане был Катран Тебризи. Родился Катран в 1010 году недалеко от Тебриза в местечке Шахабад. Полное имя его Абу Мансур Катран Джили Азербайджани. Начальное образование он получил в Шахабаде, затем продолжил учебу в Тебризе.

В то время в Азербайджане одним из авторитетных и развитых государственных феодальных образований было государство Шаддадилов со столицей в Гяндже. Гянджа со времен расцвета арабского халифата становится культурным центром севера мусульманского мира. Здесь действуют университеты, школы, частные и общественные библиотеки, обсерватория и медицинские центры. Отсюда мусульманская культура распространяется в соседние христианские страны. Сюда съезжаются ученые, поэты, архитекторы, ремесленники со многих стран Востока. Сюда же переезжает Катран после окончания учебы. В Гяндже он вскоре оказывается приглашенным ко двору Шаддадилов, где быстро завоевывает большой авторитет. Правителем страны в то время был Абдулгасан Лашкари и, естественно, большинство стихов Катрана того периода посвящено этому видному государственному деятелю и событиям, с ним связанным. Благодаря этому, можно определить время пребывания Катрана в Гяндже. Катран пишет о визите правителя государства Раввадилов Абу Мансура Вахсудана к Абдулгасан Лашкари в Гянджу. Этот визит, как считают исследователи творчества [49-50] поэта, мог произойти в пределах 1035-1040 годов, а в 1042 году Катран уже в Тебризе и становится свидетелем страшного землетрясения, разрушившего большую часть города. Следовательно, Катран вернулся в Тебриз не позже этого трагического события, хотя некоторые исследователи считают, что Катран едет в Гянджу после землетрясения. Не исключается возможность повторного возвращения Катрана в Гянджу.

В Тебризе Катран в 1046 году встречается с известным иранским поэтом и философом Насиром Хосровом. В своей знаменитой книге «Сафар-намэ» («Книга путешествий») Насир Хосров пишет о встрече с великолепным поэтом по имени Катран.

В дальнейшем Катран попадает в Нахчиван во дворец местных правителей, затем опять возвращается в Тебриз. Катран Тебризи еще при жизни приобретает большую известность во многих странах как талантливый поэт, ученый и мудрый философ. Он сам пишет, что его хорошо знают и любят в Хорасане и Ираке.

Катрану принадлежат произведения «Ковс-намэ», «Гуш-намэ», «Вамик и Азра» и большой «Диван», состоящий в основном из касыд.

Среднеазиатский поэт XII века Рашид Ватват пишет, что в жизни он знал только одного истинного поэта-это Хаким (мудрец) Катран Тебризи.

Поэзией Катран начал заниматься с ранних лет и достиг здесь больших успехов. Большое место в своем творчестве поэт отводит касыдам, восхваляющим разных правителей. Современному читателю они интересны для объективной оценки царящей во дворце атмосферы и событий, в которых участвуют герои этих касыд. Очень интересны, например, сведения, приводимые Катраном Тебризи о нескольких походах огузов в Азербайджан. Стихи его о землетрясении в Тебризе принесли ему славу и до сих пор читаются с волнением:

Нет, не сбываются надежды никогда:
Вселенная в своих устоях не тверда.
Меняешься ты сам, несутся дни и ночи,
Не мешкают в пути, спешат вперед года.
Ты будущего ждешь, заботаешься о мелком -
А рок настороже, и близится беда.
Счастливцев, ты решил, что избежишь несчастий,
Что и красавица навеки молода!...
Спокоен был Тебриз, богат и многолюден,
Тускнели рядом с ним другие города. [50-51]
Слуга или эмир, - согласно распорядку,
Все знали благодать любимого труда,
Служили ближнему и славили аллаха
Здесь слава и почет, там изгнана нужда;

Здесь вина сладкие и звонкие газели,
Там всадники летят, джейранов бьют стада;
А где-то слушают певиц сладкоголосых,
Целуют ветрениц, пока горит звезда.
Никто не клеветал на друга и соседа,
И ругань грубая бывала всем чужда.
И некий день пришел - земля заколебалась,
Низина вспучилась, как горная гряда,
И почва треснула, и скорчились деревья,
И всюду хлынула свирепая вода.
И те, что выжили, в рыданиях убежали,
В подкову согнуты от страха навсегда.
Аллах вселенную лишил ее величья,
Земная красота исчезла без следа.

Как показали азербайджанские исследователи на основании анализа средневековых источников, Катран Тебризи является создателем первого в истории фарсидской лексикографии толкового словаря фарсидского языка. Об этом пишут поэт и составитель фарсидского словаря «Логате фарс» (XI век) Асади Туси, автор другого словаря «Сихахул-фурс» Мухаммед бин Хиндушах (XIII век) Нахчивани и многие другие.

Известный иранский поэт Насир Хосров Алави в упоминаемом выше труде «Сафар-намэ» так описывает процесс создания Катраном словаря: «В Тебризе я встретился с поэтом по имени Катран. Он декламировал прекрасные стихи, но фарсидским языком владел плохо. Он принес и прочел мне «Диваны» Дагиги и Манджикина и попросил объяснить непонятные ему слова. Затем записал их толкование и прочел мне свои стихи». Большинство ученых эту мысль Насира Хосрова объясняют тем, что фарсидский (дари) язык для Катрана Тебризи не был родным и, что он стал первым азербайджанским поэтом, пишущим на этом языке.

Большинство средневековых авторов называют словарь просто по имени автора - «Логате Катран» («Словарь Катрана»), или в том же значении - «Фарханге Катран». Затем появляется указание, что словарь назывался «Тафасир фи лугатил-фурс», или, как впоследствии его стали сокращенно называть «Тафасир». [51-52]

Катран Тебризи оставил заметный след в развитии поэзии и лексикографии Азербайджана и Ирана.

Умер Катран Тебризи в Тебризе в 1080 году и похоронен в квартале Сухраб на знаменитом кладбище поэтов.

Антология Азербайджанской Поэзии. Москва - 1960; Чәмилә Садыгова, Тәјјибә Әләскәрова. Фарс дилини тәдгиг едән Азәрбајҹан алимләри. «Елм». Бақы - 1990. [52-53]

БАБА КУХИ БАКУВИ

В далеком от Баку Ширазе существует могила, пользующаяся особой популярностью у местного населения и у многочисленных паломников. Погребение это окружено многочисленными легендами. Согласно одной из них, выдающийся поэт Востока, великий персидский поэт Хафиз, получил свой поэтический дар после ночной молитвы у этой могилы - могилы своего учителя. Согласно другой - рядом с этой почитаемой могилой захоронена дочь ширваншаха, якобы прибывшая сюда после смерти любимого, чтобы быть рядом с ним, ухаживать за его могилой и обслуживать паломников, приезжающих сюда со всех стран мусульманского мира. Человеком, заслужившим столь большое уважение при жизни и так глубоко почитаемым на протяжении почти тысячи лет был уроженец Ширвана Баба Кухи Бакуви. Первое упоминание его имени в современных источниках можно найти в работе Бакиханова «Гюлистан-Ирам»: «Шейх Абу-Абдулла-Али-бин Мухаммед Бакинский, по показанию многих историков, отличался в светских и духовных науках. Он с самых юных лет учился у знаменитых современников, как-то: шейха Абдулла-Хафифа, шейха Абуль-Касим-Кешири и других, имел ученый спор с известным шейхом Абу-Саидом-Абуль-Хейром и долговременные связи с шейхом Абуль-Аббасом Нигавендским, который высоко ценил его познания. В конце жизни он уединился от света и жил в пещере близ города Шираза, где его посещали ученейшие люди Востока. Он умер в 1051 г.» [53-54]

Сведения о Баба Кухи Бакуви есть и в книге С. Ашурбейли «Очерк истории средневекового Баку». «Бакуви - батинит. Но диапазон батинитства слишком широк, и этот вопрос следует решить гораздо конкретнее... Считают, что он суфий. Я не собираюсь так быстро решить этот старый и давно запутанный вопрос. Позволю себе здесь только напомнить о том, что Бакуви не только никогда не называет себя суфи, но и прямо относит суфизм к враждебным ему идеологиям. Он был каландаром. Каландары не во всем сходились с суфиями». Баба Кухи Бакуви принадлежат дошедшие до нас философские трактаты на арабском языке «Ахбар ал-арифин», «Ахбар ал-гафилин», «Бадаят хал ал-Халладж» и сборник стихов - «Диван» на персидском языке. Академик Крымский пишет об этом «Диване»: это «старейший из суфийских диванов, где, пожалуй, иногда еще труднее бывает отличить аллегорический гимн про горячую любовь мистика к богу от жгуче чувственной песни доброго молодца, страстно тянущегося к живой кокетливой женщине:

Истерзалось мое сердце, а милой моей нет до него
дела.
Истрадался я в разлуке, а милая исцелить не
желает.
Из очей моих льются слезы, обильнее, чем
жемчужный дождь из облака.
Но ее уста смеются, и она не хочет перевязать рану
моего сердца.»

Очень интересна история одной из старейших рукописей этого Дивана. Иранский ученый Хабибуллах Имад, реставрируя свой дом обнаружил в его стене сундук, в котором среди других рукописей находился и древний список лирических стихов - «Диван» Бакуви.

В биографии ученого - поэта много неясностей. До сих пор некоторые исследователи, в том числе и видный азербайджанский ученый Закир Мамедов считали, что автором трактатов является Баба Кухи, а «Дивана» - Мухаммед Бакуви. Причем время написания «Дивана» относится к более позднему сроку. Пока спор не решен окончательно, биография Баба Кухи Бакуви будет изложена, в основном, по книге Солмаз Рзакулизаде «Мировоззрение Баба Кухи Бакуви», впервые сравнительно полно исследовавшей творчество мыслителя и считающая, что оба произведения принадлежат одному лицу - Баба Кухи Бакуви: «... По моему глубокому убеждению - пишет Е. С. Бертельс - «Диван» Кухи в самом деле принадлежит ученому шейху, известному также под прозвищем ибн Бакуйя». Мы так же полностью разделяем [54-55] это убеждение и переходя из признания идентичности Баба Кухи и ибн Бакуйя будем излагать биографию мыслителя».

Родился Баба Кухи в Баку в 933/4 году. Считается, что он был братом известного мыслителя, богослова и визира ширваншаха Манучехра - Пир Хусейна Ширвани, гробница которого и ханека при

ней в селе Навахи на реке Пирсагат сохранились до наших дней и являются предметом особого почитания верующих. Прожил он свыше ста лет и умер в 1074 году. Полное имя Баба Кухи с небольшими расхождениями средневековые авторы приводят в виде: Абу Абдаллах Мухаммед ибн Абдаллах ибн Убайдуллах ибн Бакуйе. Часто к нему еще добавляется нисба Ширази или Нишапури. Это связано с тем, что Кухи долго жил в Нишапуре и Ширазе.

Первоначальное образование Баба Кухи получает у своего отца, который был богословом. Еще в юности он проявляет независимый характер и склонность к путешествиям. После ссоры с братом он поселяется сначала в долине реки Пирсагат, а затем в районе священной горы Бабадаг (ряд исследователей считает, что гора эта была названа так в честь Баба Кухи). В дальнейшем он много путешествует по Азербайджану, Ирану и другим странам, встречается с учеными, посещает святые места. По некоторым данным он на некоторое время в 988/90 годах даже возвращается в Ширван. Авторитет его как ученого-богослова растет. В молодости Баба Кухи мечтал стать мухадисом - составителем сборников хадисов. Однако для поисков новых хадисов нужны были встречи с другими мухадисами и приходилось для этого много ездить по разным городам и странам. Бакуви собрал огромное количество хадисов. Абдаллах Ансари пишет, что со слов Бакуви, ему удалось записать 30000 хикайатов и 3000 хадисов.

Много лет Бакуви провел в Ширазе, продолжая учебу у Абу Абдаллах ибн Хафифа. Очевидно, под его влиянием Бакуви становится последователем суфизма. В 981-82 г. Абу Абдаллах ибн Хафиф умирает. Исследователи творчества Бакуви считают, что после этого Бакуви опять отправляется в путешествия. Он посещает известные научные центры, в том числе и Багдад. Затем попадает в Нишапур - общепризнанный центр распространения суфийского учения в X-XI вв. Об этом периоде жизни Солмаз Рзакулизаде пишет: «Здесь действовали, с одной стороны, ученики шейха Байязида ал-Бистами, звавшие к «экстазу», проповедовавшие «упоение богом», «опьянение (ар. сукур.) божественной любовью», с другой стороны, - ученики шейха Джунейда ал-Багдади, видевшие в «экстазе» и «опьянении» [55-56] опасность для суфия (искусственно возбуждая себя, он принимает свои фантазии за подлинное единение с богом). Ученики Джунейда считали, что единственный верный путь для суфия состояние «трезвости» - сахв (ар), «тихая трезвая молитва»... Источники сообщают о дружбе Бакуви с хорасанскими Абу Абд ар-Рахманом Суллами и Абу ал-Касимом Кушайри, о его дискуссиях с Абу Аббасом Нехавенди (в которых последний признал превосходство Бакуви), о его непосредственных контактах с Абу-Саидом ибн Абу-л-Хайром, суфийским шейхом, который пользовался в свое время большой популярностью.»

О нишапурском периоде жизни Бакуви, Е. Э. Бертельс пишет: «Можно допустить, что в Нишапуре богословские воззрения Кухи должны были претерпевать существенные изменения. Теории хорасанской школы суфиев во многом решительно отличались от учений школы иракской. Это был тот момент, когда хорасанские суфии оторвались от влияния Ирака и изложили свою концепцию суфизма в многочисленных теоретических работах (Кушайри, Саррадж, Джуллаби, Сулами). Решительный экстремизм Абу-Йазид (ум. 873/74) продолжал находить себе пламенных приверженцев, среди которых Абу-л-Хасан Харакани (1033/34) пытался примирить свои концепции активной филантропической любви со свирепой мистикой бистамского отшельника. Таким образом, Кухи оказался в среде, которая должна была вызвать у него серьезную внутреннюю борьбу».

После смерти Сулами руководство его суфийской ханакой переходит к Бакуви, что свидетельствует о его большом авторитете. Однако по каким-то, до конца не выясненным причинам, уже через год он оставляет Нишапур и переезжает в Шираз.

Недалеко от Шираз, в горах, у селения Джафарабад находились карстовые пещеры. Бакуви поселяется в одной из них и больше ее не покидает, проводя свои последние годы в упорном труде и молитвах. Здесь рождаются основные труды Баба Кухи. Известность ученого - отшельника распространяется по всему Востоку. Отовсюду к нему, как к святому, едут за советом и на поклонение.

Как пишет известный географ Н. К. Керемов, местность, где он был похоронен, в дальнейшем, в честь ученого - поэта, называется Баба-Кухи. Баба-Кухи Бакуви посвящают свои стихи такие выдающиеся поэты, как Низами Гянджеви («Искандернамэ»), Саади, Хафиз, Абдурахман Джами, Насими, Сейид Азим Ширвани и многие другие.

До сих пор в Ширване в народе сохранились и популярны легенды и песни, связанные с памятью о великом ширванце. В прошлом столетии мавзолее Баба Кухи посетил [56-57] великий азербайджанский путешественник и географ Зейналабдин Ширвани. На свои средства он провел реставрацию и благоустройство мавзолея и прилегающей к нему территории.

С. Д. Рзакулизаде. Мировоззрение Баба Кухи Бакуви. Баку - 1978; Н. К. Керемов. Путешествия Бакуви. Москва - 1982; Нурэддин Керимов Одлар журдунун сәјјаһ вә чоғрафијашунаслары. Баку - 1986; А. Е. Крымский. Низами и его современники. «Элм». Баку - 1981. [57-58]

БАХМАНИЙАР АЛ-АЗЕРБАЙДЖАНИ

Абу-л-Хасан Бахманийар ибн ал-Марзбан ал-Азербайджани является одним из самых выдающихся философов Азербайджана и видным представителем философской школы перипатетизма на Ближнем и Среднем Востоке.

Время рождения Бахманийара неизвестно. Время кончины указывается в сочинении автора XII века Али ибн Зайда ал-Пайхани «Татиммат сиван ал-хикма»: «Философ Бахманийар Мудрец - ученик Абу Али [Ибн Сины], по вероисповеданию огнепоклонник, в совершенстве арабским языком не владел, родом из страны Азербайджан. К числу созданных Бахманийаром сочинений относятся «Познание», книга «О музыке», множество трактатов. Умер Бахманийар в один из месяцев 458 (1065/66) года, спустя тридцать лет после кончины Абу Али». Для уточнения времени рождения философа Бахманийара профессор Закир Мамедов приводит следующие факты и легенды. Говорят, что когда Ибн Сина был в кузнецкой туда кто-то зашел и попросил у кузнеца огня. Кузнец ему сказал: «Принеси совок я положу тебе туда угли». Проситель тогда набрал на ладонь земли и сказал кузнецу: «Положи уголь в этот совок». Абу Сина был так поражен сметливостью юноши, что тут же предложил ему у себя место ученика. Этим юношей был Бахманийар. О том, что Бахманийар еще в детстве был в учениках у Ибн Сины свидетельствует и его собственный рассказ: «Раз я и другие ученики Ибн Сины в субботу пришли на почетные занятия. Случилось так, что мы очень вяло участвовали в обсуждаемой теме. Учитель сказал: «Видно день отдыха у вас прошел [58-59] без пользы». Я с группой товарищей отвечали, что в день отдыха мы отправились гулять и поэтому не смогли выполнить задание. В ответ на это учитель тяжело вздохнул и со слезами на глазах сказал: «Канатоходец ежедневными упражнениями достигает такой степени совершенства, что поражает даже сведущих во всем мудрецов. Почему же среди вас не нашлось умного и мудрого ученика, который бездельничанию предпочел бы занятия». Сам Ибн Сина пишет, что Бахманийар был ему ближе сына и, что он, воспитав его и дав ему хорошее образование, смог сделать его таким выдающимся ученым. Из всего вышесказанного следует, что Бахманийар должен был быть на 10-15 лет моложе Ибн-Сины и время его рождения должно относиться к концу X века. Как пишет ряд средневековых авторов, многие полемические произведения Ибн Сины, например, такие, как «Ал-мубахасат» («Совместные обсуждения») и «Ат-таликат» («Объяснения») созданы в спорах с Бахманийаром о некоторых вопросах физики, метафизики, психологии и логике. Самое ценное для истории науки то, что «Объяснения» сохранились в записи самого Бахманийара. В Санкт-Петербурге и Ташкенте хранятся два письма, построенных на вопросах Бахманийара и ответах Ибн Сины.

О широкой популярности трудов Бахманийара свидетельствует широкое распространение его трудов по всему Востоку. Его труды переписывались и хранились во многих университетских и дворцовых библиотеках. Наибольшей популярностью пользовались произведения Бахманийара «Ат-тахсил» («Познание»), «Аз-зина» («Украшение»), «Ал-баджава-саада» («Радость и счастье»), «Фил-мусика» («О музыке»). Рукописные издания его книг, переписываемые и распространяемые, буквально, до наших дней, хранятся почти во всех крупных библиотеках мира. С прошлого столетия они начали переводиться на европейские языки. На фарсидский некоторые произведения Бахманийара были переведены чуть ли не при жизни автора. Сочинение «Ат-тахсил» было переведено на русский язык видным востоковедом А. В. Сагачевым и издано в Баку в 1983 году в трех томах.

Бахманийар создал свою школу философов. Его научная и преподавательская деятельность сыграла большую роль в развитии и распространении научных и философских идей в Азербайджане и на Востоке в целом. Среди его учеников особо заметной фигурой был выдающийся хорасанский философ и поэт Абульаббас ал-Лавкари. Через ал-Лавкари и другого ученика - известного философа Абульфата ибн-Хайама, исследователи творчества Бахманийара прослеживают преемственную, необрывающуюся связь между научными школами Бахманийара и Насиреддина Туси.

Известный просветитель и историк мусульманской культуры Шихаб ад-Дин ал-Марджани, говоря об истории философии, ставит Бахманийара в четверку самых выдающихся корифеев [59-60] Востока: «Крупнейшими и самыми великими среди них были Абу-Насрал-Фараби, Абу Али Ибн Сина, кади Абу-л Валид Мухаммед ибн Ахмад Ибн Рушд и Бахманийар ибн ал-Марзбан».

Бахманйар ал-Азербайджани. Ат-Тахсил (Познание). В трех томах. «Элм». Баку - 1983; Закир Мəммəдов. Бəһмənјарын фəлсəфəsi. «Елм». Бакы - 1983. [60-61]

ХАТИБ ТЕБРИЗИ

Подходит к своей середине XI век. Азербайджан в эти годы все еще входит в состав арабского Халифата. Хотя халифат уже приходит в упадок, бурное развитие науки, поэзии и искусства, начатое при правлении первых трех халифов Аббасидах, продолжается. В городах функционируют Академии («Дома мудрости»), университеты (медресе), школы, общественные и частные библиотеки и обсерватории. Тяга к знанию, как простого народа, так и зажиточной прослойки горожан очень велика.

По пыльной дороге, ведущей из Тебриза в сторону Сирии, идет юноша с хурджином на плече. В хурджине немного еды, остальное место занимают книги. Юношу зовут Хатиб, родом он из Тебриза. Идет он в небольшой городок Маара ан-Нуман, в котором живет известный на Востоке ученый - филолог Абу-л-Ала ал-Маарийа.

Еще в школе Хатиб увлекается вопросами теории восточной поэтики, собирает и читает много книг на эту тему. У талантливого двадцатилетнего юноши появляются вопросы, на которые местные ученые ответить не могут, а один из них рекомендует за советами обратиться, к известному тогда языковеду из небольшого сирийского городка.

Когда Хатиб добрался до места назначения книги, которые он нес на плечах, оказались пропитанными потом стекающим с его плеч. Этот эпизод из жизни юноши, ставшего впоследствии великим ученым, потом часто арабские летописцы будут приводить в назидание потомству и с этой же целью эти книги были выставлены в мечети при последнем прощании с ученым. [61-62]

Йахйя бин Али Хатиб Тебризи, великий азербайджанский ученый, литературовед, языковед, поэт и комментатор, признанный арабскими учеными как «предводитель литературных, грамматических и лексикографических наук», «мудрый шейх, предводитель арабских наук, знаменосец литературоведения, источник мудрости», «предводитель всех литераторов», а также названный акад. Г. Араслы «самой великой личностью XI века, воспитанной азербайджанским народом», родился 1030 году в городе Тебризе. О его детских и юношеских годах ничего не известно. Все хроникеры начинают биографию Хатиба, с его прихода в небольшой сирийский городок Маара ан-Нуман.

Абу-л-Аля ал-Мааррия, к которому на учебу приходит Хатиб, является одним из выдающихся представителей арабской литературы, крупным знатоком арабского языкознания и филологии. Хатиб Тебризи впоследствии говорит, что вряд ли найдется хоть бы одно слово, сказанное арабами, о котором не знал бы Абу-л-Аля. Ему принадлежат слова: «Род человеческий делится на две части: у одной ум есть, религии нет, у другой религия есть, ума нет. «Ученый был слеп и обладал феноменальной памятью. Об его способности запоминать большие тексты приводят такой рассказ Хатиба Тебризи: «В Немане (городе) в мечети Маара я сидел перед ним (Абулалой) и что-то ему читал из книг. Он (Хатиб Тебризи) сказал: «Я два года оставался при нем. Из своей страны я никого не видел. Вдруг увидел одного из моих соседей, входившего в мечеть для совершения намаза (молитвы) и его узнал. От радости у меня все изменилось. Абулала мне сказал: «Что с тобою случилось?» Я ему ответил, что два года, как я никого из своей страны не встречал. Увидел одного соседа. Он мне сказал: «Иди, поговори с ним». Я сказал: «Пусть закончу урок». Он сказал: «Встань, я тебя подожду». Я встал и с ним (соседом) долго по-азербайджански (азербичидэчэ) говорил и обо всем, что хотел, его расспрашивал. Я вернулся и сел перед ним (Абулалой). Он сказал, что это за язык? Я ответил: «Это язык населения Азербайджана. Он сказал: «[этого] языка я не знаю и не понимаю. Однако весь ваш разговор я наизусть выучил. «Вслед за тем он весь наш разговор слово в слово повторил. Сосед мой очень удивился и сказал: «Как он мог наизусть выучить им непонятное».

Древние хроникеры пишут, что после окончания учебы у Абу-л-Ала Хатиб продолжает учебу в различных странах и городах Востока у самых выдающихся ученых того времени. Профессор Махмудов, однако, показал, что прежде, чем отправиться в путешествие, Хатиб побывал у себя на родине в Тебризе. Это должно было произойти сразу после смерти его учителя в 1057 году или немного раньше. В Тебризе Хатиб остался недолго. [62-63]

Тяга к учебе опять влечет его в дорогу и он, вскоре, опять в Сирии. Здесь он в разных городах берет уроки по богословию, лексикографии и поэтике у известных в то время арабских ученых Али Рагги, Ибн-Дахана, ибн-Бурхама, Салима Рази.

В 1064 году Хатиб попадает в Дамаск, где у него начинается дружба со знаменитым историком Хатибом Багдади (1002-1071). Багдади оказался не только хорошим педагогом и другом, но и богатым меценатом. Он помогает Хатибу Тебризи материально и оказывает ему помощь в приобретении

письменных принадлежностей и бумаги. После этого Хатиб попадает в Египет, где изучает арабскую грамматику у придворного ученого Тахира ибн Бабашиз.

22 сентября 1067 года, в культурной жизни Востока произошло знаменательное событие. В Багдаде на средства тюркских - сельджукских правителей открывается знаменитый, в будущем, на весь Восток университет, названный в честь известного визира, иранца - Низамимулка, «Низамийя». Этот университет отличается от ранее действующих не только размером, оснащенностью и большим коллективом ученых - преподавателей, собранных со всего Востока, но и, что главное, своим административным устройством. Это первый из известных государственных университетов. Педагоги и студенты находятся здесь на полном государственном содержании. Программа так же определяется сверху с целью усилить позиции ортодоксального мусульманства. Несмотря на это, в нем продолжается преподавание светских предметов таких, как история, литературоведение, языкознание, астрономия, математика и др. и он сыграет огромную роль в развитии самых различных наук. Сельджукские правители сами отбирают приглашенных педагогов. С первого дня открытия университета «Низамийя» и до конца своих дней, почти 40 лет, Хатиб Тебризи преподает там филологию и является организатором и руководителем прославившейся, в дальнейшем библиотеки.

В Багдаде в то время, были собраны ученые всего Востока и, чтобы выделиться среди них, нужно было к тому времени иметь уже достаточно большой научный авторитет. В университете Хатиб Тебризи кроме того, что получил возможность пользоваться огромной библиотекой, постоянно пополняемой необходимой литературой, мог организовывать лекции и диспуты с участием преподавателей университета и большого числа ученых, привлекаемых в Багдад славой этого учебного заведения.

В воскресный день третьего января 1109 великого ученого не стало. Хоронил его торжественно весь Багдад. Похоронен Хатиб Тебризи в Багдаде на кладбище «Баб Абраз».

Основным направлением творческой деятельности Хатиба Тебризи было литературоведение. На эту тему им было написано около двадцати трактатов. У Хатиба Тебризи имеются [63-64] комментарии к Корану в четырех томах, литературные произведения и целый ряд трактатов, посвященных лексикографии, грамматике и теории арабской поэтики. Мухаммедали Тарбийет, анализируя значение трудов Хатиба Тебризи в арабском литературоведении, называет Хатиба Тебризи «матерью» арабского языка. Профессор Мамедов считает, что его труды по содержанию можно разбить на четыре группы. Комментарии поэтических трудов, трактаты по языкознанию, исследования по богословию и проблемы поэтики.

Из комментариев поэтических трудов наибольший интерес представляют комментарии Хатиба Тебризи на сборник известного арабского поэта Абу Таммама (796-843) «Хамаса» («Геройство»). Интересна история создания этого сборника. Возвращаясь из Хоросана в Ирак, он в Хамадане останавливается у своего друга Абу-л-Вафа Салама. Хотя он не собирался задерживаться в Хамадане, сильный снегопад вынуждает его остаться у друга несколько месяцев. Благодаря хорошей памяти и тому, что у друга была очень богатая библиотека, за время своего вынужденного заточения Абу Таммаму удается создать антологию арабской поэзии под названием «Хамаса», включающую сочинения свыше, чем шестисот поэтов за триста лет ее существования. Сразу после написания антология получила такую известность, что творчество самого Абу-Таммама осталось в стороне. По этому поводу Хатиб Тебризи писал, что «Абу Тамам в своем «Хамаса» проявил себя больше поэтом, чем в своем поэтическом творчестве». В дальнейшем тоже случилось с комментарием Хатиба Тебризи. Комментарии Хатиба Тебризи, благодаря своей краткости и ясности изложения, становятся более популярными, чем сама «Хамаса». Хатиб Тебризи к этой теме возвращается после этого еще два раза. В первом коротком комментарии объясняется содержание отдельных стихов, во втором - отдельных бейтов и, наконец, третий комментарий оказывается наиболее обширным и полным. До нас дошел только второй комментарий, принесший ученому вечную славу. Это сочинение было издано в Европе в четырех больших томах в 1850 году на латинском языке и в 1828, 1873 и 1938 годах на арабском языке. Интересно, что еще по дороге к своему учителю Абу-л-Ала Маар Хатиб заходит в Мосул и у одного местного ученого переписывает книгу Абу-Таммама.

В 1082/83 году Хатиб Тебризи, первым из арабских ученых, пишет комментарий на книгу своего учителя Абу-л-Ала Маари «Сагт-аз-занд» («Первые искры, выбиваемые из кремния»).

Уже в преклонном возрасте Хатиб Тебризи начинает работу над своим последним трудом «Китаб ал-кафи фи-л-аруз ва-л-кафави» («Итог наук об арузе и рифме»). Труд посвящается теории арабской поэтики и скоро становится очень популярным. Не одно поколение студентов и учеников, [64-65] вплоть до наших дней, использует этот труд в качестве учебника по теории поэтики. На эту книгу ссылаются при разработке теории поэтики многие ученые Востока. Для простоты запоминания текста этой книги студентами, поэт Ахмед Фулджи (ум.1425) изложил ее содержание в стихах.

Европейские ученые начали проявлять интерес к этой книге в начале XIX века. В настоящее время найдено много списков трактата «Ал Кафи...» в разных хранилищах мира, подготовлены и изданы критические тексты трактата. Азербайджанский ученый Аллахвердиев Галей, впервые всесторонне исследовавший трактат Хатиба Тебризи, пишет: «Китаб ал-Кафи фи-л-аруз ва-л-Кафави», «книга представляет собою целостное учение по теории литературы, поэтике, риторике и стилистике».

Рукописи Хатиба Тебризи хранятся во многих известных музеях и библиотеках. Ценнейшей из них является рукопись комментариев на антологию «Муфадальийат» поэта Муфадала Даби, хранящаяся в Тунисской национальной библиотеке, переписанная самим Хатибом Тебризи.

Махмудов М. Р. Пијада... Тэбриздэн Шама гэдэр. «Язычы». Баку - 1982; Аллахвердиев Галей. Труд Хатиба Тебризи «Китаб ал-Кафи фи-л-аруз ва-л-Кавафи», как источник по восточной поэтике. «Элм». Баку - 1992. [65-66]

АТРАК-ХАН

Великий кипчакский хан Атрак в начале XIII века по личному приглашению царя Давида Строителя со своим огромным войском переселяется в Грузию и занимает ведущую роль в военной и политической жизни страны. Большинство из сопровождающих его кипчаков расселяется по всей Грузии и в дальнейшем ассимилирует. Часть же из них в поисках привычных для степняков пастбищ расселяется в Азербайджане вдоль прикуринской низменности и оставляют заметный след, как в формировании диалектов азербайджанского языка борчалинской и казахской зон, так и в образовании топонимов этих районов. Вполне возможно, что Атрак восстанавливает традиции использования древнетюркской, орхонской письменности на Кавказе и в, частности, в Азербайджане.

Биографических сведений о хане Атраке очень мало, а часть из них выходит за рамки повествования, так что ниже речь пойдет только о некоторых событиях, связанных с переселением орды хана Атрака в Грузию. Чтобы проследить путь кипчаков с Алтая на Кавказ, придется начать издалека.

В 552 году в Центральной Азии создается новая империя. Во главе нее стоит каган (эль-каган) и называется она Тюркским Каганатом. Основателем нового царства становится князь тюрков Бумын, принявший титул эль-кагана. При первых приемниках Бумына Тюркский Каганат уже простирается от Корейского залива до Черного моря. Северокитайские государства становятся данниками молодой империи. [66-67] Каганат налаживает связи с Китайской империей, Византией и Сасанидским Ираном, старается контролировать знаменитый шелковый путь и быстро входит в число передовых стран того времени.

Однако, уже в 745 году каганат распадается под давлением другого, соседнего тюркского народа - уйгур. Многие тюркские племена в это беспокойное время уходят на Восток в поисках плодородных земель. Среди них были и кипчаки, сыгравшие впоследствии большую роль в истории многих государств Европы и Азии.

Долгое время о Тюркском Каганате было известно очень немного и, в основном, из записок византийских историков. Затем историки стали осваивать и до сих пор очень мало изученную древнекитайскую литературу, открывая для европейцев и для тюркоязычных народов - потомков основателей тюркского каганата все новые и новые страницы славного прошлого тюрков. Однако самым значительным вкладом в воссоздание истории и культуры тюркского каганата стала величайшая по своей значимости находка древнейших письменных памятников тюркских народов на реке Орхон.

Начиная с конца XVII века и начала XVIII века, в долинах рек Енисей и Орхон европейские и русские путешественники находят камни с таинственными письменами, изображениями животных и орнаментами. Хотя большинство надписей было скопировано и опубликовано, расшифровка их затягивается почти на двести лет.

В 1890 году в долине реки Орхон был найден ряд захоронений с огромными, традиционными для тюркских народов надгробными стелами (баш дашы), множеством скульптур, изображающих тюркских воинов, статуи животных. На стелах обнаруживаются изображения каких-то таинственных знаков неизвестного до того времени в Европе алфавита, и надписи на китайском, а иногда уйгурском языках.

Уже в 1892 году датскому ученому В. Томсену удается полностью расшифровать текст, записанный на одной из этих стел, и представить миру неизвестный никому ранее алфавит. Томсену удалось установить, что надписи сделаны на языке тюркского каганата алфавитом, состоящим из 38 знаков, с направлением письма справа налево. Наличие большого количества знаков (в азербайджанском алфавите всего 28 букв) объяснялось тем, что один и тот же звук изображался разными знаками в зависимости от того какому звуку он предшествовал, или за каким звуком следовал. Например, слова тюрков и тюрки этим алфавитом записывались, как (крют) и (кюрют) соответственно. В научный обиход знаки этого алфавита вошли под названием древнетюркских рун из-за внешнего сходства их с древне - германским руническим письмом. [67-68]

Для расшифровки таинственных знаков Томсен выбрал эпитафии принцу Кюль-тегину и его брату Бильге-кагану. Бильге-каган был старшим сыном кагана Кутлуга (счастливый), которого еще звали Эльтериш-каган (каган собирания страны), объединившим в мощное государство распадающийся Восточный каганат. Бильгя-каган (мудрый каган) действительно показал себя мудрым и дальновидным политиком. Расцвет, достигнутый каганатом при его правлении оказывается последним в истории каганата. Через 11 лет после его смерти каганат распадается под давлением уйгур. Кюль-тегин умирает на три года раньше своего брата. В сооружении величественных памятников Бильгя-кагану и Кюль

тегину принимает участие и дружественный в то время каганату китайский император. Возведение памятников осуществляется, очевидно, под руководством тестя и близкого советника Бильгя-кагана некоего Тоньюка.

Близкие по форме стелы с надписями находятся на расстоянии приблизительно одного километра друг от друга. На обоих стелах параллельно с руническими надписями дается китайский текст. Китайский текст эпитафий пишет и каллиграфически переписывает на стелу сам китайский император. Тексты обоих памятников пишутся еще при жизни Бильгя-кагана и по его приказу. Что касается надписей, то о них очень хорошо сказал Эрнст Добльхофер в своей книге «Знаки и чудеса». Он пишет: «Мы и сейчас не можем равнодушно относиться к языку древнетюркских памятников. Обращается ли надменно к своему народу, или горько скорбит о смерти брата правитель Бильге-каган, упивается ли своим величием старый вельможа Тоньюкук, не преминувший указать на своем надгробии, какие несчастья обрушились бы на народ тюрков, если бы не было на свете его, именно его, мудрого Тоньюкука, - все эти высказывания близки нам, хотя и восходят еще к тому времени, когда тюркский народ не знал ни Аллаха, ни «пророка его» Мухаммеда.» Действительно нельзя без волнения читать написанные почти 1300 лет назад строки из эпитафии Бильгя-кагана: «Небоподобный, неборожденный... тюркский каган, я нынче сел [на царство]. Речь мою полностью выслушайте [вы], идущие за мной, мои младшие родичи и молодежь [вы], союзные мои племена и народы... Когда было сотворено вверх голубое небо [и] внизу темная земля, между [ними] обоими были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Сев [на царство], они поддерживали и устраивали племенной союз и установление тюркского народа. Четыре угла [света] все были [им] врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам, и принудили их всех к миру. Имеющих головы они заставили склонить [головы], имеющих колени, они заставили преклонить колени... Мой [68-69] младший брат, Кюль-тегин, скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел, [а] сам я заскорбел. Время распределяет небо, [но так, или иначе] сыны человеческие все рождены, с тем чтобы умереть». Или надпись на памятнике Тоньюкука: «Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры народа Табгач. [Так как и весь] тюркский народ был в подчинении у государства Табгач... Пусть будет милостиво небо: на этот [свой] тюркский народ я не направлял [хорошо] вооруженных врагов и не приводил снаряженную конницу. Если бы Эльтериш-каган не старался приобретать и, следуя [за ним], я сам если бы не старался приобретать, то ни государство, ни народ не были бы существующими... Сам я состарился и возвысился. Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана, оказался бы [какой-либо] бездельник, то что за горе имел бы [этот народ]! Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать [это] для народа тюркского Бильгя-кагана...».

Заслуги Томсена перед тюркскими народами и в том числе перед азербайджанцами неоценимы, однако, имя его совершенно незнакомо широкому кругу азербайджанцев и это не делает нам чести. В том, что эти тексты расшифрованы датским ученым есть какая-то закономерность. Томсену, воспитанному на таких классических образцах древнего эпоса германских народов, как «Старая Эдда», «Песнь о нибелунгах» и др. был близок мир гуннов - родственного тюркам народа. Герои этих произведений Будлы, Атлы, Оддрун, Бейти, Хумлы, Ангантюрк во многом напоминали ему открытых им миру правителей Тюркского Каганата и не только своими тюркскими именами. Сами же древнетюркские письма поразительно напоминали близкие ему скандинавские руны.

Древнетюркские рунические письма, как выясняется впоследствии, распространяются на огромной территории от Орхона до Дуная и от Якутии до Гоби, т. е. везде где ступает нога тюрка. Жанр надписей очень широк. Кроме надмогильных надписей широко распространены историко-биографические тексты. В них приводятся прижизненные или мемориальные биографии представителей тюркской знати с изложением исторических событий, в которых они принимали участие. Кроме того, встречаются магические и религиозные тексты и всевозможные юридические документы. Наиболее древними, и дольше всех просуществовавшими являются знаки и надписи на предметах и монетах. Такого рода метки содержат обычно имя владельца. История таинственных древнетюркских рун получила сравнительно недавно не менее таинственное продолжение.

В начале века в архивах обнаруживается рукопись некоего Ганса Дерншвана, описывающего свое пребывание в 1553-1555 годах в Стамбуле при дворе турецкого султана [60-61] Сулеймана I в составе посольства Фердинанда I. Среди обширного и очень интересного материала исследователей привлекает копия надписей, сделанных Дерншваном в конюшне «Дома послов». Дерншван писал: «письмена срисованы были мною с мраморного камня, а камень тот вделан был в стену конюшни и очень хорошо прочитан быть может». Надписи очень напоминали древнетюркские рунические письма, обнаруженные в долине реки Орхон и поэтому для расшифровки отсылаются Томсену в Копенгаген. Томсен, а затем и другие видные востоковеды установили, что надпись сделана на древнененгерском (гуннском) языке знаками, восходящими к древнетюркским рунам, слева направо.

Самое интересное, что надписи таким алфавитом часто встречались на территории Венгрии (но справа налево) в районе страны секелей, считающих себя прямыми потомками гуннов, и многие венгерские ученые поэтому этот алфавит называли алфавитом древних гуннов.

Знаки, какими был написан найденный текст, были настолько близки к древнетюркским рунам, что пришлось отбросить отнесение их к письменности гуннов, тем более, что секельские руны появились впервые в Венгрии в XVI веке. Как эти знаки попали к секелям?

Существует много гипотез, объясняющих их появление. Наиболее правдоподобным является предположение, что посредниками между древними тюрками и секелями были команы (кипчаки, половцы) - ближайшие соседи секелей в XII-XIII веках, ведущие свое происхождение от огузов. Они и занесли этот алфавит в Венгрию. Если это так, то следующей тайной становится хронологический разрыв между VIII и XVI веками от древнетюркских рун к рунам секелей. Почему рунические надписи не обнаружены в новых местах проживания огузов в этом промежутке времени? Где искать такие надписи, не дожидаясь новых открытий археологов.

Учитывая широко распространенный обычай у тюрков ставить родовые знаки, используя рунические письма, или какие-то условные знаки, в первую очередь, очевидно, искать их надо на печатях и монетах, имеющих хождение на территориях, где проживали в те времена кипчаки, или родственные им народы - носители древнетюркской рунической письменности. В первую очередь следует обратиться к северному причерноморью, основному месту проживания кипчаков, и к Грузии, куда перебирается орда хана Атрака, и искать знаки на русских и грузинских монетах и печатях.

История русских княжеств того времени - это история борьбы и мира между русскими и тюрками и зачастую их совместные походы против общих врагов... Проникновение новых потоков тюрков в русские земли было очень интенсивным. Остатки идущих с Востока, в поисках плодородных [70-71] пастбищ, хазар, печенегов, кипчаков оседали здесь, вступая в ряды наемного ополчения, или переходя на оседлый образ жизни.

К моменту появления на этой территории монголов русские, в особенности, в пограничных со степью районах, владели кипчакским (половецким) языком и многое от них переняли. Кипчакский язык к этому времени становится международным. На протяжении этого длительного периода истории от Святополка до Маномеха положение того, или иного князя зависело не только от его военного и политического таланта, но может быть в еще большей степени, от умения найти общий язык с жителями степи. Поэтому известно много случаев браков между представителями княжеских родов русских и тюрков, длительные периоды мира и совместные походы против византийцев, хазар, болгар и др. Известны браки между представителями русской и тюркской знати, княжеские русские фамилии кипчакского происхождения. Великий князь Святополк Изяславич после нескольких поражений в битвах с половцами с целью достижения мира был вынужден жениться на дочери известного половецкого хана Тугорхана. Другой великий князь Юрий Долгорукий был женат на дочери хана Аяпа, Владимир Маномех женил сына Андрея на внучке хана Туюркана. Таких примеров можно привести великое множество. В этих условиях на русских монетах, имеющих широкое хождение в княжествах и, вероятно, в степи, по логике вещей нужно было поместить какой-либо знак, понятный и тем и другим, и подчеркивающий главенствующее положение рода Рюриковичей. Чтобы знак был понятен кипчакам, его следовало написать понятным степнякам алфавитом. Таким алфавитом, с наибольшей вероятностью, мог быть алфавит древних тюрков. Действительно, на первых русских монетах имеется знак в виде двузубца, соответствующий букве «Р» (первая буква княжеской фамилии Рюриковичей) тюркского рунического письма. Кроме того, в последние годы при археологических раскопках и вкладах, в основном, на территории Украины и Северного Кавказа, найдено много монет и всевозможных предметов (баклажки, керамика, кирпичи, камни, обломки сосудов и т.д.) с граффити (надписи и рисунки, нацарапанные острым инструментом), которые ученые относят к тюркскому руническому письму. Больше всего таких знаков обнаружено на куфических арабских дирхемах IX-X веков. Среди многих граффити на этих монетах выделяются своим многообразием знаки двузубца, принимаемого авторами книги о граффити на восточных монетах за родовой знак Рюриковичей, и трезубца, принимаемого за личный знак русского князя Владимира Святославича. Вполне возможно, что эти меченные родовыми знаками куфические дирхемы использовались русскими князьями как деньги до начала чеканки своих монет (серебрянников), или параллельно с [71-72] ними. Тем более, что такие же знаки двузубцев и трезубцев имеются и на серебрянниках Святополка, Владимира и Ярослава. Внимательное рассмотрение знаков на этих монетах позволяет сделать вывод, что и здесь скорее всего изображен не трезубец, а двузубец (буква «Р» тюркского письма).

В свое время известный азербайджанский ученый-нумизмат А. Пахомов при исследовании грузинских монет предположил, что родовой знак Багратионов, приводимый на ряде грузинских монет, имеет что-то общее со знаком, описанным выше. Интуиция не обманула ученого. Знак, приводимый на грузинских монетах, также несомненно напоминает знак обозначающий звук «Б» тюркского

рунического письма (первая буква царской фамилии Багратион). Вполне возможно, что это была не интуиция, а научное открытие, и, что Пахомов разгадал руническое происхождение этих знаков, но не мог в то трудное время это сказать, хотя и в наше время авторы книги о граффити не решаются признать двузубец буквой «Р» тюркского алфавита, хотя это и очевидно. Выходит, что тюрки донесли свою письменность не только до Венгрии, через Русь но, перейдя Кавказский хребет, донесли ее и до Грузии.

К концу XII и началу XIII веков половцы теряют ряд своих позиций в причерноморских степях. Начинаются перемещения кипчакских орд. Одно из таких кипчакских объединений, возглавляемое Сырганом, сыном знаменитого хана Шаракуна, размещается на правых притоках Дона. Позднее несколько половецких орд во главе с братом Сыргана Атраком уходят отсюда на юг и расселяются на Северном Кавказе. С юга к Кавказу тоже подошли тюрки. Это сельджуки, захватившие Иран и всю Переднюю Азию, и оттуда вышедшие к Кавказу. Тюрки были великолепными бойцами и для борьбы с ними многие христианские страны содержали наемные войска, состоящие тоже из тюрков. Так было с Византией в начале XI века, когда Константинополь от печенегов спасли кипчаки, также было и в Венгрии: из опасения вторжения в страну тюрко - монголов, на восточных границах страны были расселены 40 тысяч кипчаков. В середине XII века киевские князья содержали на военной службе тюркские племена, называемые черные клобуки, для борьбы с кипчаками, угрожающими Киеву с юга. При завоевании Волжской Болгарии русскими князьями на помощь опять призывались кипчаки. Таких примеров можно привести множество.

Начало первого крестового похода в 1098 году и междоусобные распри отвлекли силы сельджуков с Кавказа и пришедший к власти в Грузии царь Давид, прозванный впоследствии Строителем, бросил все свои силы на освобождение страны. Несмотря на первые успехи молодого царя, силы были неравными и для дальнейшей борьбы он решил привлечь наемные войска. Для этого он сам едет в [72-73] ставку хана Атрака и приглашает его вместе с войском в Грузию. Кипчаки, пройдя через Дарьяльское ущелье, расселяются по всей Грузии. Всего было переселено в Грузию 40000 семей кипчаков. Если считать, что в каждой семье было пять человек, это должно составить 200000 переселенных кипчаков. По договору каждая семья должна была поставить царю по одному воину. Следовательно, к имеющимся у царя 20000 воинов прибавилось 40000 воинов - кипчаков и две трети грузинских войск составили тюрки.

Дальнейший ход истории показал, что кипчаки с лихвой окупил возложенные на них надежды и заслуга их в возрождении Грузии очень велика. Немалую роль в приглашении кипчаков в Грузию сыграло то обстоятельство, что женой царя Давида становится дочь хана - Атрака Гурадухт. Благодаря родственным связям и своему военному и политическому авторитету, Атрак вскоре становится придворным фаворитом.

Рукописи того времени говорят, что со временем количество знатных кипчаков при грузинском дворе растет. Заговор против грузинского царя Георгия III, организованный грузинской знатью в 1223 году, удается расстроить только благодаря вмешательству кипчака Кубасара со своим 5000 войском. После смерти Георгия вошедшая на престол его дочь, правнучка хана - Атрака царица Тамара делает Кубасара вторым человеком в государстве, и поручает ему одновременно должности, в современном понимании, верховного главнокомандующего и министра внутренних дел.

В то же время, Тамарой министром финансов назначается малоизвестная личность с тюркской фамилией Кутлу-Арслан. Он был организатором неудавшегося заговора, направленного, фактически, против царицы Тамары. Согласно планам заговорщиков власть царя должна была ограничиться только исполнительными функциями. Законодательная же власть передавалась специально создаваемому выборному органу. Такая структура власти очень напоминает законодательные органы военной демократии - «сходки» - народные собрания, присущие тюркским государственным образованиям. Ханы-военачальники в таких образованиях обладали только исполнительной властью такой же, как предполагалось, должна была обладать царица после заговора. Такую структуру власти, вернее всего, должен был предложить человек, хорошо знакомый с тюркской ордой. Таким человеком оказался Кутлу-Арслан, кипчак по фамилии и, очевидно, кипчак по происхождению.

Кипчаки еще долго продолжали играть важную роль в жизни страны. Поэтому появление на грузинских монетах знака, понятного им и соседним азербайджанцам, среди которых монеты также имели хождение, вполне объяснимо. Указанные родовые знаки Багратионов можно встретить на дирхемах и фальсах Тамары, Русудан (1230г.), Дмитрия II [73-74] (1260г.) и Давида VII (1293-1311). После этого родовые знаки, написанные древнеруническим письмом, понятном пришлым кипчакам и соседствующим с Грузией азербайджанцам, на грузинских монетах исчезают. Может быть это связано с тем, что кипчаки к этому времени полностью ассимилировались, либо с тем, что с приходом тюрко - монгольских орд на грузинских монетах появляются тюркские надписи, выполненные уйгурским письмом.

Эрнст Добльхофер. Знаки и чудеса. Москва - 1963; И. Г. Добровольский, И. В. Дубов, Ю. К. Кузменко Граффити на восточных монетах. «ИЛУ». Ленинград - 1991; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. «Наука». Москва - 1964; Зарубежная тюркология. Древние тюркские языки и литературы. «Наука» Москва - 1986.

ШАМС АД-ДИН ИЛ-ДЕНИЗ

Шамс ад-Дин Ил-Дениз - талантливый полководец и мудрый политический деятель, является основателем государства Атабеков Азербайджана или, как его называют по другому - государства Ильденизидов (Ильдегизидов).

Когда в XI веке огузские и другие тюркские племена, возглавляемые представителями рода Сельджука, заняли почти всю территорию арабского Халифата и его столицу - Багдад, светская власть перешла в руки сельджукского султана, а духовная власть оставалась у арабских халифов. После распада сельджукского государства на его территории образуются фактически независимые султанаты, управляемые наследными сельджукскими принцами. Через некоторое время, однако, правителями этих султанатов вернее, новых государственных образований, возникших на их базе, становятся атабеки (атабек - «отец-правитель») - опекуны, воспитатели этих наследных сельджукских принцев (маликов). Султаны также, как халифы при сельджукидах, от управления государством и армией устранились. Вся политическая и административная власть в султанатах переходит в руки атабеков. Как халифы, так и султаны не хотят с этим смириться и плетут непрерывные интриги и заговоры с целью возвращения себе власти. Атабеки, в свою очередь, делают все возможное, чтобы сохранить свое единоначалие. Так продолжается почти сто лет.

На основе одного из султанатов - Иракского Султаната возникает государство Атабеков Азербайджана. История этого государства и биография Ил-Дениза - его основателя, [75-76] написаны академиком З. М. Буниятовым на основе большого числа выявленных и исследованных оригинальных источников.

У кыпчаков в давние времена был обычай - при покупке сразу сорока рабов за одного из них денег не брать. Одному из иракских купцов, таким образом, бесплатно достается некрасивый и грубый раб по имени Ил-Дениз. Караван с грузом и рабами, принадлежащий этому купцу, направляется в сторону Ирака. Из-за жары он движется только по ночам и сонный Ил-Дениз трижды выпадает из телеги. Дважды караванщики его подбирают, а на третий раз решают оставить на дороге. Тут в первый раз проявляется характер Ил-Дениза. К всеобщему удивлению к вечеру он догоняет караван и просит принять его обратно. По прибытию в Ирак купец продает своих рабов везиру ирако - сельджукского султана Махмуда (1118-1131 гг.) Сумайрами. Везир всех забирает, а от Ил-Дениза отказывается. Ил-Дениз, плача, уговаривает везира взять его тоже. Везир соглашается и вскоре Ил-Дениз своей «расторопностью и смышленностью» завоевывает его расположение. После убийства везира ассасинами Ил-Дениз попадает на службу к самому султану Махмуду. Султан дает распоряжение заняться воспитанием молодого невольника. Ил-Дениз изучает языки, богословие и другие науки и с удовольствием осваивает искусство верховой езды и стрельбы из лука. Вскоре его назначают главой султанской кухни (ал-хиван салар). На этой должности Ил-Дениза застаёт смерть султана Махмуда.

Новый султан Тогрул II (1132-1135 гг.) переводит Ил-Дениза в число личных султанских стражников (мамлюков). Пользуясь особой благосклонностью жены султана Мумина-хатун и следуя ее мудрым советам, Ил-Дениз быстро продвигается по службе и вскоре достигает ранга эмира. Когда же встает вопрос о выборе атабека малолетнему сыну, Тогрул II останавливается на кандидатуре Ил-Дениза. После смерти султана Тогрула II, пришедший ему на смену султан Мас'уд (1135-1152 гг.) женит эмира Шамс ад-Дина на вдове Тогрула II - Мумине-хатун, от которой у него впоследствии рождаются два сына - Джахан Пахлаван и Кызыл-Арслан и дочь, имя которой не известно.

В 1136 г. султан Масуд делает атабека Ил-Дениза владетелем Аррана, со столицей в Барде. Переехав в Барду, Ил-Дениз старается проводить независимую политику и быть подальше от дворцовых интриг. Он, опираясь на местных эмиров, где мечем, а где пером, привлекает на свою сторону многих мелких владетелей и постепенно подчиняет себе окрестные территории.

В Азербайджане в это время правит Кара-Сункур, атабек племянника султана Масуда Давуда. Масуд объявляет Давуда своим наследником и выдает за него дочь. Неожиданно в 1140/41 году Кара-Сункур умирает и управление Азербайджаном переходит в руки Иль-Дениза. В эти годы Шамс ад-Дин успешно помогает султану Масуду разгромить взбунтовавшихся [76-77] феодалов. Авторитет Шамс ад-Дина Ил-Дениза, как государственного деятеля и полководца, растет. Весь Азербайджан, а также Арран, Гянджа и Ардебиль оказываются в руках Ил-Дениза.

После смерти султана Мас'уда между наследниками начинается ожесточенная борьба за власть. Пришедший к власти султан Мухаммед, внезапно с большим войском союзников нападает на Азербайджан. Шамс ад-Дин встречается его в долине Аракса. Битва, длившаяся несколько дней, завершается поражением Ил-Дениза. Ему приходится отказаться от владения Азербайджаном и оставить за собой только Арран. Однако, уже через несколько лет при слабовольном султани Сулеймане Ил-Денизу удастся вновь овладеть Азербайджаном. Напуганный Сулейман и его приближенные провозглашают наследником престола сына Тогрула II, пасынка Ил-Дениза-Арслан-шаха. Когда же в результате заговора, был свергнут и убит Сулейман-шах, принца Арслан-шаха, заговорщики выбирают претендентом на престол. В ноябре 1160 г. атабек Ил-Дениз привозит принца Арслан-шаха в столицу султаната - Хамадан. Сопровождает его 20-тысячная армия. На коронацию прибывают владельцы почти всех областей султаната и сопредельных вассальных стран. Арслан-шах провозглашается султаном Иракского Султаната, а Шамс ад-Дин Ил-Дениз объявляется «Великим Атабеком», его старший сын и брат султана по матери Джахан Пахлаван назначается эмиром - хаджибом султана, а второй сын Кызыл-Арслан - верховным главнокомандующим войск султана. Всех своих эмиров Ил-Дениз назначает на высокие государственные должности. Присутствующие на коронации эмиры принимают присягу верности султану Арслан-шаху и Великому Атабеку.

Ил-Дениз становится фактическим правителем всей страны. Такая централизация власти тревожит багдадского халифа и владельцев крупных областей, не желающих терять привилегий и даже какой-то относительной самостоятельности. Халиф отказывается признать Арслан-шаха султаном и начинает сколачивать коалицию недовольных эмиров, обещая посадить на султанский престол одного из верных им сельджукских принцев.

Ил-Дениз, не дожидаясь объединения эмиров, быстрыми рейдами громит войска эмиров на их территориях. Блестящие победы были одержаны им под Хамаданом, Реем, Казвином. Напуганные этими победами правители многих областей спешат признать свою вассальную зависимость от султана. Правитель Рея Инанджу оказывается вынужденным при этом выдать свою дочь за сына Великого Атабека Джахан Пахлавана. Как пишет академик Бунятов: «Таким образом, атабек Шамс ад-Дин Ил-Дениз подчинил своей власти огромную территорию, простирающуюся от Кавказских гор до Персидского залива. Территория владений Ил-Дениза «протянулась от ворот Тифлиса до Мекрана. Он владел Азербайджаном, Арраном, Ширваном, Джибалом, Хамаданом, Гиляном, [77-78] Мазандараном, Исфаганом и Реем. Вассалами Ил-Дениза, чеканившими монеты с его именем и упоминавшими его в хутбе (пятничной молитве) после имен халифа и султана, были атабеки Мосула, Кермана, Фарса, владельцы Ширвана, Хузистана, Хилата, Арзан ар-Рума и Мараги.»

В пределах султаната Ил-Денизу сравнительно быстро удается стабилизировать обстановку. Справиться с агрессивными соседями - с одной стороны Грузии, а с другой - Хорезма, оказывается значительно трудней. После жестоких набегов грузин на Ани, Двин и Гянджу в 1161 году Атабек Ил-Дениз снаряжает свои войска в поход против грузинских феодалов. К нему присоединяются с войсками владельцы ряда областей. Всего ил-Дениз собирает 50 тыс. войско и в 1163 г. союзники начинают поход против грузин. Ил-Денизу удается отобрать у них сожженный Двин и нанести царю грузин Георгию III тяжелое поражение. Историк участвовавший в этом походе, пишет: «Грузины понесли самое позорное поражение. Из их имущества было взято так много добычи, что ее нельзя было описать или сосчитать. Были захвачены царские конюшни, ясли в которых были сделаны из серебра. Царский погреб был захвачен со всем, что в нем было, включая большие серебряные бочки. Одна из них была отправлена султану. Для перевозки ее вместе с другой такой же потребовалась целая повозка. Султан отправил ее к себе вместе с добычей стоимостью в две тысячи бывших в обороте динаров. Он отправил питьевые сосуды из золота и серебра и предложил их соборной мечети Хамадана, чтобы люди могли пользоваться ими для питья воды. Вторую бочку захватили туркмены и разбили ее на куски. Мусульмане взяли огромное количество добычи и перебили много людей. Царь Абхазии был обращен в бегство и скрылся в густом лесу. Шах-арман захватил три отдельных выюка, один из которых содержал золотые и серебряные сосуды, а во втором была царская часовня с золотыми и серебряными крестами, усыпанными разными драгоценными камнями, украшенные золотом и драгоценностями неоценимой стоимости, подобным которым нельзя отыскать; третий выюк содержал царскую сокровищницу с золотом, серебром и драгоценностями, причем стоимость некоторых из них невозможно было оценить». «Я видел, - пишет он - место [будущего] сражения в том лесу, когда я пребывал на службе у абхазского царя в 549 году». Не смотря на такое крупное поражение, грузины не прекращают набеги на города, расположенные на территории Султаната. Сражения идут с переменным успехом. Только после крупного поражения грузин в 1175 году, о котором хроники сообщают: «абхазы были разбиты, и мусульмане одержали победу, подобно которой никто не мог вспомнить» обстановка на западной границе стабилизируется и восстанавливаются старые границы. [78-79]

На востоке Султаната границы страны всегда были под угрозой могущественного хорезмшаха Ил-Арслана. Яблоком раздора был Нишапур, граничащий с Хорезмом. Ил-Денизу удается сохранять Нишапур в своей вассальной зависимости до тех пор, пока владелец его не переходит на сторону Хорезмшаха. Владелец Рея, известный уже нам эмир Инанджа, отказывается выплачивать ежегодную дань и решает передать Рей и его округ во владение Хорезмшаха. Узнав об этом, Ил-Дениз срочно идет туда с войском. Объединенные войска эмира Инанджа и Хорезмшаха терпят поражение. Инандж, запершись в цитадели Рея, шлет на переговоры с Великим Атабеком своего везира. Иль-Дениз отказывается вести какие-либо переговоры с Инанджем, а везиру предлагает следующее: «Ты полагаешь, что Инандж заключит со мной мир и ты вместе с ним будешь находиться в Рее. Этого никогда не будет! Ты можешь выбрать из двух одно: либо ты останешься со своим господином на чужбине, и ты и он уцелеете, но ты будешь в этом случае терпеть убытки, лишения и бедность, либо ты должен вместе со мной принять меры для его уничтожения и остаться вместе с моим сыном Пахлаваном правителем при нем, обладающим властью над Реем, Исфаганом и Азербайджаном. Я даю тебе в этом клятвенное заверение». Везир принимает «мудрое» решение. По его приказу рабы убивают Инанджа, а он становится правителем Рея и близким человеком Атабека.

В 1175 году умирает Мумина-хатун, вдова Сельджукского Султана Тогрула II и жена Великого Атабека, а через месяц, в том же году, умирает и сам Ил-Дениз. Память о великой женщине, так много сделавшей для создания государства Атабеков Азербайджана и возвышения Ил-Дениза, запечатлена в прекрасном мавзолее, построенном великим азербайджанским зодчим Аджами ибн абу Бакром, над ее могилой. Строительство мавзолея, начатое Великим Атабеком было завершено, только в 1186 году его сыном Джахан Пахлаваном. Очевидно, с этим связано заблуждение многих искусствоведов, считающих Мумина-хатун женой Джахан Пахлавана. Как пишет академик З. М. Буниатов, жен Джахан Пахлавана звали Захида-хатун, Инандж-хатун и Кутайба-хатун. Великий Атабек Шамсаддин Иль-Дениз был похоронен в Хамадане.

З. М. Буниатов. Государство Атабеков Азербайджана. «Элм». Баку - 1978. [79-80]

ШИХАБЕДДИН АБУХАФС ОМАР СУХРАВАРДИ.

Выдающийся суфийский мыслитель Шихабеддин Абухафс Омар Сухраварди родился в 1145 году в Азербайджанском городе Сухравард, близ Занджана. Он был основателем одного из авторитетнейших до сих пор во всем мусульманском мире суфийских братств «сухравардийа». Многие ученые считают, что возникновение этого братства восходит к его дяде Дийааддину Абу-н-Наджибу ас-Сухраварди (1097-1168), влияние которого на Шихабаддина было очень велико.

Дийааддин ас-Сухраварди юношей покидает родной Сухравард и отправляется в Багдад на учение. После окончания учебы он преподает в знаменитом университете Багдада «Низамийа», а затем идет, как это было принято у суфиев, в ученики (мюриды) к великому шейху Ахмаду ал-Газали, который становится его наставником (мюршидом). Здесь он ведет уединенную жизнь отшельника в суфийской обители (рибате) на берегу Тигра. Слава о нем идет по всему Востоку. Многие хотят стать его мюридами. Он был наставником таких известных суфиев, как Абу Мухаммед Рузбихан Бакли Ширази (ум. 1209), Исмаил ал-Касри (ум. 1193) и Аммар ал-Бидлиси (ум. ок. 1200). Его ученики были наставниками великого хорезмийского суфия Наджмаддина Кубра, основателя суфийского братства «кубравийа».

В то время широкой известностью пользовалась книга-руководство Дийааддина ас-Сухраварди для обучающихся суфиев - мюридов «Адаб ал-муридин». Это было одно из самых ранних пособий подобного рода. [80-81]

Шихабаддин, продолжая семейные традиции, пишет руководство уже для духовных наставников - мюршидов, под названием «Авариф ал-мариф». Первой школой, которую посещал юный Шихабаддин, был рибат его дяди, высшее образование получил в одном из самых знаменитых университетов Востока «Низамийа», где в свое время преподавал его дядя. Этот университет (медресе) заметно отличался от многих известных в то время аналогичных учебных заведений средневековья. Университет был основан в 1067 году по инициативе и на деньги тюрокских - Сельджукских правителей, и в честь их великого везира Низамимулька, очень много сделавшего для его успешной деятельности, был назван «Низамийа». Обучение в нем проводилось полностью за счет Сельджукских правителей. В среднем, в год они расходовали около 600 тысяч динаров на жилье и питание студентов и жалование преподавателей, а так же на специальную университетскую форму студентов и преподавателей. Университет сыграл огромную роль, в развитии науки и культуры на всем Востоке. Роль его трудно переоценить. Лучшие ученые Востока приглашались сюда для преподавания таких наук как теология, история, логика, языкознание, литературоведение, астрономия, математика и др. Отбор педагогов производился непосредственно Сельджукскими правителями. Многие ученые эту медресе считают первым университетом современного типа на Востоке, а педагогов этого университета называют профессорами. Азербайджанские ученые участвовали в создании этого университета, преподавали там. Университет воспитал целую плеяду ярких ученых Азербайджана. С первых дней создания университета там преподавал филологию и заведовал богатой библиотекой Хатиб Тебризи. Окончили или преподавали там такие выдающиеся ученые, как Абдулманакиб Занджани, Махмуд Занджани, Аминаддин Варави, Абулфаз Ардабили и многие другие.

Закончив университет, Сухраварди очень быстро завоевывает широкую известность ученого - философа суфия на всем Востоке. Шихабаддин не был аскетом, удалившимся от мира, хотя и был великим суфийским шейхом. Известные ученые в то время, как правило, привлекались к политической и культурной жизни крупных и мелких правителей, старающихся прослыть просвещенными правителями. Не обошла эта участь и Сухраварди, но он не становится украшением дворцовой короны, а активно подключается к политической жизни двора. В ученом просыпается великий дипломат и правовед. Сухраварди, занимая должность советника «халифа ан-Насир ли-Диниллаха (1180-1225), и ведет ответственную дипломатическую службу, не забывая, конечно при этом, и о своих обязанностях шейха. От имени халифа он ведет дипломатические переговоры в Сирии и Египте, в городе Халебе, столице Эйюбидов. О его пребывании в Халебе, где он участвовал в дискуссиях с учеными, современник писал: «ас-Сухраварди произнес во дворце ал-Малика [81-82] аз-Захира такую речь, которая была не только риторически современной, но и до такой степени впечатляющей, что сердца слушателей стали покорными и в глазах у них появились слезы».

В 1217-1218. годах Сухраварди вел дипломатические переговоры с хорезмшахом Мухаммедом. Через год с дипломатической миссией он едет в Анатолию к сельджукскому правителю Коньи Алааддину Кайкубаду I.

Авторитет Шихабеддина, как суфийского наставника, политического деятеля, ученого и оратора был настолько высок, что для него халифом был выстроен специальный рибат, который скорее напоминал дворец. Там был целый комплекс строений с богатой библиотекой, баней и садом для самого халифа и его семьи. Здесь он мог работать, читать публичные лекции и организовывать диспуты. Лекции его собирали большое количество слушателей. Послушать его выступления приезжали со всей страны. Публичные лекции он так же регулярно читал в знаменитом университете «Абу-н-Наджиб». Сухраварди выделялся своим исключительным риторическим талантом и глубоким философским мышлением. За короткое время его лекции и диспуты получили такую известность, что на них присутствовало всегда большое число слушателей, прибывших из разных стран и местностей.

Во время правления халифа ан-Насира действовали рыцарские ордена ремесленников и аристократии - футувва. Посвящение в футувва осуществлялось надеванием на посвящаемого пояса. В качестве посланника халифа пояса, обычно, на представителей знати одевал Великий Мюршид Шихабдин Абухафс Омар Сухраварди. Известно описание церемонии посвящения султана Иззеддина Кей-Кавуса I и беев в братство ахи, сопровождающееся ритуальными плясками. Сухраварди, прибывший во дворец султана в качестве посла халифа, несмотря на свой преклонный возраст, также участвовал в плясках со своими мюридами.

Английский ученый Дж. С. Тримингэм пишет о Сухраварди: «Он был великим шейхом - учителем и его влияние, распространившееся не только через его учеников, но и благодаря его сочинению «Авариф ал-мариф», которое читали все суфийские наставники вплоть до наших дней. Суфии приходили к нему учиться почти со всего мира. «Арабский автор Ибн Халликан современник Сухраварди пишет: «Я встретил людей, которые слушали его лекции и останавливались в его халва, где обучались под его наставничеством, как это принято у суфиев. Они мне рассказали, какие странные они испытывали ощущения, когда им удалось достичь экстатического состояния (ахвал). Он прибыл в Иrbил как посланец багдадских властей и устраивал собрания для обсуждения религиозных вопросов, но мне так и не удалось увидеть его, ибо я был слишком молод. Он часто совершал паломничества в другие страны и иногда жил недалеко от Каабы. Многие из современных ему суфийских [82-83] шейхов с ним переписывались, обращались к нему за помощью при решении сложных вопросов и искали его совета в форме фатвы».

Шихабдин имел много последователей, а мистический орден «сухравардийа» имел много различных ответвлений. Среди них следует назвать братства его сына Имаддадина Мухаммеда (ум. 1257), ширазского шейха Наджибадина Бузгуша (ум. 1279) и др. Приверженцем мистического пути Сухраварди был и великий персидский поэт Саади Ширази (1208-1292). Который, в своем «Бустане», писал:

Вот - тарикат! Идите неизменно
По нем, склоняя головы смиренно.
Шейх, что всю ночь в молитвах простоял,
Дервишам утром скатерть расстилал.
Не Саади, Сухраварди ученье,
Что доблесть мужа - на пути служенья.

Позднее среди шейхов, причисляющих себя к «сухравардийа», были такие выдающиеся личности как Нураддин Абд ас-Самад ан-Натанзи, Абдарразак ал-Кашани (ум. 1329), Саид ибн Абдаллах ал-Фаргани (ум. 1300), хотя причислять себя к этому ордену не всегда было безопасно. Другое дело Индия, где «сухравардийа» могла открыто существовать, как самостоятельная школа мистического направления. Одним из основателей этой школы, существующей в Индии и сейчас, был выдающийся ученик Сухраварди Нураддин Мубарак Газнави. В Дели сохранилась его гробница - всеми почитаемая. Если вы будете в Дели, не забудьте посетить эту гробницу и помянуть Великого Учителя и его Ученика. Умер Сухраварди в 1234 году в Багдаде.

А. К. Рзаев. Очерки истории политико-правовых учений Азербайджана. Баку - 1983; Закир Маммадов. Орта эрр Азәрбајҹан философлары вә мütәфәккирләри. Бақы - 1986; Дж. С. Тримингэм. Суфийские ордена в Исламе. «Наука». Москва - 1989. [83-84]

ШИХАБАДДИН АБУЛФАТУХ ЙАХИА ИБН-ХАБАШ СУХРАВАРДИ «АЛ-МАКТУЛ» («МУЧЕНИК»)

Один из крупнейших философов востока, основоположник философии ишракизма (ал-ишраг - озарения) Шихабaddin Абулфатух Йахйа ибн Хабаш Сухраварди родился в 1154 году в городе Сухравард близ Занджана. В.Гордлевский пишет, что родом он азербайджанский турок, пользовавшийся большим расположением сельджукского султана Кылыч-Арслана, которому он посвятил свое сочинение и его сыновей - Насир-ад-Дина и Гияс-ад-Дина и что он был большим любителем ритуальных суфийских плясок.

Начальное образование он получает в Мараге у известного в то время философа и знатока мусульманского права Джиме Меджадина, а затем продолжает образование в Исфагане у Захира Фариси. Шихабaddin много путешествует по Азербайджану, Ближнему и Среднему Востоку встречается с видными учеными и политическими деятелями. В диспутах и спорах он проверяет убедительность разрабатываемых им новых идей, не всегда успешно ищет единомышленников. Свое учение он проповедует и в Анатолии при дворе сельджукского правителя Кылыч Арслана II и его сына.

В 1183 году Шихабaddin Сухраварди выезжает в Сирию и там в городе Халебе участвует в диспутах, организуемых в знаменитом университете Халавийя. Его общественно-политические и религиозные взгляды, пропитанные суфийским [84-85] духом, большей частью расходятся с общепринятыми и, в конце-концов, его арестовывают и заключают в крепость Халеба. В 1191 году, как пишут его современники, за «отступление от веры» и «безбожие» он был осужден и казнен правителем Халеба ал-Маликом ал-Захиром по приказу Султана Саладина в возрасте 38 лет.

В историю философии Востока он вошел под именем «Убиенный философ» («Ал-фейласур ал-мактул») или чаще просто как «ал-Мактул» - «Мученик». Шихабaddin Сухраварди оставил богатое наследие. В первую очередь, следует отметить сочинения, посвященные философии ишракизма «Хайакил ан-нур» («Статуи света»), «Хикмт ал-ишраг» («Философия озарения») и др., а так же многие сочинения, посвященные суфизму, логике, метафизике «Ат-Талви-хат» («Замечания»), «Рузи ба джамаат-е суфийан» («Один день с суфиями»), «Лугате муран» («Язык муравьев») и многие другие. Известны также его поэтические произведения.

Философия ишракизма, основоположником которой был Сухраварди, на протяжении многих столетий оказывала глубокое влияние на развитие философии на Востоке. Не меньшая заслуга его в развитии политико-правовых учений того времени. Как пишет исследователь политикоправовых взглядов Сухраварди А.Рзаев: «Шихабaddin Сухраварди, в отличие от других ученых правоведов своего времени, толкователей мусульманских законов, творчески рассматривал и исследовал вопросы правоведения. Шихабaddin Сухраварди, разделяя науки на теоретические и практические, к последним относил этику, политику и право. Ученый считал, что главными элементами каждой из этих наук являются ее основное содержание, подлинные факты и доказательства. Шихабaddin Сухраварди придерживался выдвинутой Аристотелем идеи о том, что государством должны управлять философы. «Если политика будет в руках достойного человека, - писал он, - мир будет светлым». «Профессор Закир Мамедов ставит Шихабаддина в один ряд с такими выдающимися философами Востока, как Айналкузат Мийанеджи и Ибн Рушд. В книге иранского философа Сейида Насра «Три мусульманских мыслителя» мировоззрение Сухраварди исследуется параллельно с мировоззрением таких корифеев мировой науки, как ибн-Сина и ибн ал-Араби. Он пишет, что «благодаря неустанным усилиям Сухраварди и ибн ал-Араби, безмятежная до этого жизнь мусульман обогатилась новым, интеллектуальным содержанием, достигшем своего апогея в сефевидский период».

Труды Шихабaddin Сухраварди приведены на многие языки мира и неоднократно издавались в Баку, Стамбуле, Тегеране и многих странах Запада. Известный французский исследователь творчества Сухраварди - Корбэн писал, что «Сухраварди был не только суфистом и хакимом одновременно, но и тем человеком, который постиг сущность истинной [85-86] философии. Он как философ обладал, как теоретическими знаниями, так и духовным видением». Некоторые исследователи его творчества находят влияние зороастризма на его учение, так как философия ишракизма утверждает, что все сущее состоит из их света и теней, утверждает двуединство света и тьмы. Материальный мир у Сухраварди, в целом,

считается вечным. Причиной движения является свет. Между светом и движением существует взаимосвязь. «Свет, пишет Шихабдин Сухраварди, возникает из каждого сияния как движение и подготавливается каждым движением для другого сияния. Таким образом, обновление сияний продолжалось обновлением движений и обновление движений продолжалось обновлением сияний».

У Шихабдина Йахйа Сухраварди было много последователей. Среди них, в первую очередь, следует отметить Шахразури (ум. 1250), Ибн Каммуна Исфаили (ум. 1277), Гутбэддина Ширази (1236-1311), Вадуда Табризи (ум. 1524), Садрэддина Ширази (ум. 1640).

Шихабдин Јаһја Сүһрәвәрди. Ишыг - һејкәлләри. «Елм». Бақы - 1989; А. К. Рзаев. Очерки истории политико-правовых учений Азербайджана. Баку - 1983; Закир Мәммәдов. Орта әср Азәрбајҹан философлары вә мütәфәккирләри. Бақы - 1986; Вл. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. Москва-Ленинград - 1941. [86-87]

АБУЛЬ-АЛА ГЯНДЖЕВИ

В XI и XII вв после прихода в Азербайджан тюрок - сельджуков создаются благоприятные социально-экономические условия для использования огромного научного и культурного потенциала, накопленного за время вхождения страны в арабский халифат, для развития науки и культуры. В городах открываются университеты и школы. Действуют частные и общественные библиотеки. Создаются центры по производству бумаги, по переписке и переплету книг. Действуют обсерватории и общественные больницы. Расцветают города Шемаха, Ардебиль, Тебриз и, особенно, Гянджа. В Гяндже, насчитывающей тогда свыше пятисот тысяч человек, можно было услышать тюркскую, арабскую, персидскую, албанскую, еврейскую, грузинскую, армянскую и др. речь. Не зря Низами называет Гянджу «Мой Вавилон». В Гянджу съезжаются купцы, ученые, поэты, ремесленники из многих стран. В середине XI века сюда приезжает выдающийся азербайджанский поэт Катран Тебризи. В Гяндже он вскоре оказывается приглашенным ко двору Шаддадилов, где быстро завоевывает большой авторитет среди дворцовых поэтов и ученых.

Продолжатель поэтических традиций Катрана Тебризи Абуль-Ала Гянджеви родился в Гяндже в конце XI века. После окончания учебы он попадает в город Хилат - столицу мусульманского государства арменшахов, где, по предположению академика Крымского, он «стихотворствовал при дворе арменшахов». Долго Абуль-Ала здесь не задерживается и переезжает в Шемаху, где благодаря своему поэтическому [87-88] таланту и высокой, эрудиции, вскоре попадает на службу к большому покровителю поэтов ширваншаху Манучехру I (1120-1149).

Анализ произведений поэта показывает, что Абуль-Ала обладал разносторонними познаниями в поэтике, философии, астрономии и медицинских науках. Поэзия Абуль-Алы отличается академичностью и словесной изысканностью. Во дворце он окружает себя способной молодежью и получив официальный титул «царя поэтов» («малик ашшуара») становится, фактически, основоположником знаменитой ширванской школы фарсыязычной поэзии. Среди учеников Абуль-Ала можно найти таких прославившихся на весь Восток поэтов, как Хагани и Фелеки.

Особенно большую роль Абуль-Ала сыграл в жизни Хагани. Он первым замечает талантливую юношу и пристраивает его во дворец ширваншахов на должность придворного поэта. Он же предлагает, очевидно, по подсказке самого ширваншаха, молодому Хагани сменить псевдоним «Хакаики» на «Хагани». Талант Хагани уже замечен Манучехром I, который по тюркской традиции называет себя каганом, и принятие поэтом псевдонима «Хагани» льстит самолюбию как ширваншаха, так и поэта. Сам Абуль-Ала об этом пишет так:

Я препоясался на заботливое обучение тебя.
Я твоему языку открыл путь стихотворства.
Когда же ты сделался подлинным поэтом,
Я повел тебя к хакану (ширваншаху Манучехру),
Я дал тебе прозвище «Хагани».

До этого особой благосклонностью Абуль-Ала пользовался тоже шемахинец - поэт и астроном Джалал ад-Дин Фелеки (ум. 1181). Согласно сохранившимся преданиям, Абуль-Ала даже обещает отдать ему в жены свою дочь. Однако после появления при дворе талантливого новичка «царя поэтов» меняет свое решение и рука его дочери достается Хагани. Чтобы как-то утешить разбитого горем Фелеки, Абуль-Ала дарит ему 20000 дирхем и при этом добавляет: «Сын мой, за такие деньги ты купишь пятьдесят туркестанских рабынь более красивых, чем моя дочь.» Гафар Кандли в своем капитальном труде о Хагани отрицает факт женитьбы Хагани на дочери Абуль-Ала.

Несмотря на все привилегии «царя поэтов», жизнь Абуль-Алы во дворце оставалась полной тревог. Его окружают недоброжелатели и открытые враги. Даже его любимый ученик Хагани вскоре переходит в стан недоброжелателей. Между учителем и учеником завязывается интенсивная поэтическая перестрелка. Вот что пишет обо всем этом Абуль-Ала в последний период своей жизни: [88-89]

О, преславный аллах! Пятьдесят мне и пять еще лет,
Шесть десятков вдали, но, как шест, я согнулся от бед.

Сгорблен я, словно чанг, и толпа, как и в звуках его,
От меня, кроме жалоб, не слышит теперь ничего.
В беспредельности века людей я судил по делам,
Но не встретил такого, кто был бы и верен и прям.
Все завидуют мне, всюду тысячи вижу врагов,
Строят тысячу козней, готовят железо оков.
Проницателен я - и завистники рушат покой,-
Как врагов не нажить может нынче ученый такой?

Хотя «Диван» стихов Абуль-Ала до сих пор не обнаружен и о творчестве поэта нам известно только из средневековых хрестоматий, имя его будет жить в истории литературы Азербайджана как имя великого поэта и педагога, одного из основоположников прославленной ширванской школы фарсоязычной литературы.

Мамед Ариф Дадаш-Заде. Азербайджанская литература. «Высшая школа», Москва - 1979;
А. Е. Крымский. Низами и его современники. «Элм». Баку - 1981. [89-90]

ХАГАНИ ШИРВАНИ

Один из величайших поэтов и философов Востока, Афзаладдин Ибрагим ибн Али Хагани Ширвани, родился приблизительно в 1126 году в городе Шемахе, столице государства Ширваншахов, расположенного на севере Азербайджана. Часто к его имени добавляли и слово «Бедил» («Приемник»), считая его приемником классика персидской поэзии Санаи.

Отец Ибрагима Али Наджар ибн Осман Ширвани был плотником, дед Осман - ткачом. Отца Османа звали Ибрагимом. Все они коренные ширванцы. Дядя Ибрагима Омар Кафияддин сына называет Османом в честь своего отца, а его брат Али Наджар называет сына Ибрагимом в честь своего деда. Традиция выбора имен таким образом сохраняется в Азербайджане и сейчас. Говоря о своем незнатном происхождении, Хагани часто ссылается на библейского патриарха Моисея (Ибрагим), имя которого он носил и который так же был сыном плотника. Мать Ибрагима Рабийя, христианка - несторианка, была кухаркой. В Ширван она попадает с группой невольниц.

К отцу Ибрагим относится с большим почтением, о чем он пишет в своих произведениях, однако по каким-то причинам отец бросает семью и мальчика воспитывает его дядя Омар Кафияддин. Омар Кафияддин был выдающейся личностью своего времени. Слава о его учености распространяется далеко за пределы Азербайджана. Он владеет многими языками, прекрасно разбирается в философии, теологии, астрономии, математике, медицине, фармакологии [90-91] и преподает в университете. Особенно велики его заслуги в развитии медицины в Азербайджане. Омар Кафияддин основывает недалеко от Шемахи, в местечке Мельгам, Медицинскую Академию, куда приглашает работать ученых-медиков, занимающихся лечебной практикой, производством лекарств и подготовкой врачей. Сам он, будучи прекрасным врачом, хирургом и фармакологом, при лечении больных применяет свыше десяти видов плесеней (в настоящее время плесени применяются для производства антибиотиков).

Обучение маленького Ибрагима начинается с изучения арабского алфавита, законов каллиграфии и чтения «Корана». Далее идет изучение таких традиционных для того времени предметов, как теология, языкознание, математика, астрономия с астрологией. Большую помощь в воспитании Хагани Кафияддину оказывает его сын Вахааддин Осман. Осман обладает энциклопедическими знаниями, является хорошим врачом, фармацевтом, хирургом. Он известен как крупный философ, теолог и поэт. Кроме того, он талантливый музыкант и музыковед. Он владеет теорией музыки и мастерски играет на эргенуне, предшественнике современного органа. Вполне возможно, что музыкальное образование Ибрагим получает у Османа.

В результате обучения у дяди, а затем в медресе Ибрагим получает глубокие знания, которые он далее углубляет самостоятельно («дядя повел меня в большую библиотеку»). О высокой образованности поэта можно судить по его касыде «К византийскому кесарю», где он пишет, что христианские догмы он знает лучше любого епископа и может разобраться в тонкостях яковитства, несторианства и православия и кроме того проник в тайны религии Зороастра через предписания Зендавесты.

Чтобы начать карьеру поэта, Ибрагиму надо выбрать, как это полагается в то время, псевдоним (тахаллус). Ибрагим был поклонником творчества известного поэта Санаи и как считают специалисты, тахаллус - Хакаики («Искатель истин») выбирается им под влиянием книги Санаи «Хадинат ал-Хакаику» («Сад истин»).

После смерти дяди, его опекуна и наставника, у Ибрагима появляется новый покровитель в лице «царя поэтов» двора ширваншаха Манучехра Абуль-Ала. Абуль-Ала родом был из Гянджи и в Ширван, во дворец Ширваншахов, попадает уже известным поэтом. Абуль-Ала замечает талант Ибрагима и устраивает его на должность придворного поэта. По настоянию Абуль-Ала, а по другой версии, по подсказке самого ширваншаха Минучехра, Ибрагим, еще совсем недавно принятый тахаллус «Хакаики» заменяет на «Хагани» в честь ширваншаха, который по тюркской традиции носит титул властителя - «Хаган». Это был уже второй, известный в дальнейшем далеко за пределами Ширвана, ученик Абуль-Алы. [91-92] Первым был тоже шемахинец Джалал ад-Дин Мухаммед Фалаки (ум. 1181), поэт и астроном. Первоначально он пользуется большой благосклонностью Абуль-Ала и тот, как передает легенда, даже обещает Фелеки руку своей дочери. Однако поэтический талант и личные качества Хагани якобы берут верх и «царь поэтов» выдает дочь за Ибрагима. Разбитого горем Фелеки Абуль-Ала утешает подарком в 20000 дирхем. «Сын мой!» - прибавляет при этом Абуль-Ала - «за такую цену ты купишь пятьдесят туркестанских рабынь более красивых, чем моя дочь!» Такой поворот событий вполне

устраивает Фелеки и, как иронически пишет академик Крымский: «После того все они, и «царь поэтов» Абуль-Ала, и его зять Хагани, и его соученик Фелеки могли дружно и благополучно славословить Манучехра». Далее Крымский приводит, в виде примера, один из панегириков Хагани в вольном переводе: «Твоя рука, Манучехр, раскрывается только для того, чтобы раздавать щедрые дары, а сжимается разве тогда, когда принимает от виночерпия кубок красного вина. Ничто, существующее в мироздании, не может пожаловаться на несправедливость с твоей стороны, за исключением разве письменной тростинки калама, которой ты срезаешь голову, хоть она перед тобой ни в чем не повинна».

Однако в стихах поэта уже начинают звучать ноты протеста и недовольства. Появляются стихи обличающие деспотический дух двора ширваншахов. Недруги используют это, и, очевидно, суфийские взгляды поэта, чтобы очернить поэта в глазах шаха. Азербайджанский ученый Гафар Кяндли-Херсчи в своем капитальном труде «Хагани Ширвани» (жизнь, эпоха, среда), на основе тщательного анализа трудов Хагани и его современников и его обширной переписки, внес очень много нового в традиционно известную биографию поэта. Главное, что он отрицает факт женитьбы Хагани на дочери Абуль-Ала, так красочно обыгрываемый его биографами уже почти 800 лет.

Гафар Кяндли считает, что у Хагани было три жены. Первая из них была деревенской девушкой из Ширвана. Ширванская жена жила где-то на берегу то ли Куры, то ли Каспия, так как Хагани пишет: «В той деревне мореходы тысячу раз меня заклинали». По мнению автора Хагани женился приблизительно в 1151/52 году и был старше жены на 12 лет. Любимая и незабываемая, всю жизнь жена умирает после его второго путешествия в Мекку. Прожили они 25 лет. У них было две дочери и два сына. Кяндли приводит имена его двух сыновей - это Рашиддеддин Рашид и Амир Абдулмеджид. Рашид умирает в Ширване в возрасте 20 лет. Отец очень тяжело переживает его потерю и посвящает ему элегию. [92-93]

Специалисты считают, что, по глубине скорби и по силе душевного воздействия элегии Хагани сыну непревзойденны никем, начиная с Фирдоуси. В Тебризе Хагани женится на вдове. После смерти этой жены Хагани женится в третий раз. Нельзя без волнения читать строки, посвященные его любимой, первой жене. Как современно они звучат:

За тобою стремлюсь я в иные поля,
Без тебя нестерпима мне стала земля,
Что мне бури вселенной и бешенство гроз
В буре этой разлуки и горя и слез?
Иногда погружусь я в душу свою,
Лишь тебя нахожу в ней, тебя узнаю.
О, пока суждено мне, пока я живу-
Не оставь меня! - Душу твою я зову -
Ты сказала: «Ты можешь еще полюбить...»
Но ты знаешь, не может этого быть.
Без тебя утешенье немыслимо мне
Не найду я его ни в мечте, ни во сне.

В 1150 году Манучехр умирает и на трон садится Ахситан I, правивший почти столетия и прославившийся, при всем его «жестокосердии и злобности», как покровитель поэтов. Восхвалению Ахситан I его родни и обитательниц его гарема посвящают свое творчество придворные поэты. Ему же в 1188 году посвящает свою поэму «Лейли и Меджнун» великий Низами.

К этому времени мастерство Хагани достигает небывалой высоты. Его стихи отличаются изяществом, мелодичностью, звучностью и в то же время, как требовала традиция того времени, сложностью текста, игрой слов, трудно понимаемых намеков и научной терминологией. В соревновании придворных поэтов он вырывается в лидеры и это не может не сказаться на его взаимоотношениях с Абуль-Ала, до этого признанным «царем поэтов», и другими поэтами, тем более, что «его величество хакан имел привычку платить за хвалебную оду по тысяче золотых динаров». Разрыв с Абуль-Ала произошел еще при Манучехре, а при Ахситане их ссора перерастает в поэтическую войну. Эпиграммы и сатиры становятся все острее и горше. Язык полемики настолько натурален, что современные литераторы часто предпочитают печатать стихи поэтов только во французском переводе. Ясно, что поэтическое соперничество было только поводом для ссоры. Корни разногласий следует искать глубже. [93-94]

Под влиянием недругов Хагани меняет отношение к нему не в лучшую сторону и Ахситан. Жизнь для Хагани при дворе становится невыносимой. Он больше не может жить в душной атмосфере пошлости, лицемерия, интриганства и соглядатайства:

И если шаг я сделаю в тиши
Или вздохну из глубины души,
Враги арканом этот вздох возьмут,
И исказят и шаху донесут.

Он в Ширване никому не нужен и сравнивает себя с прошлогодним календарем:

Прошли года, мой волос серебра,
Как числа старого календаря,
Ведь с новым годом он не совпадает:
Свой календарь заводит новый год.
А старый календарь, что весь пройден,
Из библиотеки уносят вон.
И вместе с мусором сожгут его
Иль книгоноше отдадут его.
Сложилась так теперь судьба моя,-
Тот старый календарь, о друг мой, это я.

У Хагани появляется мысль уехать из Ширвана. Сперва он рвется в Хорасан. В 1151 году ему удается доехать в этом направлении, до Рея. Дальше ехать ему владетель Рея не разрешает и поэт возвращается на родину. После этого Хагани добивается у шаха разрешения на паломничество (Хадж) в Мекку.

Наконец, в 1156 году такое разрешение получено и Хагани совершает путешествие, оставившее заметный след в его творчестве. Он посещает несколько стран Передней Азии, города Ардебиль, Исфаган, Багдад, Дамаск, Мосул, Мекку и Медину. Встречается с учеными, государственными деятелями, знакомится с общественной жизнью этих стран.

Паломничество в Мекку, в жизни образованных мусульман играет очень большую роль. Хадж часто помогает им подняться на еще более высокую ступень творчества. Паломники за время Хаджа знакомятся с новыми странами, встречаются с выдающимися учеными и политическими деятелями, участвуют в научных диспутах выдающихся философов и религиозных деятелей. Часто во время Хаджа образуются импровизированные группы по интересам и диспуты продолжаются в пути. За год, два Хаджа человек может переосмыслить свой жизненный путь, наметить программу дальнейшего существования и творчества. Положительные изменения [94-95] в судьбе человека после Хаджа можно было отнести и на счет божественных сил, но создатели Хаджа наверняка понимали благотворное влияние таких путешествий на развитие общества.

Хадж внес свежую струю в творчество Хагани. Исследователи даже делят его творчество на два периода-до Хаджа и после. Как пишет народный писатель Азербайджана Мирза Ибрагимов: «Он вернулся умудренный увиденным, пережитым и передуманным; его поэтическая и философская мысль обрела новую глубину зренья, зрелую независимость и решимость. Очевидно, этим сдвигом и объясняется его отход от панегириков и подчеркнутое стремление к строгой философии, насыщенной лирикой, к газелям, проникнутым гуманистическим пафосом».

Точный маршрут Хагани в Мекку неизвестен. Встречают его с большой торжественностью. Гафар Кандли считает, что Хагани, проезжая через Хамадан, был в ставке сельджукского правителя Султана Мухаммеда ибн Махмуда. На эту мысль исследователя наводят произведения Хагани, часто восхваляющие этого правителя. Хагани даже пишет, что при дворе Султана Мухаммеда дворцовый композитор написал на его стихи музыку. В Хамадане поэт встречается с группой местных ученых. В «Даре двух Ираков» поэт упоминает встречу в Хамадане с руководителем местного университета. Отсюда он едет в Багдад через Мосул. Столица мусульманской культуры Багдад встречает поэта с раскрытыми объятиями. Организатором встреч оказывается большой поклонник творчества Хагани везир правителя Мосула Джамаладдин Мухаммед Исфагани. Он представил поэта халифу ал-Мугтафи. Хагани оказывается необычно теплый прием. На нем присутствуют только самые близкие халифу люди. Поэт оказывается допущенным к руке халифа, что по протоколу почти никогда не делается. Обычно выдающимся государственным деятелям на приемах изредка разрешается приложиться, в лучшем случае, к ноге халифа. Хагани предлагается почетная должность секретаря при халифе, от которой он вежливо отказывается:

Сам я Солнце - зачем же мне вдруг
становится звездой?
Шапка, взятая в долг, для меня
не почет - униженье.

Поэт в восторге от Багдада, но уже скучает по Ширвану и пишет об этом стихи. В Багдаде Хагани пишет знаменитую элегию «Медаин» («Ктесифон»), посвященную древней столице Сасанидов. Хагани считает, что величие зороастрийского Ктесифона для потомков так же ценно, как и величие мусульманской Мекки. Свое путешествие из Багдада [95-96] в Мекку поэт описывает в стихотворении «Хавасси-Мекка». Из Мекки он едет в Медину. Посещает могилу Мухаммеда и первых двух халифов. Здесь он дает зарок не прикасаться к вину, сдерживать эмоции и алчность. Отсюда Хагани едет прямо в Мосул. Там его принимает Джамаладдин Мухаммед, которого он еще не раз будет вспоминать в своих произведениях.

Вернувшись из паломничества в Шемаху, Хагани сторонится двора, объясняя это зарокон не пить вина, данным себе в святых местах. Появляется он теперь во дворце только во время торжественных встреч или официальных приемов. Пишет стихи, в которых критически описывает дворцовые порядки. Долго продолжать эту игру с огнем опасно и Хагани в конце 1157/8 года уезжает в Дербент. Здесь хорошо знакомая с творчеством Хагани интеллигенция Дербента, так же, как его правитель Сейфаддин Арслан Музафар, встречает его с большой любовью. Сейфаддин дарит Хагани дом. У Хагани в Дербенте много друзей. Хагани знакомится с культурной жизнью города, со старым городом и его окрестностями. Пишет касиду, посвященную Сейфаддину.

Сколько прожил поэт в Дербенте неизвестно, известно только, что в 1159 году он уже в Гяндже. Ширваншах Манучехр письмом требует его возвращения в Шемаху: «В Ширване политическая обстановка очень тяжелая. Твое, по возможности быстрое, прибытие сюда крайне необходимо». В этом же письме Манучехр сообщает о смерти двух выдающихся поэтов. Одним из них был Абу-л-Ала. Поэт вернуться не может, он четыре месяца лежит тяжело больным. Спасет его известный в Гяндже врач и друг Шамсаддин Табиб. В Гяндже Хагани принимает его близкий друг и сподвижник еще по Шемахе, глава суфиев Аррана и Ширвана известный философ имам Насираддин Бакуви, сосланный в Гянджу ширваншахом.

Возвращаясь из Гянджи в Шемаху, Хагани попадает в Барду. Очевидно, он заезжает в Барду за сосланным сюда своим двоюродным братом Вахиадином Османом. Манучехр милует обоих братьев и, в честь этого, шлет им в Барду подарки. В Шемаху они возвращаются вместе. По дороге в Шемаху (а может быть позднее) он присутствует на открытии плотины на Бакилани в 1159 году.

Плотина была разрушена в результате большого наводнения в 1138 году, и, если верить одам Хагани и Фелеки Ширвани, ширваншах очень много сделал для ее восстановления и усовершенствования.

Согласно Гафару Кандли-Херисчи, приблизительно в это время у ширваншаха умирают сын Фарибурз и дочь Алчикек. Этим событиям Хагани посвящает поэмы и элегию. Сразу по прибытии на Куру поэт принимается Манучехром. Наутро он опять приглашается к ширваншаху. До прихода в [96-97] ставку поэт успевает написать стих, в котором в скрытой форме упрекает высокопоставленного покровителя в своих бедах.

В Шемаху поэт возвращается вместе с Манучехром в 1159 году. В 1160 году он совершает поездку в Хой, а затем в 1163/64 году в Хамадан в качестве посла ширваншаха.

В Шемахе зреет заговор против ширваншаха. В планах заговорщиков уничтожение 60 видных деятелей двора. Среди них значатся Хагани и имам Насираддин Бакуви. Узнав о заговоре, Хагани бежит в Карабах. Заговор раскрыт, его организаторы казнены и Хагани может вернуться в Ширван. Хагани ведет интенсивную общественно-политическую жизнь, много ездит по Азербайджану. Он опять рвется в Хорасан, но попадает в государственную тюрьму, находящуюся в замке Шабаран. Здесь он пишет ряд «тюремных элегий», которые специалисты относят к самым интересным произведениям поэта. Выйдя из тюрьмы, Хагани решает совершить второй хадж в Мекку. После того, как атабек Шамс ад-Дин Ил-Дениз разбил в бою Ахситана, тот бежит из Шемахи в Баку и Хагани, воспользовавшись свободой, получает возможность совершить очередной хадж в Мекку.

Близкие и друзья не хотят отпускать поэта, догадываясь, что он может не вернуться. Сам Хагани тоже переживает расставание. С ним едут родные, друзья и слуги. Среди сопровождающих был и его ученик, известный впоследствии азербайджанский поэт, Муджир ад-Дин Байлакани.

В 1176 году Хагани уже в Багдаде. Новый халиф ал-Мустади принимает Хагани даже более торжественно, чем ал-Мугтафи. Отсюда он едет в Мекку, а затем в Медину. В Медине поэт повторно посещает могилу пророка Мухаммеда и опять пишет шафраном «зарок», который закапывает, по народной традиции, в землю, у могилы пророка.

По дороге в Багдад его грабят и даже несколько дней держат в заточении с предложением принять несторианство. Из Багдада Хагани обращается к Амиру Салеху Асаиддину с просьбой прислать одного верблюда в связи с потерей в пути десяти верблюдов. Амир Салех немедленно высылает поэту десять верблюдов.

Будучи в Багдаде, он пишет несколько стихов, посвященных этому городу и проведенным там дням, читает в мечети пятничную проповедь на арабском языке. Ученые Багдада дали ему прозвище «Дабири-араб». Поэт посещает знаменитый университет «Низамийя». В Багдаде он остается около недели. Властители соседних стран и областей наперебой приглашают знаменитого поэта посетить их двор.

В 1177 году через Диярбекир Хагани приезжает в Тебриз. К этому времени Тебриз стал столичным городом Азербайджанского государства Атабеков. Когда Хагани был в [97-98] пути, у ширваншаха Ахситана умирает любимый сын, воспитателем которого был Хагани. Поэт посылает ему соболезнование.

24 года жизни в Тебризе поэт проводит в библиотеке города, научных изысканиях, учительствуя. В это время поэт все чаще обращается к богу и суфизму и, очевидно, в связи с этим много путешествует, сближается со многими учеными суфиями, посещает святые места. Ширваншах Ахситан шлет послов к поэту с просьбой вернуться в Ширван. Такая же просьба поступает от царя Грузии Георгия III. Пишет из Тифлиса его близкий друг Изаддин, занимающий высокий пост при дворе Георгия. Но поэт непреклонен. Он любит Ширван и готов служить ему, но больше туда не вернется.

Дом Хагани в Тебризе становится своего рода посольством Ширвана. Здесь всегда много людей из Ширвана, официальных и неофициальных. Хагани выполняет поручения Ахситана, переписывается с ним и посвящает ему свои стихи. Как пишет поэт, в год на гостей он тратит около 3-4 тысячи динаров. Из письма видно, что эти расходы оплачивает ширваншах. Тетя Ахситана, сестра Манучехра, Исмаатдин в конце 1177 года по пути в Мекку три месяца оставалась в Тебризе. В касыде, написанной в честь этого события, Хагани пишет, что до нее он слышал только о жене правителя Ахлата, посетившей Мекку издалека.

В Тебризе Хагани сближается с Сейфаддином Бектамиром. Бектамир будучи мамлюком, благодаря своему уму и неукротимой энергии, смог добиться высоких постов при атабеке Кызыл-Арслане. У него имеется большая библиотека и он всячески поддерживает ученых и поэтов. Поэт путешествует по всему Азербайджану, посещает Ирак и культурные центры Анатолии, дважды бывает в Исфагане. Попастъ же в Хорасан, куда поэт рвется всю жизнь ему так и не пришлось. Доехать ему опять удастся только до Рея, где он заболевает и возвращается в Тебриз. На обратной дороге в Занджане поэта с большой теплотой и сердечностью принимает выдающийся азербайджанский философ Ейнудовла Хаким ал-Занджави. Из Тебриза Хагани шлет Ейнадовла благодарственное письмо и подарки - черную лошадь и черную одежду с белой повязкой.

В 1197/98 году умирает Ахситан, Хагани пишет на его смерть элегию.

Умер Хагани в 1199 году и похоронен в предместье Тебриза Сурхаб на знаменитом кладбище, впоследствии получившем название «кладбище поэтов» («мах-барат аш-шуара»). В настоящее время на этом кладбище после смерти великого поэта Шахрийара, ставшего еще при жизни классиком иранской и азербайджанской поэзии, в 1981 году сооружен [98-99] величественный мавзолей - музей, где рядом с именем Шахрийара можно прочитать имена Хагани и некоторых других выдающихся поэтов и мыслителей.

Средневековые тазкиристы пишут, что Низами написал на смерть Хагани элегию, в которой со скорбью замечает, что он всегда мечтал на свою смерть получить элегию Хагани, а пришлось писать ее самому:

Я говорил: Хагани будет оплакивать меня,
Но увы! Мне пришлось оплакивать Хагани...

Хагани Ширвани. Сечилмиш эсэрлэри. Баку - 1978; З. М. Бунјатов, Государство Атабеков Азербайджана. «Элм», Баку - 1978; Нурэддин Кэрэмов, Одлар јурдунун саяјјаһ вэ чоғрафијашүнаслары. Баку - 1985; Гафар Кэндли-Һерисчи. Хагани Ширвани (Һэјаты, дөврү вэ мүһити). «Елм». Баку - 1988; Хагани. Лирика. Москва - 1980; Хагани Ширвани. Избранные произведения. Баку - 1959. [99-100]

А имя твое будет вечно блистать
В короне ума и как царского перстня печать

ХАГАНИ

ОМАР ИБН-ОСМАН КАФИЭДДИН

В XIII веке по инициативе визира Газан-хана, крупнейшего государственного деятеля, реформатора и историка средневекового Азербайджана Рашидэддина, и при участии знаменитого азербайджанского врача Махмуда ибн Ильяса, создается сеть «Домов Здоровья» («Дар-уш шафа») - в современном понимании, своего рода клинических центров. Только в одном Азербайджане насчитывалось 67 таких центров.

Центральный «Дом Здоровья», с главной медицинской школой находился в Тебризе при, созданной там «Академии Наук», собравшей ученых со всего Востока. Рашидэддин в своей знаменитой «Истории» указывает, что в Тебризе работали свыше 500 ученых почти всех отраслей науки, прибывшие сюда из Индии, Египта, Китая, арабских и других стран и обучалось около 6000 студентов. Там же указывается, что в Тебризе были организованы библиотека и различные научные учреждения.

Здесь в области организации здравоохранения решающую роль сыграл организаторский и научный талант ученого - медика Махмуда ибн Ильяса Ширвани. Недаром Рашидэддин отзывался о Махмуде ибн Ильясе как о «Платоне своей эпохи, Аристотеле своего века». Первые «Дома Здоровья» на Ближнем Востоке создаются по инициативе Абу Сина задолго [100-101] до этого. В Ширване создателем такого лечебного центра - Мельгамской Медицинской Академии, был выдающийся ученый - врач Омар ибн-Осман Кафиэддин, дядя не менее знаменитого на Ближнем Востоке поэта Хагани Ширвани. Его опыт, очевидно, широко используется Махмудом ибн Ильясом и его сотрудниками при создании «Домов Здоровья» в Азербайджане. Так, описывая одно из своих путешествий Махмуд ибн Ильяс пишет, возвращаясь на родину, «по пути заглянул в Багдад к великому земляку, чтобы поговорить об отчизне (Ширване), вспомнить наставления Кафиэддина; воспоминания о Ширване всегда радовали нас».

Омар Кафиэддин родился в столице Ширвана городе Шемахе приблизительно в 1080 году. Он был выдающейся личностью своего времени и слава об его учености распространилась далеко за пределы Азербайджана. Кафиэддин был высокообразованным человеком, владел языками, был сведущ в философии, теологии, астрономии, математике, медицине, химии, фармакологии и преподавал в университете (медресе). Хагани писал о нем: «Меня и горей (шайтан) с пути не сведет, ибо не даст мой дядя. Он человек культуры и науки. Как вода подымается воздействием солнца, так и я благодаря ему поднялся. Он был глубоко знающим математику, философию, можно сказать, что он Аристотель своей эпохи». Согласно легенде, Омар Кафиэддин, прежде чем заложить здание своего лечебного центра приказывает своим ученикам зарезать несколько баранов и их мясо повесить на деревья в пригородах Шемахи, так чтобы их не могли съесть хищники. Через неделю Кафиэддин сам, верхом, объезжает все эти места и видит, что почти везде мясо испортилось и только в одном местечке, называемом Мельгам сохранилось таким, как будто его только что повесили. Отсюда Кафиэддин заключает, что в этом месте воздух не только наиболее чистый, но и целебный и поэтому медицинскую академию решает строить именно здесь.

Сейчас эта местность называют Мельгамской равниной, как считает Н. К. Керемов от азербайджанского слова «мелгам» - ценное лекарство. Существует и другая версия появления этого названия. В Шемахе до сих пор бытует легенда о том, что в ее пригороде жил когда-то врач лечащий кожные заболевания чудодейственным пластырем (мельгамом) и, что в честь этого деревня выросшая там получила, впоследствии название Мельгам. Кафиэддин приглашает сюда работать ученых - медиков, занимающихся лечебной практикой, производством лекарств и подготовкой врачей. Сам он был прекрасным врачом, хирургом и фармакологом. В его здравнице, как и в других подобных учреждениях на Ближнем Востоке должна была располагаться [101-102] аптека, там же живут врачи, фармацевты, лекари различных специальностей. Здесь же должны обучаться новички и повышать

квалификацию врачи и лекари, в том числе, хирурги – «джеррахи», окулисты – «кехали», травматологи – «муджбири», или «муджабири» и т. д.

В лечебных центрах того времени, обычно, предусматривалась коридорная система помещения. У входа размещались приемная и процедурная, палаты располагались по обе стороны коридора и наконец в конце клиники находился морг. Основное здание соединялось с хозяйственным корпусом открытой верандой, улучшающей вентиляцию помещения и позволяющей, в случае необходимости увеличения числа палат. Недалеко от основного здания должна была находиться небольшая аптека. Там же рядом со здравницей располагались жилые дома врачей и обслуживающего персонала и находилась аптека. Аптека выходила в сад, где выращивались и заготавливались различные растения для изготовления лекарств. Как пишет М. А. Ахундов: «В академии в лечении различных наружных и внутренних заболеваний применялись плесени. Различали их не менее 17 видов: хлебная, молочная, сладостная, медовая и др».

Хагани в одном стихотворении, рассказывая о своем дяде, говорит: «Очень доступным путем он объяснил мне, что такое «один», «два», «три», «четыре», «пять». «Пять» - это пять органов чувств; «четыре» - это начало мира - вода, воздух, земля и огонь; «три» - это неживая природа; «два» - это тело и душа; «один» - это бог». Лечебные центры подобного рода, видно были очень популярны в Азербайджане. Так, в дастане «Мехсети и Амир Ахмед» упоминается больница – «бимарана» в Гяндже в которой на прием к врачам стояла большая очередь.

Большую помощь в работе Кафиэддину оказывает его сын - Вахааддин Осман. Осман обладал энциклопедическими знаниями, был хорошим врачом, фармацевтом, хирургом. Он был известен как крупный философ, теолог и поэт. Кроме того, он был талантливым музыкантом и музыковедом. Он владел теорией музыки и мастерски играл на эргенуне, предшественнике современного органа. Осман принимал активное участие в воспитании Хагани и не исключено, что музыкальное образование Ибрагим получил у Османа.

Умер Омар ибн-Осман Кафиэддин в 1150 году и похоронен с большими почестями недалеко от Шемахи. Здесь на горе всегда освещаемой солнцем, среди высоких деревьев, сочных трав и множества родников больные исцелялись и без помощи врачей. Впоследствии это место становится пиром - местом поклонения местных жителей, верящих в святость этого места и похороненного там ученого. В честь [102-103] Кафиэддина, которого в простонародье звали «деде», это место получает, сохранившееся до наших дней, название «Деде Гюнеш» («Отец Солнце»). Сохранилась до наших дней и фраза употребляемая для предостережения от отравления травой бат-бат в которой упоминается Кафиэддин-Деде: «Ты тоже как деде, любишь играть с этой травой. Брось она ядовита.» На смерть Кафиэддина Хагани пишет элегию:

Кафиэддин, ты философом мира, ученым истинным
был.
Светлые двери премудрости неба ты для живущих
открыл.
Дух твой на место свое возвратился.
Сердце, не плачь и смирись!
Жил ты средь нас, но слышал ты с неба голос,
зовущий: «Вернись!»
Перл драгоценный моря земного, новой ты вверен
судьбе,
-Ты ухватился руками за пояс, сброшенный с неба
тебе.
Ты составитель чудесных бальзамов, в мире
прославлен земном.
Древнее небо своим тебя, видно, сделать решило
врачом.
И, возвратясь на высокое небо, в райском гуляя
саду,
Освободил ты от злой лихорадки трепетную звезду.
Семь лучезарных гурий небесных, в радужный кутаясь
цвет,
Перед тобой колени склонили, поцеловали твой след.
Полон печали твой дом опустелый; литься и литься
слезам.
Был ты для нас как Иса благодатный, как

прародитель Адам.
Пятница грозная, молнией грянув, жизнь мудреца
отняла,
Пятница некогда также великий в мире потоп начала.
О Хагани! Над могилою дяди слезы кровавые лей,
Был он тебе как отец и дороже близких, родных и
друзей.

Хагани. Лирика. «Художественная литература». Москва - 1980; Хагани. Избранные произведения. Баку - 1959; Гафар Кәндли-Һерисчи. Хагани Ширвани (һәјәтү, дөврү вә мүнһити). «Елм». Баку - 1988; Эфендиев И. К. История медицины в Азербайджане с древнейших времен до наших [103-104] дней. Баку - 1964; Ахундов М. А. Развитие биологической мысли в Азербайджане (XII в.). Тезисы докладов V Закавказской конференции по истории науки. «Элм». Баку - 1977. [104-105]

НИЗАМИ ГЯНДЖЕВИ

Низами Гянджеви, величайший поэт и мыслитель Азербайджана, завоевавший мировую славу как создатель нового направления в поэзии - эпического романтического жанра, яркий представитель Восточного и мирового Ренессанса, жил и творил в городе Гяндже в середине XII века.

Это было беспокойное время. Уже прошло почти сто лет, с тех пор как на смену арабам в Азербайджан пришли тюрки - сельджуки. С их приходом арабский язык теряет свои позиции. Сельджуки за государственный язык принимают более близкий им по Средней Азии, откуда они пришли, фарсидский язык и в результате в северной части Азербайджана, на самой окраине мусульманского мира и сельджукской державы зарождается необычно многообразная, очень богатая и сильная по составу, прославившаяся на весь Восток, азербайджанская школа фарсоязычной поэзии. Возглавляет ее «царь поэтов» Низами Гянджеви.

В число поэтов этой школы входят такие поэты, как Катран Тебризи, Хагани Ширвани, Мехсети Гянджеви, Абу-ль-Ала Гянджеви, Изза ад Дин Ширвани, Фелеки Ширвани, Муджир ад-Дин Байлакани и др. Каждый из указанных поэтов в отдельности мог бы прославить эту небольшую страну, а тут целое соцветие талантов. Для современных исследователей истории культуры Азербайджана этот феномен интересен не в меньшей степени еще и тем, что у этих писателей, создающих глубокие по философскому содержанию произведения, насыщенные научной информацией и очень сложной терминологией с множеством иносказаний и аллегорий, [105-106] был широкий читатель. Их произведения переписываются и заучиваются наизусть, с необычной для того времени быстротой они распространяются по всему мусульманскому востоку, ряд сюжетов настолько глубоко проникает в народное творчество, что в дальнейшем их трудно отличить от народных. Как объяснить этот феномен? Где искать корни этого всплеска мысли и общей культуры?

Прежде всего, очевидно, следует отказаться от искусственного отнесения Азербайджана к культуре Кавказа, руководствуясь только чисто географическими признаками. Северная часть Азербайджана в те далекие времена и во времена значительно более ранние, сохраняя самобытность своей культуры, всегда тяготела к культуре Ближнего Востока за счет государственной и культурной общности со своей южной частью. Судьбы южной части Азербайджана во многом определяли развитие ее северной окраины. Проникновение ислама тоже, естественно, шло с юга на север. Влияние мусульманской культуры на культуру христианских Грузии и Армении, также шло через Азербайджан и, в большой степени непосредственно через азербайджанцев, а не через персов и арабов. Влияние это было очень велико и оставило глубокие корни в языках этих стран, топонимике, литературе, народном ашугском творчестве, музыке и др. Обратное же влияние культуры этих стран на культуру Азербайджана, при всем желании, обнаружить очень трудно.

Создание огромного по территории арабского Халифата, в который входил Азербайджан, способствует усилению торговых, хозяйственных и культурных связей между его регионами, интенсивному росту городов, процветанию ремесел и развитию наук. Развитие мореплавания и караванных торговых связей требует знания астрономии, алгебры, тригонометрии и геометрии, расширяет географические представления народов, заселяющих Халифат.

Идет взаимообогащение достижений арабской, иранской, тюркской и греческой научной мысли. Идет проникновение не только арабов в Иран и тюркские страны, но и обратный процесс. При втором халифе ал Мансуре (754-775 гг.) уже половина наместников в Халифате была иранского или тюркского происхождения.

При аббасидских халифах ал-Мансуре, Харун ар-Рашиде и особенно при халифе ал-Момине разворачивается широкая переводческая деятельность, в основном, античной литературы, сохранившейся в оригинале на греческом языке или в переводе на сирийский. Делается все возможное для восприятия античной культуры, а также культуры Индии и Китая. В «Дом Мудрости», созданный в Багдаде, приглашаются переводчики античных произведений из многих стран. Книги для переводов собираются специальными службами по всем областям халифата, книгами, вместо золота, получают контрибуции от Византии, книгами принимают подарки [106-107] от почетных гостей. Считается, что в «Доме Мудрости» было собрано около 400 тысяч книг. Во главе библиотеки стоит выдающийся ученый - Хорезми.

Старания ал-Момина и его предшественников не пропадают даром. В IX веке в Халифате наступает расцвет науки. Правители, мелкие и крупные, создают свои библиотеки, окружают дворы

учеными и поэтами. Появляются оригинальные работы по разным отраслям знаний таких великих ученых энциклопедистов, мыслителей и поэтов, как Кинди, Хорезми, Фараби, ибн-Сина, Бируни, Кашкари, Бахманйар и многих др.

Английский ученый физик Дж. Бернал пишет, что в то время, как «большая часть Европы все еще страдала от хаоса, вызванного падением Римской империи,... мусульманский мир переживал период блистательного расцвета.»

Величественным воплощением расцвета, наступившего в экономической и культурной жизни Халифата, стала его новая столица Багдад, основанная в 762 г. Халифом аль-Ман Суром, на месте небольшого поселения близ старой парфянской столицы Ктесифона. За полвека население города выросло, по некоторым данным, до двух миллионов человек. В мире таких городов не существовало ни тогда ни, и тем более, в предшествующие эпохи.

Приблизительно в то же время была построена Гянджа и она во всем пытается подражать Багдаду. Во время Низами там жило уже свыше полумиллиона человек. Такого города так же не знал этот регион, как по количеству жителей, так и по уровню развития науки и культуры. Не зря Низами называл его - «мой Вавилон». Здесь действуют школы, университеты, общественные и частные библиотеки, обсерватории, были свои «Дом Мудрости» и «Дома Исцеления». Известно о существовании в Гяндже большой библиотеки «Дар ал кутуб», возглавляемой ученым Абуль-фазлом ан-Нахчивани. Процветают и другие города Азербайджана. Чекаются монеты с надписями «Азербайджан» и «Арран». Историки упоминают даже город, большая часть населения которого специализируется по производству бумаги. В Азербайджане появляется плеяда выдающихся арабоязычных ученых и писателей. Среди них такие титаны, как философы Абулгасан Бахманйар ал-Азербайджани (ум. 1066 г.), Абубакр Ахмед Бариджи (ум. 914 г.), Абусаид Ахмед Бардаи (ум. 929 г.), Ейналгузат Миянаджи (1099-1131 гг.) и поэты Муса Шахават (VII-VIII вв.), Исмаил ибн Йассар (VII-VIII вв.), Абу-л-Аббас ал-Ама (ум. 718 г.), Мансур Тебризи и др.

Сельджукиды, пришедшие на смену арабам в XI веке, отличались веротерпимостью и традиционной тюркской кочевой демократией. При них появляются общественные условия, способствующие еще большему развитию и процветанию знаний, [107-108] накопленных за время правления этих трех халифов в северной части Азербайджана, и это приводит к зарождению новой школы поэзии, возглавляемой великим Низами.

Величайший азербайджанский поэт и гуманист Низами абу-Мухаммед Низамаддин Ильяс ибн Йусиф ибн-Зеки Муаййад Гянджеви родился в августе месяце 1141 г. Биографических сведений о Низами в средневековых хрониках почти нет. Исследователи собирали их по крупицам из произведений поэта. Однако, арабская форма записи фамилии поэта, приводимая в различных средневековых источниках, позволяет определить кроме имени поэта, места его рождения и тахаллуса (псевдонима) и имена его сына, отца и деда. Звали Низами Ильясом. Отца его звали Йусифом, деда - Муаййадом. Сына, рожденного от первой и всю жизнь любимой жены, Афаг, звали Мухаммедом. Из произведений поэта становится известным, что мать Низами была курдианкой знатного происхождения из рода бывших правителей Гянджи Шеддадилов. Поэта, как очень мудрого и ученого человека и авторитетнейшего суфия, называли шейхом Низами или просто Низами Гянджеви, то есть Низами из Гянджи в фарсидском написании. В народе это имя было распространено в азербайджанско - тюркском написании - Низами Гянджали (Гянджли). Об этом свидетельствуют следующие факты. Как пишет академик Крымский в «Библиотеке востока», вышедшей в конце 17 века в Европе, поэт называется «Nazami Kengli» (Низами Гянджли), кроме того, в соседней с Гянджой Грузии до сих пор его называют Низами Ганджели.

О других родственниках Низами нигде не упоминается, если не считать некоторые сравнительно поздние источники, в которых современник Низами, поэт Кивами Муттарази, объявляется его братом. Тем не менее, большинство современных исследователей считают, что они не могли быть братьями, так как Кивами умер по крайней мере на 25 лет раньше рождения Низами.

По тому, что Низами обладал глубокими и обширными знаниями во всех областях известных в то время наук, можно сделать вывод, что он получил великолепное образование в каком-то привилегированном университете (медресе) Гянджи, в котором преподавали высокообразованные ученые и была богатая библиотека. Отсюда можно сделать еще вывод, что родители его были достаточно состоятельными и образованными людьми и, что семья поэта относилась к городским жителям Гянджи. Об этом же свидетельствует и анализ его произведений.

С какими отраслями знаний был знаком Низами? Очень трудно выделить какую-либо предпочтительную область знаний, с которой бы Низами был знаком лучше других. Энциклопедичность знаний поэта поражает современников. В произведениях поэта можно найти сведения, буквально, о [108-109] всех отраслях знаний человечества. Характерно, что все это пишется на профессиональном уровне. Кроме азербайджанского - тюркского языка, он в совершенстве владеет арабским и фарсидским

языками. Без знания арабского языка он не смог бы так глубоко овладеть знаниями богословия и арабской философии, познакомиться с трудами Фараби, Хорезми, ибн Баджжи, Абу Али ибн Сины, ибн Рушда. Безусловно установлено, что Низами при написании «Лейли и Меджнун» кроме преданий и легенд, распространенных в Азербайджане, использовал арабские источники. Анализ произведений Низами показывает, что он был хорошо знаком с древнегреческой и древнеиндийской философией. Особенно сильное влияние на поэта оказали Аристотель и Платон. В «Искендернаме» Александр (Искендер) проблемы мироздания обсуждает в кругу античных мудрецов: Аристотеля, ученого энциклопедиста, известного на Востоке под именем Арастун, Фалеса (Валис), Платона (Афлатун), Аполлония Тианского (Булунус Румийский), Сократа, Парфирия Тирского (Форфориус), Гермеса Трисмегиста (Хормус) - предполагаемого основоположника алхимии, магии и других «волшебных наук». Низами, используя своеобразный художественный прием, собрал на этот «научный симпозиум» по происхождению Вселенной мыслителей самых разных времен, мыслителей, идеи которых просматриваются во всех произведениях поэта. По этому поводу академик Н. И. Конрад пишет: «Мне эти перечни имен представляются изумительным историческим документом... Огромная емкость ума, удивительная многоцветность мысли, поразительное богатство духа! Прибавим к этим именам еще и индийских гимнософистов. О них ведь тоже идет речь. И перед нами во всем своем сияющем блеске Ренессанс».

Астрономия, астрология и вопросы происхождения Вселенной занимают очень большое место в творчестве Низами. Низами постоянно пользуясь игрой слов, иносказанием, аллегорией, образными выражениями, постоянно описывает звездное небо, астрономические инструменты, астрономическую терминологию. При жизнеописании своих героев Низами составляет на них соответствующие гороскопы, демонстрируя профессиональные знания в астрологии.

Из произведений Низами видно, что он, как и любой образованный азербайджанец того времени, был хорошо знаком с книгами «Маджисты» («Алгамер») Птолемея и «Начала» Эвклида. Ему были, видно, не только знакомы, а он мог и пользоваться, астрономическими инструментами того времени, которые упоминаются в его поэме «Семь красавиц»: армиллярная сфера, астролэбия, гномон, солнечные часы, водяные часы, трикветер и стенной квадрант меридианного круга. С астролэбией, прибором для определения [109-110] координат небесных тел, Низами был, очевидно, особенно хорошо знаком, так как она чаще всего упоминается в его поэмах.

Низами придерживается, в основном, геоцентрической системы Птолемея, в которой центральное место отводится планете Земля, окруженной семью небесными сферами, в каждой из которых движется одна из семи планет, каждой из которых соответствует какой-то день недели и определенный цвет. Путь Луны на небосводе арабами разделяется на 28 частей, называемых стоянками луны. В каждой стоянке, имеющей свое название, Луна за день на небосводе проходит группу звезд. Движение планет среди зодиакальных созвездий, которые проходят в своем движении Солнце и Луна, и их взаимное расположение, определяло календарь древних, по ним можно было предсказать судьбу человека и ход исторических событий. Чтобы понять смысл иносказательных стихов Низами, современный читатель должен был знаком хотя бы с азами астрономии и астрологии и терминологией, принятой на Востоке. В нижеприведенном фрагменте, взятом из уникального по своему содержанию отрывка из поэмы «Лейли и Меджнун», описывающим звездное небо, приводятся названия зодиакальных созвездий, планет, стоянок луны:

Служенье звезд в пример себе возьми
И будешь тем прославлен, Низами!
Безмерный сотрясался небосвод,
Созвездиям своим теряя счет.
Луной залюбовавшийся Хамал
Чело небес улыбкой озарял.
Телец небес, тельцу Морскому брат,
Украсил шею жемчугом Плеяд.
И Близнецы, с их поясом двойным,
На трон воссели, как пристало им.
В рубахе Хука вышитой льняной
Шепталась с Хуной, как с сестрой родной.
И хищные клешни расставив, Рак
Всю ночь у Зиры мучился в когтях.
И Нурса жемчуг сыпала, щедро,
И Туфра не желала серебра.
И Джабхи светоносное чело

Перед собою сто свечей зажгло.
 И Сердце Льва в свечении своем
 Горело рутой, схваченной огнем.
 Сунбуле деволикой не дано
 Без Суфры тратить хоть одно зерно. [110-111]
 Склонясь над Чашей страждущих Сирот,
 Три хлебца Гафр - посильный дар кладет.
 Созвездия Весов, блеснув умом,
 Ведут беседу с мудрым Языком.
 Границу охранявший Волопас,
 Пса натравив на Льва, Самака спас.
 И Сердцу в дар Венок поднес Венец,
 У Скорпиона подать взял Стрелец.
 Правитель с Благом стал играть средь звезд,
 Чтоб выиграть права на Вывоз - Ввоз.
 А Козерог себе главу отсек,-
 Сказ о козле перенести не мог.
 Забих умолк, предчувствуя беду,
 Сад Ахбию держал на поводу.
 Обжора алчный, голод совой кляня,
 Воздевши длани, ждал начала дня.
 Из-за попреков Солнца Водолей,
 Сомкнув уста, стал сумрачней и злей.
 Под ним двестишье явленное нам:
 Тот - Муаххар, а этот - Мукаддам.
 Альриша восседала госпожа,
 Верблюдицами трон свой окружа.
 Созвездья, вечный свет струя кругом,
 По Млечному пути неслись верхом.
 Небесный Треугольник цепью стал,
 Он Овну ноги накрепко связал.
 А мощнорукий, яростный Аййук
 Забрался выше всех врагов вокруг.
 Треножник под мерцающим шатром
 Котел наполнил звездным серебром.
 Один Орел парил в размахе крыл,
 Другой Орел крыла свои смежил.
 Забыв стихи, Канопус, впав в экстаз,
 Как йеменский плясун пустилась в пляс.
 Мабсуты луч над Йеменом светил,
 Макбузе очи Ворон ослепил.
 Блестящий меч, войдя в свои права,
 Сайаф повесил на ошейник Льва.
 Над головою Юга, в звездный сад,
 Как одинокий путник брел Альфрад.
 Престол луны величьем осиян,
 Марриха подчинил себе Кейван.
 В сетях у Копьеносца золотых [111-112]
 Самак запутал жемчуг Рыб своих.
 Глядел на собеседника Алькор,
 Созвездий Зорких омрачая взор.
 Как в кладезе Юсуф на гиблом дне,
 Был Волчий хвост чуть виден в вышине.
 За Мертвецом хор Плакальщиц-подруг,
 Как циркуль совершал за кругом круг.
 Чтец на Коне скакал вокруг Мертвеца,
 Возможно ль, чтоб Мертвец был без Чтеца.

Вот как Низами описывает составленный им гороскоп на новорожденного героя. Понять его без специальных комментариев невозможно, и таких стихов у Низами очень много:

И, держа пред собой чертежи и приборы,
На движенья светил старцы подняли взоры.
В высшей точке горело созвездие Льва
На предельный свой блеск обретая права.
Многозвездный Овен, вечно мчащийся к знанию,
Запылав, устремился от знания к деянию.
Близнецы и Меркурий сошлись, и, ясна
Близ Тельца и Венеры катилась Луна.
Плыл Юпитер к Стрельцу. Вось была не безбурна.
Колебало Весы приближенье Сатурна.
Но воинственный Марс шел и шел на подъем
И вступил в свой шестой, полный славою, дом.
Что ж мы скажем на то, что явили созвездья?
Небу – «Слава!» Завистникам – «Ждите возмездия».

Н. А. Абдулкасумова в книге «Низами и Вселенная», так расшифровывает этот гороскоп: «Новорожденный будет всех поражать знаниями и мужеством, потому что звезда судьбы находится в созвездии Льва. Будет блистать знаниями, преуспевать в науке, так как Солнце находится в созвездии Овна. Будет счастлив, потому что Меркурий находится в созвездии Близнецов. Смелостью и стрельбой завоюет славу мира, так как Венера находится в созвездии темпераментного Стрельца. Будет побеждать в войнах, потому что Марс находится в созвездии Весов.

По гороскопу самого Низами, приводимому в поэме «Хосров и Ширин», исследователям удалось определить год и даже месяц рождения поэта:

Мой знаешь гороскоп?
В нем - лев, но я сын перси, [112-113]
И если я и лев, я только лев из шерсти.
И мне ли на врага, его губя, идти?
Я лев, который смог лишь на себя идти!

Таких примеров использования астрологических знаний у Низами очень много. Например:

Он в субботу, день Кейвана, в черный шел дворец,
Как ему по гороскопу предсказал мудрец,
В воскресенье - желтый замок посещал Бахрам,
И по очереди в каждом пировал Бахрам.

Часто упоминаются у Низами дни весеннего и осеннего равноденствия, млечный путь, Северный и Южный полюса и кольца Сатурна, открытые в Европе, только через пять веков. Очень много внимания Низами уделяет вопросам происхождения Вселенной и строению мира.

Не менее глубокими знаниями Низами обладал в географии. Вряд ли у какого-либо из его современников можно найти такой широкий диапазон географического пространства, в котором живут его герои, хотя Низами никуда из Гянджи не выезжал. Сравнить его можно разве, что с нашим современником - Жюль Верном. В «Хамсэ» упоминаются следующие страны: Азербайджан, Китай, Тибет, Кашмир, Иран (Аджам), Ирак, Сирия, Ливан, Йемен, Оман, Аден, Эфиопия (Хабеш, Абиссиния), Синай, Египет, Магриб, Рум (Греция), Андалус (Испания), Муган, Ширван, Арран, Абхазия (Грузия), Армаган (Армения), Кашкар, Мавераннахр, Мазендаран, Хузендаран, Хузистан, Джам, Кисир, Сарир, Хатай, Хорасан, Бадахшан, Гимгеле, Занзибар, Истахр, Ифранджат, Хаверан, Дихистан, Дженд, Гилян, Тараз, Хитталь, Кайравун, Альбурз, Каннаудж, Халлух, Арк, Хазран, Зинг, Мукаддас, Кемар. В поэмах говорится также о тюрках, русах, абхазах, армянах, франках, нубийцах, согдийцах, саклабах (славянах), евреях, берберях, зинджах и др. Он даже упоминает Северный полюс:

Там, где Северный полюс, - шатра разворот
Начинался и был он до Южных широт.

Низами перечисляет десятки городов северной Африки, южной Европы, Леванта, Аравии, Ирана, Кавказа, Приволжья, Средней Азии, Индии. Среди них родные ему Гянджа и Барда, Дербент, Тифлис, Чач (Ташкент), Бухара, Самарканд, Герат, Хорезм, Багдад, Медаин, Мекка, Шам (Дамаск), Искендерия, Халлух, Медаин (Ктесифон), Лахор, Фархар (Фальгар), Кирманшах (Карманхан), Алан, Балх, Мере (Шахиджан), Зенджан, Хотан, Ягма, Рей, Исфаган, Мосул, [113-114] Вавилон, Иерусалим, Газна, Фур, Нишапур, Шахрур, Булгар, Тус, Гурган, Буртас, Кисур, Хазран, Бусхак, Хар, Бисра, Тамуз, Ваш и др.

Современные ученые предполагают, что цыгане пришли в Европу из Индии. В поэме «Семь красавиц» Низами связывает появление цыган в Иране с именем Бахрама, который помогает им бежать из Индии. Описание процессов, приводящих к изменению поверхности Земли, приводимые Низами, как будто взяты из современного учебника географии:

Неужто будешь столь покорным впредь,
Доколь стихий пощечины терпеть?
Подобно ветру бороздить простор.
Клубить, вздымая, плевелы и сор?
Барышник ветер, он корысть блюдет:
У ям могильных жертвы стережет.
На хитрости обманные горазд,
Что купит у одних, - другим продаст.
Знай, вся земля - во всех ее краях -
За слоем слой, всего лишь тлен и прах.
Землетрясенье иль внезапный сель
Являет зренью скрытое досель.
И с пагубой рачительной и злой
То намывает, то смывает слой
Громады гор подвластны временам -
Ущелья их разделят пополам.
Земное лоно реки бороздят,
Их создал ветер и весенний град.
Увидеть можешь на пути своем:
Заполняют тучи оком.
Все в мире тесно связано вокруг,
Мир многослоен, словно зрелый лук.
Шар вложен в шар, как будто для игры.
Земля, планеты - круглые шары.

Очень образно Низами описывает вращательное движение тел и закон инерции:

Ведь прялку завертеть нам следует сначала,
Чтоб колесо она в кружении помчала.
Коль чья-нибудь рука слегка ее толкнет.
Она повертится немного и замрет.
Вращение небес подобно прялке. Всякий
Поймет сие, коль он небес постигнул знаки. [114-115]

Низами был знаком с десятичными дробями, корнями и иррациональными числами, с десятичной позиционной системой:

Сам себя позабыв, покидал я себя все охотней,
Сотня стала одним, и одно мог увидеть я сотней.

О геометрических воззрениях Низами говорят следующие стихи:

Первоначальное движение точки той,
Что стала не одной впоследствии чертой.
Когда с чертой черта соединилась - ведом
Мне их предвечный путь, - возникла плоскость следом.
Прошли три линии вокруг центра - я ль не прав?
-И плоскость расцвела, объемным телом став.

Черта - и плоскость вслед; затем тела вставали
Три измерения тела образовали.
Весь мир я разъяснил в его устройстве: он
С начала до конца размерно сотворен.
Так мысль моя умом сей путь предназначала,
Чтоб был постигнуть мир и все его начала.

Низами не проводит резкой границы между химиками и алхимиками, хотя к последним он относится с некоторым подозрением:

У того во власти находится философский камень,
Кто не поддается на уловки алхимиков.

Богатые познания Низами в живописи и каллиграфии и, в особенности, в музыке позволяют сделать предположение, что эти дисциплины входили в учебную программу университета, который закончил поэт. Из поэм Низами можно получить сведения буквально о всех сторонах музыкальной жизни Азербайджана и, в какой-то степени, всего Востока. Низами пишет о мугамах, песнях (таснифах), народных песнях, певцах, музыкантах, танцовщицах и большом количестве музыкальных инструментов. Он употребляет такие музыкальные термины, как мелодия, лад, ритм, гармония, модуляция, трель и т. д. И это не удивительно. Азербайджанская классическая поэзия и музыка неразрывно связаны. Поэт, пишущий газели - стихи о любви к женщине или в ее лице любви к богу, обычно был хорошо знаком с классическим мугамом, часто сам мог спеть свою газель, а возможно, [115-116] писал газель на определенный музыкальный лад. Успех поэта и певца был тогда полным, когда музыка соответствовала строю и настроению газели:

За каждый лад, что был с пропетой песней дружен,
Он получал кафтан в узорах из жемчужин.

или:

Ты одного певца направь ко мне украдкой,
Чтоб он у входа сел: я рядом посижу
И все что должно петь, я все ему скажу.
Пусть лад он подберет, чтоб струны зазвучали
Явив в созвучиях всю боль моей печали.»

Через 800 лет после написания этих стихов гениальный Узеир Гаджибеков откликается на этот зов Низами, «явив в созвучиях всю боль его печали» в бессмертных «Сансиз» и «Севгилим джанан.»

Низами в своих поэмах упоминает много песен и мугамов. Только в «Хосров и Ширин» знаменитые певцы Бербед и Накиса исполняют тридцать песен и восемь мугамов. Среди них такие песни (таснифы), как «Даренный ветром клад», «Занавес жемчужный», «Сладостный напиток», «За Сиявуша месть», «Сады Ширин» и мугамы «Раст», «Ираки», «Новрузи», «Исфгани», «Ушшаг», «Рахави» и «Зирифкан», «Хисари». Упомянутые песни, возможно, относятся к какому-либо циклу, наподобие цикла «Хосровани», упоминаемого в книге «Мунис-намэ» современника и земляка Низами Абу-Бакра ибн Хосрова ал-устада Гянджеви, тем более, что в этот цикл также входит около тридцати песен, некоторые из которых по названиям близки («Все в зелени» - «Весенняя зелень») или совпадают («За Сиявуша месть», «Дворец Румийский») с приводимыми в «Хосров и Ширин».

Сведения о музыкальных инструментах, бытующих в Азербайджане в XII веке и ранее, разбросаны по всем поэмам и лирическим произведениям Низами. Упоминаются не только названия инструментов саз, уд, бербет, сатар, чанг, канон, мушкар, органон, каманча, рубаб, танбур, ней, каранай, шейпур, кус, довул, деф, нагара, зандан, но и их форма, количество струн, характер звучания и методы исполнения на них.

Если музыка эпохи Низами, как-то, может быть и в измененном виде, дошла до нас (названия мугамов, приводимых Низами совпадают с бытующими сейчас в Азербайджане), то об изобразительном искусстве Гянджи того времени мы почти ничего не знаем. Поэтому все высказывания Низами о живописи и скульптуре представляют особый интерес. В его поэмах можно найти высказывания о портретной и настенной живописи, о скульптуре, а также о выдающихся художниках и скульпторах. Выше всего Низами ставит [116-117] живопись Китая и Рума. Самый любопытный вывод, напрашивающийся после прочтения Низами, - это разное восприятие живописи в те времена и сейчас. Восточная живопись, современными исследователями воспринимается, как живопись, не претендующая на портретное сходство изображаемых объектов, тогда как Низами самым большим достоинством

художника считает именно способность получения чуть ли не зеркального отображения, изображаемого объекта:

Он был калама царь, был в ликописи скор,
Без кисти мысль его могла сплестать узор.
Столь тонко создавал он нежные творенья,
Что на воде бы мог рождать изображенья.

Низами хорошо знаком с медициной, анатомией и фармакологией своего времени, знаком с трудами античных и средневековых врачей - Галена, Рази, Исхака ибн Хунайна, Авиценны. Он любит шахматы и нарды и часто пользуется терминологией этих игр:

Коль шахматной доской войны прельстился - следуй
Вперед. Стреми слона, ладьей бей с победой.

Получив очень хорошее по тем временам образование, Низами видно продолжал работать над собой в богатых «переполненных» книгохранилищах Гянджи:

Но, творенье создавая, все же я хотел,
Чтобы блеском небывалым сказ мой заблестел.
Углубился я в сказанья, стал вникать во тьму
Тайн, рассеянных когда-то по свету всему.
На арабском прочитал я все и на дари,
Книгу Бухари прочел я, книгу Табари.
Чтобы не было пробелов, не было потерь
Переполненных хранилищ отпирал - я дверь.
Пехлевийские в подвалах свитки я искал,
Со свечою - по листку их бережно сшивал.
И когда все книги предков изучил я сам,
Изощрился, окрылился быстрый мой калам.

Произведения Низами являются энциклопедией этнографии азербайджанского народа в средние века. Пытливый ученый найдет там ответ почти на любой, интересующий современного этнографа вопрос, от условий хозяйственной жизни и материальной культуры до вопросов брака и семьи. Как пишет академик Бертельс: «Если вспомнить, что ко всем этим знаниям прибавлялось еще и огромное поэтическое дарование, [117-118] то становится ясным, что, вступив на путь придворного поэта, Низами мог рассчитывать на быстрый и головокружительный успех. Однако, Низами придворным поэтом не стал и жил безвыездно в Гяндже, удалившись от общества:

Хрупкая роза грустно держится свернутой в бутоне,
Так же, как я, посвятивший себя уединению и
божественному культу.

Это является самой большой загадкой биографии Низами. Проще всего уединение поэта, как он пишет в этом стихе, можно было бы объяснить его принадлежностью к суфиям, тем более, что он носил титул шейха. Шейх или мюршид должен был жить отшельником и иметь своих последователей, учеников - мюридов. В исторических хрониках о мюридах Низами ничего не пишется. Ничего не известно и духовном наставнике поэта. Хотя и есть указание, что он был последователем шейха Ахи Фарруха Зенджани, умершего за семьдесят с лишним лет до рождения Низами. Вполне возможно, что суфийский орден, к которому принадлежал Зенджани, свою деятельность, направленную против крайне ортодоксальной суннитской Гянджи, не очень рекламировал и поэтому об этой стороне деятельности Низами до нас ничего не дошло. Хотя сохранилась легенда о святости шейха Низами: «Атабек Кызыл-Арслан, почувствовав желание насладиться обществом шейха, послал за ним; но ему дали понять, что этот старец удалился от света и что он отказался от общества властителей и сильных мира сего. Атабек, желая его испытать, сам отправился к нему. Шейх, имевший от бога дар провидения, узнал, что Атабек идет его испытать и что он смотрит на него с пренебрежением вот он развернул перед глазами этого принца видения из мира духовного. Кызыл-Арслан увидел среди прочих вещей царский трон, осыпанный драгоценностями, предназначенный для шейха, а также зал, где находилось сто тысяч рабов и воинов и который сиял роскошью, достойной царя. Фигуры людей, украшенных драгоценными поясами, везиров

и любимцев виднелись вокруг трона, где сидел шейх, как властитель. Как только глаза Атабека увидели это величие и этот блеск, окружавший шейха, он, пораженный, хотел из чувства унижения облобызать ему ноги; но в эту минуту он вернулся из мира духовного, куда его перенесло видение, в этот материальный мир и заметил слабого, исхудалого старца, сидевшего на куске войлока у дверей пещеры, имея перед собой книгу, чернильницу, тростниковое перо, столик и палку. Он почтительно поцеловал ему руку и уже не думал о том, чтобы испытать его; уважение его к шейху выросло в высшей степени. Этот последний, в свою очередь, оставил ему место в своей памяти и возносил о нем молитвы; [118-119] он даже ходил к нему время от времени и разделял его общество. Шейх сам рассказывает об этом происшествии в следующем стихе (говоря от имени Кызыл-Арслана)»:

Я сказал себе: приложусь к его ногам,
подобно тому, как к земле (пыли).
Но что я вижу? Небо тотчас исчезло
перед моими глазами.

Так или иначе, все биографы Низами из-за отсутствия материала связывают свои повествования с этапами написания знаменитых пяти поэм, объединенных впоследствии в «Хамсэ» («Пятерницу»).

Свою первую большую поэму «Сокровищница тайн» («Махзан-уль Асрар») Низами пишет, когда ему было немногим больше тридцати лет, т. е. где-то в середине семидесятых годов XII столетия. К этому времени в узком кругу поэтов его уже знают как талантливого поэта, автора великолепных лирических стихов. Поэму поэт посвящает правителю Эрзинджана в Малой Азии, Фахраддину Бехрамшаху ибн-Дауду (1166-1225 гг.). Низами сам хотел отвезти поэму Бехрам-шаху, но не смог из-за военных действий, ведущихся в этом районе. Историк сельджуков пишет, что получив поэму, Бехрам-шах сказал: «Если бы было возможно, то целые казнохранилища и сокровищницы послал бы я в награду и дар за эту книгу, которая сложена в стихах, подобных жемчугам, ибо имя мое благодаря ей сохранится в мире вечно».

«Сокровищница тайн» занимает особое место в творчестве поэта. Если его последующие четыре, из вошедших в «Хамсэ», крупных труда близки к современным романам (роман - поэма), то это произведение представляет собой сборник коротких нравоучительных рассказов или новелл, посвященных вопросам морали и правил поведения человека. По содержанию эта книга, так же выделяется глубиной философской мысли с большим, чем в других поэмах религиозным и суфийско-мистическим уклоном. «Сокровищница тайн» принесла поэту необычную славу и вызвала целый поток подражаний почти во всех странах Востока.

«Сокровищница тайн» приносит Низами известность. В те времена известных ученых и поэтов властители часто либо приглашали во дворец, либо брали под свое покровительство. Иногда они могли просто назначить поэту жалованье, сделать дорогой подарок или подарить землю. Кто покровительствовал в те годы Низами мы не знаем, но результат одного из таких актов покровительства вошел в историю литературы, так как оставил в его жизни глубокий след и сам поэт неоднократно о нем вспоминает. Правитель Дербента-Дара Музаффар ад-Дин, в знак восхищения [119-120] талантом Низами, присылает ему в дар знатную кыпчакку - Афак, невольницу с неукротимым нравом. Низами пишет о ней:

Величавая обликом, прекрасная, разумная,
Прислал мне ее владетель Дербента.
Ее шелка - кольчуга и даже железные кольчуги,
У ее кафтана рукава уже, чем у рубашки.
Вельмож она наказывала,
Мне же в супружестве постелила изголовье.

Приблизительно в 1173/74 году Афак становится женой Низами и не только женой. Она становится для поэта идеалом женщины, которую он будет воспевать в своих произведениях всю жизнь. Многие исследователи творчества Низами считают, что, именно любовь к Афак внесла новую струю в творчество Низами. В этом же году у них рождается сын - Мухаммед и Низами счастлив, как никогда.

Счастье, однако, длится недолго. В 1180 году Афак умирает. Вскоре после этого иракко - сельджукский Султан Тогрул II (1177-1194 гг.) заказывает Низами поэму о любви, обещает за это хорошую награду. Поэт, хоть и жил отшельником, принимает заказ, прекрасно чувствуя конъюнктуру книжного рынка, понимая, выражаясь современным языком, что любовь и эротика всегда будут пользоваться успехом у читателей:

«Сокровищницу тайн» создать я был во власти.
К чему ж мне вновь страдать, изображая страсти?
Но нет ведь никого из смертных в наших днях,
Кто б страсти не питал к страницам о страстях.
И страсть я замесил со сладостной приправой
Для всех отравленных любовною отравой.
С какою ясностью я всем являю страсть!
К ней пристрастившимся - к моим стихам припасть!

Кроме того, появляется возможность увековечить память любимой Афак на века и Низами заказ принимает. Поэт останавливается на широко распространенном на Востоке сказании о Хосрове и Ширин.

Начинает поэт поэму с посвящения, обращенного к Тогрулу II. Буквально за год Низами заканчивает поэму, но не может доставить ее заказчику, который находится в военном походе. В книге появляются еще два посвящения атабеку, Джахан Пахлавану, а после его смерти, занявшему его место, брату Султану Азербайджана Кызыл-Арслану. Множество посвящений связано, вернее всего, с желанием Низами пристроить свою рукопись в надежные руки. Только [120-121] богатым правителям было под силу оплачивать труд переписчиков и дорогую бумагу. Только они могут довести до читателей и сохранить для потомства труд поэта.

«Хосров и Ширин» это поэма о трагической любви сасанидского царевича, впоследствии ставшего шахом Хосровом II к албанской царевне Ширин. Низами с высоким мастерством описывает мысли и поступки своих героев, старается объяснить их психологически. Для более убедительного раскрытия характеров героев Низами вводит в поэму третьего героя - высокообразованного строителя и архитектора, условно названного поэтом – каменотесом - Фархада, благородного, кристально чистого юношу, готового ради своей любви к Ширин на любой подвиг и жертву. Академик Бертельс пишет о поэме «Хосров и Ширин» что это «один из величайших шедевров не только азербайджанской, но и мировой литературы. Первый раз в литературах Ближнего Востока личность человека была показана во всем ее богатстве, со всеми ее противоречиями, взлетами и падениями». Поэма имела потрясающий успех. Поэту обещают золотые горы, но как пишет поэт:

Смотри, как задержалось выполнение обещания,
Как мое вьючное животное пало,
а вьюк застрял на пути,
Как обещавший унес свои пожитки,
Как оставил несжатым засеянное поле.

После Низами десятки талантливейших поэтов Востока брались за эту тему. Среди них особенно выделяются выдающиеся поэты - индус Амир Хосров Дехлеви и узбек Алишер Навои. Вполне возможно, что материал для своей поэмы Низами черпал из азербайджанского фольклора. После появления поэмы Низами эта тема стала в народе еще более популярной и до наших дней сохранилась, как народное сказание.

Вскоре после смерти Афак, Низами женится второй раз, но и здесь злой рок преследует поэта. Вторая жена умирает в 1188 году. В этом же году Низами получает заказ на новую поэму от ширваншаха Ахситана I. Ширваншах просит написать поэму по мотивам арабской легенды о несчастных влюбленных Лейли и Меджнуне. Первоначально Низами хотел отказаться от заказа, считая сюжет избитым и сухим, как пески аравийской пустыни. Принять заказ его уговаривает сын - Мухаммед. После того, как Низами подробно знакомится с письменными и устными преданиями о Лейли и Меджнуне, тема его увлекает и к концу года поэма была готова. [121-122]

В поэме описывается безумная любовь, вспыхнувшая между учениками частной школы Кейсом и Лейли, которая продолжалась и разгоралась долгие годы, вопреки всем препятствиям, чинимым родителями сначала детям, а затем юноше и девушке. За неодолимую страсть Кейс получает прозвище «Меджнун» - «безумец». Любовь убивает Лейли, Меджнун спешит на могилу и уходит из жизни вслед за Лейли. Друзья Меджнуна - звери стерегут его тело.

С легкой руки Сталина, рассказ Низами о письме ширваншаха поэту до сих пор по разному объясняется специалистами. Низами пишет:

Хотим, чтоб в честь Меджуновой любви
Гранил, как жемчуг, ты слова свои...
Арабской ли, персидской ли фатой
Украсишь прелесть новобрачной той...
Мы знаем толк в речениях людских,
Мы замечаем каждый новый стих.
Но к тюркским нравам непричастен двор,
Нам тюркский неприличен разговор.
Раз мы знатны и саном высоки,
То и в речах высоких знатоки!» Прочел я.
-Кровь мне бросилась в лицо,
-Так, значит, в ухе рабское кольцо!

Микола Бажан на собрании интеллигенции города Киева в 1939 году рассказал о встрече со Сталиным, на которой он, ссылаясь на этот стих, говорил, что Низами вынудили написать поэму не на азербайджанском, а на фарсидском языке: «Вот именно это место и цитировал товарищ Сталин, гениальным размахом своей мысли и эрудиции, охватывая все выдающееся, что создано историей человечества». Один из ведущих специалистов в области Низамиведения Рустам Алиев считает, что здесь речь идет о награде. Ширваншах, якобы, пишет поэту, что так как он не «тюркского происхождения» он не нарушит своего обещания о награде, как это сделал «низкородный тюркок» султан Махмуд Газневи в отношении великого Фирдоуси. Другой известный азербайджанский ученый А. А. Гаджиев так объясняет смысл письма Ахситана. Гянджа находится в державе Атабеков и действие поэмы «Хосров и Ширин» происходит на территории этого тюркского государства; героев поэмы, Михинбану, Ширин и Фархада Низами тоже наделил тюркскими чертами. Ахситан требует, чтобы героями поэмы были не «тюрки», а арабы, а поведение героев определяло бы не «тюркские нравы», а «сухой песок, пустыня, темя гор...». Количество подражаний «Лейли и Меджнун» очень много и они пишутся буквально до наших дней. Особенно большую популярность на [122-123] Востоке завоевали поэмы, написанные на эту тему Амир Хосровом, Алишером Навои и азербайджанцем Мухаммедом Физули.

31 июля 1196 года, как пишет поэт, посреди ночи он заканчивает свою четвертую поэму «Семь красавиц». Заказчиком поэмы был правитель из династии Аксонкуридов Ала ад-Дин Корпа Арслан (1174-1207). Кроме него Низами в своей поэме упоминает и его сыновей Нусрат ад-дин Мухаммед-шаха и Ахмед-шаха

К этому времени здоровье Низами пошатнулось, материальное обеспечение желает лучшего, отсюда и нотки «безнадежности, усталости и сомнения в своих силах», во вступлении к поэме.

В сказочной поэме «Семь красавиц» Низами описывает занимательные приключения сасанидского царя Бахрам Гура. Поэту эта занимательная канва нужна для привлечения внимания читателей к извечной проблеме справедливого правителя.

Помимо описания жизни самого Бахрама, Низами вводит в поэму сказочные, веселые и поучительные рассказы каждой из семи красавиц, ставших женами шаха и одновременно семь рассказов, освобожденных из тюрьмы его подданных - правдивых рассказов о подлинной жизни в стране, которой правит жестокий везир, описание пыток, избиений, убийств. Название поэмы получает второй смысл, тем более, что у поэмы загадочная концовка. Бахрам на охоте, в погоне за бараном, входит в пещеру и там исчезает. Когда сопровождающие его воины подходят к пещере оттуда раздается громогласный голос: «Ступайте домой! Шах занят делом!». Пещера оказывается пустой и найти шаха не удастся. Что хотел этим сказать Низами, осталось загадкой.

Сразу после завершения «Семи красавиц», а может быть и раньше, Низами начинает работу над новой поэмой. Называется она «Искендер-намэ» («Книга Александра»). Состоит она из двух томов. Первый называется «Шараф-намэ» («Книга славы»), вторая - «Икбал намэ» («Книга счастья»).

Умирает третья жена поэта (1200 г.). Ему уже под семьдесят. Годы берут свое, силы уже не те, что раньше. Уходят из жизни друзья и близкие. Одиночество и чувство близкого конца жизни, навевают грустные мысли:

Я забыт. Время катится дальней рекой.
И в тиши я нашел долгожданный покой
Свод жилья моего - словно свод небосвода,
И для мира в мой дом нет открытого хода.
Я не знаю, житейскую бросив игру,
Что дурного, что доброго ныне в миру.

Я - мертвец, но идти я вперед не устану [123-124]
С караваном, хоть чужд я тому каравану.
Стоят сотен усилий мой вздох и мой стон.
Дню, чтоб глаз не сомкнуть, колокольчика звон.

Поэма - самая большая по объему. Первая книга описывает фантастическую жизнь, войны и героические подвиги Александра Македонского. Во второй книге Александр Македонский из царя - завоевателя превращается в царя - философа, пророка. Александр должен обойти мир и научить людей истине. Долго путешествует Александр и наконец достигает где-то на северо-востоке прекрасной страны, в которой нет властей, нет бедных и богатых. Здесь нет угнетателей и угнетенных, нет воровства и лжи, люди не болеют, а умирают от старости.

В завершении поэмы, Низами обращаясь к потомству, просит не забывать его и обещает, что читатель, следующий его заветам достигнет в жизни всего желаемого:

Путник, милый мне! Вспомни об этих словах.
Если ты посетить пожелаешь мой прах,
Всю непрочность гробниц ты увидишь, прохожий,
Рассыпается насыпь их тленных подножий.
Ветер прах мой развеет, по свету гоня,
И никто уж на свете не вспомнит меня.
Но, ладонь положив на могильный мой камень,
Ты души моей вспомни сияющий пламень.
Если слезы прольешь ты на прах мой, - в ответ
На тебя я пролью свой немеркнущий свет.
Ты пошлешь мне привет - я приветом отвечу,
Ты придешь, - и с высот опущусь я навстречу,
И о чем ни была бы молитва твоя,
Будет принята, верь. Это ведаю я.

Кроме знаменитого «Хамса» Низами оставил нам богатое лирическое наследство. Средневековые летописцы сообщают, что у Низами был «Диван» - сборник лирических стихов, состоящий из 20000 бейтов (двустихий). К большому сожалению, большинство из них было утеряно и до нас дошло около сотни его великолепных, философски - насыщенных стихов. Какой из женщин конкретно они посвящены сказать трудно. При вскрытии могилы поэта, оказалось, что рядом с ним захоронена неизвестная женщина. Академик Араслы пишет, что народ связывает это с его романтической любовью к поэтессе Мехсети Гянджеви. Поэтесса, как передают предания, якобы страстно любила поэта и завещала похоронить [124-125] себя рядом с ним. Академик Араслы пишет, что некоторые газели подтверждают правдоподобность любовной истории Низами и Мехсети.

Умер Низами 12 марта 1209 года в возрасте 68 лет в Гяндже. Точную дату удалось установить по надгробной плите найденной в 30-х годах. Надпись на гробнице гласит: «Это - гробница светлейшего шейха Низамаддин маула Абу-Мухаммеда ибн-Ильяса ибн-Юсуфа ибн-Зеки, (скончавшегося) четвертого (числа) месяца поста шестьсот пятого года». После смерти поэта на его могиле, как и на могилах других выдающихся шейхов, был воздвигнут мавзолей (мазар), к которому народ приходил, как к святому месту. За мавзолеем, очевидно, как это было принято, кто-то ухаживал и по надобности реставрировал. Однако, во второй половине XIX века, мы его видим уже полуразвалившимся, хотя у Бакиханова есть сообщение о том, что историк Карабахского ханства Мирза Адигезал-бек предпринимал попытку его реставрации. В 1875 году мавзолей посетил персидский принц Фархад-мирза Каджар, о чем он пишет в своей книге «Руководство в пути»: «Когда мы проехали еще семь верст пути, был небольшой гумбез (купол), который наполовину разрушился. Это - могила шейха Низами, от нее до Гянджи семь верст Я спешил и пошел к могиле. Но караульные с поста поблизости наложили на этот купол столько сена для своих лошадей, что войти возможности не было». В начале нашего века остатки мавзолея, видно, еще существовали, так как его изображение приводит известный художник Шмерлинг в журнале «Молла Насреддин» за N 51 1908 года.

К 800-летию юбилею поэта на его могиле был сооружен мавзолей пятнадцатиметровой высоты. Через пятьдесят лет его сносят, на его месте уже к 850-ти летию юбилею строят, близкий к нему по форме, новый мавзолей, но уже не из песчаника, а из мрамора и гранита.

К этому времени слава Низами шагнула далеко за пределы Востока. Он переведен почти на все языки мира, его творчество изучают отдельные ученые и целые научные коллективы. Его творчество вдохновляло и продолжает вдохновлять писателей, драматургов, композиторов и художников. Особенно

это относится к художникам Востока. Если в Средние Века в Европе источником, откуда художники черпали свои сюжеты, были библейские сказания, то для художников мусульманского Востока такой «Библией» была «Хамсэ» Низами. Книги, ковры, стены дворцов и жилых домов, оружие и бытовая посуда украшались рисунками на темы сюжетов из произведений Низами. В лучших музеях мира хранятся миниатюры и предметы прикладного искусства выполненные на темы «Хамса», самыми знаменитыми художниками Багдада, Тебриза, Герата, Казвина, Шемахи, Бухары, Нахчивани, Дели, Каира и др. [125-126]

В библиотеках и музеях мира хранится свыше 900 красочно оформленных рукописей «Хамса» Низами. Среди них выделяется рукопись, выполненная специально для Сефевидского шаха Тахмасиба I в 1543 году, в мастерских дворцовой библиотеки, основанной шахом Исмаилом в Тебризе на базе библиотеки Узун Гасана Аггоюнлу. В оформлении этой рукописи участвуют самые выдающиеся представители азербайджанской школы каллиграфии и миниатюры: Шах Махмуд Нишапури, Устад Султан Мухаммед, Ага Мирек, Мир Мусеввир, Мир Сейид Али и Музаффар Али. Хранится эта рукопись в Британском Музее и считается шедевром мирового книжного искусства. Другой очень ценной для потомков рукописью является переписанная в 1239 году в Гяндже каллиграфом Фазлуллахом ибн Мухаммедом ибн Омаром рукопись поэмы «Сокровищница тайн», обнаруженная профессором Рустамом Алиевым в лондонской библиотеке «Индия оффис». Он считает, что ее могли переписать с рукописи самого Низами.

Микаэль Рафили. Низами. Москва - 1941; Е. Э. Бертельс. Низами. Москва - 1956; Рустам Алиев. Низами Гянджеви. «Элм». Баку - 1979; Рустам Алиев. Низами Гянджеви. «Язычы». Баку - 1991; Н. А. Абдулкасумова. Низами о вселенной. Баку - 1991; Ширин Бунјадова. Низами вэ этнографија. «Елм». Баку - 1992; М. Д. Кязимов. Последователи Низами. Баку - 1991; А. А. Гаджиев. Ренессанс и поэзия Низами Гянджеви. «Элм». Баку - 1980; А. Е. Крымский. Низами и его современники. «Элм». Баку - 1981. [126-127]

МЕХСЕТИ ГЯНДЖЕВИ

Мехсети Гянджеви, выдающаяся азербайджанская поэтесса конца XI начала XII веков, является ярким представителем Азербайджанского и Мусульманского Возрождения, представителем новой городской поэзии, воспевающей в своих стихах образы обитателей квартала городских ремесленников, поэтов, певцов и мутрибов. Мехсети во всем первая. Она первая из известных азербайджанских поэтесс, первая шахматистка, первая знаменитая азербайджанская музыкантша и вполне вероятно и первая женщина-композитор.

Биография ее окутана легендами и таинственностью, а известные факты ее жизни, также как и стихи отличаются крайней экстравагантностью, по крайней мере в понимании мусульманского общества того времени, если, конечно, принимать их в прямом, а не в переносном смысле. Согласно этим легендам, живет она в Гяндже в квартале Харабат, проводя время в застольях, пении и танцах. В стихах ее воспеваются вино и чувственная любовь. Особо знаменита серия стихов, посвященная юным ремесленникам из квартала Харабат в Гяндже - портному, прядильщику, мяснику, золотоискателю и др.:

Схоже лицо твое, сын портного, с луной,
Захочет стать рабом твоим сто Мехсети.
Как нитки в руке твоей, путь мой хотела чтобы
Каждый день по сто раз вел к губам твоим. [127-128]

Юноша - прядильщик шерсти - душа моя.
Ямка его подбородка - темница моя,
О боже, дай мне поцелуй с его губ,
Потому что губы эти - лекарство для души.

Влюблена я в просеивателя праха,
Не смею я признаться ему в своей тайне.
Он, просеивая прах, ищет золото.
Я же, в руках золото, - ищу его.

Давеча шапочник - возлюбленный увлеченно
Шил из атласа шапку.
За каждую шапку сказала сто раз «молодец!»
Но одного достаточно было за четырех.

Твердо установленных данных биографии Мехсети-ханум очень немного. Тем, кто увлекается творчеством Мехсети Гянджеви можно рекомендовать написанную с любовью к поэтессе и большим профессиональным мастерством книгу Рафаэля Гусейнова «Мехсети - какая есть».

Мехсети-ханум родилась приблизительно в 1089 году в городе Гяндже и дожила до глубокой старости. Звали ее Маниджа, имя же Мехсети было ее поэтическим псевдонимом. Существует несколько легенд о происхождении этого псевдонима. Согласно одной из них, в беседе с Султаном Санджаром Маниджа, якобы, как-то сказала, что в его блестящем окружении она самая маленькая и незаметная, на что Султан возразил: «то мех-хасти» («ты самая большая (фарс.)»). «Мех-хасти» превратилось в «Мехсети» и осталось ее псевдонимом. По другой версии «Мехсети» состоит из двух слов «Мех» и «Сати», что значит «великая госпожа». И, наконец, предполагается, что слово это состоит из слов «Мяхсети» («Луна Госпожа») (У Низами аналогично «Мехин Бану»).

Мехсети получила хорошее образование, и как видно из ее произведений, она успела побывать в следующих городах и областях: Рум, Мерв, Балх, Нишапур, Герат, Гянджа, Хорасан, Ирак, Зузан, Арран и др. Некоторое время она находилась при дворе великого Султана Санджара. Участвовала на его приемах и литературных меджлисах. Согласно преданиям, внимание Санджара она впервые привлекла экспромтом сказанным рубаи о неожиданно выпавшем снеге: небо послало тебе серебряный ковер, чтобы конь твой не испачкал свои подковы. В награду она получает от него имя «Мехисти» («Величайшая») и становится его приближенной. Значительную часть жизни она провела в Гяндже, где участвовала во дворцовой жизни Султана Мухаммеда и его сына Султана Махмуда. [128-129]

Основные сведения о жизни великой поэтессы все биографы берут из дастана XIII века «Мехсети и Амир Ахмед», рукописи которого хранятся в институте Рукописей Азербайджана, в Стамбуле и Лондоне. Последние исследования азербайджанских литературоведов убедительно доказывают, что автором «Дастана» является азербайджанский поэт и ученый XIII века Абдулла Джовхари Заргар Тебризи и, что героями «Дастана» являются реальные лица. В том числе поэт Амир Ахмед, Шах Гянджи I (Султан Мухаммед) и шах Гянджи II (Султан Махмуд). В «Дастане» приводится большое число рубай Мехсети Гянджеви.

Содержание «Дастана» вкратце сводится к следующему. У одного богослова в городе Балхе родится дочь. Он идет к астрологам для выяснения судьбы дочери. Обратившись к звездам, звездочеты предсказывают ей большое будущее, признание и любовь народа. Одновременно они заявляют, что в конце концов она попадет в Харабат (арабск. питейный дом, кабак). Отец отдает дочь в школу, которую она кончает в восемнадцать лет, получив блестящее образование. После этого, отец отводит дочь к специалистам и просит обучить ее двенадцати мугамам и двадцати четырем их разделам. Кроме того, он просит чтобы музыканты обучили ее игре на чанге, уде и бербеде. Местные жители с удивлением спрашивают отца: «Как же так, сначала ты даешь дочери хорошее образование, учишь ее корану, а затем готовишь ее к профессии танцовщицы, или ты хочешь сделать ее блудницей?» Отец отвечает, что так как ей суждено попасть в Харабат, пусть она туда попадет подготовленной. После смерти отца Мехсети переезжает в Гянджу и поселяется в квартале Харабат.

Из дастана следует, что к двадцати годам Мехсети своей образованностью, красотой, красивым голосом и поэтическим талантом успела завоевать авторитет и любовь во многих странах мусульманского мира. Послушать пение Мехсети в Харабате в Гянджу приезжают издалека и знать и купечество. Не остается в стороне и правитель Гянджи, которого в дастане зовут Шахом Гянджи.

Ее часто приглашают во дворец. После одной из очередных пирушек шах предлагает условия завтрашней встречи. Опоздавший должен будет выпить три штрафных рога вина. Случилось так, что опоздавшей оказалась Мехсети. Она подчинившись условиям шаха один за другим опустошает два больших рога, после чего, взяв в руки третий рог произносит экспромтом стихи, обращенные к шаху. Эй, шах - говорит Мехсети - я не бык, мне рога не подходят, но если я все же стала быком, то двух рогов достаточно. Шаху так нравится экспромт, что этот сосуд, украшенный драгоценными камнями он дарит поэтессе. [129-130]

У хатиба (священнослужитель) Гянджи после долгих лет ожидания родится сын, которого он называет Амир Ахмедом. Мальчика отдают на воспитание кормилицам, а с четырех лет посылают учиться в школу. Амир Ахмед оказывается очень способным и талантливым юношей и слава об его учености распространяется далеко за пределы Гянджи, хотя сам он все время проводит в учебе и не покидает родной школы. Однажды Амир Ахмед видит сон. Во сне он попадает в рай, где его встречает гурия с чашей вина в руках. Амир Ахмед пьет предложенное ему вино и с этого момента он оказывается опьяненным красотой этой гурии. На утро отец находит Амир Ахмеда сильно опечаленным. Чтобы как-то развеять его печаль, отец разрешает Амир Ахмеду в сопровождении 400 всадников погулять по Гяндже. В одном из кварталов города Амир Ахмед слышит красивое пение и узнает, что этот квартал называется Харабатом. Там в одном из кабаков находит красавицу, возлежащую на четырех подушках. Это была Мехсети Гянджеви. В ней Амир узнает свою гурию. Молодые влюбляются друг в друга и начинают обмениваться четверостишиями (рубай).

Хатиб оказывается страшно удивленным, когда, в этот день, перед сном его сын вместо Корана, начинает читать рубай. Его беспокоит поведение вернувшегося из Харабата сына. Хатиб даже отправляет его к врачу, а потом обещает женить. Все безрезультатно. Амир Ахмед непреклонен и без каких-либо сопровождающих отправляется в Харабат к Мехсети. Мать Мехсети, узнав чей это сын, просит отправить его домой, боясь неприятностей. Молодые не придают значения ее словам. Хатиб пытается вернуть сына и даже жалуется Шаху Гянджи, но сын непреклонен. Тогда он посылает за сыном своих людей, которые сажают его в темницу. На третий день длительных бесед о морали и греховности его поведения Амир Ахмед признает правоту отца и получает свободу. На радостях отец пускается в пляс и устраивает богатое угощение в честь такого радостного события. Когда прием окончен и гости расходятся по домам Амир Ахмед уходит, как и следовало ожидать, в направлении... Харабата.

В Харабате Амир Ахмед находит Мехсети в окружении 40 девушек. Они играют на ней, чанге, дафе, танцуют и поют. Мехсети проводит урок музыки. Здесь Мехсети предстает в новом свете. Она не только пишет стихи, поет, играет на многих инструментах, она еще и преподает музыку и танцы.

С точки зрения знакомства с музыкой и музыкальной средой того времени интересно описание приема, устроенного Шахом - Гянджи в честь Мехсети, на котором музыка исполнялась на следующих инструментах: чанге, уде, барбате, абришами, нейе и танбуре. [130-131]

Далее в «Дастане» говорится, что Мехсети была самым сильным игроком в шахматы в Гяндже. Описывается партия на приеме у Шаха - Гянджи между ним и Мехсети. В другой партии Шах Гянджи

играет на пари на тысячу динаров с Амир Ахмедом. Амир Ахмед побеждает и Шах Гянджи расплачивается золотыми монетами.

Как-то Мехсети приглашают во дворец к Шаху - Гянджи. За что-то разгневанный шах приказывает завернуть Мехсети-ханум в шкуру быка и бросить в темницу. Только через шесть суток по ходатайству местной аристократии ее освобождают и она в гневе произносит обличающие шаха стихи.

Другой раз на зимней охоте Мехсети, обращаясь к шаху Гянджи, говорит уже упомянутые выше стихи о снеге. Стихи так нравятся шаху, что он дарит коня поэтессе. Однако, своевольный шах требует, чтобы возлюбленные расстались, а Мехсети осталась жить во дворце. Мехсети предлагает Амир Ахмеду бежать в город Балх. Сначала туда попадает Мехсети. В честь нее собираются поэты Балха и всего Хорасана. Начинается поэтическое состязание. Мехсети предлагает поэтическую загадку. Никто не может найти на нее ответ. В это время в состязание вступает странник, который отвечает Мехсети изящным стихом. Все присутствующие догадываются, что перед ними сам Амир Ахмед.

В конце дастана «Мехсети и Амир Ахмед» повествуется о том, что влюбленные возвращаются в родную Гянджу, официально оформляют свой брак и у них родится двое детей.

После смерти отца Амир Ахмед становится Хатибом Гянджи. Мехсети переживает мужа на два года. Она его так долго оплакивает, что к концу жизни слепнет.

В «Дастане» указывается, что похоронена она рядом с Низами Гянджеви. Действительно, когда в 1923 году могила Низами была вскрыта с целью перезахоронения его на почетное кладбище Шах - Аббасской мечети, рядом с могилой поэта было найдено захоронение женщины. Академик Араслы не исключает возможности знакомства этих двух выдающихся личностей, хотя время их жизни трудно свести, и даже приводит стих Низами, который, может быть, обращен к нашей поэтессе:

Уж раз ремесло твое - быть музыкантом,
Я звуков высоких и низких желаю.
Басмой лук бровей не натягивай грозно
До самых ушей! Шли стрелу! Ожидаю.
Ты знаешь, что жить без тебя я не в силах.
Ты жизнь мою хочешь, бери же, - бросаю!
Я вижу: удачи я жаждал напрасно, -
Я вздохом последним тебя призываю.
Тебе Низами отдает свою душу,
Прими - как страдания я принимаю. [131-132]

«Дастан» написан очень увлекательно и читается с большим интересом даже в пересказе. Но в то же время во все, что там написано очень трудно поверить. Читателя не оставляет чувство чего-то недоговоренного. Создается впечатление, что автор скрывает факты биографии, используя какие-то понятные только читателю того времени иносказания.

Действительно очень трудно поверить, что почтенный богослов в те времена мог отдать свою очень талантливую дочь учиться музыке и танцам, для того чтобы она могла попасть в питейный дом - Харабат (Мейхана) подготовленной. То же самое можно сказать и о сыне Хатиба Амир Ахмеде, который, получив великолепное богословское образование идет в Харабат вслед за Мехсети. Еще трудней поверить, что принятая при дворе султана Санджара поэтесса объясняется в любви бесчисленным молодым ремесленникам: прядильщику шерсти, шапочных дел мастеру, пекарю, портному, мяснику, ювелиру и многим другим. Загадки, загадки и загадки.

Однако все становится предельно ясным и логически верным, если только предположить, что Мехсети состояла членом какого-то тайного суфийского ордена и биография ее изложена с использованием иносказаний и аллегорий, принятых суфиями с целью самозащиты от преследующих их ортодоксальных мусульман.

Суфии считали, что высшей целью жизни человека должна быть любовь к богу. Через мистическую любовь к богу, в определенном состоянии - экстазе (хал) возможно уединение, а затем и слияние с богом. Достичь такого состояния может только суфий, прошедший длительные тренировки, во время слушания (сама) суфийских стихов под ритмическую музыку, иногда сопровождающуюся танцами. Как пишет академик Бертельс эти стихи могли быть светскими, преимущественно эротического характера, либо чисто суфийскими, использующими свою особую терминологию. И те и другие должны были служить «как бы стимулом, облегчающим достижение экстатического состояния.» В чисто суфийских стихах стремление суфия к познанию бога отождествляется с любовью, а сам бог именуется другом (дуст), или возлюбленным (йар), суфий отождествляется с влюбленным (ашиг), или гулякой (ринд), экстатическое состояние суфия - с состоянием опьяненности вином (маст) и вином (мей), место сборища суфиев отождествляется с питейным домом, таверной (Харабат, Мейхана) и т. д.

Вместо мечети, некоторые суфии посещают свои собрания, на которых чтение хадисов заменяется чтением стихов, пением и танцами в суфийской обители - Харабате. Доктор Джавад Нурбахш, глава суфийского ордена Нематуллахи в Лондоне слово Харабат переводит на английский язык как [132-133] «Tavern of Ruins» («Таверна среди Руин»), подразумевая под этим суфийскую обитель. Он пишет, что суфий, пройдя все стадии очищения, становится Совершенным Человеком и достигает порога Истины (Хагигат): «Можно уподобить это последнее путешествие в Хагигат, в Истину обучению в Божественном Университете, в «Таверне среди Руин» (Харабат). В этом истинном центре высшего образования нет профессоров, и единственный наставник Абсолютная Святость и Совершенная Любовь. Здесь существует единственный учитель - Любовь, вместо учебников Любовь и сам Совершенный Человек - Любовь». Вот в какой Харабат отправляет богослов свою дочь - Мехсети. Может ли неподготовленный читатель найти обращение к Богу, например, в стихотворении суфийской поэтессы Рабии (ум. 801), воспевающей страстную любовь и застолье с вином:

Я тебя сделала в моем сердце моим собеседником,
А тело предоставила тому, кто желает быть со мною.
Мое тело в его распоряжении,
А в моем сердце - Друг моего сердца.

или в стихе Абу-Саида:

О, Господи! Открой мне путь к подруге милой,
Дозволь, чтоб долетел к ней голос мой унылый,
Чтоб та, в разлуке с кем не знаю ясных дней,
Была со мною вновь, и я бы вновь был с ней.

Нет, конечно. Чтобы понять скрытый смысл этих стихов надо воспользоваться символикой, о которой говорилось выше. Так же, очевидно, надо переосмыслить и содержание «Дастана».

И, действительно, если пересмотреть содержание «Дастана», используя эти суфийские аллегории, биография Мехсети будет выглядеть куда более правдоподобной. Ответить на давно волнующий вопрос - носит ли поэзия Мехсети чисто суфийский характер - это задача исследователей, но то, что «Дастан» написан с целью приписать стихам Мехсети суфийский смысл - несомненно. Начнем с того, что место рождения поэтессы специально перенесено на северо-восток Ирана - центр раннего суфизма. Отсюда вышли один из первых суфийских святых Абу Сайд ибн Аби-л-Хайр и ученый и поэт Омар Хайам, так много сделавшие для широкого распространения жанра рубай. Отсюда вышел известный суфийский поэт Джалаладдин Руми и многие другие суфии.

Читателя как бы предупреждают, что творчество Мехсети относится к тому же кругу суфийских поэтов и, что читая «Дастан» он должен делать поправки на суфийское иносказание. [133-134] Благочестивый богослов, обнаружив у дочери необыкновенный поэтический дар и музыкальные способности, решает направить дочь по своему пути. За советом он обращается к астрологу. Тот предсказывает дочке большое будущее в суфийском братстве. Предсказателю нельзя отказать в мудрости, так как женщины в те века только среди суфиев могли чувствовать себя сравнительно свободными. Как пишет видный английский ученый Тримингэм «мистицизм был единственной религиозной сферой, где женщина могла себя проявить. Было немало женщин - суфиев среди которых наиболее известна Рабия ал-Адавия.» То, что автор «Дастана» под Харабатом имеет ввиду собрание суфиев, следует из следующих стихов самой Мехсети:

Поднялась взошедшая за Харабатом луна,
Раскинула шатер в хижине поднебесья.
И неожиданно вознесся голос из небытия:
«Мир этот не стоит соломинки единой».

С неохотой ты в Харабат не направляйся,
Не зная символа дервиша - не приходи.
Путь сюда - это путь дорожащего головой.
Не можешь жертвовать собой - не приходи.

Харабат - место отважных мужей,
Здесь нет места для низких душ,
С уважением вступай на этот путь, потому что

Это не место для коварных душой.

А то, что квартал Харабат изображен как квартал ремесленников и что Мехсети в своих стихах объясняется в любви к множеству молодых ремесленников: портному, ювелиру, шапочнику, прядильщику шерсти и т. д., а не к Йару - Богу, говорит о принадлежности ее к какой-то корпорации ремесленников и, возможно о принятой там такой символике.

Такой корпорацией могла быть тюркская, близкая к суфиям организация Ахи, к которой принадлежал и Низами. Членами этой корпорации были юноши разных профессий. Арабский путешественник Ибн-Батута писал об ахи: «Они есть во всех туркменских, румских областях, в каждом поселении, городе и деревне. И не найти в мире людей более заботливых, чем они, к чужестранцам, более поспешных в стремлении накормить голодного и удовлетворить потребности нуждающегося и пресечь руку насильников, и убить воеводу или тех, кто примыкает к ним из злых людей. А ахи у них - это человек, который собирает людей своей и иной профессий из юношей, холостяков и одиноких...».

[134-135]

Становится совершенно ясно, что стихи, обращенные к молодым ремесленникам, написаны специально для исполнения на собраниях суфиев и не являются любовными стихами в нашем понимании. Большинство из них чисто светского содержания и только некоторые включают в себя суфийскую терминологию. Здесь надо отметить, что и предшественник Мехсети Катран Тебризи в своих явно суфийских стихах также вместо Возлюбленного-Бога обращается к восхваляемым им правителям. Как пишет Зумруд-ханум Кули-заде «поэт бесконечно воспекает физическую красоту правителей: алые губы, глаза - нарциссы, родинки, кудри, напоминающие фиалку, пишет о своей нежной и пылкой любви к ним, о горестях разлуки и счастье свидания с ним.»

Если ранний суфизм, в основном, привлекал симпатии обездоленных, то со временем к нему стали примыкать и представители феодальной интеллигенции, привлекаемые самой свободомыслящей философией суфизма. В «Дастане» этот процесс представлен приходом Мехсети и Амир Ахмеда в Харабат. Интересно, что приход в Харабат Амир Ахмеду так же как Мехсети предопределен сверху. Ему это предопределение передается через ангела - ей через звездочета. Иначе, как предопределение сверху, нельзя объяснить и другой эпизод. В споре с отцом Амир Ахмед просит привязать его с завязанными глазами к мулу. Если мул придет в мечеть он отказывается от Харабата, если в Харабат, хатиб продает мула и на эти деньги он с Мехсети организует меджлис. Мулл, конечно, приходит в Харабат и на полученные от его продажи деньги молодые нанимают певцов и музыкантов для проведения очередного собрания суфиев с пением и танцами. В этом эпизоде отображен извечный спор суфиев с мусульманскими ортодоксами куда должен направить стопы благоверный мусульманин, в мечеть или в Харабат (собрание суфиев). Физули говорит: «В мечеть не пойду я и слушать не буду, что там пред народом глаголет наставник. Лучше отправляйся в Харабат – мейхана - виночерпия там ты найдешь. Взгляд лучист, лучезарно вино.» Или:

Отвращение к вину - то ошибка большая, аскет
Хочешь верь увещанья словам, хочешь, нет;
А в мечеть захожу я, отнюдь не желая того,
По ошибке туда я вхожу, опьянением согрет.

Другой азербайджанский поэт, увлекающийся философией суфизма, Хабиби, Харабат называет своим Другом, цветником сада души, своей душой, просит Харабат «опьянить его чашей вина», «довести до встречи». О том, что Харабат это не питейный дом и не квартал ремесленников, а собрание суфиев лишний раз свидетельствует такой эпизод из «Дастана». Вызволить из Харабата Амир Ахмеда берется его благочестивый [135-136] дядя Пир Осман. Амир Ахмед согласен покинуть Харабат при условии, что Пир Осман выпьет бокал вина. Выпив один бокал, дядя уже не в силах остановиться и покидает Харабат совершенно опьяневшим. После этого Пир Османа нельзя узнать. Он становится постоянным завсегдатаем Харабата. Здесь, несомненно, описывается суфийское прозрение Пир Османа, а под опьянением понимается религиозный экстаз. Вспомним Омара Хайяма:

В молитве и посте я, мнилось мне, нашел
Путь к избавлению от всех грехов и зол;
Но как-то невзначай забыл про омовенье,
Глоток вина хлебнул, - и прахом пост пошел.

Пирами и шейхами (мюршидами) в суфийских общинах называли авторитетных старцев, наставников. Дядя Амир Ахмеда Осман, очевидно, стал называться пиром позже, пройдя в Харабате все

требуемые от суфия этапы духовного совершенства и став духовным наставником. В творчестве Мехсети-ханум можно найти много стихов, в которых поэтесса, отбросив всякую символику, открыто говорит о своих глубоких чувствах к любимому ею человеку:

Я, о Хатиб оглы, твоя возлюбленная.
Знай - до смерти тебе верна буду я
Многие готовы умереть за меня,
Я же желаю гореть любовью к тебе.

Любовь к Амир Ахмеду - это самая высокая мирская любовь. Эту любовь поэтесса берет за единицу измерения возвышенной мирской любви. Но есть еще более высокая любовь - это любовь к Богу, скрытому за символами в лице друга, йара, старца, дервиша, нищего, мясника или членов ордена Ахи-молодых ремесленников. Любовь эта может быть, как пишет поэтесса в «две тысячи раз выше, чем любовь к «сыну хатиба» и, особенно, «в состоянии опьянения (экстаза)», когда она может приблизиться к Богу. Концовка «Дастана» типично суфийская. Мехсети слепнет от слез, проливаемых по йару, другу и хоронят ее рядом с пользующимся огромным авторитетом у суфиев, знаменитым поэтом и великим шейхом Низами Гянджеви. Прямых указаний на принадлежность Мехсети к суфиям нет, а большинство стихов настолько естественны и реалистичны, что в них, при всем желании, иногда трудно найти какой-либо скрытый смысл, хотя иногда она почти открыто говорит о своей приверженности к суфизму:

В одной руке у нас бокал, в другой руке Коран,
То в пресной трезвости живем, то наш рассудок пьян,
Кто мы в нервном мире сем, ответить мудрено, [136-137]
Не иноверцы, не свои средь истых мусульман.

Призывы к свободной любви и застольям с вином и танцами, в особенности в устах женщины, в ту пору господства религии, во всех сферах жизни, при всем своем суфийском содержании могли нести и скрытый протест против существующих религиозных догм и политики подавления свободы личности государством.

Рубай Мехсети Гянджеви близкие по форме к народным стихам и глубокие по своему философскому содержанию оставили глубокий след в поэзии Азербайджана и всего Востока. Многие исследователи считают их близкими к рубай Омара Хайама, однако большинство современных литературоведов склонно относить их, скорее, к школе азербайджанской поэзии, заложенной Катраном Тебризи и Изатдином Ширвани.

В книге Мәһсәти Кәнчәви, Рүбайләр, Г. Араслы «Мәһсәти ханым вә Рүбайләр». Бақы - 1957; Мәһсәти Кәнчәви. Рүбайләр. Кәнчлик. Бақы - 1981, Э. Ахмедов. Арабо-Мусульманская Философия Средневековья. Баку - 1980; В книге Азәрбајҹан классик әдәбијјаты китабханасы. II чилд. Тејмур Кәримов, «VII-XII әсрләрдә Азәрбајҹан ше'ри». «Елм». Бақы - 1989; И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII-XV веках. Издательство Ленинградского Университета 1966; Рафаел Һүсејнов. Мәһсәти нечә варса. «Јазычы». Бақы - 1989; З. А. Кули-заде. Из истории Азербайджанской философии VII-XVI вв. Баку - 1992; Джавад Нурбахш Таверна среди Руин. Москва - 1992. [137-138]

АДЖАМИ НАХЧИВАНИ

Одиннадцатый и двенадцатый века - века расцвета Азербайджанского Ренессанса. Растут города, строятся дворцы, мечети, оборонительные и мемориальные сооружения. Развиваются ремесла, наука, искусство и поэзия. Поражает количество выдающихся личностей, творивших в это время: Катран Тебризи, Бахманйар ал-Азербайджани, Хатиб Тебризи, Низами Гянджеви, Хагани Ширвани, Омар Кафиаддин, Абу-Бакр Гянджеви, Мехсети Гянджеви, и многие другие.

Среди этих звезд первой величины, признанных не только на всем Востоке, но, в большинстве своем, и в Западном мире, ярким светом горит звезда Аджами Нахчивани - выдающегося зодчего средневекового Азербайджана.

Вот что писал о нем известный азербайджанский искусствовед А. В. Саламзаде: «Нетрудно проследить влияние его творчества на зодчих ряда стран Ближнего Востока. Созданные им шедевры архитектуры, пройдя через века, сегодня демонстрируют силу и неувядаемую свежесть его созидательного гения, доставляя высокое эстетическое наслаждение. Они свидетельствуют о том, что наследие Аджами по праву входит в число бессмертных произведений зодческого искусства. Это, вновь возрожденное архитектурное наследие, дает основание утверждать, что Аджами Нахчивани не имел себе равных среди зодчих XII века. Не случайно источник XIII века сообщает, что он носил титул «шейх-ул-мухандиди» т.е. глава инженеров. В век, когда на Западе архитектурное творчество было еще анонимным, Аджами, как автор ряда архитектурных шедевров, предстает [138-139] перед нами художником, отличающимся ярким, неповторимым творческим обликом, гигантом художественного и инженерного мышления.»

Жизнь Аджами протекала в Иракском Султанате - государстве Атабеков Азербайджана, одной из столиц которого был Нахчиван, а правителями - великий атабек Шамс ад-Дин Ил-Дениз, а затем его сын Нусрат ад-Дин Мухаммед Джахан Пахлаван.

История нам ничего не оставила о жизни Аджами, кроме его творения. Очевидно, предвидя это зодчий на своем самом выдающемся памятнике - мавзолее жены Иль-Дениза Мумине-хатун написал:

«Мы преходящи. Мир стоит вечно.
Мы уйдем - мир останется.
Мы умрем - это останется памятью
О боже, дурной глаз держи далеко.»

И память осталась. На мусульманском Востоке известно всего несколько выдающихся архитектурных ансамблей. Среди них ансамбли Самарканда, Исфгани и Тадж-Махал. Можно предположить, что задолго до того, как сложились эти ансамбли, в одном из древнейших городов мира - Нахчивани (по библейским преданиям он был заложен Ноем) по проекту выдающегося архитектора средневекового Азербайджана Аджами Нахичевани был создан не менее величественный ансамбль. На огромной площади неправильной формы были размещены величественные Дворец Иль-Денизидов, Джума мечеть, Мемориальные памятники, а может быть и здания медресе, Караван-сараяв и других правительственных зданий. Хотя до наших дней из всех известных и предполагаемых сооружений сохранилось всего два мавзолея, подтверждением существования в Нахчиване дворцового ансамбля, в какой-то степени, является труд анонимного автора XIII века, «Диковинки мира» («Аджаиб-аддунья»), написанный на фарсидском языке. Там можно прочесть следующее: «Нахчиван - это город в Азербайджане, большой и населенный, расположен на высоком месте, очень укрепленный. Там построили много дворцов, загородных замков, усадеб (кушк) и парадного назначения сооружения, около города построили крепость из камня и в крепости построили медресе к мечети; в крепости есть приятный источник. Говорят, на земле нет города населеннее, чем этот, все постройки сделаны из алебаstra и жженого кирпича. Большая часть кушкв в три и четыре этажа подобно крепости. Сельская округа города [савад] хороша, проточная вода; много садов и зелени. Река Аракс проходит в пределах города... В [139-140] августейшее время Иль-Дениза [Нахчиван] получил полное величие. Там сделали царскую резиденцию [дар-ал-мулк] и построили правительственные здания [довлетхана]...».

Согласно источникам того времени в Нахичевани при Аджами жило около четверти миллиона человек. Наиболее ранним из сохранившихся памятников, расположенных на этой площади, является мавзолеей Йусуфа ибн Кусейра, известный в народе как Атабаба Гюмбези. Он состоит из подземной

усыпальницы и надземной башенной части, выполненной в виде восьмигранного шатра пирамидальной формы. Наружные грани мавзолея украшены орнаментом, выполненным кирпичными блоками. Над входом сооружения расположены куфическая надпись «Это - усыпальница хаджи, именитого раиса (начальника), благочестия веры, красоты ислама, главы шейхов, Йусифа ибн Кусейра. В время шавала, года седьмого и пятидесятого и пятисотого (557/1162 г)». По верху мавзолея проходит декоративная, куфическая надпись из Корана. Там же слева от входа вписано имя зодчего «Аджеми ибн Абубекр, Нахчиванский».

Другим мавзолеем, наиболее крупным и красивым в Азербайджане, является мавзолей Мумине-хатун, известный в народе как Атабек Гюмбази. Мумине-хатун была первой женой Шамс ад-Дина Ил-Дениза и очень много сделала для создания и укрепления государства Атабеков Азербайджана. Умерла Мумине хатун в 1175 году. Вскоре умирает и Ил-Дениз и мавзолей, законченный только в апреле 1186 года, строит ее сын Джахан Пахлаван. Этот мавзолей так же состоит из подземного склепа и надземной мемориальной части. Надземная часть представляет в разрезе десятигранник. Все десять граней, кроме фасадной, содержащие вход в мавзолей, одинаковы и содержат ниши, украшенные орнаментами. Вверху мавзолея расположен фриз с куфической надписью из Корана. Надпись, высотой почти в метр, выполнена из глазурованных кирпичей и является украшением мавзолея. Несмотря на большую высоту и монументальность мавзолей очень строен и изящен, как и следует быть памятнику женщине.

На память приходит монументально - изящный шедевр архитектуры Индии Тадж-Махал. Он тоже посвящен женщине - Мумтаз Махал (1648 г.) и строил его также тюркский правитель по имени Джахан.

О мавзолее Мумине-хатун трудно сказать лучше, чем это сделал академик Алпатов В. М. в капитальном труде «Всеобщая истории искусств»: «Такое развитое чувство формы, такая классическая законченность композиции и совершенство выполнения композиции не встречаются в эти годы в архитектуре Средней Европы. От нахчиванского мавзолея веет человечностью, как от лучших произведений классической [140-141] литературы Востока, вроде бессмертной поэмы «Шах-намэ» Фирдоуси (X-XI в.) или «Лейли и Меджнун» (XII в.) Низами».

Башенные мавзолеи на Востоке, в связи с запретом исламом создания скульптурных изображений живых существ, играли роль надгробных скульптурных памятников Западной Европы. Погребальные камеры этих мавзолеев помещались под землей, а надземная часть, возвышающаяся иногда свыше 30 метров своей красотой и выразительностью должна была увековечить память похороненного лица.

Это удалось достичь великому зодчему в обоих мавзолеех.

Третье из сооружений, расположенное на этой площади - это портал с двумя минаретами какого-то грандиозного сооружения. Сооружение это было снесено в XIX веке, но остались его зарисовки, описания. До сноса была прочтена надпись: «Работа зодчего Аджеми ибн Абубекра Нахичевани».

Построен портал в 1187 году, через год после мавзолея Мумине-хатун. Специалисты утверждают, что такая композиция-два минарета и портал, очевидно впервые предложена Аджами. В дальнейшем она часто повторяется во многих странах мусульманского мира.

В общий комплекс перечисленных сооружений Аджами входит и огромная Джума-мечеть. Ее описание и рисунки оставили французские путешественники Тавернье и Делафруа. В середине XIX века об этой мечети писал Энгельгарт: «Это - громное здание с арками из отесанного камня. Внутри оно все еще хранит следы прекрасной рельефной резьбы. Часть здания уже разрушена, а другая часть - под угрозой разрушения. В 50 саженьях от мечети расположены ворота с парой минаретов высотой в 20 сажень, входящих в комплекс мечети. Хотя раньше пространство от мечети и до ворот было застроено принадлежавшими мечети постройками, теперь их нет, и ворота кажутся принадлежностью стоящей вблизи одинокой башни». Вполне возможно, что от мечети до ворот были расположены медресе или Караван-сарай, обычно, входящие в такие комплексы, тем более, что как пишет Бретаницкий, существует ярлык XII века упоминающий построенное атабеком в Нахчивани медресе, относящееся к вакфу Мумине-хатун.

Любопытно, что со временем, росло не только мастерство Аджеми, но и его общественное положение. Это можно проследить по расположению его имени на известных памятниках. На мавзолее Йусифа ибн Кусейра надпись настолько незаметна, что ее не обнаружили первые исследователи памятника. Через двадцать пять лет на мавзолее Мумине-хатун надпись, значительно более заметная, помещается уже над входом в верхнюю камеру. Следующая же надпись располагается над монументальным порталом. [141-142]

Творчество Аджами в течение многих веков служило источником вдохновения и подражания для многих зодчих Азербайджана и других стран. Даже в произведениях великого зодчего Турции Синана почти через 300 лет, исследователи видят влияние Аджами. Пусть и сегодня архитекторы помнят девиз Аджами: «Мы умрем - это останется памятью» и это будет лучшим памятником великому зодчему.

З. М. Бунятов. Государство Атабеков Азербайджана. «Элм». Баку - 1978, А. В. Саламзаде. Аджери Нахчивани. В сборнике «Проблемы Азербайджанского Ренессанса». «Элм» - 1984. [142-143]

ДЖАХАН ПАХЛАВАН

На основе сельджукского Иракского Султаната в середине XII века возникает государство Атабеков Азербайджана

Нусрат Ад-дин Мухаммед Джахан Пахлаван - сын Иль-Дениза в 1175 году становится вторым из рода Ильденизидов правителем государства Атабеков Азербайджана. При нем это государство еще больше крепнет и получает всеобщее признание, возрастает самодержавная власть атабеков.

Джахан Пахлаван был сыном основателя этой династии Шамс Ад-Дина Ил-Дениза и Мумина-Хатун, вдовы сельджукского султана Тогрула II. Молодость свою он провел в походах и сражениях и рано изучил ратное дело также, как искусство дипломатии и управления государством. С ранних лет он отличался богатырской силой. До сих пор в Азербайджане, в народе, бытуют легенды о том, что на празднествах-турнирах, устраиваемых его отцом на Новруз Байрам он всегда выходил победителем спортивных игр. Молодой Мухаммед мог скрутить в трубку четыре медных подноса, сложенных друг на друга, смять руками одновременно несколько подков, свалить лошадь одним ударом кулака или поднять и перекинуть через забор бычка. За необычную силу и ловкость его, в народе, прозвали Джахан Пахлаваном, что значит – «Богатырь (всей) Вселенной» или может быть, в современном понимании, - «чемпион мира». Сын его Нусрат ад-Дин Абу-Бакр тоже отличался необыкновенной силой и ловкостью. На таких рыцарских турнирах он всегда выходил победителем. Согласно старинному преданию на одном из турниров в Тебризе его побеждает какой-то [143-144] бедняк по имени Тара Малик. Это так поражает присутствующих, что его именем впоследствии называют один из, существующих и сейчас кварталов Тебриза, а сам он превращается в сказочный персонал.

Когда в 1160 году Иль-Дениз становится великим атабеком, Джахан Пахлавана, которому еще не исполнилось и восьми лет, назначают эмиром - хаджибом султана, а через год его женят на дочери правителя Рея Инанджа - Инандже-хатун. У Джахан Пахлавана было четыре сына и несколько дочерей. От первой жены - дочери владетеля Рея - Инанджа у него было два сына Кутлуг-Инандж Махмуд и Амир Амиран Умар. От тюрчанки Кутайб-хатун у него был сын Нусрат ад-Дин Абу-Бакр и от наложницы сын Узбек. Матерью дочери Джалалийя была Захида-хатун. Она владела крепостью Алинджа в Нахчивани, в которой всегда хранилась казна атабеков.

Узнав о смерти отца Джахан Пахлаван из столицы Султаната Хамадана отправляется в Нахчивань и захватывает казну государства. Сельджукский Султан Арслан-шах, подстрекаемый эмирами Ирака, во главе большого объединенного войска отправляется в поход в Азербайджан против Джахана Пахлавана. Однако из-за болезни ему приходится вернуться с полпути. Вернувшись в Хамадан, султан женится на дочери раиса города и вызвав Джахана Пахлавана к себе мирится с ним, назначив его своим атабеком. Передав власть атабеку султан вскоре умирает.

Имад ад-Дин ал-Исфагани в связи со смертью Арслан-шаха писал: «Говорят, что Пахлаван отравил его, ибо считал, что дальнейшее его существование не будет полезным [для государства]». Некоторые исследователи, однако, сомневаются в том, что султан Арслан-шах мог быть отравлен атабеком.

После смерти Султана, атабек Джахан Пахлаван, на трон сажает его семилетнего сына Тогрула III и объявляет себя его Атабеком. Брата своего Кызыл Арслана Джахан Пахлаван назначает правителем Азербайджана и Аррана и главнокомандующим. Ему же поручается воспитание сына Джахан Пахлавана Абу Бекра.

На севере страна подвергается нападениям грузин. На борьбу с ними отправляются войска под предводительством Кызыл Арслана. Ему удается разбить грузин и захватить значительную добычу. После этого заключается мир. Теперь Джахан Пахлавану остается усмирить, владетеля Хузистана Ай-Тогды Шимлу имеющего территориальные претензии и претендующего на престол дядю Султана Тогрула III, принца Мухаммеда, жившего в это время тоже в Хузистане. Сначала был разбит Шимла, а затем и Мухаммед. Первый был убит в битве - второй заточен в крепость. В борьбе с принцем проявился полководческий талант Пахлавана. Когда до Пахлавана дошла весть, что Мухаммед с войском вошел [144-145] в Исфаган он совершает молниеносный бросок и на пятый день после этого отряд Мухаммеда, не ожидавшего такого поворота событий, оказывается наголову разбитым. После этого, как пишется в хронике тех лет, страна «стала для атабека Пахлавана свободной [от соперников], и он занял престол державы». В 1175 году Джахан Пахлаван присоединяет к своим владениям Тебриз.

Академик З. М. Буниатов отмечает, что: «Во всех звеньях государственного управления, благодаря административным способностям и жесткой требовательности атабека Джахан Пахлавана был укреплен порядок. В течение десяти лет правления атабека государство не было подвержено никаким вторжениям извне. Именно в его правление «грузины заключили с ним мир, приняв его требования».

Государство Джахан Пахлавана занимает огромную территорию. Он делит ее между сыновьями. Воспитанника Кызыл Арслана Абу-Бекра он назначает своим наследником и передает ему в управление Азербайджан и Арран, управление Реем и Исфаганом он поручает Кутлук Махмуду и Амир Мивану, Хамадан - Узбеку.

Вскоре после укрепления власти атабека, между атабеком и хорезмшахом Текишем устанавливаются дружественные отношения. До наших дней дошли четыре дружественных письма хорезмшаха Текиша «Великому атабеку Шамс ад-Даула ва-д-Дину, Пахлавану Ирака.» В одном из них, например, (август 1181 г.) сообщается, что подаренный атабеку кречет отправлен ему с нарочным и приносятся сожаления по поводу уменьшения числа посольств «августейшего падишаха» (джанаб-и Хумайун). В другом Хорезмшах просит принять подарки, так как они «преподносятся от чистого сердца, и надеется, что между ними всегда будут открыты пути радости и закрыты дороги недоверия.»

На западных границах Султаната к концу правления Джахана Пахлавана большую активность стал проявлять правитель Египта и Сирии - основатель династии Аййубидов, знаменитый герой борьбы с крестоносцами Салах ад-Дин Йусуф. За счет большой выдержки и дипломатического такта Джахан Пахлавану удается избежать серьезных столкновений с Салах ад-Дином и сохранить в целостности западные границы Султаната.

Во время похода в Хилат, для защиты его от Салах-ад-Дина, атабек с войсками из «Азербайджана, Хамадана и Востока» заболевает и не смотря на усилия лучших врачей в марте 1186 года умирает в Хамадане. Тело его перевозят в резиденцию Захиди-хатун - замок Алинджа и там хоронят.

Джахан Пахлаван всячески покровительствует деятелям науки и культуры. При его дворе собираются ученые, поэты, врачи, архитекторы почти со всего Переднего и Ближнего Востока. Под его покровительство, например, бежит [145-146] из Ширвана великий азербайджанский поэт Хагани. Другой выдающийся азербайджанский поэт Низами Гянджеви посвящает Тогрулу, а фактически Джахан Пахлавану поэму «Хосров и Ширин». При Джахан Пахлаване продолжают развиваться такие города, как Нахичевань, Гянджа и Тебриз.

З. М. Буниатов. Государство Атабеков Азербайджана. «Элм». Баку - 1978; Р. Гусейнов. Сирийские источники XII-XIII вв. об Азербайджане. Баку - 1960 [146-147]

КЫЗЫЛ АРСЛАН

Основателем государства Атабеков Азербайджана был Шамс ад-Дин Ил-Дениз. После него около десяти лет правил его сын - Джахан Пахлаван. У него было четыре сына и несколько дочерей. От законной жены дочери владетеля Рея Инанджа у него было два сына Кутлуг-Инандж Махмуд и Амир Амиран Умар. От тюрчанки Кутайб-хатун был сын Абу-Бекр и от наложницы сын Узбек. Матерью дочери Джалалийя была Захида-хатун. Еще при жизни Джахан Пахлаван раздает различные области Султаната детям и завещает им подчиняться дяде Кызыл-Арслану, верно служить номинальному правителю Султаната Тогрулу и не выходить из подчинения халифу, его духовному главе. Азербайджан и Арран он закрепляет за сыном - Абу-Бекром. При этом воспитателем сына назначает брата - Кызыл-Арслана. Хамадан он отдает Узбеку. Рей, Исфаган и остальную часть Ирака сыновьям Инанджу Махмуду и Амиру Амирану Умару.

Джахан Пахлаван все это делает с целью сохранить страну и порядок, который ему удалось в ней установить. Однако в борьбе с междоусобицами в стране он заменяет непокорных эмиров своими личными мамлюками, которые окрепнув и захватив власть после его смерти могут стать неуправляемыми. Академик З. М. Буниатов приводит такой рассказ Ибн Исфандияра: «Незадолго до смерти атабек Джахан Пахлаван прибыл в Рей и во время беседы с одним из сановников вдруг услышал крик чавушей. Атабек поинтересовался, кто прибыл, и ему сказали, что это его мамлюк Сирадж ад-Дин Каймаз - наместник атабека в Рее. [147-148] Тогда Джахан Пахлаван сказал: «Каймаз тоже достиг в своей жизни такой степени, что стал иметь собственных чавушей» и, обратившись к сановнику, спросил: «Что ты скажешь относительно моих рабов и того положения, которое я им дал?» Ответ был таков: «Пусть жизнь великого атабека будет вечной! Ты поднял своих рабов до такой высоты, что после тебя они не будут повиноваться ни одному из твоих сыновей и ни один из них не будет кланяться другому. И сколько будет продолжаться жизнь этих рабов, столько Ирак не будет знать мира и спокойствия». У атабека на глазах выступили слезы, и он сказал: «Ты прав! Что же теперь делать?» И собеседник ответил: «Теперь необходимо, как видно, полагаться на волю Аллаха!».

История показала, что предсказание сановника было вещим. Умиравшего Джахана Пахлавана привозят в отдаленную крепость Табарак, где находится его семья. Это обстоятельство позволяет его жене Инандж-хатун и ее сторонникам в течении нескольких месяцев скрывать его смерть от поданных, в надежде посадить на престол одного из ее сыновей. Однако, согласно воле покойного, большинство эмиров поддерживает кандидатуру старшего сына Джахана Пахлавана - Абу Бакра, воспитывавшегося у своего дяди Кызыл-Арслана в Азербайджане и ходатайствуют перед Султаном Тогрулом III о назначении Кызыл-Арслана атабеком от его имени, с сохранением за ним Азербайджана и Аррана и должности главнокомандующего войсками. Неуверенный в своих силах, уже повзрослевший для того, чтобы иметь воспитателя, султан вынужден согласиться принять Кызыл-Арслана своим атабеком и приглашает его в столицу султаната Хамадан принять на себя управление государством. Кызыл-Арслана встречают при дворе очень торжественно. Внешне кажется, что положению его ничего не угрожает. В действительности же ни султан, ни энергичная вдова Джахана Пахлавана Инандж-хатун не хотят смириться со сложившимся положением.

Инандж-хатун никак не может согласиться с тем, что ее сыновья Кутлуг-Инаидж Махмуд и Амир Амиран Умар остались не у дел, а их брат рожденный от наложницы достиг власти, равной власти атабека. Инандж-хатун пытается привлечь на свою сторону в борьбе с Кызыл-Арсланом бывших мамлюков своего мужа. Она пишет им: «Как можете вы вынести, что сын наложницы стоит выше степенью и [занимает] более высокое положение, чем мой сын [Кутлуг Инандж]? Я владею таким количеством денег, сокровищ, динаров и дирхемов, что этого хватит, чтобы содержать вас [многие] годы. Я хочу, чтобы вы усадили моих сыновей на коней и доставили их ко мне. Я устрою вас и всех кто явится с вами, и израсходую столько денег, сколько нужно, чтобы вы объединили войска вашего господина атабека Пахлавана». Военачальники откликнулись на предложение вдовы [148-149] и стали стягивать войска к городу Рею в надежде, что их поддержит султан. Туда же прибыла Инандж-хатун с сыновьями. Узнав об этом Кызыл-Арслан, прихватив с собой султана делает молниеносный марш-бросок к Рею. Мятежники, застигнутые врасплох, бегут без боя из города. Пока победители празднуют победу Инандж-хатун уговаривает Тогрула к побегу. Из страха что атабеку станут известны его связи с заговорщиками, он соглашается, и вскоре они присоединяются к бежавшему из Рея войску. Эмиры берут с Тогрула обещание, что сын Инандж-хатун Кутлуг-Инандж займет при нем должность атабека.

Кызыл-Арслан, понимая серьезность сложившейся ситуации, не торопится с выступлением и собирает своих сторонников. Тем временем Тогрул со своим войском и войском перешедших за это время на его сторону эмиров весной 1187 года движется к Хамадану. Близ города войска Тогрула и Кызыл-Арслана сталкиваются. Ожесточенное сражение продолжается несколько дней. Кызыл-Арслан, не выдержав натиска объединенных сил противника, отступает и укрывается в Азербайджане. Для борьбы с султаном, Атабек решает склонить на свою сторону багдадского Халифа ан-Насира. В случае победы над султаном, он обещает Халифу восстановить в Ираке его власть: «...все владение Ирака будет возвращено сторонникам державы (Халифа), и в нем будут исполняться благородные (халифские) приказы, как это делается в Багдаде и в других местностях.»

Халиф принимает предложение Атабека и весной 1188 года снаряжает большую армию, которая под командованием его везира должна соединиться с армией Кызыл-Арслана под Хамаданом. Везир, однако, первым придя к Хамадану, не стал дожидаться атабека и принял бой. Тогрул III сам ведет войска в атаку и к вечеру кровавая битва заканчивается полным разгромом армии везира, а сам везир попадает в плен.

Тогрул милует везира и отправляет его в Багдад с подарками для халифа. Халиф отказывается от примирения, казнит везира, быстро собирает новую армию и направляет ее опять в сторону Хамадана.

Не ожидавший такого поворота событий Султан, оказывается совершенно не подготовленным к войне и бежит в Исфаган. Халиф входит в Хамадан. Туда же срочно прибывает Кызыл-Арслан. От имени Халифа его ждет здесь торжественный прием. Халиф передает свою армию под командование Кызыл-Арслана и вручает ему грамоту, провозглашающую его наместником Халифа. Как пишет академик З. М. Буниатов, это «было признанием Кызыл-Арслана владельцем в ранге независимого государя (а не вассала султана).» Кызыл-Арслана облачают в особо почетные одежды, подаренные Халифом и сажают на султанский трон. Сановники Халифа при этом целуют перед ним землю. Таким образом, Кызыл-Арслан становится правителем нового независимого государства Азербайджанского Султаната. После этого Кызыл-Арслан направляет армию в Исфаган, где укрылся Тогрул и после непродолжительной осады входит в город. Султан Тогрул III, оставив город, направляется в Азербайджан и мстит Кызыл-Арслану за поражение разорением городов и сел этого цветущего края.

Наблюдая за ходом событий Инандж-Хатун меняет тактику. Она убеждает сыновей оставить Тогрула и помириться с победителем. Сама же умудряется пленить сурового воина своими чарами и Кызыл-Арслан женится на вдове своего брата, конечно, не без политической выгоды для себя.

Оставшись наедине с Кызыл-Арсланом, Тогрул после нескольких тяжелых поражений бежит с повинной в Багдад к Халифу. Халиф принимает Тогрула, но в военной помощи отказывает, из страха перед Кызыл-Арсланом. Вскоре Халиф вежливо отказывает ему и в убежище. В поисках союзников Тогрул мечется по всей стране, но время его прошло. Все от него отвернулось. В битве под Хамаданом один из эмиров Кызыл-Арслана «подрубает стойку шатра в котором находится Султан» и это решает исход битвы. Тогрул попадает в плен. Его заключают в крепость Кахрам близ Нахичевани. После некоторых колебаний, Кызыл-Арслан, по подсказке и при благословении Халифа, отказывается от мысли посадить на султанский трон вместо Тогрула кого-нибудь из наследников престола и сам занимает этот трон. От его имени начинается чеканка монет. Кызыл-Арслан достигает вершины своего могущества. Он единолично владеет Азербайджаном, Арраном, Хамаданом, Исфаганом, Реем. Многие прилегающие к ним области и страны находятся в вассальной от него зависимости. Однако использовать до конца преимущества полученной им власти Кызыл-Арслан не смог. Большую часть времени он проводит в пирах и гуляньях, мало внимания уделяя государственным делам.

Растет недовольство эмиров. Этим пользуется супруга Султана - Инандж-хатун, считающая себя обойденной при дележе дворцовых должностей. Сыновья ее при дворе находятся на вторых ролях, тогда как ненавистный ей племянник Кызыл-Арслана Абу-бекр является фаворитом. Пригласив верных ей везирей, она обращается к ним с предложением покончить с Кызыл-Арсланом: «Мы выступили против султана Тогрула, поступив с ним несправедливо. Теперь никто нам ни в чем не поверит. Мы должны покончить с султаном Вселенной Кызыл-Арсланом до того, как он сам покончит с нами. Он уже стал заменять своими гулямами наших людей на различных государственных постах». В результате организованного Инандж-хатун заговора, в начале осени 1191 года, Кызыл-Арслана убивают спящим у себя в постели.

Фантастические интриги этой удивительной женщины на этом, однако, не заканчиваются. [150-151]

После смерти Кызыл-Арслана борьба за султанат разгорается между враждующими и стремящимися к власти Абу Бекром, который бежит в Азербайджан и становится его владельцем, сыновьями Инандж-хатун Кутлуг Инанджем и Амир Амиран Умаром, захватившими власть в Хамадане и его окрестностях и Тогрулом, который бежит из тюрьмы и набирает войско. У каждого из них, в

отдельности, очень мало шансов победить в борьбе за трон и ожидается долгая, кровопролитная война. Но на сцене опять появляется эта энергичная женщина и любящая мать, способная ради своего сына на все. Она пишет Тогрулу письмо, в котором признается ему в вечной любви и преданности. Далее, следует деловое предложение - в случае согласия на ней жениться он получает деньги, так необходимые ему в борьбе за престол с Абу Бекром. Тогрул дает согласие и женится на вдове атабека, старшей его по возрасту почти вдвое.

Вскоре, однако, Султану доносят, что Инандж-хатун не отказалась от планов посадить на трон сына. Она готовит для Тогрула отравленный напиток, но осведомленный Султан заставляет его выпить свою стареющую, но все еще энергичную супругу и она умирает. Сын ее Кутлуг-Инандж Махмуд вновь бежит в Азербайджан и борьба за престол разгорается с новой силой.

3. М. Бунятов. Государство Атабеков Азербайджана. «Элм». Баку - 1978. [151-152]

МАХМУД ЗАНДЖАНИ

Выдающийся лингвист и богослов Аз-Занджани Махмуд бин Ахмад бин Махмуд Абу ал-Манакиб Шихаб ад-дин родился в 1177/8 году в одном из центров науки средневекового Азербайджана, в городе Занджан. Он получил хорошее образование и долгое время жил в Багдаде, где преподавал в знаменитых в то время на всем Востоке университетах «Низамийе» и «Мустансирийа». Одно время он даже был казием Багдада. Умер Махмуд Занджани в возрасте 81 лет в 1258 году.

Махмуд Занджани пользовался большим авторитетом среди ученых Багдада и страны. Известный арабский историк Мухаммед Захаби писал о нем: «Махмуд был океаном знаний». Он был известен, как выдающийся богослов шафиитского толка, как автор комментария к «Корану». Однако, в историю науки он вошел, как языковед, автор краткого толкового словаря арабского языка «Тарвих ал-арвах фи Тахзиб ас Сыхах» («Обвешивание душ и исправление а-Сыхах»), составленного как комментарий к знаменитому словарю арабского языка Исмаила ал-Джовхари Фараби.

В средние века на Востоке было принято писать комментарии к трудам ученых, получивших широкое признание. Обычно такие комментарии преследовали разные цели, от создания популярных учебников на основе глубоко научных книг выдающихся ученых и до серьезных аналитических изысканий этих трудов, но во всех случаях, имя этого выдающегося ученого использовалось для привлечения внимания читателя к своему труду, и зачастую, в таких трудах кроме комментариев содержится много оригинальных идей самого [152-153] комментатора. Известны «Комментарии» к словарю Фараби «Сыхах», содержащему свыше 40 тысяч слов и выражений многих выдающихся языковедов разных стран, в частности, Абу Сахла ал-Харавий, Абул-Гасима ал-Басри, ибн Гатта, Таджаддина ал-Лучави и др.

Махмуд Занджави создал словарь по объему значительно уступающий словарю Фараби «Сыхах» и включающий только наиболее употребительные и прошедшие испытание временем слова, а также исправления некоторых слов. Здесь наверняка пригодился его преподавательский опыт. И этот опыт, очевидно, в конце концов, подсказал Махмуду, что и его «Тарвих ал арвах» не соответствует требованиям времени и он сокращает и перерабатывает его под новым названием «Танких ал-Сыхах» («Пересмотр Сыхах»). Большое количество рукописей этого труда, разбросанных по многим библиотекам мира и переписанных в разные века, вплоть до XVIII века, свидетельствуют о многовековой популярности этого словаря у тех, кто изучал арабский язык или его усовершенствовал.

Н. А. Агаева. Азербайджанские языковеды средневековья. «Элм». Баку - 1990. [153-154]

САФИАДДИН УРМАВИ

Сафи ад-Дин Абдулмомин ибн Юсиф ибн Фахир Урмави, один из величайших музыкантов и музыковедов Востока, родился в древнем культурном центре Азербайджана в городе Урмия в 1216 году.

Начальное образование он получает у себя на родине. Здесь же он осваивает азы музыкальной грамоты и учится играть на уде. Затем он переезжает в столицу арабского Халифата, центр науки и культуры всего Ближнего и Среднего Востока, сказочный Багдад, где продолжает образование в одном из лучших университетов того времени «Мустансарийя».

В университете он изучает философию, логику, медицину, математику, астрономию и языки. Кроме того, он продолжает изучать музыку и достигает больших успехов в каллиграфии. Первая известность пришла к нему, не как к музыковеду или музыканту, а как к великолепному каллиграфу и его приглашают во дворец последнего представителя династии Аббасидов халифа ал-Мустасима. В Багдадском дворце он становится одним из приближенных халифа и спустя некоторое время назначается главным каллиграфом и руководителем дворцовой библиотеки. Переписка книг и руководство библиотекой не мешают Сафиаддину продолжать свое музыкальное образование в этой богатейшей библиотеке и демонстрировать мастерство игры на уде во время дворцовых приемов.

Об его виртуозной игре на уде известно несколько легенд. Рассказывают, что верблюд оставшийся сорок дней без воды идет на водопой. В это время Сафиаддин там начинает [154-155] играть на уде. Верблюд услышав звуки уда останавливается у самой воды. Когда уд умолкает верблюд опять тянется к воде, но услышав музыку опять замирает. Так продолжается три раза после чего на глазах у верблюда появляются слезы.

Другой раз, Сафиаддин, в одном из знаменитых садов Багдада играет перед слушателями. Прекрасная музыка привлекает летающего в саду соловья. Он садится на ближайшую ветку и слушает волшебные звуки, извлекаемые Сафиаддином из уда. Музыка приводит соловья в такое возбужденное состояние, что он подлетает еще ближе и начинает петь и бить крыльями в такт музыке и, наконец, садится без страха среди людей и поет.

Будучи на службе во дворце, Сафиаддин в 1252 году завершает один из своих основных музыкальных трактатов под названием «Китаб-ал Адвар». Книга была написана на арабском языке и состояла из пятнадцати частей. Вопросы теории музыки, рассмотренные в книге, не потеряли своей актуальности и сейчас. Современного читателя особенно должна заинтересовать глава (девятая), в которой говорится о мугамах. Всего там приводятся названия двенадцати дастгахов, большинство из которых известны и сейчас: Ушшаг, Нава, Абу Салик («Бусалик»), Раст, Ираг, Исфаган, Зирафкенд, Бузург, Зангуля, Рахови, Хусейни и Хиджаз. Описанию своего любимого инструмента - уда, Сафиаддин посвящает одиннадцатую и двенадцатую главы. Особенно большое значение для последующих поколений музыкантов и музыковедов представляет глава (пятнадцатая), посвященная нотной записи музыки.

Музыка, в предложенной им системе, записывалась буквенно-цифровым способом. Буквы арабской цифровой системы «абджад» обозначали условную высоту звука, а цифры ее длительность. Например, для обозначения интервалов меньше полутона им использовались буквы Т, Дж., Б и др. Особо цифрами фиксировалось название лада, строй и ритм мелодии. Современная западная нотная система не позволяет производить запись интервалов меньше полутонов и поэтому не приспособлена для передачи всех тонкостей звучания мугамов и, вообще, восточной музыки. Может быть, в связи с этим, системой Урмави на Востоке пользовались почти до конца XIX века.

Двум выдающимся музыковедам Европы Р. Эрланжу и Дж. Фэрмеру независимо друг от друга удалось переложить запись одного рубай сделанную Урмави на современную нотную запись. Молчавшие почти семьсот лет мелодии зазвучали заново.

Сафиаддин проявил себя и как талантливый педагог. Он подготовил целый ряд музыковедов получивших известность на всем Востоке. Известный азербайджанский музыковед XIII-XIV веков Абдулгadir Мараги в своем трактате «Магасидул - [155-156] Алхан» писал, что Абдулмомин Сафиаддин Урмави был учителем многих выдающихся личностей. В том числе, им воспитаны знаменитые музыковеды Шамс ад-Дин Сахраварди, Али Ситан, Гасан Зафер и Хусам ад-Дин Готлуг Буга.

Сафиаддин создал два новых музыкальных инструмента - «Нузха» и «Мугни». Нузха походил на современные арфу (чанг) и канон и имел 81 струну. Он имел корпус четырехугольной формы,

изготовленный из ивы, кипариса или самшита. Мугни имел 33 струны и внешне походил на рубаб, но имел большой корпус, изготавливаемый из абрикосового дерева.

Сафиаддин Урмави кроме того был и композитором. Известна такая легенда. В Багдаде живет знаменитый певец Лизах-хан. Он часто встречается с Сафиаддином. Они вместе поют и играют. Одновременно Сафиаддин дает ему уроки музыки. Однажды, на одном из дворцовых приемов Лизах-хан исполняет очень красивую песню. Всем песня очень нравится и халиф желает узнать имя автора песни. Когда халиф узнает, что автором песни является Сафиаддин он приглашает его на прием и все восхищаются его игрой на уде.

В 1258 году Багдад захватывают монгольские войска Хулагу-хана, внука Чингиз-хана. Халифа с семьей казнят и арабскому халифату просуществовавшему свыше 600 лет приходит конец. Жизнь Сафиаддина, как приближенного халифа, оказывается также под угрозой. Лично знавший Сафиаддина историк Гасан Эрбелени так описывает события тех дней.

Квартал в котором жил Сафиаддин был окружен войсками Хулагу-хана. Жизни жителей квартала, а тем более жизни Сафиаддина угрожала смертельная опасность. Один из полководцев Хулагу-хана с отрядом в тридцать человек стали ломать двери дома в котором жил Сафиаддин. Хозяин дома вышел навстречу воинам и вежливо пригласил их в дом. Сафиаддин прошедший во дворец хорошую школу дипломатии смог найти общий язык с «гостями». В конце-концов военачальник дарует жизнь жителям квартала, а Урмави доставляет во дворец и представляет Хулагу-хану. Сафиаддин просит принести ему уд и исполняет на нем грустную, задушевную мелодию, а певец по имени Зия поет. Все поражены мастерством и умом Сафиаддина. Хулагу-хан приглашает его на работу во дворец, а жители квартала получают прощение.

При дворе, Сафиаддина под свое покровительство берет важный сановник (везир) Хулагу-хана Шамс ад-Дин Джувеини, брат известного иранского историка Аладдина Джувеини.

Шамс ад-Дин поручает Сафиаддину воспитание своих сыновей, Бахи ад-Дина и Шараф ад-Дина. Сафиаддин старается дать им всестороннее образование, но, естественно, особое внимание уделяет музыке. Сравнительно больших [156-157] успехов в учебе достигает Шараф ад-Дин и Урмави посвящает ему свой знаменитый музыкальный трактат «Рисалеи Шарафи», написанный в Тебризе и состоящий из пяти частей.

Последние годы жизни, после того как семья Джувеини попадает в немилость, Сафиаддин проводит в крайней нужде и кончает жизнь в 1294 в долговой тюрьме Багдада.

Рукописи произведений Сафиаддина Урмави хранятся во многих музеях Лондона, Стамбула, Санкт-Петербурга, Нью-Йорка и др. Произведения его привлекали внимание выдающихся музыкантов и музыковедов последующих поколений. Многие из них считали своим долгом высказать отношение к творчеству Урмави. Известны книги - комментарии к произведениям Урмави Гутб ад-Дина Ширази (XII век), Аб-дулгадира Мараги (XIV век), Мухаммеда ал-Джурджани (XIV век), Абдурахмана Джами (XV век) и многих других. Турецкий музыкант Шукуралла Ахмедоглы в XV веке перевел на турецкий язык «Китаб ал-адвар». Затем эта книга была переведена на французский. У нас творчество Сафиаддина Урмави изучалось в трудах А. Бадалбейли, А. Бегдели, Т. Бунятова и других. Английский ученый Генри Джордж Фермер писал о Сафиаддине Урмави, что он является создателем системной школы и, что после него все арабо - фарсидско и турецко - язычные авторы являются его продолжателями.

Афрасийаб Бадалбейли. Музыкальный словарь. «Элм». Баку - 1969; Бәдәлбәјли. Елм вә һәјат. 1964. N 8. сәһ.19; Бәдәлбәјли. Елм вә һәјат. 1964. N 7. сәһ.4; Ella Zonis. Classical Persian Music. 1973, Harvard University Press, Cambridge, Massachusette. [157-158]

МУХАММЕД НАСИРЭДДИН ТУСИ

В Багдаде, рядом с могилой имама Мусы ибн Кязима, находится захоронение, на могильной плите которого можно прочесть каллиграфическую надпись: «Помощник религии и народа, шах страны науки. Такого сына мать времени не родила». Похоронен здесь великий сын Азербайджана - выдающийся философ, астроном и математик, историк, финансист и правовед - Мухаммед ибн Мухаммед ибн Гасан Насирэддин Туси. Очень образно умели выражаться наши предки. Прошло свыше 700 лет после его смерти, написаны сотни и тысячи статей о его жизни и творчестве, а лучше и объемней никто не смог о нем сказать - шах страны науки.

Мухаммед Насирэддин Туси родился 18 февраля 1201 года в городе Хамадане. Начальное образование он получает у отца, затем в Хамадане и Тусе продолжает образование у виднейших ученых того времени - последователей Абу Сины и Бахманйара.

Всесторонние и глубокие знания, полученные Мухаммедом, делают его популярным в среде ученых. Уже в раннем возрасте он привлекает внимание ряда правителей. В тридцать лет его приглашает в гости вождь исмаилитов Кухистана - Насирэддин Мохташам и просит написать книгу о морали. В 1235 году Насирэддин Туси завершает работу над книгой «Ахлаги Насири» («Мораль Насири»), принесшей ему мировую славу и, переведенную, в дальнейшем, на многие языки мира. Правителю, однако, книга вольнолюбивого автора показалась крамольной, Туси арестовывают и отправляют [158-159] в непреступную горную крепость ассасинов «Аламут» («Орлиное гнездо»). В крепости «Аламут» Туси живет, как ссыльный, без права на выезд. За более, чем двадцатилетнее пребывание у ассасинов, Насирэддин в невероятно трудных условиях создает целый ряд научных трудов. Об этом он пишет в 1242 году в конце своего знаменитого труда «Шархул-Ишарат» (Комментарии к философскому трактату Абу Али Сина «Ишарат» - «Указания»): «Я написал большинство глав этой книги в таких исключительно тяжелых условиях, тяжелее которых не может быть, во время такого сердечного смятения, что не могло быть сердца смятеннее.»

В 1253 году начинается поход на Ближний Восток внука Чингиз-хана - Хулагу-хана. Войска Хулагу захватывают считавшуюся неприступной крепость «Аламут» и освобождают заключенных там Насирэддина и других ученых. Насирэддин становится личным советником Хулагу-хана. С первых же дней Насирэддину приходится брать на себя ответственность в решении ряда важных политических мероприятий Хулагу-хана. Так Хулагу-хан долго не решается на штурм святыни мусульман - Багдада и только научно обоснованные доводы Насирэддина помогают ему осмелиться на этот поступок. Пятисотлетнее правление Аббасидов заканчивается.

После завоевания Багдада в 1260 году Хулагу-хан центром своего огромного государства делает Азербайджан. Правители нового государства носят титул Ильханов (азерб. Ханов - народа), а государство называется государством «Ильханов». Столицей государства Хулагу-хан, вначале, делает один из древних и культурных центров Азербайджана - Марагу, а затем - Тебриз. В это же время Насирэддин начинает строительство в Мараге обсерватории.

Как и многие ученые того времени, Насирэддин Туси был ученым широкого профиля. Ему принадлежит свыше ста солидных научных трудов по астрономии, математике, физике, медицине, философии, этике, логике и др. Большая часть трудов Насирэддина, приблизительно по двадцать трудов, посвящена астрономии и математике. Причем все труды по математике написаны на арабском, а по астрономии, как по-арабски, так и по-фарсидски.

К наиболее известным трудам по математике относятся «Трактат о полном четырехстороннике», «Сборник по арифметике с помощью доски и пыли», «Измерение круга», «Изложение «Начал» Евклида» и др; по астрономии - это – «Ильханские астрономические таблицы», состоящие из четырех книг.

Большинство современных исследователей творчества Насирэддина считает, что он был, прежде всего, математиком. Его труды сыграли большую роль в развитии геометрии и тригонометрии, не только на всем Востоке, но и в Европе. Большую роль в распространении его идей в Европе [159-160] сыграла публикация в 1594 году в Риме его «Изложения «Начал» Евклида» на арабском языке, а в 1657 году в переводе на латинский. Не меньшую роль в развитии тригонометрии в Европе сыграл труд Туси «Трактат о полном четырех стороннике», состоящий из пяти книг, в котором впервые в мировой науке тригонометрия представляется как самостоятельная наука. Сочинение это переводится на английский, русский и французский языки. В сочинениях по арифметике исследователи выделяют предлагаемый

Насирэдином метод извлечения корней любой степени и формулу бинома. Известны труды Насирэдина, посвященные истории, физике, минералогии, медицине, музыке, экономике, географии и астрономии. Среди них следует выделить «Историю Багдада», «Трактат об отражении и преломлении света», «Оптику Евклида», «Трактат об изучении радуги», «Книгу о драгоценных камнях», «Законы медицины», «Трактат о государственных финансах», «Избрание счастливых дней» (астрология).

Множество трудов Насирэдина еще ждут своих исследователей. Разбросаны его труды по всему миру. Их можно найти в библиотеках и научных центрах Баку, Парижа, Берлина, Вены, Оксфорда, Кембриджа, Лейпцига, Мюнхена, Флоренции, Каира, Стамбула, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани.

Хотя, как говорилось выше, научные достижения Насирэдина, в первую очередь, относятся к математике, широкую известность на Востоке он получил, как автор книги по основам этики – «Ахлаг Насири» и, как основатель Марагинской обсерватории.

Идею строительства обсерватории, видно, Насирэдин вынашивал давно, так как сразу же после взятия Багдада, по разрешению Хулагу-хана, он приступает к работам по созданию обсерватории. Меньше, чем за год он выбирает место для обсерватории, разрабатывает астрономические приборы, завозит из разных городов книги для библиотеки при обсерватории, и приглашает ученых из многих стран мира. Насирэдин сам в «Зидж Ильхани» пишет: «Хулагу хан потребовал к себе знающих астрономические наблюдения ученых с разных вилайетов: из Дамаска Мувандэддина Орди, из Мосула Фахрэддина Мараги, из Тифлиса Фахрэддина Ихлати и из Казвина Наджимэддина Дебирани». Из других источников видно, что среди научных сотрудников Марагинской обсерватории находятся такие выдающиеся ученые, как Кутбэддин Ширази, Шамсэддин Ширвани, Джамалэддин из-Зейди Бухари, Фао Мун-ил и др. Кстати, как указывает крупный азербайджанский политический деятель и историк, Рашид ад-Дин в своем «Сборнике летописей», приблизительно в то же время, Джамал ад-Дину Бухари поручается постройка обсерватории в Пекине, но он с этой задачей не справляется и его отправляют для консультаций в Марагинскую [160-161] обсерваторию, вместе с китайским ученым Фао Мун-чи. Только по возвращении его в Пекин с чертежами марагинских инструментов строительство обсерватории завершается.

Создание обсерватории требовало огромных денежных вложений и Хулагу-хан высказывает сомнение в их целесообразности. Известный историк Хаджи Халифа в своем труде «Книга о мире» так описывает связанные с этим события: «В то время, когда ходжа Насир хотел приступить к постройке астрономической обсерватории в городе Мараге, и объявил предполагаемые расходы Хулагу, тот усомнившись в целесообразности таких расходов, спросил: «Разве наука о звездах так полезна, что стоит тратить огромную сумму на обсерваторию?» В ответ Насир сказал: «Позвольте поступить так: пусть в полной тайне кто-нибудь поднимется на эту гору и спустит оттуда большой пустой таз, но чтобы об этом никто не знал». Так и сделали. Когда таз спускается с вершины горы, он производит страшный шум. Из-за этого поднимается паника среди войска Хулагу-хана. Насирэдин вместе с Хулагу наблюдают все это и остаются спокойными. Тогда ученый обращается к Хулагу со следующими словами: «Мы знаем причину этого шума, а войска не знают, мы спокойны, а они волнуются, вот так же, зная причины небесных явлений, мы будем спокойны на земле». Доводы Насирэдина оказываются настолько убедительными, что Хулагу-хан соглашается на строительство обсерватории и отпускает, для этой цели, 20000 динаров. В дальнейшем, он добивается постоянного жалования для сотрудников обсерватории, число которых было, очевидно более ста. Для обеспечения этого жалования, по инициативе Насирэдина, тратились средства, полученные от налогообложения пожалованных им земель.

Строительство обсерватории начинается в 1259 году на вершине холма, расположенного западней города Марага. Насирэдин лично участвует в проектировании зданий обсерватории и разработки астрономических инструментов. Совместно с выдающимся астрономом и конструктором, Мувайидэдином Орди Насирэдин изобретает, изготавливает и устанавливает в обсерватории пять астрономических приборов новой конструкции и пять - старой. Кроме того, в Марагинской обсерватории, в учебных целях и для решения ряда задач сферической астрономии, изготавливаются и используются земные и небесные глобусы. Один из небесных глобусов, изготовленных сыном Орди Мухаммедом сохранился до наших дней и хранится в Дрездене.

При обсерватории существовала библиотека из 400000 книг и школа по подготовке научных кадров для обсерватории. Интересно, что среди сотрудников обсерватории, кроме мусульман, работают христиане, буддисты, несторианцы и иудаисты, среди которых были турки, фарсы, арабы, монголы, китайцы, грузины, татары, евреи и др. [161-162]

Обсерватория, построенная Туси, превосходит по размерам все известные астрономические обсерватории на Востоке. Научная деятельность и астрономические наблюдения сотрудников Марагинской обсерватории приводят к созданию знаменитого коллективного труда «Илханские астрономические таблицы». Заканчиваются они в 1284 году, уже после смерти Насирэдина.

Состоят эти таблицы из четырех книг. В первой книге описываются греческий, персидский, еврейский, арабский и тюркский календари и указываются способы перехода от одного календаря к другому. Вторая книга посвящается движению светил и нахождению их эклиптических координат. Там же приводятся таблицы синусов и тангенсов, а также широты и долготы 256 населенных пунктов. Начало долгот Насирэddином берется на 34-35 градусов западнее Гринвича и проходит через восточную часть Южной Америки. На этом основании профессор Г. Д. Мамедбейли выдвигает гипотезу, что географы и астрономы того времени задолго до Колумба имели какие-то сведения о существовании в Западном полушарии материка, названного в дальнейшем Америкой. Третья и четвертая книги «Таблиц» посвящены вопросам астрологии.

Марагинская обсерватория сыграла огромную роль в развитии практической астрономии.

Умирает Насирэddин Туси в 1274 году 25 июня в Багдаде и там же его хоронят в «Джеме Мечети». У Насирэddина остается три сына: Асильэddин Гасан, Фахрэddин Ахмед и Садрэddин Али. Последний после смерти Насирэddина долгое время руководит обсерваторией.

Потомки Насирэddина в XIV веке из Мараги переезжают на постоянное жительство в Ордубад. В Сефевидском государстве они занимают крупные государственные посты. В настоящее время, в Азербайджанской Республике и в Исламской Республике Иран живет много прямых потомков Насирэddина.

Закончить биографию великого ученого хочется выдержкой из «Всеобщей истории» сирийского историка XIII века Бар-Эбрея, который для работы с рукописными источниками приезжает специально в Марагу. Как он сам пишет: «Благодаря благоприятной возможности, в течение долгого времени мне была доступна библиотека Мараги, города Азербайджана, включающая большое количество томов на сирийском, арабском, а также персидском языках». Далее, он пишет о самом Туси: «В том году (1274 г.) преставился господин Насир [ал-дин Туси], персидский философ, муж известный, знающий и превосходный во всех областях науки, ненасытный в математических учениях. Он сделал [астрономические] инструменты для ведения наблюдений, большие циркули из меди, которые необычно громадные [в отличие от подобных инструментов] Птолемея. Он отправился в Александрию, где [162-163] наблюдал и составил движение планет. В Мараге, городе Азербайджана, у него были собраны многие мудрецы из различных стран по причине того, что множество мечетей и дама всех знатных Багдада и Ассирии под его влиянием были [признавали его авторитет]. От них он получал жалованье для преподавателей и учеников, что были у него. В это время, когда он отправился в Багдад, чтобы проверить места в Багдаде, он скончался. Люди узнали, что он был отравлен. Многочисленные писания были составлены им, переводы из «Логик» и естественной и божественной науки. Он толковал также Эвклида... У него имеется также «Этика» на персидском языке. В ней он собрал изречения Платона и Аристотеля относительно практической философии. Он знал и древних философов, но относился к ним враждебно в своих сочинениях.»

Г. Д. Мамедбейли. Основатель марагинской обсерватории Насирэddин Туси, Баку - 1961; Р. Гусейнов. Сирийские источники XII-XIII вв. Баку - 1960 [163-164]

МУВАЙИЭДДИН ОРДИ

Тринадцатый век. Внук Чингиз-хана Хулагу-хан со своим тюркско - монгольским войском покоряет Ближний Восток и берет штурмом столицу арабского халифата Багдад. На огромной территории, занятой Хулагу-ханом, создается новое государство Ильханов (азерб. Ханов - народа) с центром в Азербайджане и столицей сначала в Мараге, а затем в Тебризе.

Государство Ильханов и новая династия Хулагуидов официально, хотя в большой степени формально, признается составной частью великой тюрко - монгольской империи со столицей в Пекине. Правители нового государства в Азербайджане получают оттуда утвердительные ярлыки, государственную печать и почетные китайские титулы. Вот какие повороты бывают в истории.

Новый император, глава огромной империи тюрков, Хубилай, основатель династии Юань, внимательно следит за событиями на крайнем западе империи. Во время похода Хулагу-хана из Китая ему доставляют тысячу китайцев, строителей мостов и укреплений, камнеметчиков, огнеметчиков и арбалетчиков. После стабилизации положения в государстве из Китая в Азербайджан едут на работу ученые, врачи, фармацевты, ремесленники, художники, миниатюристы. В Тебризе даже делается попытка ввести в обращение китайские бумажные деньги «чоу».

Советником Хулагу-хана становится один из самых выдающихся азербайджанских ученых Насирэддин Туси. Слава о Насирэддине, как о великом ученом, задолго до этого доходит до Пекина и он приглашается туда для строительства [164-165] грандиозной по замыслу обсерватории. Туси ехать в Пекин отказывается и убеждает Хулагу-хана в необходимости строительства обсерватории в первую очередь не в столице империи, а в столице государства Ильханов в Мараге.

Для строительства обсерватории со всех концов страны приглашают ученых. Как пишет сам Туси, для строительства обсерватории «Хулагу хан потребовал к себе знающих астрономические наблюдения ученых из разных вилайетов: из Дамаска - Мувайдэддина Орди, из Мосула - Фахрэддина Мараги, из Тифлиса - Фахрэддина Ихлати и из Казвина Наджимэддина Дебирани.» Однако ведущая роль в строительстве обсерватории и оснащении ее приборами принадлежит Мувайидэддину Орди.

Биографических данных об Орди фактически нет. Известны только две рукописи его труда «Трактат об астрономических инструментах Марагинской обсерватории», написанного на арабском языке. Одна из них хранится в Парижской национальной библиотеке, другая - в Тегеранской. Первая рукопись обнаруживается в начале XIX века преподавателем специальной школы восточных языков в Париже А. Журденом, который и перевел ее на французский язык. Книга в Париже выдерживает два издания в 1809 и 1810 годах. Затем переводится на немецкий язык в 1811 году. В книге дается подробное описание десяти сложных астрономических инструментов, разработанных Мувайиэддином Орди под руководством Насирэддина Туси.

Анализ описанных в трактате Орди астрономических инструментов позволяет ряду исследователей прийти к выводу, что инструменты Марагинской обсерватории превосходят по точности измерений приборы всех известных в то время обсерваторий. Ряд инструментов изобретенных самим Мувайиэддином Орди, находят в дальнейшем применение во многих обсерваториях мира.

Большая роль в распространении идей Орди принадлежит стажерам и сотрудникам Марагинской обсерватории, прибывшим из разных стран. Как пишет известный исследователь истории Марагинской обсерватории Д. Мамедбейли, инструменты, разработанные Орди, оказали огромное влияние на развитие астрономического приборостроения в обсерваториях Улугбека, Тихо Браге, обсерватории в Джайпуре в Индии.

Сын Мувайиэддина, Мухаммед бек Мувайиэддин-Орди, так же работал в Марагинской обсерватории. Он пошел по стопам отца в разработке астрономических приборов. Сохранился звездный глобус его конструкции. Хранится он в знаменитом Дрезденском математическо - физическом салоне и является самым древним из всех собранных здесь глобусов. По положению звезд на глобусе удалось определить дату его изготовления - 1279 год. Описанию этого глобуса посвящено большое количество исследований крупных ученых [165-166] Европы. Изготовленный из бронзы и инкрустированный золотом и серебром глобус является высокохудожественным образцом азербайджанского декоративного искусства XIII века.

Н. Д. Мәммәдбәјли. Мәһәммәд Нәсирәддин Туси. «Кәнчлик». Бакы - 1980; Г. Д. Мамедбейли. Основатель марагинской обсерватории Насирәддин Туси. Баку - 1961; L. Bretaniski, B. Weimarn, B. Brentjes Die Kunst Aserbaidsh ans Vom 4. Koehler und Amelang, Leipzig - 1978. [166-167]

СЕФИ ад-ДИН ИСХАК АРДЕБИЛИ

Шейх Сефи ад-Дин Исхак Ардебилли основатель известного на весь Восток суфийско - дервишского ордена Сафавийа.

В Азербайджане и Иране деятельность этого ордена приводит к выделению в суфизме особого направления, которое принято называть Кызылбашским (Красноголовым), по цвету головных уборов членов этого ордена.

Суфизм, и в частности, суфизм в кызылбашской интерпретации, сыграл огромную роль в политической и культурной жизни Азербайджана и оказал заметное влияние на развитие религиозно-философской мысли во многих мусульманских странах. Не восприняв идеологии суфизма, невозможно понять мотиваций большинства политических событий, происходящих в мусульманском мире в средние века так же, как невозможно понять явления культурной жизни, скажем, литературу того времени не разобравшись в ее суфийской подоплеке.

Поэтому прежде чем перейти к описанию жизнедеятельности великого шейха Сефи, нужно сказать несколько слов о сущности суфизма - мусульманского мистицизма. Как пишет И. П. Петрушевский, «Под мистикой или мистицизмом, обычно понимают особое религиозное мировоззрение, допускающее возможность непосредственного, личного и интимного общения (или даже соединения) человека с божеством посредством так называемого «озарение» «внутреннего опыта», «экстаза»». [167-168]

Религиозные и философские течения, связанные так или иначе с мистицизмом, наблюдаются во всех известных религиях, созданных человечеством (буддизм, индуизм, иудаизм, христианство). В исламе мистическое движение получило название суфизм. Термин этот произошел от суфиев, носивших грубую шерстяную одежду - суф (шерсть) или как производное от слова саф (чистота).

Хотя суфизм уже много веков распространяется по всему мусульманскому миру, специалисты затрудняются дать однозначное определение этого очень сложного и многопланового учения. Поэтому они предпочитают под этим термином объединять все мусульманские ученья, целью которых является разработка теоретических основ и практических способов обеспечивающих возможность непосредственного общения человека с богом. Суфии называют это познанием Истины. Истина - это когда суфий освободившись от мирских желаний в состоянии экстаза (опьянение божественной любовью) способен на интимное общение с божеством. Суфиями же называют всех, кто верит в непосредственное общение с богом и делает все для достижения этого. В суфийской терминологии Суфий - это влюбленный в Истину, тот, кто посредством Любви и Преданности движется к Истине и Совершенству. Движение к Истине с помощью Любви и Преданности к богу суфии, называют тарикатом или Путем к Богу.

Существующие со средних веков суфийские братства - ордена различались выбором своего Пути мистического познания, Пути движения к Истине. В этих суфийских братствах новичок, ученик (мюрид), должен был пройти весь путь к Истине под руководством наставника (мюршида).

Как пишет Дж. С. Тримингем, «Наставники утверждают, что в каждом человеке заложены возможности освобождения от своего «Я» и соединение с богом, но находятся они в скрытом, дремлющем состоянии и не могут быть высвобождены без наставлений учителя, за исключением случаев, когда бог дарует способность особого одарения».

Мюриды буквально ежедневно исповедовались в своих грехах перед мюршидами и совершали всевозможные духовные упражнения – «зикр» (например, многократное повторение фразы - «Нет Бога, кроме Бога» - «Ла Иллах ил Аллах») для полного самоотречения. Для достижения мистического экстаза суфии собираются на сема - собрания, на которых в сопровождении ритмической музыки слушают певца или чтеца которые поют или читают гимны, газели суфийского или любовного содержания, совершают определенные повторяющиеся движения или танцуют. Иногда для достижения экстаза употреблялись напитки. Вполне возможно, что сохранившиеся до конца XIX века азербайджанские застольные фразы «Аллахверди» («Бог [168-169] дал») и ответное «Йахши йол» («Счастливого пути») были взяты из суфийской практики. Выпив, суфий отправлялся на встречу с богом и ему желают счастливого пути.

Джалаладдин Руми, великий турецкий поэт и суфий, так разъясняет цель и сущность семы: «Дервиши впадают в экстаз, чтобы взрастить желание и жажду к богу, приумножить любовь к богу,

приумножить любовь к вере, потустороннему миру, развеять любовь в сердцах своих к миру сему, стремясь сделать его чужим для сердца.»

Суфизм пришел в Азербайджан почти одновременно с Исламом. Однако, только Сефи ад-Дин Исхак Ардебилли смог поднять его авторитет в стране так, что он, а вернее его кызылбашская концепция, в конце-концов становится идеологией правящей верхушки страны.

Сефи ад-Дин родился в 1252 году в городе Ардебиле в азербайджанской - тюркской зажиточной религиозной семье. О его тюркском происхождении большой материал собрал М. Абаслы. Так, он показал, что в труде средневекового автора Тавваккюля ибн Базза «Сафват ас-Сафа», завершеном в 1357 году и в работах более поздних авторов все обращаются к Сефи, как к тюрку: «Эй пир-е тюрк» («Эй, тюркский святой.»), «тюркский юноша», «сын тюрка» и т. д.

В кругах суфиев считалось, что он произошел в 21 поколении от седьмого шиитского имама Мусы Казима.

Потеряв отца в малолетнем возрасте, Сефи начальное образование получает в окружении его религиозных последователей. Он овладевает богословскими науками и изучает кроме азербайджанского - тюркского, фарсидский, гилянский, арабский и монгольский языки.

Продолжает свое образование Сефи в Ширазе, куда он отправляется в 20-летнем возрасте, у известных богословов Рукн ад-Дина Бейзави и Амира Абдуллаха и других. Там, он наконец, решается выбрать себе наставника. По совету Амира Абдуллаха он останавливается на кандидатуре известного шейха из Гиляна Гаджи ад-Дина Захида, который был странствующим дервишем, связанным с азербайджанским суфийским орденом Сухравардий.

Сефи пришлось потратить много времени на его поиски. Только через четыре года он находит шейха Захида в горах Гиляна. Вскоре Сефи женится на дочери своего наставника - Биби Фатьме (их сын Садр ад-Дин впоследствии наследует шейху Сефи) и еще больше с ним сближается. Вместе они 25 лет проповедуют свои идеи и только в 1294 году, после смерти Захида Гиляни, Сефи ад-Дин занимает его место, главы ордена, названного впоследствии в честь Сефи Сафавийа.

Авторитет шейха Гиляни настолько высок, что многие исследователи склонны считать его действительным основателем ордена Сафавийа. Однако это не так. Авторитет [169-170] шейха Сефи был не ниже, а известное идейно - философское направление ордена сложилось уже после смерти Гиляни.

В учениках Сефи ад-Дина находились такие выдающиеся личности, как везир ильхана Рашид-ад-Дин, сын его Гийас-ад-Дин Мухаммед Рашиди и даже сам Ильхан Абу Саид. К концу жизни шейха, большинство жителей Ардебилля были его учениками. У него были мюриды и в Западном Иране (Исфагане, Ширазе и др.).

Особенно сильное религиозное влияние ордена Сафавийа, как могущественного тюркского ордена, было в Малой Азии, заселенной тоже тюрками. Население этих районов, например, активно содействовало шаху Исмаилу в начальный период его продвижения к власти.

Шейха Сефи ад-Дина, так же как его учителя Захида, считали святым, приписывали им множество чудес и материально всячески поддерживали. Если в начале организации ордена у шейха Сефиаддина был небольшой участок земли, то к концу жизни в его собственности уже находилось свыше 20 селений, подаренных ему разными феодалами. Сам Сефи ад-Дин и орден получали огромное количество подарков. Сохранилось письмо везира Рашид ад-дина в котором он извещает шейха, что посылает ему подарки к одному из мусульманских праздников - пшеницы свыше 40 тонн, риса белого около 80 тонн, масла коровьего больше тонны, меду около двух тонн, гатыга пол тонны, сахара рафинада больше 300 кг, быков 30 голов, баранов 130 голов, гусей 190 штук, кур 600 штук, розовой воды 30 бутылей, деньгами 10 тысяч динаров и т. д.

Умер и похоронен шейх Сефи ад-Дин в Ардебиле в 1334 году. Над его могилой возводится мавзолей, вокруг которого начинается строительство мечетей, караван-сарая, медресе и жилых домов. Создается большой культовый центр. Здесь погребено большинство сефевидских шейхов, включая шаха Исмаила. Непрерывно идет реконструкция и строительство этого центра. Окончательный вид он приобретает в XVI веке, в период правления шаха Тахмасиба I (1524-1576 гг.).

Мавзолей шейха Сафи ад-Дина и поминальная мечеть при нем, является шедевром архитектуры Азербайджана. Очень эффектно украшающие их глазурованные плитки разных цветов. Развитие Ардебилля во многом определялось большой популярностью у огромного числа паломников культового комплекса Сефи ад-Дина.

Первыми преемниками шейха Сефи ад-Дина в качестве шейхов ордена Сафавийа в Ардебиле, были его потомки Садр ад-Дин Муса (1334-1392/3 гг.), шейх Ходжа Али (1392/3-1429 гг.). Начиная с правнука Сафи ад-Дина Ибрагима Шейх шаха (1429-1447 гг.) Ардебильские шейхи приобретают светскую власть. Шейх Ибрагим Шейхшах становится правителем Ардебилля, а шейх Исмаил (1486-1524 гг.) [170-171] становится основателем шахской династии Сефевидов нового Кызылбашского государства, сначала в Азербайджане, а затем в Иране.

М. Аббаслы. К вопросу о происхождении Сефевидов Изв. А. Н. Азерб.ССР Сер. лит. и искусств., 1973 N 2, 36. И. П. Петрушевский Ислам а Иране в VII-XV веках. Ленинград - 1966; Дж. С. Тримингэм. Суфийские ордена в исламе. «Наука» Москва - 1989. [171-172]

ШАМС ад-Дин ТЕБРИЗИ

Шамс ад-Дин Мухаммед ибн Али ибн Маликдад Тебризи, известный азербайджанский поэт и мыслитель, один из авторитетнейших суфиев своего времени родился в Тебризе.

Биографических данных о Шамси Тебризи очень мало, а все, что известно покрыто ореолом таинственности. Некоторые биографы даже приписывают ему принцевское происхождение. Из его произведений и суфийской деятельности, по крайней мере, видно, что он получил очень хорошее богословское образование.

Благодаря высокой эрудиции и таланту учителя Шамс еще будучи молодым получает имя «мюршидикамил» («Совершеннейший мюршид»). Он отличается необычной физической красотой и духовной чистотой. Нежный как дух, солнце истины и религии Шамс ад-Дин Тебризи, говорит о нем известный иранский ученый Мухаммедали Тарбийат.

У Шамса много мюридов. Среди них известные шейхи Абу Бекр Салабаф Тебризи, Рукнаддин Саджаси и другие. Носит он всегда черное войлочное одеяние. Шамс Тебризи много путешествует останавливаясь большей частью в караван-сараях.

Двадцать шестого ноября 1244 года в турецком городе Конье, остановившись в караван-сарее рисоторговцев, Шамс встречается со знаменитым впоследствии поэтом Джалал ад-Дином Руми и они становятся друзьями. Место встречи Шамса с Руми современники, очень образно, назвали Встречей двух Морей-Мардж аль-Бахрайн. Как пишет Фиш, был «обычный осенний день. Не сошлись в битве в тот день великие армии, чтобы решить судьбу империй. Не вззошел на престол основатель династии, которая повелевала миллионами. Не был открыт ни новый континент, ни новый вид [172-173] энергии. Ничего, что поразило бы воображение и сразу заставило бы людей запомнить эту дату, не случилось в тот неимоверно далекий теперь день. Просто встретились два человека. Но чем дальше отступает во тьму веков тот день, тем необычной кажутся последствия этой встречи.

Встреча двух людей .которые открыли себя друг в друге, поняли, полюбили, - всегда чудо, может быть, самое удивительное из всех чудес. Но день их встречи остается обычно великой датой лишь в личной судьбе этих людей.

Два человека, встретившиеся в Конье семьсот с лишним лет назад, не только открыли себя друг в друге, они совершили еще одно великое открытие-Человека для Человечества. Не будь этой встречи, по-иному чувствовали, думали бы десятки миллионов людей - от Средней Азии на севере до Аравии на юге, от Индонезии на востоке до Северной Африки на западе...

В этот день родился для мира один из величайших поэтов земли - Джалал ад-Дин Руми, воплотивший в своей поэзии верования, чувства и предания народов огромного региона и выразивший в ней с небывалой силой величие человеческого духа в его бесконечном стремлении к совершенству.»

Несколько слов о Руми. Отец Руми руководит мечетью и преподает в медресе. Там его окружают многочисленные мюриды. В этой среде формируется религиозное мировоззрение Руми. После смерти отца Джалал-ад-Дин занимает его пост в медресе. Материально он хорошо обеспечен, женат и продолжает свои изыскания по теории суфизма. Когда в Конью приезжает знаменитый сеид Бурханеддин Мухаккики Термези, Руми выбирает его своим духовным наставником (мюршидом). Через некоторое время Джалал ад-Дин отправляется в Дамаск на учебу. После завершения учебы он возвращается в Конью и продолжает учебу у своего наставника. Вскоре, однако, наставник умирает и Руми сам приступает к проповедям. Именно в это время Шамс ад-Дин Тебризи знакомится с Руми. Это знакомство стало переломным пунктом в биографии будущего великого поэта Джалал ад-Дина Руми, сыграло решающую роль в формировании его мировоззрения.

Внешность Шамса, его высокие человеческие качества, глубокая преданность идеям суфизма увлекли Руми. Его охватывает не человеческая, всеохватывающая любовь к Шамс ад-Дину. Руми делает его своим духовным наставником бросает свои научные занятия, отказывается от должности в медресе и весь отдается своим чувствам. Все свободное время они вместе с другими последователями Шамса участвуют в музыкальных суфийских собраниях, в ритуальных дервишских танцах. Присутствие Шамса помогает Руми в его стремлении к общению с богом. Руми охватывают такие сильные чувства, что он начинает писать стихи, многие из которых посвящаются Шамсу:

Я, как Меркурий падок был до книг.

Я перед писарями восседал. [173-174]

Но опьянел, увидевши твой лик,
И перья тростниковые сломал.
Слезами рвенья и труда свершая омовенье,
Твое лицо я сделал киблой для моления.
Коль жив останусь без тебя,
Спали, спали меня дотла.
И голову с меня долой,
Коль разум будет в ней не твой.
Я в Каабе, в церкви и в мечети молюсь тебе.
Ты - цель моя там, в небесах, здесь, на земле.
Вкусил от хлеба твоего и сыт, как никогда.
Хлебнул глоток твоей воды, и не нужна вода.
Кого ты сам боготворишь, тот и тебе цена.
Как счастлив, счастлив, счастлив я, тебя боготворя.

Родные Руми и особенно его мюриды, которым он перестает уделять внимание обеспокоены его состоянием и всячески пытаются разлучить духовных братьев. 15 февраля 1246 года Шамс ад-Дину приходится тайно от Руми покинуть Конью. Шамс ад-Дин поселяется в Дамаске и старается не напоминать Руми о себе.

Отъезд Шамса не спасает положения. Руми очень тяжело переживает разлуку. Он порывает с обществом, замыкается в себе. Печаль разлуки придает особую силу его стихам. Наконец Руми узнает о месте пребывания Шамси. Это известие возвращает его к жизни. Видя это друзья поэта просят сына Руми Султана Валида поехать в Дамаск за Шамс ад-Дином Тебризи. Руми с Султаном Валидом посылает Шамсу письмо и тот, наконец, соглашается вернуться:

О, ступайте скорей и найдите,
Приведите любимого друга домой.
Луноликого к нам заманите
Сладкой речью и песней златой.
Его слово могуче и, зрело
Может реки он вспять повернуть.
Обещаньям его и отсрочкам
Не давайте себя обмануть.
Лишь бы он подобру-поздорову
Возвратился и в дверь постучал.
И тогда вы узрите такое,
Что ни разу сам бог не видал...

В Конье Шамса встречают с большими почестями и устраивают в его честь торжества. Дружеские отношения Шамса и Руми восстанавливаются. Руми опять все время проводит с Шамсом, не отпускает его от себя ни на минуту. Шамсаддин Тебризи женится на дочери Руми Кимийе. Однако недруги вновь настраивают общественное мнение против Шамса. И ему приходится опять покинуть Конью, на этот раз навсегда. Он исчезает также таинственно, как и появился. Очевидно Шамса убили мюриды Руми и то ли сбросили в колодец, то ли похоронили рядом с его отцом. [174-175]

Придя утром в медресе Руми никого там не находит. Он долго и тщетно ищет Шамса. Горе его беспредельно, но Солнце (перс.Шамс) для него зашло навсегда. Душевное потрясение безгранично, однако происходит чудо. У Руми хватает сил воскресить своего наставника так, что он остается жить в веках. Он создает один самых удивительных памятников любовной лирики в мире, написанный от имени своего духовного наставника - «Диван Шамса Тебризи».

Молодой ученый бросает суфийские изыскания и окончательно превращается в поэта по имени Шамс ад-Дин Тебризи. М. И. Занд пишет, что «создание «Дивана» (собрания стихотворений) и каждого стихотворения в отдельности не от своего имени, а от имени Шамс ад-Дина Тебризи ни в коей мере не было для Джалал ад-Дина Руми поэтическим приемом или данью памяти пропавшего без вести друга: потеряв Шамса в макрокосме материального мира, поэт находит его в микрокосме своей души. И этот обретенный поэтом в себе наставник диктует ему песни, а сам Руми выступает его передатчиком - рави. Но это и его собственные песни, поскольку они зародились в его душе. Таким образом, Джалал ад-Дин в одно и то же время тождествен и нетождествен возглашающему его устами Шамс ад-Дину. Поэтому Шамс, выступая субъектом, автором, лирическим героем стихов дивана, одновременно выступает и объектом их в первом, интимно - лирическом, но здесь уже символизировано осложненном плане

осмысления.» Общение с Шамс ад-Дином Табризи позволяет Руми найти новый путь мистического познания. Однако, окончательно, орден складывается уже после смерти Джалал ад-Дина Руми. Называют его Мавлавийа, в честь Руми, от его титула мавлана («наш учитель»). Творчество Руми и орден Мавлавийа оказали огромное влияние на «развитие религиозно - философского и поэтического мышления народов Востока». Кроме того, орден стал знаменит дервишскими плясками, введенными еще Шамс ад-Дином. Европейцы называли танцующих дервишей этого ордена «вертящимися» или «пляшущими» дервишами.

Ученики, мюриды Шамса Тебризи собрали его сочинения в книгу под названием «Мегалет».

Вл. Гордлевский. Государство Сельджукидов малой Азии. Из-во АН СССР. Москва – 1941 - Ленинград; Э. Д. Джавелидзе. У истоков турецкой литературы. «Мицниереба». Тбилиси - 1979; Мəһəммəдəли Тəрбијəт. Данишмəндəни Азəрбajчəн. Бакы - 1987; Радий Фиш. Джалаледдин Руми. «Наука». Москва - 1985; М. И. Занд. Шесть веков славы. «Наука». Москва - 1964. [175-176]

НАДЖМЕДДИН НАХЧИВАНИ

Одним из выдающихся мыслителей Азербайджана в XIII веке был Наджмеддин Нахчивани (ум. в 1253 г.), прославившийся на Ближнем Востоке своими трудами в области философии, естествознания, медицины и логики.

Биографических сведений о Наджмеддине Нахчивани очень мало. Они разбросаны по трудам средневековых авторов, так или иначе комментирующих творчество ученого. Оттуда становится известным, что родился он в одном из культурных центров Азербайджана Нахчивани.

Один из учеников Насирэддина Туси Григорий Абуль-Фарадж аль-Ибри в своем произведении «Мухтасар тарих ад-дувал» («Краткая история государств», XIII в.) пишет, что Нахчивани: «имел глубокие познания в точных науках. Занимался философией у себя на родине. Затем отправился в путешествие по разным странам и наконец остановился в Малой Азии, где был удостоен высоких званий. Отсюда (по ряду причин) отправляется в Сирию».

До конца своих дней Наджмеддин Нахчивани живет аскетом, никуда не выходя из дома, принимая здесь своих многочисленных друзей и последователей.

Прославился Наджмеддин Нахчивани своими комментариями к многотомному «Канону» и «Указаниям и наставлениям» Ибн Сины, в которых он подверг критике ряд позиций великого мыслителя. Эти комментарии под названием «Нагдгаваид-ул-ишарат ва кашф тамвих аш-Шифа ва ан-Ниджат» [176-177] («Нарушение правил «Указаний» и снятие завесы с «Шифа» и «Ниджат») пользовались большой популярностью среди философов и ученых средневековья.

В 1282 году этот труд был научно прокомментирован еврейским философом и ученым Ибн Кямунна Израили. В городе Наджафе хранится переписанная самим Ибн Кямунном рукопись другого труда Наджмеддина Нахчивани - «Лубаб ал-мантиг ва хуласат ал хикма» («Сущность логики и резюме философии»).

Рукописи ученого хранятся также в Париже и Стамбуле.

Ряд исследователей считает, что Наджмеддином Нахчивани было составлено также и множество комментариев к произведениям логиков и философов Древней Греции.

Произведения Наджмеддина Нахчивани долгое время использовались во многих университетах Востока в качестве учебников.

Закир Мəммəдов. Орта эср Азəрбајчан философлары вə мутəфəккирлəri. Азəрбајчан Дəвлəт нəшријјаты. Баку - 1986; З. А. Кули-заде Из истории азербайджанской философии VII-XVI вв. Баку - 1992. [177-178]

МАХМУД ШАБУСТАРИ

Саад ад-Дин Махмуд ибн Абдул Карим ибн Йахйя Шабустари Тебризи родился недалеко от Тебриза, в местечке Шабустар в 1287 году в семье богослова.

Махмуд Шабустари - выдающийся ученый, философ, является одним из крупнейших теоретиков суфизма в Азербайджане.

Как и многие образованные люди средневекового Азербайджана, Шабустари получает энциклопедическое образование. Анализ его произведений показывает, что он был хорошо осведомлен в богословии, философии, астрономии, медицине, филологии и других отраслях знаний.

В те времена для продолжения образования принято было отправляться в длительные путешествия по разным странам и городам, центрам науки и богословским центрам, часто находящимся у могил почитаемых святых. Шабустари не был исключением, за свою недолгую жизнь он успевает побывать в Египте, Хиджазе, Сирии, Ираке и других странах, встречается там со многими учеными и в дальнейшем поддерживает с ними переписку.

По сведениям Мухаммеда Али Тарбийата, один из ширванских путешественников писал, что Шабустари побывал и в Кирмане. В Кирмане он женится и там у него остаются дети и внуки. Среди них были знаменитые в науке и литературе личности. Сын его был поэтом и написал комментарии к знаменитому «Цветнику тайн» своего отца.

В книге «Саадатнамэ» («Книга о счастье») о своих путешествиях Шабустари пишет следующее: [178-179]

Большую часть своей жизни
Проводил в изучении наук и богословия,
Путешествовал по Египту, Сирии, Хиджазу,
Много ходил и скакал днем и ночью.
Год и месяц подобно вселенной вращался.
Из деревни в деревню, из города в город ездил.
То сидел при свете лампы,
То съедал дым лампы.
В каждой стране я встречался
Со многими учеными и знатоками богословия.
Собирал множество интересных слов,
Составил интересные сочинения...

Шабустари хорошо разбирается в древнегреческой философии, зороастризме, идолопоклонстве, христианстве и, конечно, исламе и в его всевозможных мистико - философских течениях.

Умер Шабустари в 1320 году, и был похоронен у себя на родине, в местечке Шабустар на кладбище Гюльшан вместе с его учителем Баха ад-Дином Йагубом Тебризи. В настоящее время эта могила является местом паломничества. В XIX веке она трижды реставрировалась. Первая реставрация была осуществлена Хаджи Мирза Агаси 1850-1851 годах. На гробницу была прикреплена мемориальная доска из мрамора со следующей надписью: «Великий шейх в 720 году Хиджра (1320 г.) в возрасте 33 лет ушел из этого тленного мира в тот вечный мир». Вторая реставрация проводится в 1880 г. Мирза Гусейн Ханом, а третья сравнительно недавно Хасаном Мугаддамом.

Шабустари, как указывается в «Очерках по истории Азербайджанской философии», оставил богатое литературное наследство. Его перу принадлежат: «Саадат-намэ» («Книга счастья»), «Канзул-ханаик» («Сокровищница истин»), «Хакк ул-йагин фи Марифати реббул аламин» («Достоверная истина в познании творца мира»), «Мир'ат ул-Мухаккикин» («Зерцало искателей истин») и всемирно известная поэма «Гюльшани раз» («Цветник тайн»). Кроме этих произведений, по сообщениям М. Тарбийата, Шабустари написал поэму «Шахид-намэ» («Книга ясновидца»), но пока она не обнаружена в книгохранилищах. Шабустари так же занимался переводами с арабского языка на персидский. Он перевел на персидский язык сочинения известного философа Имама Газали «Минхаджул абидин» («Путь паломников»). Известна так же переписка Шабустари с хорасанским мыслителем Гусейни Саадатом. Однако, в настоящее время исследователи творчества Шабустари, в том числе и. видный

знаток его творчества Шаиг Исмаилов, считают, что произведения «Канзул-Хакаи» не принадлежит перу Шабустари. [179-180]

Первые свои философские произведения Шабустари писал в прозе, и только к концу жизни начал писать стихами. Первым стихотворным произведением (после этого он пишет всего еще одно стихотворное произведение) Шабустари, получившим всемирное признание, была поэма «Гюльшани раз» («Цветник тайн»).

Поэма была написана в 1317/18 году. Историю создания этого произведения Шабустари описывает в разделе, имеющем название «История создания книги».

В 1317 году в декабре месяце к нему приезжает посланник с письмом от одного из образованнейших людей того времени хорасанского философа Мир Гусейни Саадата, с просьбой ответить на некоторые вопросы философского характера, волнующие мыслителей того времени. Это событие Шабустари описывает в начале поэмы «Гюльшан-и раз»:

Прошло семнадцать (лет) после семисотого года хиджры.
Неожиданно в месяце шаввал,
Один посланник с тысячами милостей и уважением
Прибыл от жителей Хорасана.
Там есть один известный и великий (человек),
По многогранности таланта подобный источнику света.
Все жители Хорасана от мала до велика
Сказали, что лучше всех (мыслителей) своего века
Написал письмо относительно идеи (ма'на).
И послал к человеку, разбирающемуся в идеях.
Там ряд трудных (мест) из рассуждений,
Из трудностей людей «Ишарата». Создавая стихи,
спрашивал он о каждом вопросе,
Мира идей (прося ответить) краткими словами.
Как только посланник прочел это письмо,
Распространились (слухи) об этом обстоятельстве.
В том обществе почтенных присутствовали многие.
Взоры каждого из них были обращены на этого дервиша
(т. е. на Шабустари).
Один из них, который был более опытным
И сто раз слышал от нас эти идеи,
Сказал мне: отвечай тут же,
Чтобы пользовались этим люди мира.

Шабустари сначала отказывается написать ответ, мотивируя отказ ссылкой на свои ранние произведения, в которых можно найти ответы на поставленные вопросы. Затем он уступает просителю, в лице которого выступает, как считает Исмаилов, его учитель Амин ад-Дин Тебризи, и пишет свои ответы на вопросы хорасанского ученого в стихотворной [180-181] форме. Через некоторое время проситель обращается опять к Шабустари. Только после этого Шабустари соглашается ответить на вопросы шейха Гусейни. Отвечает Шабустари кратко и четко и без особой подготовки:

Я ему сказал, что нет никакой надобности в этом,
Так как писал я (об этом) не раз в произведениях (своих)
Сказал, да, но в соответствии с запрошенным
Получим от тебя поэму желаемую.
После их настоятельной просьбы я начал
Писать ответы на письмо в кратких словах.
Среди благородных людей в один миг
Произнес я эти слова без размышления и повторений...
Итак, ответ на письмо сразу
Написал по одному, не более и не менее.
Посланник, получив ответы на письмо, с благодарностью
Вернулся тем же путем, каким пришел.

Вопросы Гусейни Саадати состояли из 22 бейтов, ответы Шабустари из 49 бейтов из них 35 являются непосредственно ответами на поставленные вопросы, а остальные входят во введение и заключение письма.

Через некоторое время шейх Гусейни вновь просит Шабустари ответить на ряд вопросов, возникших после прочтения его письма. Шабустари опять составляет подробные ответы. На этот раз он сгруппировал все вопросы первого и второго письма в 15 вопросов и ответов и представил их в виде поэмы под названием «Гюльшани раз»:

Другой раз дорогой наставник
Сказал мне: прибавь к письму кое-что,
Те идеи, кои ты высказал, разъясни,
С помощью науки переложи в наглядность.
В те времена у меня не было досуга,
Чтобы приступить к этому с наслаждением и настроением.
Так что описать это состояние словами невозможно.
И только сведущий человек знает, что это за настроение.
Однако я прислушался к словам благочестивого человека,
Не отвергал просьбу просителя религии.
Но чтобы тайны еще больше осветились,
Я дал волю своему красноречию.
С благословением и помощью всевышнего
Высказал все за несколько часов.
Когда сердце просило господу назвать письма,
Пришел ответ сердцу, что это - наш цветник. [181-182]

Это было первое большое стихотворение произведение Шабустари и он жалуется на трудности изложения философских мыслей в стихотворной форме. Этот процесс, он считает, похож на попытку вместить море в ограниченный сосуд.

В 1426 г. поэма «Гюльшани раз» была переведена азербайджанским поэтом Ширази на азербайджанский язык. В 1944 году на турецкий язык поэму переводит Абдулкадыр Келпинарлы. Начиная с XIX века, «Гюльшани раз» переводится на многие европейские языки различными авторами и выдерживает целый ряд изданий.

Сразу после написания «Гюльшани раз» завоевывает на Востоке большую популярность у последователей суфизма. В своей книге о философии Шабустари Шаиг Исмаилов приводит фамилии 18 авторов, комментирующих содержание поэмы на фарсидском языке, начиная с XIV и кончая XVIII веками. Среди них наибольшей популярностью пользовались и пользуются до наших дней комментарии азербайджанского философа Шамсаддина Лахиджи «Матафатих-ул Эджаз» («Ключи к чудесам»), написанные в 1472 году.

В 1319/20 году Шабустари пишет свое второе философское произведение в стихах - «Саадатнамэ» («Книга счастья»). Оно значительно превышает по объему предыдущую поэму. В ней около трех тысяч бейтов. Весь труд состоит из восьми отделов, разбитых на главы и параграфы.

В «Саадатнамэ» Шабустари, кроме своих философских размышлений, приводит сведения о своей жизни и деятельности, путешествиях, пишет о своих учителях и любимых книгах.

Творчество Шабустари занимает видное место в истории средневековой философии Азербайджана. Его произведения изданы во многих странах Европы и Азии, а современные последователи философии суфизма считают Шабустари крупным авторитетом и часто в своих высказываниях ссылаются на его труды.

Шаиг Исмаилов. Философия Махмуда Шабустари. «Элм». Баку - 1976; Махмуд Шабустари. Гюльшан-и раз. «Элм». Баку - 1977. [182-183]

МАХМУД ИБН ИЛЬЯС

Одним из крупнейших ученых-медиков Азербайджана был Махмуд ибн Ильяс, живший в XIII веке.

О жизненном пути Махмуда ибн Ильяса известно очень немного. Сведения о Махмуде ибн Ильясе собрал и опубликовал вместе с анализом его сочинений И. К. Эфендиев.

Махмуд ибн Ильяс является автором дошедший до нас знаменитой, не потерявшей своего научного значения чуть ли не до XVIII века «Медицинской научной книги», которая увидела свет в 1260 г. Как утверждает Эфендиев, эта работа является выдержкой из одноименного капитального и многотомного труда самого Махмуда ибн Ильяса.

Книга написана на основе анализа многовекового опыта восточной медицины и его личной научной и врачебной практики. В этом во многом ему помогали встречи с учеными разных стран во время его многочисленных путешествий. Описывая одно из таких путешествий, он пишет, что в результате поездки он «многое воспринял и многое пересмотрел» и, возвращаясь на родину, «по пути заглянул в Багдад к великому земляку, чтобы поговорить об отчизне, вспомнить наставления Кафи ад-Дина; воспоминания о Ширване всегда радовали нас». «Какой парадокс, я живу в Ширазе, любя родину - отца Ширван.»

«Медицинская научная книга» Махмуда ибн Ильяса состоит из четырех разделов, посвященных теоретической медицинской науке, практической медицинской науке, лекарствам и сложным (составным) лекарствам. Первый раздел разделен [183-184] на 17, а второй на 59 глав. В третьем разделе лекарства перечисляются в алфавитном порядке. Четвертый раздел о сложных лекарствах разделен на 22 главы.

Как пишет Эфендиев, «Отличительной чертой этого труда от всей предшествующей народномедицинской и научно-медицинской литературы является стремление влить медицинскую науку в стройную систему научных взглядов как в области теоретических, так и практических ее вопросов».

Сам автор «Медицинской научной книги» по этому поводу говорит следующее: «Медицинской наукой называют такую науку, посредством которой изучают состояние человеческого организма, определяют его болезни и здоровье, и если нарушено его здоровье, то с помощью этой науки восстанавливают утраченные организмом вещества и не допускают нарушений его здоровья... Медицинская наука делится на две части: первая - теоретическая медицина, вторая - практическая медицина. «Ученый - врач считал, что: «Теоретическая медицина изучает естественность и неестественность действующих начал, их причины и законы. Практическая медицина изучает как путем применения полезных вещей и воздержания от вредных вещей охранять здоровье и устранить различные болезни».

Махмуд ибн Ильяс считает, что причиной болезней могут быть простуда, нечистоплотность, лихорадки, отравление недоброкачественной продукцией, грязным воздухом, дымом, чадом, «укусом», непомерный труд (утомление), неумеренность в еде, лень и праздность («объемные болезни») и т.д.

Методика диагностики болезней, предлагаемая и используемая Махмудом ибн Ильясом состояла из внешнего осмотра, прослушивания пульса, оценки температуры тела, состояния зрачков глаз, языка, влажности и запаха тела, внешнего анализа мочи, мокроты, кала и крови.

Очень много внимания ученый уделяет учению о пульсе. Он пишет, что «пульс есть не что иное, как волнообразное движение, создаваемое сосудами сердца, сокращением и расслаблением самого сердца. Каждый пульсовой удар состоит из двух движений и двух пауз: движение расслабления, пауза, движение сокращения, пауза». Он рассматривает множество видов пульсов и систематизирует их. Среди них он описывает частый, вялый и средний, ровный и неровный, систематический и несистематический пульсы и др.

Практическая деятельность Махмуда ибн Ильяса оставила в истории медицины в Азербайджане не меньший след, чем научная. По инициативе визира ильханского правителя Газан-хана, крупнейшего реформатора и историка средневекового Азербайджана и, в тоже время, известного врача Рашид ад-Дина и при участии Махмуда ибн Ильяса создается сеть «Домов здоровья» («Дар-уш шафа») - в современном понимании своего рода клинические центры. [184-185]

Только в одном Азербайджане насчитывалось 67 таких центров. Центральный «Дом Здоровья» с главной медицинской школой находился в Тебризе при созданной там своего рода Академии Наук,

собравшей ученых со всего Востока. По имени ее создателя она получила название «Раби Рашиди» или «Рашидийа». Рашид ад-Дин в своей знаменитой «Истории» указывает, что там работало около 500 ученых и педагогов почти всех отраслей науки, прибывших сюда из Индии, Египта, Китая, арабских и других стран и обучалось около 6000 студентов. Обучение, еда, жилье и даже одежда студентов были бесплатными. Плата осуществлялась из доходов самого Рашид ад-Дина. В «Рашидийе» действовали мечети, университеты, большая библиотека, насчитывающая около 60 тысяч книг, обсерватория, больница, мастерские по производству бумаги и караван-сарай.

Здесь в области организации здравоохранения, развития медицинской науки и подготовки медицинских кадров решающую роль сыграл организаторский и научный талант Махмуда ибн Ильяса. Недаром Рашидэддин отзывался о Махмуде ибн Ильясе как о «Платоне своей эпохи, Аристотеле своего века».

Первые «Дома Здоровья» на Ближнем Востоке создаются по инициативе Абу Сины. План строительства здравниц Махмуда ибн Ильяса, как пишет Эфендиев, был более богатый и целеустремленный, чем у Абу Сины. Так же как в современных клиниках, Махмудом ибн Ильясом предусматривалась коридорная система помещения. У входа размещались приемная и процедурная, палаты располагались по обе стороны коридора и в конце клиники находился морг. Основное здание соединялось с хозяйственным корпусом открытой верандой, улучшающей вентиляцию помещения и позволяющей в случае необходимости увеличить число палат. Недалеко от основного здания размещалась небольшая аптека.

Здравницы, по мнению Махмуда ибн Ильяса, должны строиться на окраинах городов. Там же должна располагаться аптека и жилища врачей, фармацевтов, лекарей различных специальностей. Здесь же должны обучаться новички и повышать квалификацию врачи и лекари. С этой целью Махмуд ибн Ильяс через Рашид ад-Дина добивается того, чтобы к высококвалифицированным иноземным врачам были прикреплены ученики для подготовки врачей разных специальностей, в том числе хирургов – «джеррахи», окулистов – «кехали», травматологов – «муджбири» (или «муджабири») и т. д.

Махмуд ибн Ильяс перечисляет основные расходы по здравнице:

1. Содержание (персонала): врачей общих, глазных, лекарей, костоправов, кладовщиков, служителей (очевидно, санитаров) и прочих работников. [185-186]
2. Расходы по оборудованию: спальных принадлежностей, одеяния больных, гончарной утвари, лежанок, инструментов.
3. Средства (лечебные – «мазурат»): из снадобья - лечебные напитки, лекарственные смеси, пластыри, глазные мази, рисовая каша и печень.
4. Добавочные (средства): на ковры, ткани, стоимость опахала, масел, благовоний.
5. Обрядные расходы: обряжение покойников, умерших в здравнице.

Центральный «Дом Здоровья» в городке «Рашидия» принадлежит лично Рашид ад-Дину и является как бы головным учреждением, руководящей всеми остальными 67 дар-уш-шафа, расположенными в различных областях страны. Он находился в Саду Рашида («Баги Рашидабад») в районе, называемом «Кучей муалиджун» («Улица лечащих»); там же рядом со здравницей располагались жилые дома врачей и обслуживающего персонала и находилась аптека. Аптека выходит в другой сад – «Фатхабад», где выращиваются и заготавливаются различные растения для изготовления лекарств. Махмуд ибн Ильяс был придворным врачом и осуществлял широкое руководство всей медицинской службой государства.

Заслуги Махмуда ибн Ильяса в медицине огромны и имя его должно быть вписано золотыми буквами в историю науки и культуры Азербайджана наравне с именами Рашид ад-Дина и Кафи ад-Дина.

И. К. Эфендиев. История медицины в Азербайджане с древнейших времен до наших дней. Баку - 1964. [186-187]

АБДУЛ МЕДЖИД ТАБИБ

Одним из замечательных врачей в XIII веке в Азербайджане был Абдул Меджид. Он жил и работал в Мараге в научном центре, созданном великим астрономом и математиком всего Востока Насир ад-Дином Туси при Марагинской обсерватории.

Абдул Меджид Табиб является автором широко известного на Востоке труда по медицине «Китаб ул-Тибб» («Медицинская книга»). На первый взгляд по названию, расположению материала и, частично, по его интерпретации книга очень напоминает труд его современника выдающегося медика Махмуда ибн Ильяса «Медицинская научная книга». Однако это только на первый взгляд. В труде Абдул Меджида Табиба очень много оригинальных идей как о диагностике, так и о лечении ряда болезней, особенно психического характера. Несмотря на это, ясно, что Абдул Меджид испытывает в своей работе влияние Махмуда ибн-Ильяса и даже мог быть с ним знаком. Сочинение «Китаб ул-Тибб» Абдул Меджида было написано приблизительно в 1275-1280 гг, т.е. незадолго до смерти Махмуда ибн Ильяса, а вышло в свет лишь в 1307 г., и поэтому вполне допустимо, что они встречались. «Китаб ул-Тибб» посвящается монгольскому правителю Орган-хану, состоит из 49 частей и охватывает почти все вопросы диагностики и лечения множества заболеваний. Среди них астма, глазные болезни, отравления и др.

Среди средневековых авторов медицинских книг, пожалуй, впервые Абдул Меджид коснулся вопросов акушерства, а частности, беременности он посвящает специальную главу. [187-188]

В своем труде Абдул Меджид особое внимание уделяет вопросам психиатрии. Он говорит о «сумасшествии», «привидениях» (кабуси), головной боли, различных «боязнях», рассеянности и т.д. Как пишет И. К. Эфендиев, «Абдул Меджид считает, что центр психической деятельности человека - головной мозг. Связующим звеном человека с окружающей его средой являются органы чувств. Посредством органов чувств образуются впечатления. Впечатления бывают положительные и отрицательные. Первые создают бодрость, вторые - угнетение. Задача врача и заключается в том, чтобы оградить человека от отрицательных впечатлений, ибо сумма их в конечном итоге ведет к «безразличию» - угнетению. По мере наслоения (систематически) отрицательных впечатлений усиливается процесс угнетения, которое приводит к «сумасшествию». Оригинальна мысль Абдул Меджида и о буйных «сумасшедших». Он считает, что отрицательные впечатления действуют на человека в двух направлениях: первое вызывает полное угнетение (депрессия), второе - буйность (возбуждение). Буйность наступает тогда, когда передаваемые органами чувств отрицательные впечатления в «голове» искажаются, «перепутываются» и ими не в силах править человек – «ум не вмещается в голову, и человек теряет способность «держаться в руках».

Как видно из этой обширной цитаты, Абдул Меджид задолго до современных медиков понял отрицательное влияние на психику человека отрицательных стрессов.

У Абдул Меджида много всевозможных оригинальных идей и труды его еще ждут новых исследователей.

Эфендиев И. К. История медицины в Азербайджане с древнейших времен до наших дней. Баку - 1964. [188-189]

ХИНДУШАХ ИБН САНДЖАР НАХЧИВАНИ

Выдающийся ученый, общественно-политический деятель и переводчик Фахр ад-Дин Хиндушах ибн Санджар ибн Абдуллах Нахчивани родился в конце XIII века (ум. 1328) в городе Гилане (современный Харабагилан) в знатной семье. Семья эта дала Азербайджану много выдающихся личностей и все они, подчеркивая свое происхождение из Нахчивани, носят имя «Нахчивани».

Образование Хиндушах Нахчивани получает в одном из знаменитейших университетов Багдада «Мустансарийя». Здесь он изучает богословие, математику, медицину, астрономию и другие науки, изучаемые в средневековых университетах, в совершенстве овладевает фарсидским и арабским языками.

При первых Ильханах Хиндушах Нахчивани участвует в управлении финансами и назначается правителем ряда областей. За заслуги перед государством ему присваивается почетное звание «Фахр ад-Довле». В то же время Хиндушах Нахчивани увлекается историей, языкознанием и поэзией.

Он является автором знаменитого исторического труда «Таджариб ус-салаф» («Опыт предшественников»), посвященного общественно политической жизни Азербайджана и ряда сопредельных стран, антологии «Маваридул-араб», написанной на арабском языке в 1307/8 году, лексикографического сочинения «Ас-Сихаху-л-аджамийя» и ряда стихов на фарсидском языке. [189-190]

Сочинение «Таджариб ус-салаф» Хиндушах посвящает атабеку Луристана Юсиф шаху (1296-1330). Считается, что это произведение является переводом книги, «Таварих ал-Хулафа вал вузара» («История халифов и визирей») арабского историка Мухаммеда Али Тагтага на фарсидский язык. Этот перевод является одним из первых образцов прозы на великолепном фарсидском языке. Хиндушах существенно редактирует и дополняет переводимую книгу и увеличивает ее объем почти в три раза.

Особое место в творчестве Хиндушаха Нахчивани занимает фарсидско - азербайджанский словарь «Ас-Сихаху-л-аджамийя». Это первый известный в науке фарсидско - азербайджанский словарь и один из древнейших фарсидских словарей. В словаре приводится около 5 тысяч слов и написанная на арабском языке грамматика фарсидского языка. Кроме того, в книге приводятся фразеологические сочетания и отдельные фразы. Сам Хиндушах Нахчивани отмечает, что принцип построения словаря был взят им у арабского лексикографа X века Исмаила ал-Джовхари.

Долгое время этот словарь пользовался большой популярностью, как у ученых так и у изучающих фарсидский и арабский языки. Об этом лишний раз свидетельствует наличие большого количества сохранившихся рукописных экземпляров словаря, разбросанных по многим библиотекам мира, причем последний из известных экземпляров переписан в конце XIX века, самый ранний в начале XVI века.

Словарь состоит из трех частей - введения, словаря и грамматики фарсидского языка. Введение и грамматика написаны на арабском, а сам словарь на фарсидском и азербайджанском языках. Во введении он отмечает, что книга предназначена для изучения фарсидского языка не фарсами (азербайджанцами).

Сочинение Хиндушаха «Сихах ул-Аджам» является бесценным памятником азербайджанской лексикографии и незаменимым источником изучения словаря и грамматики фарсидского и азербайджанского языков XIII-XIV веков. Словарь сыграл большую роль в развитии лексикографии на Востоке и даже принцип построения словарей, в дальнейшем, заимствовался большинством авторов фарсидско - турецких словарей, вплоть до конца XVI века у Хиндушаха Нахчивани.

Чәмилә Садыгова, Тәјјибә Әләскәрова. Фарс дили тәдғиг едән Азәрбајҹан алимләри. «Елм». Бақы - 1990; Р. Мәммәдов. Нахчыван шәһәринин тарихи очерки. Бақы - 1977. [190-191]

МУХАММЕД ИБН ХИНДУШАХ НАХЧИВАНИ

Выдающийся ученый и политический деятель Мухаммед Хиндушах Нахчивани, сын известного общественно-политического деятеля и ученого - языковеда Хиндушаха Нахчивани, жил в конце XIII и начале XIV веков.

Получив хорошее образование, он так же, как отец, в совершенстве владел азербайджанским, арабским и фарсидским языками. После того, как из под его пера выходит несколько научных трудов, его в 20-х годах XIV столетия приглашают в Тебриз ко двору Ильханов, где он долгое время выполняет должность секретаря - Мунши, в основном, по финансовым вопросам. Учитывая его большие заслуги в этом направлении и его ученый авторитет, ему присваивается нисба «Шамс-и Мунши ан-Нахчивани» («Солнце подобный Мунши ан-Нахчивани»).

Во дворце он дружит с визиром Ильхана Абу Саида (1316-1335), а затем Арпа-хана (1335-1336), сыном знаменитого политического деятеля, реформатора и ученого - историка Фазлуллаха Рашид ад-Дина Гияс ад-Дина Рашиди. Ему он посвящает свой, написанный в 1327/28 году, толковый словарь фарсидского языка «Сихаху-л фуре».

Вслед за этим, по рекомендации Гияс ад-Дина, Абу Саид, специальным фарманом, поручает Мухаммеду Нахчивани написать труд, отражающий строй и систему управления государства Ильханов. Заказ оказался очень серьезным и работа затянулась. Не дожили до завершения книги ни Абу Саид, ни Гияс ад-Дин Рашиди. Завершает свой труд Мухаммед [191-192] в 1360 году, но сам остается недовольным полученным результатом и еще почти шесть лет редактирует его и дополняет, может быть отчасти и в связи с изменением политической обстановки в стране.

В 1366 году 6 апреля он окончательно завершает свое капитальное сочинение, которое называет «Дастур ал-катиб фи тайин ал маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»). Посвящается книга шейху Увейсу (1356-1374) из династии Джалаиридов, пришедшей на смену Ильханам в Азербайджане и оставившей Тебриз столицей этого нового государства.

Ученые и государственные деятели средневековья очень высоко оценили этот труд и авторитет Мухаммеда Нахчивани еще больше возрастает. Со временем ценность приводимой в «Руководстве» информации резко возрастает, в связи отсутствием подобных трудов и гибелью большинства государственных архивов в непрекращающихся войнах и междоусобицах.

Сейчас этот труд ставят в один ряд с общепризнанными в мире сочинениями выдающихся политических деятелей и ученых реформаторов Низам ал-Мулка («Сийасатнамэ») и Рашид ад-Дина («Джаме ат-таварих»).

Сочинение Мухаммеда Нахчивани «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» является уникальным энциклопедическим источником общественно политической жизни Азербайджана и государственного устройства в эпоху Ильханов, отражающим экономико - правовые нормы налогообложения, владения землей и другой собственностью, суда и судопроизводства, денежного обращения. Кроме того, там можно найти ответы на вопросы, связанные с религией, взаимоотношением религии и государства, философией и философскими течениями, культурой, торговлей, ремеслом и искусством, вплоть до описания правил обращения с принадлежностями писца и каллиграфа.

Книга была переведена и издана на многих языках. В Баку она была издана и прокомментирована академиком Али-Заде, много сделавшим в исследовании и популяризации творчества Мухаммеда Нахчивани.

Не меньшую научную ценность представляет и толковый словарь фарсидского языка Мухаммеда Нахчивани «Сихаху-л фуре», хотя по разным причинам он до последнего времени не привлек внимания ученых. Сейчас уже бесспорно установлено авторство словаря и его значение в истории фарсидской лексикографии. Ряд исследователей приходит к выводу, что в XI-XIII веках в фарсидском языкознании ведущим учеными, в основном, были выходцы из Азербайджана.

Современные ученые, как по объему, так и по широте охвата материала и его оригинальности, ставят словарь Нахчивани на один уровень со знаменитым толковым словарем Катрана Тебризи. [192-193]

В «Словаре» читатель может найти сведения по фонетике, грамматике, топонимике фарсидского языка. Там же можно найти стихи поэтов, имена которых не найти ни в одной из средневековых хроник и хрестоматий.

Рукописи Мухаммеда Нахчивани хранятся во многих библиотеках мира и их исследованию посвящено много трудов ученых Европы и Востока.

Чәмилә Садыгова, Тәјјибә Әләскәрова. Фарс дили тәдгиг едән Азәрбајҹан алимләри. «Елм». Бақы - 1990; А. К. Рзаев. Очерки истории политико-правовых учений Азербайджана. Баку - 1983. [193-194]

МИР АЛИ ТЕБРИЗИ ИБН ИЛЪЯС

Хаджа Мир-Али Ибн-Ильяс Тебризи является одним из выдающихся каллиграфов (хаттатов) Востока.

Прежде, чем говорить о его жизненном пути и творчестве, необходимо остановиться на роли каллиграфов и каллиграфии в духовной жизни Востока и Азербайджана, в частности.

В связи с запретом на изображения живых существ мусульманской религией и особенностями графики арабского алфавита каллиграфия - искусство художественного письма становится важной областью искусства и культуры народов, принявших ислам, а с ним и арабский алфавит. Так как «Коран» был написан этим алфавитом, религиозные деятели всячески поддерживали и стимулировали культ искусства художественного письма.

Художественное письмо в сочетании с орнаментально-декоративным убранством украшало книги, дворцовые сооружения, мечети, изделия декоративно-прикладного искусства из керамики, металла, дерева и ткани. Каллиграфия становится самостоятельной и основной областью графического искусства в мусульманском мире. Умение красиво писать становится одним из критериев образования. Можно привести множество примеров, когда отличными каллиграфами становились государственные деятели, писатели, поэты, художники и ученые.

Азербайджанский ученый XV века Мухаммед бек-Хиндушах Нахчивани писал: «детей прежде всего надо обучать письму и путешествию...». Арабские авторы ссылались на пророка [194-195] Мухаммеда говорили: «письмо - половина знаний». В то же время требовалось единство красоты письма и глубокого содержания текста «Красивое письмо - украшение человека, еще лучше, если оно у мудрого».

В результате долгих поисков многих поколений каллиграфов создается шесть основных почерков арабского алфавита, удовлетворяющих практическим и эстетическим требованиям того времени: «сульс», «наسخ», «мухаггаг», «рейхани», «тоуги» и «рега». Эти почерки впоследствии получили название классической «шестерки».

Искусство каллиграфии в Азербайджане начинается с работ Мубарек-шаха Заррин-калема Тебризи. Он является одним из шести учеников выдающегося арабского каллиграфа XIII века Джамаладдина Мустасими, вошедших в историю каллиграфии под названием «шесть мастеров». Кроме него в эту шестерку входил еще один известный азербайджанец - шейх Ахмед Сухраварди. Мубарек-шах Заррин-калем владел всеми шестью классическими почерками и имел большое число последователей, пишущих этими почерками.

Казалось каллиграфия достигла своего совершенства и вряд ли там появится что-то новое. И тем не менее, а вернее всего именно в связи с этим, в XIV веке в Азербайджане появляется хаттат, прославившийся на весь мусульманский мир. Этим хаттатом стал Хаджа Мир-Али Ибн-Ильяс Тебризи (1330-1405). Большинство ученых, биографов и авторов трактатов о каллиграфии считают Мир-Али Тебризи изобретателем почерка «насталиг», который быстро вытеснил классическую шестерку почерков и распространился по всем странам мусульманского мира. Один из средневековых авторов писал: «Если и существует мелкий и крупный насх-и талиг, то изобретателем его является Хаджа Мир-Али. Он соизволил изобрести его тонким разумом из почерка «наسخ» и из почерка «талиг». Тростник его калема от того сладостен, что происхождение его из чистой почвы Тебриза.»

По преданию, хадже Мир-Али Тебризи, страстно желающему создать оригинальный почерк, приснился сон. Во сне первый шиитский имам - Муртуза-Али - ему сказал: «О, раб божий! Верно и внимательно наблюдай утку, непременно с проникновением на нее взгляни и создай определенный почерк... По ее глазам, клюву и шее; гляди как они округлы, выпуклы и вогнуты, создай почерк!»

При эмире Тимуре Мир-Али уже общепризнанно считается создателем почерка «насталиг» и является наиболее почитаемым каллиграфом в его обширной империи, в которую входил и Азербайджан. Рукописи, переписанные Мир-Али Тебризи, хранятся в Лондоне, Тегеране, Санкт-Петербурге.

Первым учеником Мир-Али, освоившим новый почерк, становится его сын Мир Абдуллах. Мир Абдуллах прославился как каллиграф во многих странах и получил прозвище [195-196] «Шекерин Калем» (Сладостное перо). Учеником Мир Абдуллаха был один из выдающихся каллиграфов Азербайджана XV века Джафар Тебризи. Последний так много сделал для дальнейшего развития

почерка «насталига», что его называли вторым изобретателем этого почерка (Мухтара ус-сани). Так как он какое-то время вместе с рядом азербайджанских художников работал в Герате у Бойсонкур-мирзы, сына шаха Шахрура Тимурида, начальником придворных каллиграфов, он был также титулован именем «Байсонкури».

Мир Абдуллах, Джафар Тебризи и многие другие ученики Мир-Али развили идеи своего великого учителя и подтвердили правильность выдвинутых им положений.

А. Ю. Казиев. Художественное оформление азербайджанской рукописной книги XII-XVII веков. «Книга». Москва - 1977. [196-197]

ФАЗЛУЛЛАХ НАИМИ (ФАЗЛ)

Наими Шах Фазлуллах ибн абу Мухаммед Тебризи (Фазл) является основоположником хуруфизма - еретического философско-религиозного течения и одним из крупнейших суфиев Азербайджана. Хуруфизм провозглашается Фазлом в Азербайджане в конце XIV века и отсюда распространяется в Турцию, Иран, Ирак, Сирию и другие страны мусульманского Востока. Особенно популярно это учение было среди тюркских народов. Об этом пишет Шамсаддин Мухаммед ибн Абу-ур-Рахмана Сохави (XV в) в книге «Яркие лучи среди людей IX в»: «Низами Абу-аль-Фазль Астрабади Аджеми, по имени Абу-ур-Рахман был очень образованным человеком, сведущим в поэзии и прозе, участвовал в специально для него устроенных меджлисах в Гилане, Самарканде и др. городах. Хуруфиты были аскетичными людьми, ходили в белых войлочных шапках, и секта эта, имевшая широкое распространение и многочисленных последователей, отравила своей ересью многих чагатайцев и другие неарабские народы».

Хуруфиты («буквенники» от арабского слова хуруф - буква), как пишет Э. А. Ахмедов считали, что «мир и человек - результат последовательных эманации божества Мирового разума, Мировой души, Праматери, Пространства, Времени. Божественное начало, наполнявшее собой всю Вселенную, особенно полно отражено в человеке, сотворенным богом по своему образу и подобию. Жизнь вселенной, история человечества представляет собой циклическое круговращение. Каждый цикл, состоящий из семи кругов, Начинается [197-198] с появления Адама и завершается «страшным судом»... Буквы арабского алфавита, расчеты, основанные на использовании их численных значений, служили у хуруфитов мистическими знаками, символами циклов мирового круговращения. За основу, исток бытия вещей они брали слова, буквы, числа, которые, будучи изречены Аллахом через Коран и в Коране, стали материей для мира.» Отсюда возникает хуруфистская идея о проявление бога в человеке через слово бога в Коране.

Биографических сведений о Наими известно очень немного. Наиболее полные и достоверные сведения о Наими исследователи находят в его же произведениях и в произведениях некоторых его сподвижников.

Шах Фазлуллах родился в 1339/40 году. Он получает хорошее образование, но долго не может найти свое место в жизни. Было время, когда ему приходилось зарабатывать на хлеб пошивом папах. Однако любовь к науке побеждает, и он как это было принято в те времена, отправляется путешествовать в поисках знаний.

Известно, что в 1369 году он находился в Исфагане, затем побывал в Мекке, Нишапуре, Хоросане, Ираке, Азербайджане, Средней Азии. В Ширване он попадает в тюрьму, где пишет свое знаменитое «Джавидан-намэ» («Книга о вечности»), или «Джавидан-е Кабир» («Великая вечность»), почитаемая его сподвижниками, как Коран хуруфизма.

Много биографических сведений содержит его труд «Наум-намэ». В нем Наими пишет о своих бесконечных скитаниях по странам мусульманского Востока от Сирии до Средней Азии, приводит имена людей с которыми он встречался в пути и названия городов Баку, Нишапур, Тогчи, Джазире, Бурджерд, Мазендаран, Хорезм, Дамаган, Суфиян, Баги Суфиян и др, в которых ему довелось побывать. В основном же Фазл в ней описывает свои сны, которые он якобы видел за последние 30 лет жизни. Содержания снов служат базой для доказательства святости Фазла с одной стороны, и являются пророчествами, которым должны следовать его последователи. Он призывает своих приверженцев, ссылаясь на пророческие сны, к восстаниям: «... я видел, что в руках у меня был сверкающий меч, на котором некий астроном, согласно своей науке, написал, что будет несколько восстаний. После слова восстание несколько раз было написано слово Фазл, который был из Астрабада, и он (меч) был в моих руках». Вещий сон призывает хуруфитов к борьбе даже в случае физической гибели Фазла от руки Тимура. Призывает считать его вечно живым: «В месяце джума-ди-аль-ула, в среду, ночью в городе Бруджерде я во сне видел, что хромой человек одного [198-199] человека отправил за мной для того, чтобы он меня привел на казнь... я видел, что он в конце концов меня привел и убил, но я видел, что я жив. Верно. Верно».

Здесь же он описывает историю «пробуждения» Фазла, историю обнаружения им своего учения. Фазлуллах пишет, что произошло это так. Умиравший странствующий дервиш призывает Фазла к себе и извещает его о наступлении время для оповещения мира о его учении. Выполняя

напутствие странника, Фазл собирает вокруг себя девять сторонников и раскрывает им сокрытые до сих пор от всех тайны его учения. Наиболее близкими среди них были четверо. В книге «Данишмандане-Азербайджан» Мухаммеда Али Тарбиййата приводятся стихи, в которых называются их имена:

Посвященными в его тайны друзьями (были)
Меджид, Махмуд, Камал Хашеми,
Бу-л-Хасана считай четвертым, если вновь встретишь его,
Ибо им он завещал эту книгу.

Большинство средневековых авторов сходятся в мысли, что Фазл свое учение раскрыл в столице Азербайджана - Тебризе, приблизительно в 1386 году. Хуруфиты называют Азербайджан «Сарзамин-е-рестахиз» («Место пробуждения»). Один из самых верных последователей Фазла Али-уль-Ала в своей книге «Кюрси-намэ» пишет о роли Азербайджана в зарождении хуруфизма:

Солнце единства любимого Фазла,
Так как впервые вошло в Азербайджане,
Она одна из благословенных стран,
Поэтому в ней засияло солнце смысла.
Эта страна благословенна от бога,
(Она) алтарь пророков и святых.

До этого Наими увлекается суфизмом и является последователем известного суфия Шейха Шибли. Большое место в жизни Наими занимает Баку, где он создает центр хуруфитского движения. Как следует из произведения «Гийамат-намэ» Али-уль-Ала последователей этот, своего рода штаб, продолжал действовать и после выезда Фазла из Баку:

Как донесся глас со стороны Баку,
Встань, кумир, и возрадуйся (хлопай в ладоши),
Это место пребывания нашего возлюбленного,
Хотя он ушел, место его сохранилось. [199-200]

В Баку и в Азербайджане были написаны основные произведения Фазла, в том числе «Джавидан-намэ» («Книга о вечности») или «Джавидан-е Кабир» («Великая вечность»), «Васийет-намэ» («Завещание»). Кроме того, известны его работы «Махаббат-намэ» («Книга о любви»), «Арт-намэ» («Книга о троне»), «Искендер-намэ» («Книга об Искандере») и другие. Последний свой труд «Васийят-намэ» Наими пишет тоже в Азербайджане перед казнью.

Один из современников Наими пишет, что «Фазлуллах ибн Мухаммед Тебризи является одним из еретиков, который создал отшельническую секту и на основе своего лжеучения организовал партию, известную как хуруфистская. Он хотел привлечь Тимура к своей ереси, но тот не согласился и дал приказ о его казни. Казнил Фазла Мираншах - сын Тимура.»

Произошло это печальное событие в 1401 году в крепости Алинджа в Нахчивани. Некоторые исследователи считают, Тимур специально выбрал местом казни Фазла эту крепость, так как она прославилась своим сопротивлением Тимуридам и постоянными антитимуридскими выступлениями. Там же Наими был похоронен. Могила его с надгробным камнем сохранилась до наших дней.

З. Кули-заде. Хуруфизм и его представители в Азербайджане. «Елм». Баку - 1970; Э. А. Ахмедов. Арабо-мусульманская философия средневековья. «Маариф». Баку - 1980 [200-201]

АХМЕД (КАЗИ) БУРХАНЕДДИН

Видный государственный деятель, выдающийся полководец, ученый и поэт Казим Бурханеддин (Бурхан ад-Дин), родился в 1344 году в городе Кейсери. Происходил он из тюркско - огузского рода Салур. Есть предположение, что прадед его был родом из Хорезма. Звали поэта Ахмед, прозвище его было Абулаббас, а псевдоним Казим Бурханеддин. Псевдоним связан с тем, что уже не одно поколение члены его семьи, известные своей высокой образованностью, наследовали должность казие (духовный судья). Среди них казиями города Кейсери были Джалаладдин Хабиб, Хусамаддин Хусейн, Сираджаддин Сулейман.

Дед поэта Сираджаддин Сулейман жил во дворце основоположника бекства Артана в Анатолии Аладдина Артани и участвовал в политической жизни бекства. Отец его Шамс ад-Дин Мухаммед тоже считался выдающимся казием своего времени. Мать же была внучкой одного из видных государственных деятелей при сельджукском дворе.

Казим Бурханеддин рано теряет мать и воспитанием его занимается отец. В 1356 году он с отцом уезжает в Дамаск, но через некоторое время опять возвращается в Кейсери, где отец начинает службу во дворце в должности казие Кейсери.

Как и все выходцы из знатных семей, Казим Бурханеддин на родине получает хорошее по тому времени начальное образование, а в 1358 году едет в Египет для его завершения. Он изучает богословие, медицину, астрологию, философию и другие науки. Затем отправляется в Дамаск к [201-202] знаменитому на Востоке ученому Кутб ад-Дину Рази пополнить свои знания по богословию, естествознанию и математике. В девятнадцать лет поэт попадает в Мекку, а после смерти отца переезжает в Халеб. В 1365 году возвращается в Кейсери и женится на дочери правителя Артана Мухаммеда. Через некоторое время после этого события его назначают, также как в свое время отца, казием Кейсери. Находясь свыше десяти лет в этой должности Казим Бурханаддин своей высокой образованностью и справедливостью завоевывает всеобщее уважение.

После смерти правителя Артана Мухаммеда к власти приходит его сын Али. В связи с малолетством Али всеми делами государства начинает руководить Казим Бурханаддин и в 1378 году удостоивается должности везира. В 1380 году Али умирает, Бурханаддин становится атабеком (опекуном, наставником) его малолетнего сына и вся фактическая власть в государстве переходит в его руки. В 1381 году Казим Бурханаддин становится правителем нового государства, носящего его имя, и объявляется султаном. Жизнь его после этого проходит в непрерывных походах и сражениях, в борьбе с внутренними и внешними врагами. Он делает все возможное для объединения постоянно враждующих племен гараманлы, османлы и туркмен и укрепления порядка в стране. Во внешней политике Бурханаддин проявляет необычную дальновидность и гибкость. В окружении таких грозных соперников, как османский султан Байазид I, Кызыл Ордынский хан Тохтамыш, эмир Теймур и множества мелких эмиров, Бурханаддину удается семнадцать лет сохранять в стране мир.

Все это становится возможным благодаря его дальновидным дипломатическим усилиям, всегда поддерживаемым его полководческим талантом. Когда требует политическая обстановка, он готов вступить в открытую борьбу даже с Байазидом I или с Тимуром, при необходимости он готов заключить союз со своими бывшими противниками, Кызыл Ордынский ханом Тохтамышем или мамлюкским султаном Баргутом.

Бурханаддин спасает свою страну от вторжения Тимура и успешно ведет войны с соседними эмирами. Усилия его не пропадают даром. Страна крепнет и расцветает. Бурханаддин всячески поощряет развитие торговли, образования, науки, строит университеты, школы, караван-сарай и мосты.

Казим Бурханаддин был убит в 1398 году в бою с одним из правителей Аггоюнлу Гара Йолуг Осман-беком и похоронен в городе Сивасе. После смерти Казим Бурханаддина власть в стране переходит к его единственному сыну Эльмаддину Али Челеби. Удержать власть, однако, молодой [202-203] правитель не смог и государство, созданное Казим Бурханаддином с таким трудом, уничтожается Байазидом I, а земли присоединяются к османским владениям.

Государственная деятельность не мешает Бурханаддину заниматься наукой и поэзией. Философские концепции этого высокообразованного поэта-правителя отражены в трактах «Тарджи ут-товзих» («Повторение толкований») и «Иксир-ус саадат фи асрар-уль ибадат» («Элексир счастья в

тайнах поклонения»), написанных на арабском языке. На взгляды Бурханаддина большое влияние оказывает суфийская и хуруфитская философия.

Стихи он пишет на трех языках - азербайджанском, фарсидском и арабском. Сборник его стихов - «Диван», написанный на азербайджанском языке сохранился в единственном экземпляре. Он переписан еще при жизни автора каллиграфом Халилом ибн-Ахмедом и хранится в Британском музее. В Лондон его привез из Стамбула работник английского посольства Томас в 1890 году. Подготовил и издал «Диван» в Баку в 1988 году, вместе с краткой биографией поэта профессор Алийар Сафарлы. В «Диван» входят 1319 газелей, 20 рубаи и 108 туюгов.

Академик Крымский пишет: «В «Диване» Бурханаддина два неравных отдела. Первый, большой - газели. Второй меньший, содержит прежде всего два десятка так называемых рубаи (четверостиший); их приходится считать за первые «рубаййаты», написанные на тюркском языке, а кроме того, много «туюгов» то есть коротких мистико-эротических стихотворений...»

Анализ «туюгов» показывает о влиянии на творчество Бурханаддина суфизма и хуруфизма. Любовная лирика поэта повлияла на творчество многих тюркоязычных поэтов. Она близка к фольклору и сравнительно свободна от арабизмов и фарсизмов, а также заумных эпитетов и метафор:

Где та, с глазами, как миндаль,
Стан - кипарисы при луне.
Та, утолявшая печаль,
Не покоровившаяся мне?
Та, что неопытна в любви,
Огонь зажегшая в крови?
Проходят быстро дни мои, -
Сегодня, завтра, как во сне.

Ряд стихов Бурханаддина посвящен ратным подвигам:

Сердце влюбленного всегда пламенеет,
Каждый миг увлажняются слезами очи несчастного.
Суфии стремятся к михрабу и намазу, - [203-204]
Истинный муж жаждет ристалища
(чтоб доказать свою доблесть).
Отважный юноша не боится опасности.
Хороший конь не боится препятствий.
Если среди нас есть враги - пусть трепещут!
Королевский лев не бежит от волков.

Бурханаддин является первым крупным азербайджанским поэтом пишущем на родном языке. Поэзия его оказала заметное влияние на творчество Кишвари, Хабиби, Хатаи, Вагифа и др. Он был популярен во многих тюркоязычных странах и имя его часто упоминается в трудах средневековых таджиков и историков.

Вступительное слово Алийара Сафарлы в книге: Гази Бурханэддин. Диван. Баку - 1988. [204-205]

АБДРАШИД САЛЕХ ИБН-НУРИ АЛ-БАКУВИ

Абдрашид Салех ибн Нури ал-Бакуви, знаменитый путешественник, географ, климатолог и космограф, жил во второй половине XIV и первой трети XV веков

Отец Абдрашида родился в Баку и был высокообразованным человеком. Сам Бакуви писал, что Баку – «это родина родителя моего, имама, ученого Салиха ибн Нури, который был средоточием достоинства... и скончался в 1403/4 году в возрасте семидесяти семи лет.»

Н. К. Керемов считает, что Бакуви родился в пределах 1335-1360 гг. в Баку и умер в период 1425-1430 гг. в Каире. Эйбали Мехралиев на основе анализа маршрутов путешествий Бакуви приходит к выводу, что большую часть жизни он проводит в путешествиях, а постоянными местами его жительства были Баку и Мекка (или окрестности Мекки в пределах 80-100 км.)

Биографических сведений о Бакуви почти не осталось. Он был автором многочисленных трудов, но до нас дошла только одна книга, рукопись которой хранится в фондах Национальной библиотеки в Париже, куда она поступила в 1683 году.

Книга «Китаб Талхис ал-асар ва аджаиб ал-малик ал-каххар» («Сокращение [книги] о «памятниках» и чудеса царя могучего»), принесшая славу Абдрашиду Бакуви, посвящена описанию стран и народов, известных в то время на Востоке. Как считает большинство исследователей книга была написана в первом десятилетии XV века, а указанная рукопись [205-206] была переписана в городе ал-Лазикии в 1614 году. Известны и другие рукописи этой книги и ее перевода на фарсидский, хранящиеся в различных библиотеках мира.

Анализ этого сочинения показывает, что его автор был высокообразованным, эрудированным человеком и при написании книги путешествий, кроме своих наблюдений, включил туда сведения, собранные многими его предшественниками по географии, философии и медицине.

Основным источником, которым пользовался Бакуви, было сочинение «Аср-ал-билад» («Памятники страны»), одного из самых выдающихся географов того времени Закария ал-Казвини. Кроме того он приводит ссылки на большое число работ известных философов, ученых, поэтов, врачей, в том числе Истахри, Масуди, Бируни, Ибн-Сина, Йакута, Хамдуллаха Казвини и др.

Уже в 1789 году книга переводится Де Гинем на французский язык. Затем она переводится на многие другие европейские языки. На русский язык это сочинение было переведено и издано в Москве академиком З. М. Бунинатовым. Пересказ книги Бакуви приведен в работе видного азербайджанского географа и популяризатора трудов средневековых азербайджанских географов Н. К. Керемова.

В предисловии Бакуви говорит о целях своего сочинения. Их он видит в том, «чтобы упомянуть в нем обо всех дошедших до нас удивительных творениях Аллаха и чудесах его мудрости, находящихся в его странах, расположенных на его обширной земле и сходных одна с другой». И далее: «Я расскажу об этом то, что известно мне из личного наблюдения или ознакомления с обстоятельствами».

Как говорит Керемов, внимание Бакуви во время путешествий больше всего привлекают города. Только этим можно объяснить особое внимание его к процессу их формирования. Для их строительства, пишет Бакуви в предисловии, выбирали самую лучшую область в стране «на побережьях, в горах, в местах, защищенных от северного ветра». В укреплениях, сооружаемых вокруг городов, открывались «многочисленные ворота, с тем чтобы люди не толпились при входе и выходе». Бакуви пишет, что лучшие места в черте города отводились для дворцов и «для мест соборных, для простых и соборных мечетей, для рынков, постоянных дворов и бань». И только остальное свободное пространство отводилось под жилища горожан. Далее в предисловии приводятся два небольших раздела. Первый назван автором «Глава о воспроизводстве», второй – «Глава о делении на климаты». В первом Бакуви говорит о минералах, растениях и животных.

Приводимые Бакуви сведения часто бывают наивными или просто фантастичными для современного читателя, однако читать их очень любопытно хотя бы затем, чтобы в какой-то степени представить себе уровень знаний того времени. [206-207] Убедиться в этом можно, прочитав небольшой отрывок, приводимый в предисловии к этой книге. «Что касается минералов, то золото образуется лишь в песчаных почвах и рыхлых горах, а серебро, медь и железо - в камнях, вмешанных с мягкой землей, сера - в вулканической почве, ртуть - в землях, насыщенных водой... Что касается растений, то финики и бананы произрастают лишь в жарких странах... Орехи, миндаль и фисташки произрастают лишь в

холодных странах, а тростник - на берегах рек... Гвоздика растет на островах ал-Хинда, кокосовый орех, перец, имбирь - в ал-Хинде, тик, эбеновое дерево - в Йемене.

Что же касается животных, то слоны рождаются только на островах Южных морей. В ал-Хинде они живут дольше, чем в других странах, и бивни у тех бывают не столь велики, как у слонов в ал-Хинде; жирафы водятся в ал-Хабаша; буйволы - в жарких странах вблизи рек; соболи, белки и кабарги - в северо-восточных странах; соколы и орлы выводят своих птенцов только на вершинах высоких гор; страусы и ката - в пустынях; водоплавающие птицы - на берегах рек, болотах и топях; горлицы и воробьи - в населенных пунктах; соловьи и жаворонки - в садах. Это наиболее распространенные виды».

Во втором разделе предисловия Бакуви, как пишет Керемов, «одним из первых в истории географии исследователей провел районирование земного шара». Бакуви пишет: «Знай, что круг небесного экватора делит земной шар на две половины, из коих одна называется югом, другая - севером. И если предположим, что круг проходит по обоим полюсам экватора и пересекает Землю, то земной шар станет четырьмя четвертями: две южных четверти и две северных четверти». Всю известную ему (и обитаемую) Землю он делит на семь поясов (климатов) и дает обоснование этому делению. Основная часть книги посвящена географическим характеристикам этих поясов». В каждой из семи глав рассказывается соответственно о каком-то одном поясе от Канарских островов на Западе до Китая на Востоке и от ряда стран Африки на Юге до Ирландии и Руси на Севере. Сведения о странах, городах, населенных пунктах этого пояса приводятся в алфавитном порядке. В каждом отдельном случае приводятся координаты географических пунктов, исторические сведения о них, делается попытка объяснить происхождение того или иного географического названия, описываются природные условия, архитектурные памятники, приводятся сведения об этнографии, культуре и предметах торговли.

Особенно много оригинальных сведений Абдрашид Бакуви приводит о хорошо ему знакомом Азербайджане и, особенно, Баку. Он относит Азербайджан к четвертой и пятой климатическим зонам: «Азербайджан - обширная населенная область между Кухистаном, Арраном и Арменией. Там [207-208] множество городов, селений, гор и рек». Говоря о реке Аракс (Увайс) он пишет: «Она протекает по многим странам, пока не достигает моста Дийа ал-Мулька, вблизи Накджувана (Нахчивани). Он построен из камня и является одним из чудес света.»

Много внимания Бакуви уделяет Тебризу: «Это город со множеством благ, богатый плодами; жители его состоятельны и владеют ремеслами. Вблизи города есть серные бани, обладающие удивительными полезными свойствами». Бакуви восхищается достопримечательностями Тебриза: «там есть мечети, медресе, дворцы и удивительные постройки, не поддающиеся подсчету». Но больше всего, конечно, он пишет о Баку (Бакуйя). Это «город, построенный из камня на берегу моря ал-Хазар... Его стены омываются водами моря, которое затопило много стальных башен и приблизилось к мечети... Большинство домов построено на скалах. Воздух там хороший, вода пресная, из колодцев, выбитых в скалах, а выходящие в них ключи исключительно приятны. Там низкие урожаи зерна, и большую часть его привозят сюда из Ширвана и Мугани. Много здесь инжира, граната и винограда. Сады находятся далеко, и большинство горожан отправляется туда в летнее время, живет там некоторое время, а затем возвращается. И так они делают ежегодно». Как видно, традиция выезда бакинцев на летние месяцы на дачи существует с давних времен. Бакуви как очевидец очень красочно говорит о бакинских ветрах: они «дуют и ночью и днем, так что иногда при сильном ветре невозможно человеку идти против ветра, а лошадей и овец в зимнее время даже сбивает в море, и они не могут удержаться на земле». Далее он пишет о «залежах смолы и источниках нефти, ежедневная добыча которой превышала 200 верблюжьих тюков», а «близ источников есть там твердая земля желтого цвета, которая горит наподобие свечей. От нее отламывают куски и везут в город для отопления его домов и бань». Для современных исследователей особый интерес представляет описание острова Пираллахи, с древнейших времен связанного с культом огня и воды: «Около города есть обитаемый остров, с которого охотятся за водяными собаками [тюленями]. С них сдирают шкуру и вытапливают жир, используемый как масло в светильниках. Из шкур выделяют мешки, наполняют их нефтью и перевозят на кораблях в другие страны. Там много газелей, и нигде нет им подобных. В некоторые годы там виден большой огонь, выходящий из моря и поднимающийся на высоту, видимую с расстояния одного дня пути и даже больше. Этот огонь горит длительное время, а затем гаснет». К святым местам этот остров относили многие средневековые путешественники и даже еще древнеримский географ I в. Помпоний Мел. [208-209] Он пишет, что остров отличается плодородием, имеет пресную воду, богат овощами и фруктами, и относится к «святым местам». Заканчивает книгу Бакуви стихом:

О ты, который начал наблюдать за тем, что пишу,
И стал обсуждать написанное мной
Призываю тебя во имя Аллаха:
если найдешь у меня ошибку,

-Прости мне ее, ибо мудр тот, кто прощает!

Сочинение великого географа Абдрашида Бакуви еще долго будет привлекать внимание ученых и всех, кто интересуется географией, историей, культурой и этнографией стран Востока.

Н. К. Керемов. Путешествия Бакуви. «Мысль». Москва - 1982; Нурәддин Кәрәмов. Одлар јурдунун сәјјаһ вә чоғрафијашүнаслары. Бакы - 1986; Е. Г. Мехрәлијев. Әбдүрәшид Бакуви. «Елм». Бакы - 1985. [209-210]

ИМАДЕДДИН НАСИМИ

Выдающийся мыслитель и поэт Азербайджана и всего Востока Сейид Али Имадеддин Насими родился в 1370 году. Место его рождения Ширван. Некоторые исследователи считают, что он родом из Баку, другие - которых большинство, местом его рождения считают Шемаху - столицу государства Ширваншахов.

Отец поэта Сейид Мухаммед был хорошо известной в Ширване личностью. У Насими был брат, писавший в Шемахе стихи под псевдонимом Шах Хандан. Похоронен он в Шемахе на древнем кладбище, носящим теперь его имя. Шемаха после принятия ислама становится одним из крупных центров культуры. Здесь действует много школ, университетов, популярных на Востоке поэтических и музыкальных меджлисов. Имеются богатые общественные и частные библиотеки. Недалеко от столицы, в местечке Мальгам, располагается Медицинская Академия (Дар уш -шура), созданная дядей Хагани - выдающимся врачом и ученым - Кафияддином. Из Шемахи выходит целая плеяда ученых и поэтов, среди которых особенно надо отметить великого поэта Афваладдина Хагани. Здесь проходят школьные годы Насими.

Анализ произведений поэта показывает, что Насими в Шемахе смог получить образование, соответствующее всем требованиям лучших университетов того времени. Он прекрасно знает классическую литературу и философию Востока и Древней Греции, свободно владеет основами мусульманской и христианской теологии, глубоко изучил медицину, астрономию и астрологию, математику, и логику и др. Он настолько хорошо владеет языками, что в равной степени [210-211] свободно пишет стихи на азербайджанском, фарсидском и арабском языках. Его азербайджанский язык очень богат и в то же время близок к народной речи, обогащен множеством пословиц и поговорок, крылатых фраз. Его рубаи близки к азербайджанским народным стихам - баятам. В поэзии Насими упоминаются имена великих поэтов и ученых Азербайджана и других стран Востока - Али ибн Сины, Хагани, Низами, Фелеки, Халладжа, Мансура, Фазлуллаха Наими, Шейха Махмуда Шабустари, Овхади Марагаи и др.

Насими создает газели необычного звучания. У него есть газели с «зеркальным» отражением двух половин бейта друг в друге:

Сияние луны - твой лик, твой лик - сияние луны,
Пунцово - ал пламень щек, их пламень пунцово - ал.

Состоящие из одних обращений или выразительных повторений:

О краса моя, радость, надежда, опора, отрада
Милый друг, моя нега, всем мукам и бедам улада.

Отдам я, отдам, отдам всю жизнь ради милой сердцу,
Прильну я, прильну, прильну к устам, что нектара слаще.

Насими жил и творил в исключительно тяжелое для Азербайджана время. Родина поэта подвергается нашествиям Тимура с юга и монгольского золотоордынского хана Тохтамыша с севера. Именно в таких исторических условиях в восьмидесятых годах XIV века в Азербайджане стало развиваться еретическо - философское учение - хуруфизм, направленное против догм ортодоксального ислама и как считают некоторые историки, отчасти, против господства Тимуридов. Имадеддин Насими становится самым ярким и выдающимся пропагандистом этого учения.

Хуруфизм происходит от арабского слова «хуруф» (ар. буква, алфавит). Последователи этого учения обожествляли 28 и 32 буквы арабского и персидского алфавитов, утверждая, что без них нельзя познать ни бога, ни человека, ни вещи. Однако, философское и социальное содержание хуруфизма несравнимо более широко и значительно.

Основателем хуруфизма был крупный азербайджанский философ и поэт Фазлуллах (Фазл) Наими Тебризи. Большинство средневековых авторов сходится в мысли, что Фазл свое учение раскрыл в столице Азербайджана Тебризе, приблизительно в 1386 году. Большое место в жизни Наими занимает Баку, где он создает центр хуруфитского движения. [211-212] В Баку и в Азербайджане были написаны

его основные произведения, в том числе «Джавидан-намэ» («Книга о вечности») или «Джавидан-е Кабир» («Великая вечность»), «Васийет-намэ» («Завещание»). Кроме того, известны его работы «Махаббат-намэ» («Книга о любви»), «Арт-намэ» («Книга о троне»), «Искендер-намэ» («Книга об Искандере») и другие. Наими очень энергично пропагандирует свое учение и вскоре оно распространяется по всему Азербайджану и проникает во многие страны Ближнего Востока и Средней Азии. Наими даже пытается привлечь на свою сторону Тимура, но его арестовывают и в 1394 году казнят в крепости Алинджа-кала, недалеко от Нахчивани, где он и похоронен. Фазлуллах предвидит такой конец и последний свой труд «Васийат-намэ», написанный перед казнью, является его завещанием соратникам с программой дальнейшей борьбы.

Следуя указаниям Наими видные хуруфиты покидают родные места и разносят идеи своего великого учителя по всему Востоку. Насими тоже странствует по Турции, Сирии, Египту и другим арабским странам и активно распространяет идеи хуруфизма. Анализ его произведений показывает, что он посещает города Баку, Багдад, Бурсу, Шемаху, Халеб и др. В Турции, в городе Бурсе поэт сближается с известным поэтом Шейхи, первым переводчиком на турецкий язык поэмы Низами «Хосров и Ширин», создателем и главой знаменитого дервишского ордена Бекташийя Гаджи Вали Бекташи. В Анатолии он завоевывает большую популярность и любовь у местного населения.

Во время скитаний по странам Ближнего Востока поэт подвергается преследованиям, гонениям и даже тюремным заключениям «месяцами и годами закованный в темницах», но его это не останавливает. Пламенные стихи поэта - философа находят широкую аудиторию, их переписывают, учат наизусть, читают и поют на базарных площадях. Согласно широко распространенной легенде, именно это привело его на эшафот в сирийском городе Халебе (Алеппо).

Молодой хуруфит, ученик поэта, окруженный толпой на базаре читает, еретические стихи своего учителя. Его хватают и так как ради спасения Насими он стихи признает своими, его приговаривают к смертной казни через повешение. Весть об этом доходит до Насими, который в это время чинит башмаки у сапожника. Поэт спешит на место казни, признает свое авторство и гибнет страшной смертью.

В арабском источнике «Кунуз-уз-захаб» об этой казни Насими в 1447 году в городе Халебе сказано следующее: «Вероотступник Али Насими был казнен во времена Йашбека. В то время в «Дар-уль-адле» («Дворец правосудия») в присутствии нашего шейха ибн хатиба ан Насири и наиба (наместника) верховного кадия шейха Иззуддина Шамуддина [212-213] ибн Амин-уд-Довле, верховного кадия Фатхуддина аль-Малики верховного кадия Шихабуддина-аль-Ханбали рассматривалось дело об Али аль-Насими.

Он сбил с пути истины некоторых безумцев, и они в ереси и безбожии подчинялись ему. Об этом сказал кадиям и богословам города некий ибн аль-шангаш Алханадан. Судья ему сказал: «Если ты докажешь то, что говоришь о Насими, я не казню тебя». Насими произнес Келме-и-шахадет» (молитва о том, что он будет говорить правду), поклялся и отверг то, что говорили о нем. В это время появился шейх Шихабуддин ибн Хилал. Заняв почетное место в меджлисе, он заявил, что Насими - Безбожник и должен быть казнен, даже если вздумает исповедаться, и спросил: «Почему же не казните?» Аль-Малики ответил ему: «Напишешь ли ты приговор собственноручно?» Тот ответил: «Да - и написал приговор, с которым тут же ознакомил присутствующих. Но они с ним не согласились. Аль-Малики сказал ему: «Кадии и богословы, не соглашаются с тобой. Как я могу казнить его на основании твоих слов?» Йашбек сказал: «Я его не знаю. Султан поручил мне ознакомить его с делом. Подождем, что султан прикажет по этому поводу». На этом меджлис разошелся. Насими остался в темнице. О деле Насими было доложено султану Муайаду, от которого пришел приказ содрать с него кожу и его тело в течение семи дней выставить в Халебе на всеобщее обозрение, отрубить ему руки и ноги и отправить Алибеку ибн Зульгадару, его брату Насреддину и Осману Гарайолуку, которых Насими также сбил с пути. Так и сделали. Этот человек был гяуром и мулхидом (богоотступником). Упаси боже, говорят, у него есть тонкие стихи».

Стойкость и мужество Насими во время страшной казни породили в народе множество легенд. До последнего его вздоха он не признает своей вины и все повторяет: «Анал-хаг!» («Я - истина, Я - бог!») при этом не упускает случая поиздеваться над своими тупоумными палачами. Рассказывают, что при этом один из мусульманских богословов, присутствовавший на казни воскликнул: «Этот человек хуже Сатаны; проклято место, куда упадет капля его крови, то место должно быть выжжено огнем, отрублено мечом!» - и как по волшебству в этот момент на его палец падает капля горячей крови поэта. Толпа, возбужденная таким знамением требует отрубить палец муфтию. Тот, защищаясь начинает ссылаться на Коран: «Это я сказал между прочим, Об этом ничего нет в Коране». На это Насими отвечает двустушием, ставшим впоследствии пословицей:

Если отрубить хоть один палец заходу - он отвернется от бога.

Взираи на несчастного ашуга, с него кожу сдирают, а он не плачет... [213-214]

Согласно другой легенде, после очередного возгласа Насими – «Аналхаг» его спрашивают: «Какой ты бог, если бледнеешь, теряя кровь? «Поэт ответил: «О невежда, ты не можешь уразуметь, что я - солнце любви на небосклоне вечности. А перед закатом солнце всегда бледнеет!»

Похоронен Насими в Халебе в семейном пантеоне, который до настоящего времени считается святилищем. Паломникам посещающим это святое место присваивается почетное имя «Насими».

Поэзия поэта - философа быстро завоевывает популярность среди народов Средней Азии, Турции, Ирана, Армении. Его имя наравне с именем Халладж Мансура становится символом необыкновенного мужества и верности своим убеждениям. Его переводят на многие языки, ему подражают передовые поэты и мыслители этих стран. За публичное чтение стихов Насими и пропаганду его идей хуруфизма многие идут на мученическую смерть.

В начале своего творчества Насими, так же как его учитель и друг Наими, стоял на позициях суфизма и был последователем знаменитого суфийского шейха Шибли. В суфийский период творчества поэт подписывает свои стихи псевдонимами «Гусейни», «Сейид Гусейни», «Сейид». Ближе всего Насими учение известного иранского суфия и поэта X века Гусейна Халладжа Мансура, который впервые провозглашает лозунг: «Я есмь бог!». За такие еретические мысли Халладж Мансур подвергается постоянным преследованиям и не отказавшись от своих взглядов, кончает жизнь на виселице. Насими тоже готовый к такому подвигу, восхищается Мансуром и восхваляет его в своих стихах. Отношение это не меняется и после принятия Насими учения хуруфитов. В некоторой степени это можно сказать и о философии суфизма, которой он долгое время оказывается в какой-то мере верен. В связи с этим З. Кули-заде пишет: «В центре творчества Насими стоит бог - прекрасный возлюбленный, который возвеличивает человека, награждая его своим светом. Путем самоотречения и морального усовершенствования человек приближается к богу. Высшим блаженством для человека является встреча с возлюбленным, слияние с ним, растворение в нем. Поэт пишет, что вопреки словам тех, кто считает любовь грехом, он не оставит пути любви, ибо только этот путь ведет к истине - богу.» Далее читаем: «Однако постепенно хуруфизм сменяет в мировоззрении Насими суфизм. Прежде всего это сказывается в изменении пантеистических представлений поэта, в основе которых стоит не любовь и опьянение, а буква, разум. Отныне Насими в философии придерживается созданного Наими хуруфизма и проповедует его основные положения. Однако хуруфизм проповедуемый Насими, не есть простое повторение учения Наими.» [214-215]

Центральное место в творчестве Насими занимает мысль тождественности человека богу и божественности человека. Очень большую популярность приобретает великолепный стих, в котором эта мысль поэта выражается в поэтической форме:

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь.
Я суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.
Все то, что было, есть и будет, все воплощается во мне.
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объясненья не вмещусь.
Вселенная - мой предвозвестник, мое начало - жизнь твоя,
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки не вмещусь
Предположеньем и сомненьем до истины не дошел никто;
Кто истину узнал, тот знает - в предположенья не вмещусь.
Поглубже загляни в мой образ и постарайся смысл понять:
Являясь телом и душою, я в душу с телом не вмещусь.
Я - жемчуг, в раковине скрытый. Я - мост, ведущий в ад и в рай.
Так знайте, что с таким богатством я в лавки мира не вмещусь.

Закончить повествование о великом поэте, поэте - мученике хочется словами народного писателя Азербайджана Мирза Ибрагимова: «Как подлинно большой художник, Насими творчески освоив лучшие традиции не только родной литературы, но и литературы других народов Ближнего Востока, создал качественно новую поэзию. Его величие заключается в том, что он наполнил поэтическое слово социальным и философским содержанием и обогатил его новыми выразительными средствами. Его поэзия воспевала человека, звучала как гимн человеку. Всепокоряющей художественной силой большой

поэзии он возвышал человека, отстаивал его право на свободу и самосознание.» Поэт воспекает самое великое, что создала природа - человека и образ этого человека всегда ассоциирует у читателя с образом великого сына Азербайджана Насими:

Вхожу ли я в мечеть, иду ли мимо храма,
Направо я иду, налево или прямо,
Я думаю о том и убеждаюсь в том,
Что бог-любой из нас, из сыновей Адама!

3. Кули-заде. Хуруфизм и его представители в Азербайджане. «Элм». Баку - 1970; В книге Имадеддин Насими. Избранная лирика. Баку - 1973; Мирза Ибрагимов. Насими и [215-216] его время. Имадеддин Насими. Избранная лирика. В 2 томах. Баку - 1976; Имадэддин Нәсими. Сечилмиш әсәрләри. Баку - 1973. [216-217]

О, слушатель, что понял ты,
внимая этой музыке?
Объясни ее мугамы, укажи
ритмические круги.

НАСИМИ

АБДУЛГАДИР МАРАГИ

Музыка в жизни азербайджанского народа всегда занимала особое место во всех сферах жизни. Очевидно, поэтому, именно, в Азербайджане в средние века появляются два таких корифея теории и практики музыки всего Востока, как Сафиаддин Урмави и Абдулгадир Мараги.

Родился Абдулгадир ибн Гейби-Аль-Хафиз Аль-Мараги в одном из известных центров культуры и науки Азербайджана, в городе Марага в середине XIV века.

Как и многие азербайджанские ученые средневековья, Мараги был всесторонне образованным человеком. Он глубоко освоил теорию восточной музыки, был великолепным певцом, музыкантом, композитором, художником - каллиграфом и поэтом. Стихи Мараги писал на азербайджанском, фарсидском и арабском языках. Большая часть стихов, как писал сам Мараги, написаны размером, соответствующим мугамам Сегях, Ушшаг и Нава, распространенных в Азербайджане и среди тюрок Ирака.

Отец музыканта Мовлана Гейби был известным музыкантом. Абдулгадир в своей книге «Магасид ал-Алхан» писал по этому поводу: «Отец мой Гейби был очень искусен в различных науках, в особенности в музыке. Он очень много сделал для моего образования, особенно в музыке». [217-218] Знаменитыми музыковедами становятся и его сыновья и внуки. Книга по теории музыки «Нига ва Туладвар» младшего сына Абдулгадира Мараги Абдулазиза хранится сейчас в библиотеке «Нури османийя». Там же хранится книга по музыке его внука Мухаммеда «Магасудуладвар».

В четыре года Абдулгадир читает наизусть Коран, к десяти годам осваивает основы музыкального образования, изучает грамматику, риторику и стилистику и его часто приглашают с отцом на меджлисы ученых и шейхов, где он поет Коран и сложные музыкальные произведения. Он изучает произведения по теории музыки известных ученых Востока Фараби, Ибн-Сина, Сафиаддина Урмави, Гутбаддина Ширази, Абу Али и других. Среди музыкантов он приобретает известность тонкого знатока теории музыки. Вскоре слава об Абдулгадире выходит далеко за пределы города и его приглашают в Тебриз в султанский дворец на меджлисы, в которых участвовали известные певцы и поэты и сам султан Увейс Джелаир - неплохой поэт и музыкант. Султан Увейс издает специальный «Фирман» («Указ»), прославляющий молодого музыканта. В указе Абдулгадира называют «Уникумом эпохи, несравненным в музыкальном искусстве».

После смерти Султана Увейса Абдулгадир остается при дворе его сына - Султана Хусейна, который оказывает ему еще больше почести, чем отец.

В 1377 году Мараги пишет «Алхани Сигана» («Тридцать песен»). Написано это произведение было в связи со следующим эпизодом в его жизни. На одном из дворцовых меджлисов Султан Хусейн предлагает Мараги написать на каждый день месяца Рамазана по одному музыкальному произведению. Мараги соглашается. Тогда, присутствующий там, один из ведущих музыкантов Азербайджана того времени, будущий его тесть Ризваншах Тебризи побился с ним об заклад на 100000 золотых динаров, что Мараги не сможет выполнить это условие, если мугамы, ритм, строение и стихи будут устанавливаться ими каждый раз за день до написания музыки. Стихи на арабском и фарсидском языках писались виднейшими поэтами этого меджлиса, в том числе и самим Султаном Хусейном, который просил написать на его стихи музыку в ладе Хусейни. Несмотря на то, что Мараги был поставлен в очень жесткие рамки, он выполнил условие и в срок написал 30 песен.

Ризваншах, восхищенный талантом Мараги, посылает ему не только проигранные деньги, но и свою дочь для совершения бракосочетания.

Султану Гусейну Мараги посвящает музыкальное произведение «Ритм весны», написанное экспромтом во дворцовом саду Тебриза. [218-219]

Новый правитель Азербайджана Султан Ахмед ибн Увейс, пришедший к власти в 1380 году также отдает должное таланту ученого - музыканта. Мараги в его честь создает произведение «Довр шахи», состоящее из тридцати отдельных частей.

После прихода в Азербайджан Тимура многие деятели искусств вывозятся в Самарканд. В 1397 году, в их число попадает и Мараги, избежавший смертной казни, вынесенной ему Тимуром. В том же году в своем «Фирмане» Тимур уже называет опального ученого «падишахом всех знатоков музыки».

В 1399 году Абдулгадир возвращается в Тебриз ко двору сына Тимура Мираншаху. Счастье дышать родным воздухом Тебриза длится недолго. Через два года Тимур опять приговаривает его к смертной казни, на этот раз, как приближенного изменившего ему Мираншаху. Опять Абдулгадир удается избежать смерти. Если в первый раз его спасло обращение к Властителю Вселенной на тюркском языке, то теперь он смягчил гнев Тимура мастерским пением суры из Корана. Абдулгадир опять попадает в Самарканд ко двору Тимура.

В Самарканде Мараги пишет много новых музыкальных произведений и музыкальных трактатов. В трактате «Кандз ал-альхан» («Сокровищница мелодий») мелодии были записаны по системе Урмави буквенно-цифровым методом. Буквы означали высоту звуков, цифры - длительность, название лада и размера, определяли строй и ритм мелодии.

Английский музыковед Дж. Фермер, анализируя этот трактат, пишет, что некоторые мелодии, написанные Мараги до сих пор, бытуют у тюрков под названиями «Гияр» или «Кияр».

В 1405 году Мараги начинает, а в 1413 завершает теоретический труд «Джаме ал-альхан» («Совокупность мелодий»). Затем он пишет музыкальные трактаты «Магасид ал-Альхан» («Назначение мелодий»), «Лахийе» («Музыка»), «Шарх ал-адвар» («Комментарии к кругам») и «Фаванд-и ашара» («Десять польз»). Последние его труды отличаются повышенной сложностью и предназначаются, очевидно, для подготовленных музыкантов - профессионалов, теоретиков и исполнителей. Элла Зонис пишет, что в «Джаме ал-альхан» приводятся первые обширные нотные записи персидской музыки.

Большое место в работах Мараги уделяется теории мугама и другим музыкальным формам и жанрам профессиональной музыки устной традиции того времени. Насчет мугамов он пишет: «звуки мугама расположены по принципу улучшения, нежности звучания. Количество их восемь или десять». И, еще: «Тюрки предпочитают сочинять в мугамах Ушшаг, Нава, Бусалик, но и остальные мугамы входят [219-220] в их сочинения». Из этих высказываний видно, что под термином мугам он подразумевает один из основных ладов, составляющих основу различных музыкальных сочинений.

Большинство музыкальных трактатов Мараги завершает стихами, написанными на фарсидском и азербайджанском языках. В одном из стихотворений, написанном на азербайджанском языке, Мараги описывает такой эпизод из своей жизни. Как-то он тяжело заболевает и лучшие врачи, собравшиеся у его постели оказываются не в силах ему помочь. Тогда он берет в руки уд и под его аккомпанемент поет: «О, врачи не удивляйтесь, если Абдулгадир свое исцеление найдет в уде. Так как лучшим лекарством для себя он считает музыку.»

Большое внимание Мараги уделяет музыке тюркских народов и, в частности, ашугской музыке. В своих трудах он выделяет девять основных тюркских ладов и ладов, общих для всех народов Востока, особенно часто используемых в тюркской музыке (Ушшаг, Нава, Бусалик, Нехофт, Баяты-Новруз). Мараги пишет, что тюркскими ладами пользовались и монгольские музыканты.

Много интересных сведений Мараги приводит в своих произведениях о существующих тогда, а так же описанных в различных музыкальных трактатах, инструментах. Им описываются струнные инструменты кеманча, гиджак, най - танбур, рубаб, рудхании и др., духовые инструменты аг ней, тара ней, ней - балабан, зурна, бургу и др. Интересно, что один из описываемых инструментов назывался табризко - ширванским тамбуром. Это подтверждает имеющуюся уже тогда общность музыкальной культуры Тебриза и Шемахи и их самобытность, так как тут же он приводит описание другого инструмента, называемого им тюркской или монгольской тамбурой, который отличался от первого.

Мараги сыграл очень большую роль в развитии музыкальной науки в странах Ближнего и Среднего Востока. Труды двух азербайджанцев - титанов науки о музыке Сафиаддина Урмави и Абдулгадира Мараги легли в основу почти всех средневековых музыкальных трактатов средневековья (Ал-Лазина XV век, Абдурахман Джами XV век, Махмуд Челеби XVI век, Дервиш Али XVII век и др.).

Последние годы жизни Мараги провел в Герате. Умер он в 1436 году и похоронен в Герате.

Афрасийаб Бадалбейли. Музыкальный словарь. «Элм». Баку - 1969; Сурая Агаева. Абдулгадир Мараги. «Язычи». Баку - 1983; Ella Zonis. Classical Persian Music. 1973, Harvard University Press, Cambridge, Massachusete. [220-221]

САДАЛЛАХ АЛ-БАРДАИ

Известный языковед и поэт средневекового Востока Саадин Садаллах ал Бардаи родился в городе Барде, расположенном на территории современного Карабаха. Из этого города бывшего столицей Кавказской Албании, начиная с V века и затем не потерявшего своего значения, как культурного и торгового центра Азербайджана, вышло много известных на всем Ближнем Востоке ученых.

Биографические данные о Бардаи настолько скудны, что даже время его жизни до сих пор точно не определено. По сохранившимся наиболее древним рукописям, ученые, ориентировочно, время жизни ал-Бардаи относят к концу XIV и началу XV веков.

Известны два сочинения ал-Бардаи, это комментарии к трудам выдающихся языковеда Изяздина аз-Занджани «Ат-Тасриф» и. титана языковедения всех времен аз-Замахшари «Ал-Анмузадж фи-н-нахв» («Образцовая грамматика»). Комментарии Садаллаха ал-Бардаи на сочинение аз-Замахшари под названием «Хадаик адданаин фи шархи рисалат ал-ла-матал-ханаик» принесло славу ал-Бардаи. Сам Бардаи в начале своего комментария писал: «Увидев знаменитый трактат под названием «ал-Анмузадж» для прославления которого бессильно любое красноречие и подобно которому не было создано ни в одном краю земли... Я хотел поднять завесу и покрывало с лица его, обнажить душу и тайны, заключенные в нем, указать на драгоценности, спрятанные в его сокровищнице, объяснить тонкие намеки, вложенные в него, сделать доступным его великий подвиг...» [221-222]

В сочинение посвященном этому труду ал-Бардаи языковед Н. А. Агаева пишет: «Его комментарий занимает исключительное место среди себе подобных по своему теоретическому значению, принципам и целевым установкам, так как при комментировании он основывался на основных догмах таких наук, как логика, литературоведение, семантика, лексика.» Этим наверное и объясняется необыкновенно большая популярность комментариев ал-Бардаи на протяжении многих веков на Востоке.

Н. А. Агаева. Азербайджанские языковеды средневековья. Баку - 1990. [222-223]

РАМАЗАН ИБН ШЕЙХ АЛИ ЛЕНКОРАНИ

Известный ученый - врач Рамазан ибн Шейха Али Ленкорани, является автором медицинского трактата «Фаррух-намэ Джемали», содержащего оригинальные для того времени медицинские воззрения.

Биографических сведений о Ленкорани не сохранилось. Известно только, что Рамазан Ленкорани родился в Ленкоране в семье видного богослова. Анализ медицинского трактата «Фаррух-намэ Джемали» был сделан И. К. Эфендиевым. Труд этот был написан на арабском языке в 1409 г. Позже известный врач, тоже ленкоранец Мехуб Али ибн Ахмеди Ленгеркерани в 1594 г. перевел «Фаррух-наме Джемали» на фарсидский язык. Рукопись труда сохранил Али Наги - известный своей деятельностью переводчика. В «Фаррух-наме Джемали» описывается, главным образом, действие применяемых в медицинской практике, органических и неорганических веществ на организм и кратко излагаются рекомендации по диагностики. Как пишет Эфендиев: «в первой главе Рамазан Шейх Али Ленкорани проповедует органотерапию, излагая лечебное действие молока, мозгов, желудка, почек, печени и т. д., причем дифференцирует действие органов различных животных и птиц, считая, что их воздействие не одинаково; во второй главе - перечисляются лекарства, изготавливаемые из растений; нового в этом нет, за исключением того, что корням дикорастущих трав (в виде отвара) автор придает большее значение, чем самим растениям; в третьей главе приводятся итоги минеральных средств лечения, имеющих место в народной медицине. Пользуясь [223-224] этим, трудом как переводчик, и как комментатор, Мехуб Али ибн Ахмед Ленгеркерани впервые применил аурипигмент (зырных) в качестве средства для удаления нателных волос, именующийся позже в медицинской литературе «азербайджанской грязью» (ваджиби), а также реставрировал давно забытое средство, так называемое азербайджанское мыло - гиляби. Оба эти средства долгое время являлись предметами экспорта и приносили в торговле большую пользу. Надо, сказать, что аурипигмент был известен еще в период Атропатены и даже раньше, но употреблялся исключительно в кожевенной промышленности, а гиляби являлось естественным мылом и имело гигиеническое значение».

И. К. Эфендиев. «История медицины в Азербайджане с древнейших времен до наших дней. Баку - 1964. [224-225]

ШИРВАНШАХ ИБРАГИМ I ИБН СУЛТАН МУХАММЕД

Правление Ибрагима I ибн Султана Мухаммеда ибн Кейкубада приходится на трудный для Азербайджана период истории, связанный с походами на Ближний Восток и Кавказ шейха Тимура.

В одном из селений ширванского округа Шеки со своим отцом и родичами живет обедневший феодал - шейх Ибрагим. Он является дальним родственником ширваншаха (сыном дяди по отцу) и также, как ширваншахи считает себя потомком сасанидского царя Хосрова I Ануширвана, но из страха перед двором не очень рекламирует свое происхождение.

После смерти в 1382 году ширваншаха Хушенга ибн Кавуса феодалы Ширвана избирают ширваншахом Шейх-Ибрагима (род. 1352г.). Как пишут древние хроники, «захватив такие принадлежности царской власти, как государственных коней и свиту, они отправились к Ибрагиму и увидели, что он устал, пахавши, и заснул под деревом у вспаханной полосы. Они раскинули над ним шатер и стали поодаль, как царская свита, ожидая его пробуждения. Когда он проснулся, они приветствовали его и принесли ему клятву верности на царство. Они повезли его в город [Шемаху], посадили на трон [тахт], и он стал завоевывать страны и творить правосудие среди своих подданных, умиротворяя их сердца и проявляя щедрость.

Его положение упрочилось и он стал широко известен и знаменит». Шейх Ибрагим становится основателем династии Ширваншахов Дербенди. [225-226]

В те беспокойные годы Ширвану угрожали с Севера золотоордынский хан Тохтамыш, с Юга Султан Ахмад Джалаирид, с Востока Тимур. Походы враждующих между собой Тимура и Тохтамыша проходили через Ширван. Самостоятельность страны была постоянно под угрозой. Шейх Ибрагим, показав себя мудрым правителем и гибким дипломатом, смог, иногда в ущерб своему самолюбию, найти общий язык с Тимуром и сохранить трон и государственность Ширвана.

В 1386 году Тимур планирует поход на Север против Тохтамыша через Дербент. Путь его должен пройти через Ширван. Близкие люди советуют шейху Ибрагиму бежать в горы. Он же не только не бежит, а собрав большую свиту едет навстречу опасности в ставку Тимура в Карабах.

Шейх Ибрагим преподносит Тимуру дорогие подарки и всячески выражает ему покорность. У тюрков был обычай делать подарки по девять штук каждого вида. Шейх Ибрагим все дарит в установленном обычае порядке, а рабов преподносит только восемь, заявив: «девятый я сам». Это так понравилось Тимуру, что он объявляет его официально правителем Ширвана и Шемахи. Постепенно отношения повелителя и подчиненного между Ибрагимом I и шейхом Тимуром переходят в дружбу.

В 1385/6 г. девяносто тысячная армия Тохтамыша вторгается в Азербайджан и, дойдя до Тебриза, возвращается через Дербент к себе. Через год Тохтамыш снова нападает на Ширван. Однако на этот раз ширваншаху при поддержке Тимура удастся остановить его. Когда же в 1395 г. Тимур отправляется через Дербент в поход против Тохтамыша, на помощь ему приходит Шейх Ибрагим со своим войском. Союзники одерживают крупную победу над Тохтамышем. После этого, каждый раз, когда Тимур проходит через Ширван в Грузию или на Север через Дербент, Шейх Ибрагим сопровождает его в походах вместе с ширванскими войсками.

По приказу Тимура реставрируются и укрепляются дербентские стены. Тимур заинтересован в хороших отношениях с Ибрагимом I, так как последний помогает ему в охране северных границ от золотоордынцев. Очевидно, в связи с этим, Ибрагим I, фактически, не выплачивает Тимуру дани, а ограничивается организацией роскошных пиршеств во время передвижения Тимура через территорию Ширвана и преподношением ему драгоценностей, красивых рабынь и мальчиков, золотых панцирей и поясов, дорогих парчовых тканей, оружия и тысяч лошадей.

Благодаря мудрой политике Ибрагима I, даже в эти тяжелые годы Ширван по прежнему процветает. Ширваншах Ибрагим I принимает участие в походе 1399-1405 гг. шейха Тимура в Рум (Малая Азия) против османского султана [226-227] Баязида. Шейх Ибрагим сопровождает Тимура до того, как он не вступает в пределы Сирии, после чего возвращается в Ширван.

Тимур часто свою ставку располагает в Карабахе. Здесь он восстанавливает разрушенный монголами Бейлакан и проводит из Аракса оросительный канал.

В 1405 г. умирает Тимур. Шейх Ибрагим, воспользовавшись последующими за этим междоусобицами среди Тимуридов, пытается освободиться от их зависимости, расширить свои владения и объединить весь Азербайджан. Шейх Ибрагим переходит Куру и занимает Гянджу и большую часть

Карабаха. Ряд крупных феодалов присоединяется к его войску. В союз с ним вступает и грузинский царь. Отношения дружбы между Ибрагимом и внуком Тимура, сыном Миран-шаха Мирза Умаром сменяются враждой, однако до столкновения пока не доходит, хотя войска Ибрагима с союзниками и войска Мирза Умара готовы были сразиться у Барды.

Весной 1406 г. в Тебризе вспыхивает антитимуридское восстание. Во главе его стоит шейх Ахи Кассаб, который являлся городским тамгачи (главным сборщиком налога - тамги). Эмир Бестам Джагир, узнав о восстании, с войсками направляется в Тебриз. Туда же направляются войска шейха Ибрагима. Бестам входит в Тебриз в апреле 1406 г, не дождавшись Ибрагима. Их отношения из-за этого ухудшаются. При приближении шейха-Ибрагима к Тебризу Бестам оставляет город и удаляется в Ардебиль. Ширваншах, однако, долго в Тебризе не задерживается. Он возвращается в Ширван, когда к Тебризу подходят значительно превосходящие силы Джелаирида султана Ахмада и его приверженцев. Султан Ахмад входит в Тебриз в 1406 г., но и он здесь долго не остается и город переходит в руки другого сына Миран-шаха Абу-Бакра.

Через два года Кара Йусиф из племени Гарагоюнлу в жестокой битве разбивает Миран-шаха. Миран-шах гибнет в битве, а Кара Йусиф входит в Тебриз и приглашает туда султана Ахмада. Когда же Кара Йусиф уходит из города в очередной военный поход, Султан Ахмад, призвав на помощь шейха Ибрагима, нападает в Тебризе на гарнизон Кара Йусифа с намерением избавиться от его опеки. Однако Кара Йусиф, узнав о событиях в Тебризе, успевает прибыть туда раньше сына ширваншаха Кайумарса и 30 августа 1410 г. в предместье города разбивает войска Ахмада. Сам Ахмад гибнет, государство Джелаиридов перестает существовать, а на его месте образуется государство Гарагоюнлу, которое возглавляет Кара Йусиф. Столицей государства он делает Тебриз.

Кайумарс, сын Ибрагима, со своим войском подходит к Тебризу в день поражения султана Ахмада. Ночью он подвергается неожиданному нападению со стороны войск Кара [227-228] Йусифа и попадает в плен. Кара Йусиф отпускает Кайумарса без выкупа и каких-либо условий, вручив ему письмо к ширваншаху с требованием подчиниться. Ширваншах, не ожидавший таких милостей от жестокого Кара Йусифа, заподозрил сына в измене и казнит его. В ответ на это Кара Йусиф выступает из Тебриза в Карабах. Отсюда он отправляет посла к Шейх-Ибрагиму с повторным предложением подчиниться. Ибрагим готов сразиться ради сохранения с таким трудом завоеванной независимости. Он собирает в Ширване большую армию, опять в союзе с владельцем Шеки Сейид Ахмадом и царем Грузии Константином II и выступает против Кара Йусифа. Битва происходит на берегах Куры в 1412 г. Длится она несколько дней и, несмотря на героическую борьбу войск ширваншаха и его союзников, победа достается значительно превосходящим по численности войскам Кара Юсуфа. Ибрагим I, царь Грузии Константин, сыновья Шейх-Ибрагима Газанфар, Асадуллах, Халилуллах, Минучихр, Абдаррахман, Насратуллах и Хашим, брат Ибрагима Шейх-Бахлул, многие знатные люди Ширвана, а также врач, астроном, «джарчи» и другие придворные попадают в плен. Кара Йусиф отпускает рядовых ширванских воинов без выкупа, а пленных грузин приказывает казнить. Самолюбивого царя Константина Кара Йусиф и сын его Пирбудаг убивают своими руками. Ибрагима с сыновьями и свитой заключают в тебризскую тюрьму. Кара Йусиф потребовал огромный выкуп в 1200 иракских туманов за шейха Ибрагима и несколько меньшие суммы за членов его свиты. Такие деньги можно выплатить только, опустошив казну ширваншахов. Дело, однако, до этого не доходит. Тебризские купеческие и ремесленные старшины во главе с уже упоминавшимся, шейхом Ахи Кассабом предлагают внести выкуп за ширваншаха, если Кара Йусиф согласится взамен денег принять товары. Кара Йусиф принимает это предложение и, освободив Ибрагима сажает его во время пира рядом с собой. Ширваншах признает себя вассалом Кара Йусифа и продолжает править Ширваном. Все пленники весной 1413 года возвращаются в Ширван, а войска Кара Йусифа его покидают.

Умирает ширваншах Ибрагим в 1417 году в преклонном возрасте. Благодаря дипломатическим способностям и военному таланту, шейху Ибрагиму на протяжении тридцати пяти лет царствования удается не только сохранить независимость Ширвана и укрепить его авторитет, но и значительно расширить территорию страны.

Сара Ашурбейли. Государство Ширваншахов. «Элм». Баку - 1983; Сара Ашурбейли. История города Баку период средневековья. Баку - 1992. [228-229]

ШИРВАНШАХ ХАЛИЛУЛЛАХ I

Государство Ширваншахов, включавшее в себя почти всю территорию Республики Азербайджан, с конца XIV в., благодаря мудрой политике ширваншаха Ибрагима I, превращается в сильное независимое государство. После смерти шейха Ибрагима в 1417 году, Ширваном начинает править, его старший сын и наследник ширваншах Халилуллах I.

В это время в Азербайджане идет ожесточенная борьба за власть между потомками великого шейха Тимура и падишахами государства Гарагоюнлу. Появляются новые соперники в лице правителей племени Аггоюнлу и потомков известного ардебильского шейха Сефи.

В первые годы своего правления Халилуллах, как и его отец, в своей внешней политике делает ставку на Тимуридов и отказывается признать свою зависимость от падишахов Гарагоюнлу. Выбор оказывается удачным. В 1420 г. во время войны с Шахрухом, сыном Тимура, неожиданно умирает глава государства Гарагоюнлу Кара Йусиф. В панике его войско разбегается, сын Кара Йусифа Джаханшах (известный нам еще, как поэт Хагиги), тут же подчиняется Шахруху и передает ему город Султанийе. Шахрух входит в Тебриз, а оттуда направляется на зимовку в Карабах. Туда с официальным визитом к нему прибывает Халилуллах со своим братом Манучехром. Правитель Средней Азии, Ирана и большей части Азербайджана благосклонно принимает молодого ширваншаха, дарит ему ценные подарки, а брата его эмира Манучехра, отличавшегося храбростью и мужеством, [229-230] принимает к себе на службу. В ставке Шахруха в это время находится вдова Кара Йусифа дочь Мирза Абу-Бакра, сына Миран-шаха и внука Тимура. В свое время, в битве, в которой гибнет ее дед Миран-шах она попадает в плен к Кара Йусифу и тот на ней женится. Теперь для закрепления союза Шахрух предлагает ее в жены ширваншаху. Из Ширвана прибывает мать ширваншаха с ценными подарками, и свадьба с большой торжественностью празднуется в местечке Каракепек 3 апреля 1421 года.

Сын Кара Йусифа Гарагоюнлу Искендер, успевший укрепить и собрать войско, естественно, недоволен этим союзом и при каждом удобном случае нападает на Ширван. Несколько раз Ширван и Шемаха оказываются им разоренными. В свою очередь ширваншах всячески поддерживает Шахруха в его борьбе с Искендером, участвует в его походах. Так, Халилуллах в 1429 году участвует в битве под Салмасом в Азербайджане, где Искендер терпит поражение. После этого, власть в государстве Гарагоюнлу Шахрух передает его брату Абу-Саиду, признавшему себя вассалом Тимуридов. Вскоре, однако, Искендер убивает Абу-Саида и вновь выходит из под вассальной зависимости Шахруху. В 1432 году сын Искендера Йар Али, поссорившись с отцом, бежит с 2 тысячами всадников в Ширван к Халилуллаху. Тот отказывается вернуть сына Искендеру и отправляет его с войском на кораблях к Шахруху. В ответ Искендер двигается походом в Ширван, разбивает войска Халилуллаха и опустошает страну. Халилуллах призывает на помощь Шахруха. Как пишет Сара-ханум Ашурбейли: «В это время Халилуллах отправился морским путем в Рей к Шахруху вместе с казы и богословами и сообщил ему о злодеяниях Искендера в Ширване. Шахрух на собрании факихов - мусульманских законовевдов осудил действия Искендера и они признали его заслуживающим смерти.»

Шахрух вместе с войсками ширваншаха двигается на Азербайджан. Искендер терпит полное поражение, бежит в крепость Алинджа близ Нахчивана, где в 1436/7 г. гибнет от руки сына. Шахрух входит в Тебриз, а затем отправляется на зимовку в Карабах.

В Азербайджане продолжает править Джаханшах Гарагоюнлу, в Ширване на некоторое время воцаряется мир. В это время усиливается противостояние Джахан-шаха Гарагоюнлу и Узун-Гасана Аггоюнлу. Растет активность владетелей Ардебилья. Джахан-шах боясь растущей популярности шейха Джунейда Сефеви, деда шаха Исмаила, выселяет его в Диарбекир. Через четыре года, вернувшись в Ардебиль, шейх Джунейд при поддержке Узун Гасана Аггоюнлу (шейх Джунейд был женат на сестре Узун Гасана Хадидже) идет походом на Ширван. Планы покорения Ширвана шейх скрывает под предлогом религиозной войны с черкесами. Ширваншах Халилуллах, разгадав намерения шейха Джунейда, [230-231] при поддержке Джахан-шаха Гарагоюнлу выступает ему на встречу. Битва происходит в 1460 г. на левом берегу реки Самур у сел. Кыпчак. Армия шейха Джунейда оказывается разбитой, а он сам убит. По одной версии Джунейд был взят в плен и казнен, по другой - погиб на поле боя, сраженный стрелой. По сведениям летописцев тело его было перенесено на правый берег Самура и захоронено в сел. Гюлхан (ныне Хазра в Кубинском районе). Мавзолей, построенный над его могилой сохраняется до наших дней, хотя останки шейха перевозятся шахом Исмаилом в Ардебиль.

Умирает Халилудлах после почти пятидесятилетнего правления в 1465 году в Баку и похоронен в специально выстроенном мавзолее на территории дворцового ансамбля Ширваншахов.

При ширваншахе Халилудлахе, избравшим своей резиденцией Баку, город разрастается и крепнет экономически. При нем строятся основные здания дворцового ансамбля ширваншахов. При дворе ширваншаха служат ученые, поэты, музыканты и философы. Среди них следует особо отметить известного на всем Востоке ученого и философа - суфия Сайида Йахья ибн ас Сайида ал-Бакуви.

Сара Ашурбейли. Государство Ширваншахов. «Элм». Баку - 1983; Сара Ашурбейли. История города Баку период средневековья. Баку - 1992. [231-232]

ХОДЖА АЛИ ТЕБРИЗИ

Ходжа Али Тебризи ал-Шатранджи был выдающимся шахматистом конца XIV и начала XV веков. Родился он в городе Тебризе. Время рождения и смерти его неизвестны.

Как указывают исторические хроники и археологические находки, шахматы были известны в Азербайджане еще с древних времен, а согласно сообщению историка XII века Равандина, в VI-VII веках они там были уже широко распространены.

После принятия ислама и вхождения Азербайджана в состав Арабского Халифата здесь бурно растут города Гянджа, Нахчиван, Шемаха, Ардебиль и Тебриз. В этих городах развивается наука, искусство и ремесло. Большую популярность приобретают шашки, шахматы и нарды. Появляются шахматисты – «профессионалы», в современном понимании этого слова. Первым таким шахматистом, известным из литературных источников, в Азербайджане, был широко популярный в XII веке на Ближнем и Среднем Востоке шахматист - Джалаладдин Нахчивани. Увлекались шахматами и владели искусством игры в шахматы выдающиеся поэты Азербайджана Мехсети Гянджеви, Хагани, Низами, Физули, Насими и многие другие. Из их произведений видно, что в XI-XIV веках в шахматы играли все: дети и взрослые, бедные и богатые, женщины и мужчины.

В средневековых биографических хрониках (тазкире) часто, отмечая мастерство в поэзии, каллиграфии или, скажем в живописи, какой-либо выдающейся личности, одновременно указывалось на умение его играть в шахматы. В тазкире выдающегося азербайджанского миниатюриста и [232-233] поэта Садиг-бека Афшара «Меджме-ул-хавас» указывается, что учитель его - талантливый художник Музаффар Али - прекрасно играл в большие и малые шахматы, обыкновенно и вслепую. В книге «Видные люди Азербайджана» известного иранского ученого Мухаммадали Тарбийата приводится несколько таких фактов, взятых из средневековых хроник. В жизнеописании поэта XVI века Абди Ширвани говорится, что он был выдающимся мастером слова, но в шахматах чаще терпел поражения, тогда как в биографии его ровесника, видного ученого и поэта Челебибея, особо подчеркивается, что при всех его выдающихся способностях он еще выделялся хорошей игрой в шахматы.

Наиболее полные сведения о Хаджи Али Тебризи приводятся известным историком XVI века Хандемиром в труде «Хабиб-ус-сийар». По словам Хандемира, он был лучшим шахматистом огромной империи Тимура и его знали все, как крупного мастера шахмат, побеждающего всех с кем он встречался, вне зависимости от того, играл он за доской или вслепую. Причем, вслепую он успешно играл одновременно на четырех досках. (Есть предположение, что практика игры вслепую в шахматы и в нарды появилась при длительных караванных переездах на верблюдах.)

Хаджи Али обладал феноменальной памятью. Он знал наизусть весь Коран и ряд больших поэтических произведений. Попав в Самарканд к Тимуру во дворец, Хаджи Али принимает псевдоним «Ал-Шатранджи» и под этим именем входит в историю шахмат. Кстати, великий полководец и государственный деятель Тимур и сам очень много сделал для развития шахмат.

Крупный историк шахмат Г. Моррей в своей книге «История шахмат», вышедшей в 1913 году пишет: «В то время партнером Тимура был известный иранский шахматист и составитель шахматных задач Али Шатранджи. Али Шатранджи помогал Тимуру составлять шахматные задачи. Другим партнером Тимура был Алладин Тебризи, мастер игры в блиц. «Источники сообщают, что Али Тебризи во дворце всегда побеждал своего очень сильного соперника, известного арабского географа и историка Шахабаддина ал-Хвафия. Как пишет Хандемир, Али Тебризи во дворце организовал и возглавил группу любителей шахмат «Шахматбаз дастаси». В нее входили известные тогда шахматисты Ходжа Абдулвахаб Тебризи, Ходжа Юсиф Наджар и мастер Шамсаддин Казаруни. Это был, очевидно, один из первых шахматных клубов, зафиксированных в истории шахмат.

Сведения о жизни и творчестве выдающегося азербайджанского - шахматиста Хаджи Али Тебризи Ал-Шатранджи собрал и опубликовал азербайджанский ученый Шахрийар Гулиев. Им же впервые сообщается о написании Хаджи Али трактата о шахматах. [233-234]

МУЗАФФАРАДДИН ДЖАХАНШАХ (ХАГИГИ)

Выдающийся государственный деятель, поэт и видный представитель философии хуруфизма Музаффараддин Джаханшах (Хагиги) родился в небольшой деревне расположенной недалеко от города Хоя в 1397 году. Джаханшах был третьим сыном основателя азербайджанского государства Гарагоюнлу Кара Йусифа.

Кара Йусифу в борьбе с Тимуридами и Джелаиридами удалось создать мощное государство включающее в себя кроме Азербайджана - Армению, Восточную Грузию, Ирак Арабский и Ирак Персидский и другие мелкие владения. В военных походах Кара Йусифа и в управлении огромным государством с ранних лет самое активное участие принимает и Джаханшах. Несмотря на это он успевает получить хорошее образование и считается одним самых просвещенных правителей своего времени.

После смерти Кара Йусифа в 1420 году в государстве начинаются междоусобицы и оно стоит на грани развала. Пользуясь этим сыновья Тимура Шахрух и Байсонкур, неоднократно вторгаются в Азербайджан.

Когда один из сыновей Гара Йусифа-Искендер, захватывает власть в Азербайджане и нападает на Ширван на помощь ширваншаху Халилуллаху I приходит Шахрух. Джаханшах тоже выступает против брата и Искендер не выдержав натиска объединенных войск бежит из Ширвана. Шахрух после поражения Искендера в 1435 году передает Азербайджан во владение Джаханшаху. [234-235] Искендер еще пытается восстановить свою власть в Азербайджане и хочет захватить Тебриз, но объединенные силы Джаханшаха и эмиров Ширвана разбивают его войско, бежит в крепость Алинджа около Нахчивани, где гибнет от рук изменивших ему близких людей. Джаханшах с этого момента, фактически становится независимым правителем Азербайджана.

В 1440/41 году он совершает удачный поход в Грузию, а через несколько лет вступает в Ирак Арабский и берет Багдад. Правителем Ирака он назначает своего малолетнего сына Мухаммеда-мирзу. Город Мосул передает сыновьям брата Искендера - Альвенду, Рустаму, Тархану и Махмуду.

Проводя политику дружбы с Тимуридом Шахрухом и с соседним османским султаном Мурадом I (1360-1389), в отличие от своего брата Искендера, который постоянно с ними враждовал, Джаханшаху удается не только восстановить государство Гарагоюнлу в прежних границах, но и расширить его за счет соседних земель. Между Джаханшахом и Шахрухом устанавливаются дружеские и даже родственные отношения - жена Шахруха Гоушад бегим усыновляет Джахан-шаха. Несмотря на это государство Гарагоюнлу остается в какой-то степени зависимым от Тимуридского султана.

Полную независимость государство Гарагоюнлу, управляемое Джаханшахом получает в 1447 году после смерти Шахруха в Хорасане. Воспользовавшись безвластием Джаханшах присоединяет к владениям Гарагоюнлу Султанию, Казвин, Хамадан и в том же году опять совершает поход в Грузию. В это время правитель Мосула Альвенд Мирза, сын Искендера поднимает восстание против Джаханшаха и захватив окрестные территории объявляет о своей самостоятельности. Джаханшах получив это известие тут же возвращается в Тебриз и направляет войска против Альвенд Мирзы. Альвенд терпит поражение и бежит к правителю Аггоюнлу Джахангиру. Это вынуждает Джаханшаха двинуть войско против Джахангира. Войска Джахангира оказываются разбитыми и часть территории его владений переходит к Джаханшаху.

У Джаханшаха было пятеро сыновей: Пирбудаг, Гасанали, Гасымбек, Мирза Мухаммед и Мирза Юсиф. Они всячески помогают отцу в борьбе за власть, но в то же время неоднократно делают попытки отделиться от него и получить независимость. В 1452 году Джаханшах покоряет Иран Персидский и часть области Фарс. Правителем Исфагана он назначает своего сына Пирбудага. Тот отправляется в поход в Фарс и захватывает Шираз и Кирман. Джаханшах в конце 1453 назначает Пирбудага правителем Фарса и возвращается в Тебриз. В 1457 году Джаханшах двигает войска на Хорасан. На следующий год он захватывает столицу Тимуридского государства Герат и размещается в знаменитом дворце Шахруха. [235-236]

В это время его сын Гасанали объявляет себя султаном и захватывает Тебриз. Вернувшись в Азербайджан Джахан-шах жестоко расправляется с восставшими. Только заступничество матери спасает Гасанали от смерти. Высланный Джаханшахом из страны Гасанали направляется в ставку, враждующего с отцом, Узун Гасана Аггоюнлу, а оттуда в Шираз к своему брату Пирбудагу. Братья

объявляют о своем неподчинении Джаханшаху. Узнав об этом Джаханшах в 1462/63 году осаждает и берет Шираз. Вмешательство матери опять спасает братьев. После этого Джаханшах управление государством распределяет между сыновьями. Багдад он поручает Пирбудагу, Фарс-Мирза Йусифу, Кирман-Гасымбеку.

Пирбудаг опять восстает против отца и объявляет себя султаном. Джаханшах в 1466 году осаждает Багдад - столицу вновь созданного Пирбудагом султаната и на этот раз казнит сына.

В те же годы образуется, крепнущее с каждым днем, государство Аггоюнлу, возглавляемое выдающимся полководцем и политическим деятелем Узун Гасаном Аггоюнлу. Он регулярно совершает набеги на земли, находящиеся в вассальной зависимости от Джаханшаха. Так в 1458 году он совершает набег на Грузию. Растет активность и владетелей Ардебилля. Джаханшах боясь растущей популярности ардебильского шейха Джунейда Сефеви, деда шаха-Исмаила выселяет его из Ардебилля в Диарбекир. Через четыре года шейх возвращается в Ардебиль и вскоре гибнет в бою с Ширваншахом Халилуллахом. Тем временем Узун Гасан совершает еще одно нападение на Грузию и захватывает Арзрум. Джаханшах видя нарастающую агрессивность Узун Гасана и подстрекаемый османским султаном принимает решительные меры. Он собирает войска и двигает их из Тебриза в сторону столицы государства Аггоюнлу - Диарбекира. Однако по совету его приближенных он откладывает битву, а войска отправляет на зимовку. Воспользовавшись этим Узун Гасан весной 1467 нападает на Джаханшаха и на юге Армении на равнине Муш разбивает его наголову. Через некоторое время Узун Гасан нападает на ничего не ожидающего Джаханшаха, который с несколькими приближенными пировал в местечке (Санджар) Чубугджур и он гибнет от рук воина по имени Искендер.

Это произошло 4 октября 1467 году. Тело Джаханшаха привозят в Тебриз и хоронят в им же построенной знаменитой «Голубой мечети». На смерть Джаханшаха несколько поэтов пишут элегии. Так закончилось свое 58-ми летие существование государство Гарагоюнлу и так неожиданно закончился жизненный путь одной из выдающихся личностей в истории Азербайджана. Человека который воплощал в себе лучшие качества государственного деятеля, дипломата, полководца и поэта. [236-237]

Джаханшах много сделал для развития торговли, ремесла, науки, культуры и искусства. За время его правления расцвели такие города как Нахчивань, Гянджа и особенно Тебриз. По его приказу в 1456 году в Тебризе строят одно из самых выдающихся архитектурных сооружений Азербайджана «Гей Месджиди» («Голубая мечеть»), строятся общественные сооружения и жилые дома.

Огромное здание «Голубой мечети» выполненное мрамором украшено необычно красивыми и яркими по цвету изразцами, до сих пор не имеет аналогов в азербайджанской архитектуре. Велика заслуга Джаханшаха в развитии азербайджанской поэзии. На последнем нужно остановиться особо.

Джаханшах вошел в историю азербайджанской литературы под именем «Хагиги», как один из первых поэтов писавших на родном азербайджанском языке. Получив прекрасное образование Хагиги пишет на азербайджанском и фарсидском языках газели, месневи и рубай. Он глубоко знаком с поэзией Востока и считает себя последователем Насими. Хагиги дружит с великим фарсидским поэтом Абдурахманом Джамии, который очень высоко оценивает художественные и духовные достоинства «Дивана» Хагиги. Этот «Диван», в одном из своих стихов, он называет «сокровищницей».

История рукописи «Дивана» не менее увлекательна, чем жизнь его автора. Долгое время ученые ничего о ней не знали и считали ее утерянной и только 1961 году тайны рукописи раскрылись. «Диван» Хагиги долгое время хранится в библиотеке турецких султанов в Стамбуле. Однако во время султана Абдул Гаида рукопись из библиотеки исчезает. Через некоторое время, она попадает в Египет - в библиотеку Александрии. Затем исчезает и оттуда, проблуждав по свету попадает в Лондон. Здесь с ней знакомится видный ученый востоковед Минорский. Однако и здесь рукописи не суждено было задержаться. Отсюда она попадает в Нью-Йорк в коллекцию некоего Арутюна Газаряна, который вместе с другими, многочисленными рукописями из своей коллекции передает ее по завещанию в дар Ереванскому Университету. Обнаружил и опубликовал «Диван» Лятиф Гусейнзаде.

Хагиги был хорошо знаком с философией Востока. Не смотря на то, что Хагиги был шахом он принимает проповедуемый Насими и Наими хуруфизм и сам становится его активным пропагандистом:

Единение с ним я знаю как единение с фазлом,
Мне бедному необходимо такое желание единения. [237-238]

Как пишет исследователь Хуруфизма в Азербайджане Зюмруд Кули-заде, «Поэзия Хагиги по форме своей сугубо хуруфистская. Он неоднократно пишет о воплощении букв во всех творениях и прежде всего в человеке, его лице. Человек и лик его олицетворяющим Коран и аяты Корана.

Аят саб-уль масани в чертах твоего лица.
Буквы ловхи - махфуза в счастье встречи с тобой»

(«Книга судеб»)

Несмотря на явно хуруфитский характер творчества Джаханшаха он казнит 500 хуруфитов в Тебризе во главе с дочерью Наими. Отсюда можно сделать вывод, что в хуруфизме Хагиги привлекала либо удобная для него форма, либо антитимуридская направленность политики некоторых последователей хуруфизма.

3. Кули-заде. Хуруфизм и его представители в Азербайджане. «Элм». Баку - 1970; Чаһаншаһ Нәғиги. Сечилмиш әсәрләри. «Язычы». Баку - 1986. [238-239]

АБД аль-АЗИЗ ТЕБРИЗИ

В 1931 году в Лондоне, в залах Академии художеств Берлингтонского дворца, проходит Второй Международный Конгресс по Иранскому искусству. Конгресс постановляет, что следующее его заседание должно состояться в Ленинграде, на базе Эрмитажа. В сентябре 1935 года, в очень тяжелое для этого прекрасного города время, Конгресс открывается. Как писал академик Иосиф Орбели, директор Эрмитажа, сделано было все, чтобы оправдать «доверие партии, которая направляет всю жизнь Советского Союза». Были выпущены памятные медаль, значок, марки, а затем и труды Конгресса. Заодно, как это было принято в то время, «под постановление», были затребованы священные для всех мусульман культовые предметы, находящиеся в мечети - мавзолее крупнейшего тюркского суфия Ахмада ал-Йасави (умер 1166 г.), с обещанием вернуть их после завершения Конгресса. К большому сожалению, высокообразованные советские ученые не сдержали слова и предметы оставались в Эрмитаже до наших дней. Только после распада СССР республики Средней Азии и Казахстан смогли получить реликвии обратно. Привезенный на Конгресс из города Туркестана (Йасса) ритуальный котел для воды стал основным украшением выставки, открытой в Эрмитаже.

Надпись на котле гласила, что изготовлен он был в 1399 г. по повелению Тимура устатом Абу аль-Азизом Тебризи сыном устада Шараф ад-Дина. Азербайджанские поэты, художники - миниатюристы, музыканты и архитекторы были всегда популярны в Средней Азии. Так в одной из средневековых рукописей от имени Тимура пишется: «Тотчас [239-240] я приказал привести инженеров и архитекторов, которые собрались в Самарканде из областей арабского и персидского Ираков, Фарса, Азербайджана, Диарбекира и Хорасана и повелел, чтобы они на бумаге нарисовали планы».

В знаменитом Шах-и-Зинде-группе мавзолеев, мавзолее жены Тимура Туркан-ака-Мафра был создан азербайджанским архитектором Зайи-ад-дином Тебризи. Таких примеров можно привести очень много.

Котел примечателен как с точки зрения очень высокого художественного оформления, так и по уникальности технических приемов тонкого литья. Профессор М. Х. Гейдаров пишет, что подобные крупные котлы в Азербайджане были распространены довольно широко. Большой котел XII-XIV веков, с четырьмя ручками был найден к северу от Баку в районе села Алтыгагач. Подобный котел, относящийся приблизительно к тому же времени находят около Шемахи. Форму для отливки ручек и уже отлитые ручки таких котлов находят при раскопках в Орен-кала.

Вот что пишет известный специалист в области искусства Востока и Азербайджана Б. В. Веймарн: «Непревзойденным шедевром остается огромный котел мавзолея - мечети Ходжа Ахмеда Йасави, в практике художественного литья эпохи средневековья не встречающий близких аналогий. Двухтонного веса бронзовый сосуд, вмещающий более трех тысяч литров воды... Котел заслуженно считается чудом литья XIV века. Создание его было сопряжено с решением многих по тому времени чрезвычайно сложных технических задач. Гигантская чаша сфероконического ибриса (диаметр 242. 4 см) плавно переходит в стройную опору, основание которой стоит на массивной плите (общая высота 158, 3 см). В убранстве котла привлекает продуманность масштаба и тщательность прорисовки его элементов. Верхняя часть корпуса украшена лентами орнаментализованных надписей, служащих как бы фоном для десяти больших декоративных ручек, чередующихся с крупными выпуклыми медальонами. Под бортовым венчиком проходит сплошная полоса начертанной эффектным насхом надписи, содержащей повеление Тимура об изготовлении котла в 801 г. х. Затем идет коранический стих, повествующий о богоугодности обеспечения водой паломников. Пространство между ручками и медальонами заполнено повторяющейся благожелательной надписью и «подписью» автора - устада Абд аль-Азиза сына мастера - устада Шараф ад-Дина ат-Тебризи. Последняя декоративная полоса состоит из многократно повторяющейся куфической надписи с традиционной формулой - «Власть принадлежит аллаху». Гладь основания сосуда оттенена характерными орнаментированными трилистниками - «модехиль», и расположенными в шахматном порядке рельефно выполненными медальонами. Котел и поныне поражает грандиозностью размеров, монументальностью замысла и художественностью [240-241] его осуществления. Совершенство форм, изысканность пропорционального строя и изящество орнаментации говорят о яркости дарования и высоком профессиональном мастерстве художника».

Хотя мы ничего не знаем о жизни Абд аль-Азиза Тебризи, (известно только, что отца мастера звали Шараф ад-Дином ат-Тебризи и, что он тоже был мастером - художником) имя его должно быть

доведено до каждого школьника, а достойным памятником ему была бы копия котла, изготовленная для одного из бакинских музеев.

Расим Эфендиев. Народное искусство Азербайджана. «Ишыг». Баку - 1984; А. С. Бретаницкий, Б. В. Веймарн. Искусство Азербайджана. «Искусство». Москва - 1976; III Международный конгресс по Иранскому искусству и археологии. Доклады. М.-Л. - 1939; М. Х. Гейдаров. Города и городское ремесло Азербайджана XIII-XVII вв. «Элм». Баку - 1982. [241-242]

ДЖАФАР ТЕБРИЗИ КАЛЛИГРАФ

В средневековом Азербайджане, все образованные люди, как правило, будь то правитель страны, астролог, врач или философ считали, что одним из проявлений образованности является умение писать стихи и владеть искусством каллиграфии. Поэтому в то время прославиться поэтам и каллиграфам было очень трудно, особенно каллиграфам (хаттатам), так как в стране было большое количество библиотек и мастерских, где профессионалы высокого класса - хаттаты переписывали книги и составляли надписи для надгробий, культовых и гражданских сооружений. Каллиграфы, профессионалы и любители пользовались особым почетом и уважением еще и потому, что Коран был написан арабским письмом, которому приписывалось божественное происхождение.

Было известно много художественных почерков, но наиболее распространенным с XIV века становится почерк насталиг. Плеяда каллиграфов пишущих почерком «насталиг» начинается с Хаджи Мир-Али ибн Ильяса ат-Тебризи (1330-1405), знаменитого изобретателя этого почерка.

Джафар Тебризи - один из лучших азербайджанских каллиграфов XV века относится к этой школе. Владению почерком насталиг он обучался у видного азербайджанского каллиграфа Мир Абдуллаха Тебризи по прозвищу «Шекерин калем» («Сладостное перо»), получившего широкую известность так же в Хорасани и Туркестане. Время жизни Джафара приходится на тот отрезок истории, когда Передняя Азия была завоевана Тимуром. [242-243] В Тебризе Джафар Тебризи работает при дворе правителя Азербайджана Миран шаха, сына Тимура. Однако, вскоре он вместе с группой художников, каллиграфов и мастеров переезжает в Герат на службу к другому сыну Тимура Шахруху. Там он находится все время при его сыне - принце Байсонкуре, который будучи большим любителем искусства берет Джафара Тебризи под свое покровительство. В связи с этим Джафару присваивается имя «Байсонкури». Как видно из средневековых источников при дворе Байсонкур мирзы он возглавляет библиотеку - мастерскую, в которой над созданием рукописей работает сорок каллиграфов. Кроме того там работают миниатюристы, позолотчики, мастера по отделке и украшению кожи, реставраторы и переплетчики. Среди них много тебризцев Аини Тебризи, Ибрагим Шаффар Тебризи, Ибрагим Тебризи, Ходжа Али Мусаввир и др. Джафар Тебризи оказывается способным педагогом и организатором. Он много делает для развития этой библиотеки. Им регулярно представляются отчеты Байсонкур мирзе о работе библиотеки. Один из таких отчетов (июнь 1427 года) хранится сейчас в музее дворца Топкапы в Стамбуле. В нем, кроме описания деятельности библиотеки, приводятся сведения о 18 миниатюристах, каллиграфах, переплетчиках, позолотчиках и переводчиках и др. Интересно отметить, что в 1484 году эту библиотеку возглавляет величайший живописец Востока Бехзад, который после взятия Герата шахом Исмаилом перебирается вместе с рядом художников и каллиграфов в Тебриз и возглавляет уже библиотеку шаха Исмаила. Такой обмен талантами между двумя знаменитыми библиотеками Тебриза и Герата способствует сближению тебризской и гератской школ книжного искусства и их дальнейшему росту.

После смерти Байсонкура Джафар работает при его брате Ала ед-Довле. Как пишет исследователь его творчества А. Казиев: «Он много сделал для совершенствования нового тогда почерка насталиг. Один из учеников Джафара, Азхар Тебризи, называл его вторым изобретателем этого почерка («Мухтаре ус-сани»), так как в этом стиле он превзошел своего учителя». Джафар Тебризи, кроме насталига прекрасно писал общеупотребительными тогда всеми почерками классической шестерки и талигом. Письму почерком сульс он обучался у Шамс ад-Дина Машригидана, а так же у сына и ученика последнего Абу ур-Рахима Халвати.

Анализируя датировку работ художника, исследователи его творчества приходят к выводу, что период самой активной деятельности Джафара попадает на 1413-1452 годы. Специалисты считают, что насталигом он писал хуже, чем классическим почерками хотя и прославился как мастер этого почерка. Почерком, насталиг, в то время, писали крупно и мелко. Крупно писали на так называемых [243-244] кита. Кита, представлял собой наклеенный на картон лист бумаги на котором приводился стихотворный текст светского содержания, обрамленный орнаментом. Мелким и средним насталиг писали рукописи поэтических сочинений мелкое письмо почерком насталиг достигло совершенства в Герате во второй половине XV века. Гератские мастера смогли создать особый стиль мелкого насталиг, который получил название герати. Родоначальником герати считается Джафар Тебризи. Среди учеников Джафара Тебризи

в почерке насталиг называют Азхара Тебризи и Шаха Махмуд Заррин-калема Хафинеса, прославившихся впоследствии своим высоким мастерством. Были у него ученики владеющие классическими почерками.

Известны рукописные книги Джафар Тебризи, переписанные им лично во время его пребывания при дворе принца Байсонкура. Им переписаны почерком насталиг «Шах-намэ» Фирдоуси (1430), «Гюлистан» Саади (1427), «Хамса» Низами Гянджеви (1431) и др. Хранятся они в библиотеках и музеях Парижа, Дублина, Тегерана, Стамбула и Санкт-Петербурга.

Джафар Тебризи известен и как поэте. Он пишет марсийа (элегию) на смерть Байсонкура, известны его стихи, в которых он описывает свое высокое положение при дворах Шахруха и его сыновей принцев Байсонкура и Ала ед-Довле. Умер этот выдающийся мастер в городе Герате в 1480 году в возрасте 65 лет.

А. Ю. Казиев. Художественное оформление Азербайджанской рукописной книги XIII-XVII веков. «Книга». Москва - 1977. [244-245]

ГАСАН-БЕК БАЙАНДУР (УЗУН ГАСАН)

На территории Азербайджана в XV веке существовало два государства, родоплеменными знаками которых были изображения баранов. Эти знаки были и на флагах этих государств. По цвету изображенных там баранов, одно государство называлось Аггоюнлу (Белобаранные), другое - Гарагоюнлу (Чернобаранные). Между ними шла ожесточенная борьба за власть в Азербайджане и господство в Передней Азии. В этой борьбе активно участвовали также турки - османы и тимуриды.

В начале века, когда под предводительством Гасан-бека Баяндур (Узун Гасана) только создавалось государство Аггоюнлу, государство Гарагоюнлу уже достигло своего наивысшего расцвета. В него входили Азербайджан, Ирак, Курдистан, Западный Иран, Армения и многие другие прилегающие страны. Столицей государства Гарагоюнлу был Тебриз. Однако соотношение сил быстро менялось.

Выдающийся политический деятель, талантливый полководец и мудрый дипломат - правитель государства Аггоюнлу Гасан-бек Байандур родился в 1423/24 году.

В связи с высоким ростом и мощным телосложением Гасан-бек получил прозвище «Узун Гасан» (азерб. «Длинный Гасан»). Он был женат на дочери трапезундского императора Иоанна IV Деспине хатун (Теодоре). У него было семеро сыновей: Угурлу Мухаммед, Максуд-бек, Зейнал-бек, Султан Халил, Мирза Йакуб, Юсиф Мирза и Масих-мирза. Трое из них, Угурлу Мухаммед, Максуд-бек и Зейнал-бек, умерли еще при жизни Гасан-бека. [245-246]

Путевые заметки Амброзио Контарини - венецианского дипломата, ставшего послом при дворе, сообщают много интересного об Азербайджане и самом Узун Гасане. Об Узун Гасане он пишет: «Узун Гасан ест много, пьет вино беспрерывно и охотник почивать своих собеседников. При нем всегда находится множество плясунов и песенников, которые поют и пляшут по его приказанию. Вообще он кажется нрава веселого, высок ростом, худощав, краснолиц и в чертах своих имеет что-то татарское.»

О детских и юношеских годах Узун Гасана почти ничего неизвестно. Можно только догадываться, что он получил хорошее образование и активно участвовал в военных компаниях, только создающегося государственного образования Аггоюнлу.

Имя Узун Гасана входит в историю с тех лет, когда ему удастся объединить племена Аггоюнлу и создать небольшое владение в верховьях Тигра и Ефрата со столицей в Диарбекире.

Окруженный со всех сторон врагами, владетель небольшого государства, ищет союза с западными странами, напуганными проникновением могущественной Османской империи в Европу. Узун Гасан ведет успешные дипломатические переговоры о помощи огнестрельным оружием и советниками с рядом европейских стран. Помощь должна придти по Черному или Средиземному морям через союзные Узун Гасану Трапезундское греческое государство, старому торговому партнеру владетелей Аггоюнлу, и западного соседа - Караманского бекства.

Османы стараются не допустить этого, и после взятия в 1453 году Мехмедом II Константинополя, решают уничтожить Трапезундское государство. Узун Гасан пытается помешать им, но вторжение османских войск на территорию его страны вынуждает его просить мира. В лагерь османов, расположенный на яйлаге Яссычемен, направляется посольство во главе с матерью Узун Гасана Сарой-хатун. Сара-хатун была известна, как искусный дипломат далеко за пределами страны. Ей удалось заключить мир, по которому Узун Гасан обязывался не препятствовать захвату Трапезунда турками, а турки должны были уйти с территории его страны.

Для нейтрализации Узун Гасана, Мехмед II на штурм Трапезунда берет с собой его посланцев во главе с Сарой хатун. 26 октября 1461 года осада Трапезунда завершается успехом. Саре хатун удается убедить султана, что часть казны трапезундского царства должна принадлежать ее невестке - трапезундской принцессе Деспине хатун и привозит эту, достаточно солидную долю домой.

Государство Аггоюнлу лишается традиционного для себя пути - торговли через Черное море. Затем османы захватывают большую часть союзного Узун Гасану Караманского бекства и, практически, отрезают Узун Гасана и от Средиземного [246-247] моря. Напряжение в отношениях с Турцией растет. Османы подстрекают Джахан-шаха Гарагоюнлу и Тимурида Абу Саида на борьбу с Узун Гасаном.

В результате в 1467 году Джахан-шах Гарагоюнлу выступает из Тебриза в сторону Диарбекира. Османский султан Мехмед II обещает прислать на помощь своего сына принца. Оповещенный о планах Джахан-шаха, Узун Гасан неожиданно встречает войска противника в долине Муша. Джахан-шах

терпит поражение и его армия отступает. Узун Гасан преследует его, и напав неожиданно ночью на военный лагерь расположенный в районе Эрзинджана, разбивает остатки армии Гарагоюнлу. Джаханшах гибнет. Через некоторое время Узун Гасан в битве у Хоя разбивает военные силы сына Джаханшаха Гасанали, стремящегося восстановить государство Гарагоюнлу. Голову убитого Джаханшаха, Узун Гасан посылает его союзнику - Абу Саиду, а голову его сына султану Мехмеду II.

После поражения Гарагоюнлу, Тимурид Абу-Саид стал готовиться к походу в Азербайджан, под предлогом защиты своего союзника. Посланная к нему с мирными предложениями Сара хатун не смогла отговорить его от этого шага. Надеясь на помощь ширваншаха, бывшего его союзника, Абу Саид направляется в сторону Ширвана. Фаррух Йассар, однако, вместе с владельцем Ардебилля шейхом Гейдаром выступает на стороне Узун Гасана и войско Абу Саид оказывается в полной блокаде. В войске начинается голод. Узун Гасан не идет на предложенные Абу Саидом переговоры и внезапно напав на вражеское войско разбивает его. Битва эта вошла в историю, как битва у Махмудабада. Абу Саид пытается бежать, но его ловят и казнят. Гасанали попадает в руки сына Узун Гасана Угурлу Мухаммеда и он его тоже казнит.

Государство Гарагоюнлу перестает существовать, а государство Тимуридов оказывается сильно ослабленным. Узун Гасан, на основе Азербайджана, создает огромное государство, в которое входят Западный Иран, Ирак, Армения, Курдистан, Диарбекир, Восточная Грузия и другие мелкие государственные образования. Столицу он оставляет в Тебризе.

Наступает новый этап истории государства Аггоюнлу. У него остается один, но очень сильный противник-это Османская Турция. Для борьбы с ним старые методы непригодны. Нужно укрепить страну экономически, реорганизовать армию и найти сильных союзников. Узун Гасан с присущей ему энергией приступает к выполнению этих планов, хотя, в какой то степени, все эти меры проводилось в жизнь им и раньше.

В первую очередь, с целью поощрения развития экономики страны, Узун Гасан производит ряд реформ, нашедших отражение в своде законов «Канун-намэ». Впоследствии они [247-248] получают название «Законы падишаха Гасана». В результате проведения в жизнь этих законов, систематизируется и узаконивается система сбора налогов, оживляется ремесленное производство и торговля. Казна Узун Гасана регулярно пополняется, в Азербайджане создается мощное централизованное государство.

Веротерпимость Узун Гасана способствует стабилизации положения в этой огромной, разнородной стране. Будучи суннитом Узун Гасан всячески поддерживает шиитов и христиан. Сам женится на дочери императора Трапезунда Иоана IV (1429-1458) Деспине-Хатун, сестру выдает замуж за шиита деда шаха Исмаил шейха Джунейда, а дочь Алим-шах-бегим отдает за Шейха Гейдара сына Шейха Джунейда.

Для модернизации армии Узун Гасан приглашает европейских специалистов и пытается создать регулярную армию. Специалисты из Венеции и других стран помогают ему развить производство огнестрельного оружия. В стране налаживается производство пушек и ядер, создаются свои кадры пушкарей и артиллеристов. Однако наладить производство пушек в достаточном количестве ему так и не удается, а поставки их с Запада по разным причинам регулярно срываются.

Узун Гасан ведет большие строительные работы. Он строит в Тебризе крытый рынок «Гейсарийа», мечеть с университетом «Насрийа» и другие общественные здания. Во дворце у Узун Гасана действует меджлис ученых и собрана богатая библиотека. В библиотеке работает много ученых, а в мастерских, созданных при библиотеке, трудятся лучшие каллиграфы и художники - миниатюристы. В дальнейшем эта библиотека расширяется и пополняется сефевидскими шахами Исмаилом и Тамасибом. Во дворце действует ансамбль сазистов в который входит 98 ашуггов.

После блестящих побед Узун Гасана, авторитет государства Аггоюнлу резко возрастает. Военные успехи Узун Гасана поражают. Имена Узун Гасана и его полководцев Мухаммеда Банкира Мирза, Мирза Юсиф хана, Угурлу Мухаммеда, Зейнал бека и многих других становятся известными далеко за пределами Азербайджана. Самого Узун Гасана сравнивают с Тимуром и Александром Македонским. Вот, например, что пишет об Узун Гасане его современник Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи: «Хакан ал-афак, сахиб-киран, муин ал-хилафа вас-салтана Абу-Наср Хасан Бахадур-хан... не оставил никакого мирового владычества (джихан - шахи) Гарагоюнлу, которые были лишь сорными травами на поле возделывателей мира. Он поднес смертельный напиток сыну Джаханшаха Хасану Али, зажегшему свечу предводительства от костра сокровищницы своего отца. Он превратил в «черный сад» (кара-баг) жасминный сад Султана Абу Саида Тимурида, который прибыл из далеких Отрара и Кашгара с 100000 воинов с блестящим снаряжением для сражения в [248-249] Карабахе. Таким образом в течение немногих лет он расширил свои владения от Евфрата до Аму-Дарьи и от границ Рума до островов Омана. Несколько раз он топтал копытами своих коней земли неверных грузин. Он пронес свое знамя до Рума и Сирии. Он защищал пограничные земли и охранял дороги, тем самым придавая новую жизнь

символам (ши'айир) Ислама. Он был щедр и построил 400 богоугодных заведений (завийа ва-рибат ва-ханаках)...»

В Европе на Узун Гасана возлагают большие надежды. Теперь только он может отвлечь силы Османской Турции и этим приостановить их дальнейшее продвижение в Европу. Как пишет профессор Якуб Махмудов, в своем капитальном труде о взаимоотношениях государств Аггоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами, в эти годы с государством Аггоюнлу дипломатическую связь поддерживают Венецианская Республика, Великое Московское Княжество, Золотая Орда, Польша, Австрия, Венгрия, Чехия, Германия, Папство, Бургундия, Неаполитанское Королевство, Родос, Кипр, Керманское бекство, Египет, Индия и другие государства.

Больше всего сохранилось материалов о связях государства Аггоюнлу с Венецианской республикой. При дворе Узун Гасана, эта республика имеет постоянное посольство, где работают, в разное время, послы Катерино Зено, Барбаро и Амброзио Контарини. Венецианский Сенат регулярно обсуждает на своих заседаниях вопросы вовлечения Узун Гасана в борьбу с Османской империей.

Узун Гасан готов к борьбе за выход к Черному или Средиземному морям, но при условии, что ему будет оказана помощь огнестрельным оружием и, что военные действия оба государства начнут одновременно. По соглашению с Венецией оружие должно было быть доставлено на территорию Караманского бекства. Однако султан Мехмеда II опережая события завоевывает остатки Караманского бекства и окончательно лишает Узун Гасана связи с европейскими союзниками. В ответ Узун Гасан весной 1472 года направляет войска в Караман. В результате ряда блестящих побед, знаменитая конница Аггоюнлу освобождает от турок Караман, и выходит к Средиземному морю. К сожалению усилия Узун Гасана оказываются напрасными. Союзники не только не открывают второго фронта, но и не присылают на побережье обещанного огнестрельного оружия.

Отрезанное от тыла войско Аггоюнлу, возглавляемое Мирза Юсиф-ханом, оказывается лицом к лицу с переброшенным сюда султаном Мехмедом II огромным войском, оснащенным артиллерией. В бою под Бейшехиром армия Аггоюнлу терпит поражение, и Караман опять переходит в руки османов.

[249-250]

В середине 1473 года Узун Гасан вновь двигает свои войска к Средиземному морю, договорившись с Венецией о доставке туда огнестрельного оружия. На этот раз Мехмед II выходит навстречу войскам Аггоюнлу. Узун Гасан, желая завлечь турок в местность, где конница Аггоюнлу имела бы преимущество отходит вглубь страны. Турки осторожно следуют за ним. Османы спускаются на юг по правому берегу Ефрата Узун Гасан по левому. Долго никто не решается перейти реку. Наконец 1 августа 1473 года, недалеко от Малатьи, происходит давно ожидаемое сражение. Это жестокое сражение длится свыше трех часов и заканчивается полной победой Узун Гасана. В бою гибнет свыше 50 тысяч турок, в плен попадает 150 офицеров и 35 полководцев высокого ранга. Мехмед II сразу после сражения просит перемирия, но Узун Гасан решает продолжить компанию. Турки, однако, не разбиты полностью и отступают по тому же правому берегу Ефрата.

Через десять дней после битвы, полководцы Узун Гасана, уверовав в свои силы, решаются перейти реку и дать туркам генеральное сражение. Попытка окружить турок и не дать им возможности использовать в полной мере мощную артиллерию на первых порах кажется удаётся. Турки окружены и находятся на грани поражения. В последний момент, однако, применив хитроумный маневр турки вырываются из окружения и включив в бой артиллерию выигрывают битву, длившуюся около восьми часов. Это сражение вошло в историю, как битва при Отлугбели. Победа досталась туркам таким тяжелым путем, что султан тут же возвращается в Стамбул, не пытаясь развить свой успех, и не предъявляет никаких территориальных претензий к Аггоюнлу.

Опять Узун Гасану не удается получить огнестрельное оружие и перевооружить армию. Проблему перевооружения армии не смогли решить ни его сыновья, ни его внук шах Исмаил. Основной причиной поражения шаха Исмаила в Чылдыранской битве было также превосходство турок в артиллерии.

Венецианский посол Амброзио Контарини писал о вооружении воинов Узун Гасана: «Оружие воинов Узун Гасана состоит из лука, меча и маленького шелкового или проволочного щита. Копей они не употребляют. Особы значительные носят довольно порядочные шлемы и панцири. Лошади их вообще красивы и выносливы.»

Узун Гасан прекрасно понимает, что с таким вооружением трудно победить богато оснащенную артиллерией турецкую армию и стремится создать условия, при которых решающую роль должна играть его знаменитая конница. Полководческий гений Узун Гасана, и умение правильно организовать имеющиеся резервы, позволяют ему одержать целый ряд блестящих побед, не имея в достаточном количестве [250-251] огнестрельного оружия и не закончив реорганизации армии. После поражения, Узун Гасан возобновляет активную политическую деятельность по сколачиванию антитурецкой

коалиции. При его дворе опять можно увидеть дипломатов многих европейских стран. Он обещает возобновить военные действия против турок и требует от союзников сделать тоже.

В 1477 году Узун Гасан совершает свой последний поход - поход в Грузию. Оттуда он возвращается с богатыми трофеями и 5 тысячами пленных, которых раздает своим приближенным. В это время против отца поднимает мятеж Угурлу Мухаммед - талантливый полководец и участник большинства победоносных сражений Узун Гасана. Преследуемый братом Султан Халилом, он бежит в Турцию. Там его со всеми почестями принимает султан Мехмед II и выдает за него свою дочь Гевхархан султан. Угурлу Мухаммед продолжает борьбу с отцом, но его хватают и казнят. Вскоре после этого 5 января 1478 года умирает и сам Узун Гасан. Хоронят его в Тебризе в мечете построенного им комплекса «Насрийя», получившей название мечети «Падишаха Гасана».

Наследники Узун Гасана не смогли сохранить могущество созданной им огромной империи. Внутренние распри ослабляют государство, а в 1499 году оно распадается на две части. Азербайджаном и Арменией правит Альвенд Мирза Аггоюнлу, а Ираком и Фарсом Мурад Падишах Аггоюнлу. В 1501 году шах Исмаил разбивает войска Альвенд Мирзы, а в 1503 году войска Мурад падишаха и Государство Аггоюнлу перестает существовать.

На смену приходит основанное шахом Исмаилом государство Сефевидов. Это государство явилось прямым наследником азербайджанских - тюркских государств Гарагоюнлу и Аггоюнлу и сыграло огромную роль в дальнейшем развитии Азербайджанской литературы, культуры и искусства.

Шахин Фэрзалијев. Азәрбајҹан XV-XVI әсрләрдә. «Елм». Бақы - 1983; Фазлуллах ибн Рузбихан Хунджи. Тарих-и алам-ара-йи аmini. «Елм». Бақы - 1987; История Ирана с древнейших времен до конца 18 века. Ленинград - 1958; Якуб Махмудов. Взаимоотношения государств Аггоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами. Бақы - 1991. [251-252]

СЕЙИД ЙАХЬЯ БАКУВИ

В XV веке на территории Азербайджана появляются новые независимые государства Гарагоюнлу и Аггоюнлу, создается почва для образования мощного государства Сефевидов. При ширваншахах Ибрагиме I и Халилуллахе Ширван процветает. Развиваются города, торговля и ремесленное производство. Этот век был очень богат на имена выдающихся ученых, врачей, поэтов и философов. Достаточно назвать только некоторых из них. Это Джахан-шах Хагиги, Халили, Нематуллах Кишвари, Шукрулла Ширвани, Али уль-Ала, шейх Ибрагим Гюльшани, Касим Анвара, Шамс Магриби, Юсиф Мискури. Указанный период истории характеризуется наибольшим подъемом оппозиционной, антиортодоксальной философии и дальнейшим развитием философии суфизма.

Выдающимся представителем философии суфизма и одним из основателей суфийского ордена халватийа был Сейид Йахья Бакуви. Родился он в Шемахе в зажиточной семье, а умер в Баку в 1457 году и похоронен на территории Дворца Ширваншахов. Над могилой его возведен сохранившийся до наших дней мавзолей.

Полное имя ученого Сайид Йахья ибн ас-Сайид Баха ад-Дин аш-Ширвани аш-Шамахи ал-Бакуви. В молодости Сайид Йахья является последователем ардебильского шейха Садрадин ал-Халвати, возглавляющего ширванскую ветвь ордена халватийа. [252-253]

Рассказывают, что здоровый и представительный Сайид увлекается игрой в човган. Во время игры с ним знакомится мюрид шейха Халвати шейх Пирзаде. Будущий философ производит на него хорошее впечатление и он выдает свою дочь за него замуж. Познакомившись с юношей же, шейх берет его себе в ученики. Когда же шейх умирает, Сайид Йахья, после безуспешной попытки возглавить секту, уезжает в Баку. В Баку Сейид Йахья руководит мечетью и находящимся при нем университетом. Впоследствии его приглашают ко двору ширваншаха Халилуллаха, он до конца своих дней пользуется большим авторитетом как философ, ученый и воспитатель принцев.

Сейид Йахья Бакуви является автором ряда трудов по философии суфизма, широко известных на Востоке. К ним относятся труды «Асрар ат-талибин» («Тайны искателей истины») и «Шарх-и Гюльшан-и раз» («Комментарий к «Гюльшан-е раз»») и др. Последний труд является комментарием к знаменитому произведению одного из теоретиков суфийской философии азербайджанского философа Махмуда Шабустари. Кроме того, перу Сейид Йахья Бакуви принадлежит и ряд сочинений из области астрономии и истории.

Сейид Йахья Бакуви имел многочисленных последователей своего учения. Среди них был и ученик Садр ад-Дина Ардебели, известный теоретик суфизма Юсиф Мискури, который вместе со своим сыном Шейх Мухаммед Амином проповедовал суфийское учение в Кубе. К Бакуви стекалось множество последователей из разных стран, общее число которых превысило десять тысяч человек. Многие последователи Бакуви жили в странах Ближнего Востока.

Абаскули Ага Бакиханов в «Гюлистан-и Ирам» писал: «Сейид Йахья Бакинский в VIII в. хиджры был главным духовным учителем в этом крае, имя его известно во многих таинственных науках...» Как пишет Зумруд-ханум Кули-заде: «Сейид Йахья был одним из идеологов и руководителей суфийской секты халватийа, имевшей наибольшее число сторонников в Азербайджане и, в частности, в Ширване. Истоками своими халватийе уходило в секту Сухравардийа, созданную и возглавляемую в XI-XII вв. азербайджанским мыслителем Абу-и-Наджибом ас-Сухраварди (1097-1168) и его племянником Абу Хафсом Шихаб ад-Дином Умаром ибн Абдаллахом Сухраварди (1145-1234 гг.) - основоположником философии. Характерно, что после шейха Абу Абдуллаха Халвати (ум. в 1349 или 1397 г.), именем которого названа секта, до Бакуви руководили ею многие представители-ахи (Ахи Мухаммед, Ахи Изз ад-Дин и др.), что дает основание судить о социальных [253-254] позициях секты.» Как пишут древние хроники, к концу жизни Сейид Йахья Бакуви в течение шести месяце, отказывается от пищи и умирает.

Сара Ашурбейли. История города Баку период средневековья Баку - 1992; З. А. Кули-заде. Из истории азербайджанской философии V-XVI вв. Баку - 1992. [254-255]

ШАХ ИСМАИЛ

Чтобы читатель мог понять события на фоне которых протекала жизнь выдающегося сына Азербайджана шаха Исмаила Сефевиды - великого шейха, полководца, государственного деятеля, поэта и мецената, повествование придется начать с начала XIV века, когда далекий предок Исмаила шейх Сефи ад-Дин (1252-1334 гг.) у себя на родине в Ардебиле основал суфийский орден Сафавийа и объявил себя потомком седьмого имама Мусы Казима.

Во время основания ордена, члены его были, в основном суннитами. Со временем орден стал чисто шиитским, а начиная с деда шаха Исмаила-шейха Джунейда орден начинает вести военную деятельность. Популярность ордена растет и военные успехи воинов «которые считали, что пожертвовать жизнью, защищая путь своего священного наставника (мюршида), это ничтожнейшая из степеней посвящения», тоже.

Отец шаха Исмаила - шейх Гейдар, получив во сне божественное повеление, вводит в обиход для своих последователей - мюридов шапку с обернутой вокруг нее чалмой в двенадцать складок, символизирующих двенадцать имамов. В связи с этим, мюридов ордена Сафавийа называют кызылбашами, что по азербайджански означает «красноголовые». В узком же смысле слова, кызылбашами стали называть тюркско - азербайджанские племена, составляющие костяк ордена. Кызылбаша, как впоследствии это делали запорожские казаки, брили головы, отпускали длинные усы и на бритой голове оставляли чуб. Перед боем они на азербайджанском языке издавали клич: «О мой пир, о мой мюршид, да буду я жертвой за него». [255-256]

Сефевиды - потомки шейха Сефи ад-Дина под шиитскими лозунгами стали уверенно продвигаться к власти. Из кызылбашей формировались отряды газиев - борцов за веру, совершающих набеги на соседние немусульманское и суннитские страны.

Известный знаток Ислама в Азербайджане Петрушевский пишет: «Так орден Сафавийа в XV веке превратился в военное братство тюркских кочевников, своего рода духовно - рыцарский орден. При этом в деятельности шейхов Джунейда и Гейдара политические интересы решительно преобладали над религиозными». Ардебильские владения Сефевидов крепнут и расширяются. Потомки великого шейха мечтают об объединении всего Азербайджана. Однако, на их пути стоят правители мощных Азербайджанских государственных образований Гарагоюнлу и Аггоюнлу. Основатель государства Аггоюнлу, мудрый политик и великий полководец, Узун Гасан Аггоюнлу, на пути к усилению власти, идет на союз с Сефевидами. Сначала, он отдает свою сестру Хадиджу-бегим замуж за шейха-Джунейда, а затем дочь - Марту (Алемшах-бегим), внучку трапезундского императора, за шейха Гейдара. Государство Аггоюнлу достигает при Узун Гасане вершины могущества. Сефевиды вынуждены временно отложить свои планы борьбы за власть в Азербайджане и направляют отряды газиев на Север, заселенный, в основном, мусульманами - суннитами.

В военных походах на Дагестан и Ширван, в битвах с ширваншахами гибнут дед Исмаила - шейх Джунейд и отец-шейх Гейдар. В последней битве на стороне ширваншаха Фаррух-Йассара сражаются отряды Султан Йакуба Аггоюнлу, сына Узун Гасана, который из страха дальнейшего укрепления Сефевидов заинтересован в победе Ширваншаха.

После гибели шейха Гейдара Султан Йакуб Аггоюнлу, дядя Исмаила, по линии матери, захватывает Арdebиль и пленяет малолетних сыновей шейха-Султана Али, Ибрагима, Исмаила и свою сестру Алимшахбегим. Исмаилу в это время еще не исполнилось и двух лет (родился Исмаил 17 июля 1487 года в Ардебиле). Пришедшего в 1490 году к власти, сына Султана Йакуба Байсонкура, уже через год свергает его двоюродный брат Рустам-падишах Аггоюнлу. Байсонкур, женатый на дочери ширваншаха Фарруха-Йассара, бежит к нему за помощью.

Рустам-падишах освобождает сыновей шейха Гейдара и просит Султана Али, старшего из них, о помощи в борьбе с Байсонкуром. Он возвращает Султану Али владение Ардебилем, где тот вступает в обязанности шейха ордена Сафавийа. Султан Али со своими мюридами из племен каджар, караманлу и шамлу участвует на стороне эмиров Рустама-падишаха в битвах с Байсонкуром. Как пишет средневековый историк, «Султан Али проявил в тех битвах чудеса мужества и отваги. Рустам-бек, напуганный и устрешенный [256-257] совершенством храбрости и мужества Султан Али устремил все помыслы на его устранение и уничтожение и послал в Арdebиль Айде-Султана Каджара и Хусейн-бека Ашхани схватить Султана Али и его братьев. Султан Али вступил с ними в битву и сражение и испил напиток мученической смерти».

В битве против 4 тысяч воинов Аггоюнлу, которая произошла в 1495 году у местечка Шамаси сражалось всего 700 воинов кызылбашей. Незадолго до своей гибели Султан-Али назначает Исмаила своим преемником на посту шейха Ордена. Семилетнему Исмаилу, не без помощи преданных ему кызылбашей, удается скрыться. Первоначально Исмаила скрывают в Ардебиле. Затем, когда в городе начинаются повальные облавы в поисках братьев, его перевозят в Решт, а оттуда во дворец гилянского правителя Каркия Мирзы Али. Там он остается около шести лет, продолжая свое светское, военное и религиозное образование под руководством известных эмиров и ученых.

Когда Исмаилу исполняется 13 лет, он как совершеннолетний, уже может приступить к самостоятельной политической и религиозной деятельности. В августе 1499 года Исмаил выезжает из Гиляна «с надеждой на царствование». Зимой с отрядами он проводит в районе Астары. Далее двигаясь через Чухурсаад (район Еревана) он направляется в Эрзинджан. На всем пути следования к Исмаилу присоединяются местные суфии и когда в Эрзинджане проводится смотр, оказывается, что под его знаменами уже находятся 7000 конников. На совещании кызылбашских военачальников было решено, что первый поход молодого шейха должен быть направлен в Ширван.

К концу 1500 года Исмаил переходит Куру и не встретив сопротивления во всем Ширване, вступает в Шемаху. Ширваншах Фаррух-Йассар дает бой Исмаилу с 20 тысячами конников и 6 тысячами пеших воинов в местности Джабани, недалеко от крепости Гюлистан. Во главе армии Исмаила стоят самые преданные и талантливые военачальники-главы близких ему кызылбашских племен. Большинство из них участвовало в вывозе Исмаила из Ардебилля и в его воспитании и не расставались с ним до конца его жизни. Без их участия в стране не решали ни один вопрос. В исторической литературе они упоминаются, как «столпы державы». В числе «столпов державы», принимающих участие в битве у Джабани были «Пири-бек Каджар, Абдин-бек Тавачу Шамлу, Хусейн-бек Леле Шамлу, Мухаммед-бек Устаджлу, Ахмед-бек Суфиоглу Устаджлу, Байрам-бек Караманлу, Кылыдж-бек Караманлу, Караджа Ильяс Байбуртлу, Ильяс-бек Хунуслу, Солтаншах-бек Афшар, Дана-бек Афшар, Халил-бек Мухрдар Афшар, Хусейн-бек суфречи Афшар, Пири-бек парваначи Афшар, Леле Мухаммед Текели, Бекр-бек Джагирлу, Салман-бек Хазин Зулкадарлу». [257-258]

Битва заканчивается поражением, численно значительно превосходящих ширванцев, а сам Фаррух-Йассар гибнет. Остатки ширванцев скрываются в крепости «Гюлистан».

После этого шах Исмаил одерживает множество побед, принесших ему славу великого полководца, однако битва у Джабани, как с политической и религиозной точек зрения, так и с точки зрения самоутверждения молодого полководца, остается для Исмаила самой ответственной и важной, в его богатой на военные победы биографии. Не зря, именно, эта битва так часто изображается на азербайджанских миниатюрах того времени.

Оставив у осажденного «Гюлистана» небольшой отряд Исмаил захватывает Баку, после чего возвращается к осажденной крепости. Здесь, однако, его настигают тревожные вести о готовящемся против него походе правителя Азербайджана Альвенда-мирзы Аггоюнлу. Исмаил созывает «столпов державы» и задает им всего один вопрос: «Что вы хотите трон Азербайджана или крепость Гюлистан?» Ответ был единогласным: «Азербайджан» - Тебриз должен быть отвоеван у «еретиков - суннитов».

Войско Исмаила с огромной добычей, захваченной в Ширване, включая сокровищницу ширваншахов, двигается в сторону Нахчивани, куда уже прибыл Альвенд-мирза. Альвенд-мирза в середине 1501 года, на равнине Шарур, недалеко от Нахчивани, встречает Исмаила имеющего около 7 тысяч воинов 30-ти тысячным войском. Как и в битве у Джабани Исмаил малыми силами добивается блестящей победы. Альвенду-мирзе не помогает и то, что для предотвращения панического бегства своего войска и атак противника с тыла он прикрывает тыл войска цепью верблюдов, прикованных друг к другу.

В бою Исмаил опять проявляет необычные для его возраста, выдающиеся полководческие способности и личную отвагу. Он лично, мечом сражает одного из ведущих эмиров Аггоюнлу Каргичай-бека. Были убиты и другие известные полководцы, головы которых, для устрашения противника, насаживаются на пики кызылбашских воинов. Альвенду еле удается спастись с поля брани. В руки Исмаила попадает огромная добыча и путь на Тебриз оказывается открытым.

Осенью 1501 года, Исмаил вступает в стольный город Тебриз, объявляет себя шахом и приступает к чеканке монет от своего имени с шиитским символом веры – «Нет бога кроме Аллаха, Мухаммед - посланник Аллаха, Али - друг Аллаха». Шиизм объявляется государственным вероисповеданием, а азербайджанский язык, также как в государствах Гарагоюнлу и Аггоюнлу наравне с фарсидским, становится государственным языком, нового кызылбашского государства. В период расцвета Сефевидского государства, на азербайджанском языке говорили на огромной территории, простирающейся от Герата до Багдада. [258-259]

Через год, весной 1503 года, шах Исмаил начинает борьбу с Мурадом-падшахом Аггоюнлу - владельцем персидского Ирака и Фарса, пытающимся восстановить старые границы государства

Аггоюнлу. Битва шаха Исмаила с Мурад-падшахом происходит недалеко от Хамадана 21 июня 1503 года. Как и в двух предыдущих сражениях шах Исмаил располагается в центре. На флангах выставлены отряды «столпов державы». В авангарде действуют Хулафа-бек и Мансур-бек Кыпчахи. В резерв выставляется Карапири-бек Каджар с отрядом в 1500 всадников. В авангарде у Мурада-падишаха располагается правитель Кума Исламиш-бек. Когда сходятся войска, Исламиш-бек, смяв авангард Шаха Исмаила, вторгается в центр его войска. В этот момент из засады на него нападает Карапири-бек Каджар, в бой включается и лично шах Исмаил. Отряд Исламиш-бека оказывается полностью уничтоженным, а сам он попадает в плен. Эта схватка решает судьбу всего сражения. Войска Аггоюнлу оказываются полностью разгромленными, а государству Аггоюнлу приходит конец.

Шаху Исмаилу остается укрепить свои позиции в завоеванном регионе. Преследуя Мурада шах Исмаил, в том же году овладевает Ширазом, городами Исфаганом, Кашаном и Кумом. К 1508 году шах Исмаил захватывает Ирак Арабский с Багдадом, Диярбекир, Армению и другие области и города Передней Азии.

За очень короткий срок шаху Исмаилу удается создать огромную державу, простирающуюся от узбекского государства Шейбани-хана до границ Османской империи. Когда Шейбани-хан захватывает Хорасан, представляющий стратегическое значения для державы Исмаила, он угрожает в своем послании Шаху Исмаилу, захватом Ирана и Азербайджана: «Я стяну к границам Ирана и Азербайджана войска, а после захвата... отправлюсь в Ирак Арабский и Хиджаз». В ответ Шах Исмаил с большим войском направляется в Хорасан. Противник запирается в крепости Мерв, но шах Исмаил применив обманный маневр выманивает Шейбани-хана из крепости и 2 декабря 1510 года около села Махмуди происходит сражение между войсками шаха Исмаила и Шейбани-хана. Жестокая битва, продолжавшаяся весь день заканчивается полной победой шаха Исмаила. Пытавшегося бежать Шейбани-хана убивают воины шаха Исмаила и сопровождающие его узбекские богатыри. Голову Шейбани хана-отрубают и преподносят шаху. Из его позолоченного черепа впоследствии изготавливают кубок для вина, которым в дальнейшем пользуется Шах Исмаил. После этого сражения шах Исмаил овладевает городами Гератом, Мервом и Балком. Весь Хорасан переходит в его владение.

Сефевидская держава достигает своего наибольшего могущества. Территория ее достигает 2 миллионов 800 тысяч квадратных метров. Укрепление могущества шиитского, кызылбашского [259-260] государства сильно беспокоит суннитскую Турцию, тем более, что шах Исмаил очень активно ведет шиитскую пропагандистскую деятельность в Западной Анатолии и в примыкающих к ней, некоторых областях османской империи.

Турецкий Султан Селим I, вступивший на престол в 1512 году начинает подготовку к войне с шахом Исмаилом. Для обеспечения тылов он казнит свыше 40 тысяч шиитов, проживающих на территории Турции, подтягивает к границам Азербайджана огромную 200 тысячную армию и объявляет священную войну с Сефевидами – «врагами мусульманской религии».

Битва начинается 26 августа 1514 года у местечка Чалдыран и идет с переменным успехом, но огромное численное преимущество турок и наличие у них около 300 пушек, которых у шаха Исмаила, практически, не было, в конце концов, начинает сказываться. Сам шах Исмаил проявляет чудеса храбрости и мужества. Он в единоборстве побеждает, известного своей необычной силой и мастерством ведения боя, Али-бека Малкуг-оглы. Шах Исмаил в процессе схватки успевает нанести по голове противника удар такой силы, что меч раскалывает его шлем и голову на две части и доходит до груди. В разгар боя Исмаил с небольшим отрядом пробивает путь к артиллерии, но в это время конь его теряет равновесие и падает. Османы бросаются на него, но шаха, в этот критический момент, выручает очень похожий на него внешне Солтанали-мирза Афшар. Он отвлекает османов криком «Я шах». За это время шаху Исмаилу успевают подвести коня и он продолжает бой. Битва продолжающаяся три дня завершается победой турок. Преследуя раненного шаха Исмаила Султан Селим I берет Хой, Маранд и Тебриз. Удержаться в Тебризе Селиму I, однако, не удается и через шесть дней он с огромной добычей, включающей трон, доспехи и украшения шаха Исмаила отходит назад.

Вместе с трофеями Селим I вывозит в Стамбул многих выдающихся деятелей искусства, ремесленников и кустарей, сыгравших в дальнейшем большую роль в развитии искусства и ремесел Турции. В одном из богатейших музеев мира - музее Стамбула Топ-гапы выставлены уникальные произведения азербайджанского прикладного искусства, попавшие сюда после Чалдыранской битвы. Таких экспонатов вы не найдете ни в Тебризе, ни в Тегеране и ни в Баку.

Среди пленных попавших в руки Селима I были жены шаха Исмаила Бехрузе-ханум и Таджлы-ханум, одетые в боевые доспехи. Историки сообщают, что на поле сражения было обнаружено много трупов женщин, одетых в воинскую мужскую одежду, разделивших судьбу своих мужей. Селим I, [260-261] восхищенный мужеством и патриотизмом азербайджанских женщин, приказывает похоронить их с воинскими почестями.

В 1515 году заключается перемирие с османской Турцией. К Турции переходит навсегда западная Анатолия, однако, в дальнейшем, свыше ста лет, сефевидам придется, ценою невероятных усилий, сдерживать натиск османов. Фактически на всем Ближнем Востоке только азербайджанцам, таким же отличным воинам как и турки османы, в какой то степени, удастся противостоять османской экспансии и сохранить свою независимость.

После Чалдыранской битвы шах Исмаил больше не проводит военных операций, если не считать походы в Ширван и Грузию. Все его усилия направлены на укрепление и развитие созданной им огромной державы.

В 1524 году шах Исмаил умирает. Хоронят его в усыпальнице Сефевидов (Даруль-Иршад) в Ардебиле.

У шаха Исмаила было пять сыновей Рустам Мирза (умер молодым), шах Тахмасиб, Сам Мирза, Алгас Мирза и Бахман Мирза и пять дочерей: Ханым-ханум, Пярихан-ханум, Махинбану, Фирангиз-ханум и Шахзейнаб-ханум.

Шах Исмаил был выдающейся личностью, однако не многие знают о том, что, будучи правителем Сефевидского государства, великим шейхом суфийского ордена Сафавийа и один из талантливейших поэтов того времени, писавшим на азербайджанском языке, под псевдонимом Хатаи, он еще увлекается спортивными скачками, охотой, владеет техникой живописи и каллиграфии, играет на барбате и обладает хорошим голосом. При его дворе собираются выдающиеся ученые, астрономы - астрологи, историки, поэты, художники, каллиграфы, музыканты и музыковеды. На базе знаменитой библиотеки, созданной Узун Гасаном Аггоюнлу в Тебризе, шах создает библиотеку нового типа. Библиотекой пользуются ученые Азербайджана и сопредельных стран. Кроме того библиотека является, своего рода Академией Художеств. Здесь собраны лучшие художники, каллиграфы и мастера со всех концов огромной империи. Они работают в специально созданных мастерских, в которых изготавливается бумага, картон, чернила и краски для живописцев. Там же книги переписываются каллиграфами (хатааттами), иллюстрируются живописцами (мусавиррами), украшаются орнаменталистами (наккашами), позолотчиками (музаххибами) и переплетаются переплетчиками по картону (сахафавими) и коже (муджелидами). В библиотеке проходят обучение искусству каллиграфии и живописи талантливая молодежь, а также члены царской семьи и придворная знать.

Одним из руководителей библиотеки становится величайший художник - миниатюрист востока Кямаладдин Бехзад. В библиотеке при шахе Исмаиле, а затем при его сыне Тахмасибе работают знаменитые каллиграфы и миниатюристы [261-262] Махмуд Нишапури, Ага Мирек, Султан Мухаммед, Мир Али Хаттат, Садых-бек Афшар, Мир Сейид Али Мусаввир и многие другие. Здесь формируется, прославившаяся на весь мир, азербайджанская школа миниатюры. Другую, не мене почитаемую, библиотеку шах Исмаил создает в городе Ардебиле, при мемориальном комплексе шейха Сефи ад-Дина. Эта библиотека пополняется за счет подарков паломников, а также скупки и переписки в своей мастерской редких книг. Библиотека пополняется, вплоть, до 1828 года, пока ее не конфискуют во время русско-персидской войны в виде контрибуции.

Продолжая традиции тебризского двора правителей Аггоюнлу (при дворе Узун Гасана служило около ста музыкантов и музыковедов) шах-Исмаил большое внимание уделяет музыке, всячески опекает музыкантов, певцов и музыковедов.

Во дворце у шаха Исмаила служат такие известные поэты, как Хагиги, Шахи, Сурури, Туфейли и др. Все они являются участниками литературного меджлиса, основанного шахом Исмаилом. Шах-Исмаил является одним из первых поэтов - агитаторов. Его стихи декламируют и поют странствующие ашуги и дервиши, для которых они, собственно и написаны, разнося по свету политические и религиозные взгляды Шаха-Исмаила. Здесь Исмаил выступает в трех лицах: поэт Хатаи под влиянием шейха Исмаила пишет глубоко идейные и очень музыкальные, ритмические стихи, которые шах Исмаил использует в своих политических целях. В тоже время Хатаи выдающийся лирический поэт. Особое место в азербайджанской поэзии занимает его поэма «Дех намэ», написанная на прекрасном азербайджанском языке. Строки посвященные весеннему пробуждению природы, вошли во все современные хрестоматии азербайджанской поэзии:

Пронеслась зима, весна пришла.
Мак зацвел, и роза расцвела.
Подымают птицы крик любви.
Вновь огонь любви горит в крови.
Миг луга и рощи расцвел
И уста молчания открыл.
Тополь полы уронил в реку,
А кукушка вновь поет «ку-ку!»),

На лугу бутоны, смеясь, стоят,
И оскалил зубчики в смехе гранат.
О муках разлуки запел соловей,
Дождь апрельский падает в волны морей
И горою жемчужин ложится на дно.
И журавль расправляет крылья весной,
Сокол бьет а облаках журавля на лету. [262-263]
Тень от яблони белой глядит в высоту,
Издеваясь над облаком и луной.
Плачут тучи апрельские над землей,
И стотысячный хор соловьев гремит.

В своих путевых записках, некий купец из Венеции, упоминает о своих встречах с шахом Исмаилом в Тебризе. Очень впечатляют его записи, посвященные личности шаха Исмаила: «Сейчас ему 31 год. Он среднего роста, очень красив и отважен. Бороду бреет, но оставляет усы. В него можно влюбиться как в девушку. Он левша и сильнее всех своих эмиров. Во время тренировочной стрельбы из лука, обычно играет музыка, а танцовщицы во время танца звучно притаптывают и поют песни посвященные Исмаилу. Он каждый день приходит на мейдан для состязаний с эмирами по стрельбе из лука и победителям дарит подарки. В это время в честь него играют, поют и танцуют. Этот суфи любим и почитаем своими людьми подобно богу и, в особенности, своими воинами, многие из которых вступают в битву без оружия (доспехов), надеясь, что их владыка Исмаил сбережет их в бою».

О необычной физической силе шаха Исмаила свидетельствует такая легенда. До турецкого султана доходит слух, что шах Исмаил своей необычной саблей разрубает дула вражеских пушек. Заинтригованный султан просит шаха Исмаила прислать ему эту саблю. Саблю султан вскоре получает, но разрубить дуло пушки ему не удастся и он упрекает шаха Исмаила в подмене сабли. Шах Исмаил в письме убеждает султана в том, что сабля султану прислана та, а вот рука рубящего, к сожалению не та.

Шах Исмаил до последних дней жизни увлекается рыбной ловлей и охотой. Особое удовольствие ему доставляет единоборство с крупными хищниками. В 12 лет он побеждает огромного медведя, наводящего ужас на окрестных жителей, а в 19 лет побеждает льва, живущего в окрестностях Багдада. Любил он и большие охоты, в связи с чем они, очевидно, так часто изображались на миниатюрах, создаваемых в мастерских его библиотеки. Последней такой охотой была охота в районе Белокан, во время пребывания шаха Исмаила в Шеки. Там он заболевает и в Тебриз возвращается уже при смерти.

Личность шаха Исмаила на протяжении веков пользуется особой популярностью в народе. О нем слагаются легенды и дастаны, его именем называют мугамы и таснифы, его подвиги описываются в азербайджанских сказках, романах, драматических произведениях и операх. [263-264]

Рукописи стихов Хатаи хранятся во многих музеях и библиотеках мира. Самая старая из них – «Диван», переписанная во дворце шаха Тахмасиба I, всего через 11 лет после смерти поэта, знаменитым каллиграфом Шах Махмудом Нишапури, хранится в Ташкенте.

В июне 1993 года, почти через пятьсот лет после взятия Баку шах Исмаилом, он опять возвращается в этот город в виде скульптуры. На этот раз, ему удастся добраться только до трущоб рабочего пригорода Баку, носящего его имя, и без коня.

Антология Азербайджанской Поэзии. Москва - 1960; Әзизаға Мәммәдов. Шаһ Исмајыл Хәтаи. Бақы - 1961;. Сборник «Шаһ Исмајыл Хәтаи». «Елм». Бақы - 1988. [264-265]

УСТАД СУЛТАН МУХАММЕД

Нет ни одного крупного музея в мире, в котором не хранились бы рукописи, выполненные в мастерских дворцовой библиотеки, основанной сефевидским шахом Исмаилом I в столице Азербайджана, Тебризе. Рукописи эти переписаны и иллюстрированы выдающимися азербайджанскими каллиграфами и миниатюристами. Большинство этих миниатюр известны не только специалистам, но и широкому кругу любителей живописи.

Сефевидская школа миниатюры, которую еще называют по имени столицы сефевидского государства, Тебризской школой, принесла неуываемую славу азербайджанскому искусству. Эта школа миниатюры оказала заметное влияние на развитие миниатюры в Турции и Индии, а некоторые приемы цветового решения и перспективы использовались французскими импрессионистами.

Главой тебризской школы миниатюры, ее основателем и самым выдающимся представителем является уроженец Тебриза, Устад Султан Мухаммед. С его именем, так же как с именем «Рафаэля Востока» Бехзадом, связана целая эпоха развития восточной живописи. Если оба титана XVI века воплощают в своем творчестве высшие достижения живописи Востока, Султан Мухаммед олицетворяет еще все художественные тенденции Тебризской школы - эпохи ее высшего расцвета.

Биографических данных о Султани Мухаммеде, так же как о многих выдающихся представителей науки и искусства Востока почти нет. Родился он приблизительно в 1490 году и умер в середине XVI века. [265-266]

Известный исследователь творчества Султана Мухаммеда К. Керимов, в своем труде, посвященном этому мастеру приводит скупые высказывания средневековых авторов, которые ему удалось собрать.

В наиболее раннем, из найденных им источников, «Халат-е Хунарваран», написанном Дусть-Мухаммедом в 1544 году, о художниках, говорится следующее: «Первым идет Устад Низам ал-Дин Султан Мухаммед, кто был единственным в своей эпохе. Всевидящие глаза рока не видели еще ему подобных. В его произведениях, в том числе в «Шах-намэ» его величества Шаха (шаха Тахмасиба), человек в шкуре леопарда был изображен так, что сердца наиболее смелых художников с львиным сердцем горевали и они от стыда склоняли свои головы перед ним». Далее, Керимов приводит высказывание Казн Ахмеда в работе «Гюлистани хонар дал халат-и хаттатан вэ наккашан», 1596/7 год: «Устад Султан Мухаммед происходит из стольного города Тебриза. В то время когда мастер Бехзад прибыл из Герата в Ирак, Устад Султан Мухаммед был в kitabханае шаха, чье обиталище - рай, чье местопребывание - райские сады, и занимался наставлением того Хосрова четырех климатов, та наивысочайшая светлость райского достоинства у него упражнялись в живописном искусстве. Устад Султан Мухаммед лучше других изображал повадки кызылбашей. Смерть его в стольном городе Тебризе». Известный историк начала XVIII века Искендер Мунши говорит, что «Его величество шах Тахмасиб был учеником прославленного художника мастера Султана Мухаммеда», автор отмечает: «Он (шах Тахмасиб) укрепил в своей, хорошо оборудованной библиотеке несравненных мастеров искусства, таких, как мастер Бехзад и Султан Мухаммед, которые достигли наивысшей вершины своего благородного искусства и получили наивысшей вершины своего благородного искусства и получили широкоую известность за нежность своей кисти».

Значительно больше сведений о Султани Мухаммеде, вернее о его творчестве, можно узнать из анализа его богатого творчества. Библиотека, о которой говорилось выше, была своего рода Академией Искусств. Здесь была собрана великолепная библиотека, которая непрерывно пополнялась не только книгами, поступающими от специальных скупщиков книг, но и книгами изготовляемыми непосредственно в мастерских. Здесь же в дворцовых мастерских изготовлялись художественные ткани и ковры. Для этого сюда были приглашены лучшие каллиграфы, миниатюристы, специалисты по изготовлению и художественному оформлению переплетов, изготовители чернил и красок и специалисты по подготовке бумаги.

Искусство оформления рукописи, как пишет А. Ю. Казиев, «охватывает четыре основных области художественного творчества, а именно: каллиграфию, искусство миниатюры, [266-267] орнаментально - декоративное искусство и переплетное дело. Силами специалистов этих областей творчества создавались художественные рукописи. Их деятельность была взаимосвязана и подчинялась требованиям общей задачи, диктуемой назначением самой рукописи и общественным положением

заказчика». Кроме того, библиотека была и школой, где учились мастерству молодые художники, каллиграфы и мастера вспомогательных специальностей.

После поражения узбекского правителя Шеббани-хана войсками шаха Исмаила I в 1510 году и завоевания им Герата многие художники оттуда переехали в Тебриз. Позже, как считает английский искусствовед Беисил Грей, в 1521 году туда из Герата приезжает и великий Бехзад, очевидно приглашенный шахом Исмаилом. Здесь же работали мастера из Исфагана, Казвина и др. городов Ирана. К этому времени Султан Мухаммед уже руководил художественной мастерской, был главным художником в дворцовой библиотеке и был учителем живописи принца Тахмасиба. Через год или меньше после приезда Бехзада в Тебриз в 1522 году шах Исмаил специальным фарманом назначает его Китабдаром (хранитель книг) и главным инспектором искусств. Однако после смерти Шаха Исмаила сын его, шах Тахмасиб I, на эту должность, вновь, назначает, Султан Мухаммеда.

Как пишет Будаг Казвини (1530-1556 гг.) над знаменитой рукописью «Шахнамэ», изготовленной для шаха Тахмасиба в 1537 году, в дворцовых мастерских работали известные каллиграфы и миниатюристы в течении 30 лет. Есть указания и других средневековых авторов, о том, что на переписку и иллюстрацию рукописей уходило от 5-10 до 20-10 лет. Таким образом, многие рукописи, выполненные при шахе Тахмасибе, были начаты еще при шахе Исмаиле до приезда в Тебриз Бехзада. Кроме миниатюр, иллюстрирующих рукописи, Султан Мухаммедом создан целый ряд портретов и сюжетных композиций на отдельных листах. «Возможно, в это время шахская мастерская занималась не только созданием рукописных книг, но и осуществлением проектов изделий из керамики и металла, керамических и ковровых изделий, а так же шелковых тканей, художественное оформление которых перекликается с элементами сюжетных миниатюр и декоративных крышек переплетов рукописных книг». Известный исследователь азербайджанского декоративно - прикладного искусства Расим Эфенди считает, что автором рисунков на некоторых выдающихся, с художественной точки зрения, предметах декоративно-прикладного искусства, хранящихся в ряде музеев мира, мог быть Султан Мухаммед.

Миниатюры Султан Мухаммеда, иллюстрирующие различные произведения классиков Восточной поэзии, а так же миниатюры, представленные на отдельных листах, хранятся в лучших музеях мира и частных коллекциях. Миниатюры Султан [267-268] Мухаммеда и художников его школы очень высоко ценятся на международных аукционах. Лучшие его работы в настоящее время являются украшением таких музеев как Метрополитен музей, Нью-Йорк («Шахнамэ» 1573), Британский музей, Лондон («Хамсэ» Низами 1539- 1543), музей Фогг Кембридж («Диван» Хафиза).

«Хамсэ» Низами, хранящаяся в Британском музее Лондона и специально созданная для шаха Тахмасиба I, считается специалистами, в настоящее время, величайшим достижением книжного искусства в истории всех народов и всех времен. Славу создания этого шедевра с Султан Мухаммедом делят выдающийся азербайджанский каллиграф Шах Махмуд Нишапури и художники - миниатюристы той же шахской мастерской Ага Мирек, Мир Мусеввир, Мир Сейид Али, Мирза Али и Музаффар Али. Сюда вошло всего четыре миниатюры Султан Мухаммеда «Хосров любит купавшуюся Ширин», «Бахрам Гур охотится на львов», «Вознесение пророка» и «Султан Санджар и старуха», но и этого оказалось достаточно для увековечения этой рукописи.

Если при жизни Султан Мухаммеда о нем пишут сравнительно мало, то в наше время ему посвящается очень много трудов исследователей разных стран мира. Все исследователи признают его главой Тебризской школы миниатюры, выдающимся миниатюристом Востока и основателем нового направления в миниатюрной живописи XVI века. Некоторые из них называют Султана Мухаммеда даже более знаменитым живописцем, чем Бехзад, а некоторые ставят его с ним наравне. Все три рукописи иллюстрированные Султан Мухаммедом «Диван» Хафиза, «Шах-намэ» Фирдоуси и «Хамсэ» Низами Гянджеви признаются ими шедеврами средневекового книжного искусства. Среди этих исследователей творчества художника, в первую очередь, следует отметить труды Ф. Мартина, Ф. Шульца, К. Керимова, А. Казиева, Г. Мартео, А. Вевера, Э. Кюнеля, И. Щукина, Б. Робинсона, Б. Ваймарна и др.

У Султана Мухаммеда, создавшего школу Тебризской живописи XVI века, естественно, было много учеников и последователей. Поэтому его называли «Устадом» («Маэстро»). Среди его учеников выделялись его сыновья Мирзаали и Мухаммеда-бек и племянник миниатюрист Мир Зейналабдин и Мир Сейид Али, Музаффар Али и Шах-Мухаммед и др. Каждый из названных художников по своему велик и, продолжая традиции Султан Мухаммеда, много делает для дальнейшего развития азербайджанской миниатюры. Ученики Султан Мухаммеда и художники его школы разнесли традиции Тебризской школы миниатюр по всему Востоку. Достаточно сказать о многочисленных художниках, уехавших в Турцию и Индию. Среди них, следует особо выделить тебризских миниатюристов Шах Кулу, сыгравшего большую роль в развитии искусства миниатюры в Турции и Мир Сейид Али [268-269] долгое время работающего при дворе императоров Хумаюна и Акбара и, оставившего заметный след в развитии книжной миниатюры Индии.

К. Керимов. Султан Мухаммед и его школа. «Искусство». Москва - 1970; А. Ю. Казиев. Художественное оформление Азербайджанской рукописной книги XIII-XVII веков. «Книга». Москва - 1977. [269-270]

КАРАПИРИ-БЕК КАДЖАР

Карапири-бек Каджар был одним из талантливейших полководцев шаха Исмaила. За отвагу, решительность и быстроту действий Карапири-бек Каджар получает прозвище «Тоз гопаран», что в переводе с азербайджанского буквально означает «Поднимающий пыль». Карапири-бек сыграл заметную роль в становлении Сефевидской державы.

У отца шаха Исмaила-Гейдара было три сына - Султан Али, Ибрагим и Исмaил. Вся жизнь Карапири-бека проходит около этих братьев. Сначала он их опекает и воспитывает, затем им служит.

В XV веке в Азербайджане идет упорная борьба за власть между потомками Тимура и падишахами государств Аггоюнлу и Гарагоюнлу. В дальнейшем, в этой борьбе один из самых выдающихся правителей Аггоюнлу Узун Гасан ищет поддержки у владетеля Ардебиля и главы воинственного сефевидского суфийского ордена Сафавийа, шейха Джунейда. Он выдает за него свою сестру Хадиджу-бейим. Затем свою дочь, Теодору - Алимшах-бейим (внучку трапезундского императора Комнена), выдает замуж за сына Джунейда шейха Гейдара.

После гибели шейха Гейдара во время похода на Ширван приемник Узун Гасана, его сын Йакуб-бек Аггоюнлу, напуганный возросшей военной мощью и духовным авторитетом сефевидов, захватывает Ардебиль и пленяет малолетних детей шейха Гейдара.

В 1490 году к власти приходит сын Узун Гасана Байсонкур, но уже через год его свергает двоюродный брат Рустам Аггоюнлу. Байсонкур, женатый на одной из дочерей ширваншаха [270-271] Фарруха Йассара, бежит в Ширван. Рустам, захватив власть у Байсонкура, освобождает детей шейха Гейдара, плененных еще Султаном Йакубом, возвращает им владение Ардебилем и просит старшего сына Султана Али, ставшего шейхом ордена Сафавийа, помочь ему в борьбе с Байсонкуром и, опекающим его, ширваншахом.

Султан Али соглашается принять участие в походе и здесь впервые имя Карапири-бека Каджара, как полководца, упоминается в связи с битвой Рустама Аггоюнлу с Байсонкуром, бежавшим в Ширван. Рустам Аггоюнлу включает отряд Султана Али в свое войско. Одним из отрядов Султана Али командует Карапири-бек Каджар. Султан Али и его отряды демонстрируют необычную отвагу и храбрость. Байсонкур терпит поражение, а Султан Али, проявив в сражении острый ум, мужество и талант полководца, подписывает себе этим смертный приговор.

В 1494 году Султан Али гибнет в сражении с отрядом Рустама Аггоюнлу, присланным для расправы с подающим большие надежды соперником, но перед смертью успевает назначить своего младшего брата Исмaила преемником на посту шейха ордена Сафавийа.

Исмaилу до совершеннолетия приходится прятаться от Рустам-шаха у своих многочисленных опекунов и сторонников. Кара-пири все время рядом. В тринадцать лет Исмaил приступает к активным действиям. Карапири-бек, как и другие его опекуны, всячески его поддерживают. Идет сбор войска и поиски союзников. Первый военный поход решено направить против ширваншаха Фарруха Йассара в Ширван. Там погибли отец и дед Исмaила, в попытке покорить Ширван, и молодой шейх видит в этом предлог для похода.

В конце 1500 года у крепости Гюлистан происходит знаменитое сражение, решившее судьбу Исмaила и будущей Сефевидской державы. В сражении участвуют предводители кызылбашских племен, связавшие свою судьбу с Исмaилом и получившие в дальнейшем прозвище «Столпы державы». В число «Столпов державы» входит и Карапири-бек, сделавший все, чтобы Исмaил мог вырасти достойным воином и правителем и приложивший максимум усилий для победы Исмaила в этой битве. Значительно превосходящие силы ширваншаха терпят сокрушительное поражение в битве с полководцем не достигшем 14 лет. Оставшиеся в живых ширванцы запираются в крепости Гюлистан. Исмaил осаждает крепость Гюлистан после успешного рейда по захвату Баку. В это время он получает тревожные известия из Тебриза и созывает «Столпов державы», включая и Карапири-бека, на совет. Он задает им всего один вопрос: «Что вы хотите, трон Азербайджана или крепость Гюлистан?» Ответ оказывается единогласным: «Азербайджан». Тебриз должен быть отвоеван у еретиков Аггоюнлу. [271-272]

В это время Альвенд-мирза Аггоюнлу - правитель Азербайджана, направляясь с войском навстречу Исмaилу, прибывает в Нахчиван. Карапири-бек обеспечивает Исмaилу переправу через Куру. Затем Карапири-бек с Ильяс-беком Халваги-оглу выступают в авангарде войск Исмaила,двигающихся в

сторону Нахчивана. Они разбивают отряды, посланные навстречу Исмаилу, и открывают путь к Нахчивану.

Альвенд в середине 1501 года с 30 тысячным войском на равнине Шарур встречает 7 тысячное войско Исмаила. Исмаил занимает место в центре войск. Карапири-бек Каджар располагается на одном из его флангов. Победа Исмаила была полной, после чего он победоносно вступает в Тебриз и коронуется на шахский престол.

В этом же году Исмаил двигает войска на завоевание Ирака. Войска шаха Исмаила и правителя Ирака Султана Мурада встречаются у Хамадана 21 июня 1503 года. Карапири-бек оставляется в резерве с 1500 всадниками. В авангарде войск Султана Мурада находится правитель Кума Исламиш-бек. Ему удается сломить атаку кызылбашей и ворваться в центр их войск, где находится сам шах Исмаил. Жизнь шаха Исмаила и судьба битвы оказываются под угрозой. В этот момент, из засады, в битву вступает Карапири-бек. Отряд Исламиш-бека полностью разбит, а сам он попадает в плен. Деморализованное в результате этой атаки войско Султана Мурада подвергается полному разгрому и шах Исмаил овладевает персидским Ираком и Фарсом.

Даже короткие сведения о полководце и воине Карапири-беке Каджаре, носящим имя «Тоз гопаран», свидетельствуют о его выдающихся способностях и о его большой роли в жизни шаха Исмаила и в становлении Сефевидской державы.

Октай Эфендиев. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. «Элм». Баку - 1981; А. Мәммәдов. Шаһ Исмаил Хәтаи. Бақы - 1961; Шаһ Исмаил Хәтаи. (Мәгаләләр топлусу). «Елм». Бақы - 1988. [272-273]

Когда в саду поэзии я ощутил
благоухающий аромат правды,
я признал за благоразумие
посадить в этом саду дерево,
дабы под его тенью жить вечно.

Физули

ФИЗУЛИ

Физули - один из самых выдающихся поэтов и мыслителей азербайджанского народа. Свои поэтические и философские произведения Физули писал на азербайджанском, фарсидском и арабском языках, благодаря чему его творчество было и остается популярным у большинства народов Ближнего и Среднего Востока.

В духовной жизни азербайджанского народа его газели и поэма «Лейли и Меджнун» занимают особое место. Глубокие и утонченные по философскому содержанию и строго выдержанные по поэтической ритмике газели Физули составляют основу репертуара любимых народом ханенде - певцов классических азербайджанских мугамов уже много веков, и вряд ли уже здесь у них может появиться конкурент. Такие газели, как: «Кто любит душу ради дорогой, тот мне поверьте, дорогую любит»; «Любовной страстью больше я, чем некогда Меджнун, богат»; «Как тонкий тростник, я стенаю всегда и страстный мой жалобен крик...» и многие другие азербайджанцы успевают полюбить задолго до поступления в школу.

Мухаммед ибн Сулейман Физули происходил из известного азербайджанского - тюркского рода Баят и родился ориентировочно в 1493 году. Дата смерти поэта определяется более [273-274] точно, так как известно, что он умер во время эпидемии чумы в Багдаде в 1555/56 г. Во многих тазкире Физули упоминается под прозвищем Багдади. Однако родился Физули не в самом Багдаде, а в расположенном недалеко от него городе Кербеле - месте паломничества мусульман шиитского толка к гробнице сына, почитаемого ими имама Хусейна ибн Али.

После завоевания Ирака в XI веке сельджуками, а затем монголами и тимуридами в Багдаде и в его окрестностях резко возрастает количество тюрков. Позднее этот процесс продолжается. Сначала, в 1508 году шах-Исмаил, торжественно войдя в Багдад, присоединяет Ирак к Азербайджану, а затем в 1534 году он надолго переходит в подчинение Османской империи.

По некоторым сведениям, Сулейман - отец Мухаммеда переселился в Ирак из области Араш в Азербайджане. Впоследствии Фазли, сын Физули, возвращается в Араш, где живет у своих ближайших родственников. Здесь он приобретает известность своей ученостью. По тому, какое образование получил Физули, можно предположить, что отец его жил в достатке, а по тому, что он жил в центрах мусульманского паломничества - Хилле и Кербеле, можно сделать вывод о его причастности к богослужению. Действительно, существуют предания, что отец Физули был муфтием в городе Хилле.

Начальное образование Физули получает в Кербеле, затем продолжает учебу, по всей вероятности, в одном из медресе Багдада. В предисловии своего «Дивана», поэт так описывает дни своей школьной учебы: «Горизонтом блистания новорожденной звезды моего счастья была школа, где на ее просторах красавицы со стройными станами, как кедр, сообщали душе радостное райское известие... Время от времени увлечение поэзией брало верх над другими нашими занятиями и тогда красавицы с лицами, подобными лику Лейли, группами собирались вокруг меня, чтобы, подобно Меджнуну, внять моим стихам. Мое призвание стать поэтом осуществилось и я стал поэтом. Весь мир наполнился звуками моей поэзии и я взшел на вершину славы».

Как видно, еще в школе Физули понимает, что ему суждено стать поэтом - певцом любви. Любовная лирика Физули становится венцом его творчества. В ней его больше всего увлекает необычные поэтические образы, в сочетании с тонкими лирическими переживаниями. Его газели резко отличаются от заумных газелей его современников:

Говоришь - любви не знает утро?
 Но любви есть множество улик!
 Что ж снимает шапку ночи утро,
 ворот рвет, как делать я привык? [274-275]
 Грудь себе всечасно раздирая
 от любви к красавице - луне,
 Не лучами солнца брызжет утро
 -ранами сверкает каждый миг.
 Солнца меч за дело ранит утро,
 ибо что ж, негодное, творит?
 Мотылька всегда сжигает утро,
 от него фитиль свечи поник.
 Вечером теперь мне утро стало,
 вечер - утром! Мне моя свеча
 Вечером светила, а под утро
 удалилась, слез открыв родник.

 В злую ночь разлуки с милой горе
 унесло бы душу, Физули,
 Если бы не ласковое утро,
 не его участливый язык!

Однако Физули прекрасно понимает, что голая любовная лирика, не подкрепленная глубокими научными и философскими обобщениями, недолговечна и поэтому много над собой работает.

Багдад в то время был крупным центром науки и культуры. Там было много школ и университетов, частных и общественных библиотек. Ученые съезжаются сюда со всего Востока, как для работы в университетах, так и для участия во всевозможных научных диспутах и дискуссиях. Наравне с арабами здесь можно было встретить знаменитых ученых и поэтов персов, турков, индусов и даже китайцев. Условия для повышения уровня знаний здесь были отличные. В предисловии к персидскому «Дивану» поэт по этому поводу пишет: «Украшательница моей логики не сочла приемлемой, чтобы красота моей поэзии сверкала на груди эпохи украшений просвещенности. Ювелир моего высокого дарования не согласился с тем, чтобы нить моих стихов могла стать ожерельем всего света без жемчужины науки. Ибо поэзия без науки подобна стене без основания, а стена, не имеющая основы, не надежна. Считая порочным явлением отсутствие украшения учености в моей поэзии, презирая поэзию без учености, как тело без души, некоторое время я потратил наличность своей жизни на изучение теоретических и прикладных наук. Я, потратив свою жизнь, стремился изучить логику и геометрию. Постепенно у людей искусства я отчеканил лаалы для того, чтобы моя поэзия стала еще прекрасней.» [275-276]

Годы учебы не прошли зря и Физули впоследствии прославился как самый «ученый, всесторонне развитый мастер поэзии своей эпохи» и получил среди современников, так же как гениальный Джалал ад-Дин Руми прозвище «Мовлана» («Наш господин»). Физули, безусловно, был одним из самых высокообразованных и эрудированных людей своего времени. Судя по его произведениям, он кроме языков изучил богословие, философию, поэтику, математику, медицину, историю, астрономию и астрологию, а так же теорию музыки. Физули был хорошо знаком с литературой всего мусульманского мира. Сам поэт в предисловии к тому же «Дивану», с гордостью говорит, что он осведомлен о всех науках и языках.

В его произведениях встречаются имена Абу Новаса, Хассана, Хагани, Низами, Алишера Навои, Джалили, Сельмана Саведжи, Кямала Ходженди, Джелили, Ахмеди, Шейхи и других поэтов.

Хотя произведения Физули пользовались большой популярностью на всем Востоке, большую часть жизни он прожил в лишениях. В первую очередь это связано с тем, что поэт старался держаться подальше от двора, считая что «он не может нести бремя признательности к шахам.» Исследователи его творчества считают, что в молодости он занимался преподавательской деятельностью в школе и некоторое время служил при гробнице имама Али в Неджефе. За это он должен был получать небольшое жалование, но из-за царящего в государственной канцелярии взяточничества и воровства деньги до него так и не доходят. По этому поводу Физули пишет выдающуюся для того времени сатиру «Шикайат намэ» («Книга жалоб»).

За пределы Ирака Физули не выезжал. Это тоже может быть связано с его тяжелым материальным положением, хотя сам он это отрицает: «Я произошел и родился в Арабском Ираке, и

когда станет известным, что я всю жизнь не путешествовал по другим странам, то пусть не сочтут это обстоятельство за признак упадка кредитоспособности».

Творческую биографию Физули, обычно, разбивают на два периода - сефевидский и османский. До 1534 года, когда Багдад перешел в руки Османской Турции, поэт создает на азербайджанском, персидском и арабском языках свои лучшие газели, касыды, жизнеописания имамов, аллегорические поэмы и новеллы «Банг ва бада» («Гашиш и вино»), посвященной шаху Исмаилу и «Сехбет-ул-эсмар» («Беседа деревьев»). В тот же период он приступает к созданию прозаической религиозной повести, озаглавленной «Хадикет-ус-суада» («Сад счастливых»). В дальнейшем он посвящает ее турецкому султану Сулейману (1520-1566 гг.). В 1537 году поэт завершает свою знаменитую поэму «Лейли и Меджнун» и, по прежнему, продолжает создавать газели и [276-277] касыды на трех языках. В зрелом возрасте он больше работает над произведениями философского содержания. Это такие произведения как: «Хафт джам» («Семь чаш»), «Анио ул калб» («Привязанность сердца»), «Сиххат ва мараз» («Здоровье и Болезнь»), «Ринд-у-Захид» («Босьяк и Аскет»), а также философский трактат на арабском языке «Матла-ул-этикад» («Восхождение убеждений»).

В то же время он составляет свой персидский диван, касыды и диван, написанный на азербайджанском языке. Физули пишет в стихах азербайджанско - персидский словарь. Наряду с другими произведениями, Физули создает на азербайджанском и персидском языках поэтические шарады «Муамма» («Трактат о шарадах»), переводит на азербайджанский язык «Сорок хадисов» Абдурахмана Джами.

Трактат «Восхождение убеждений» занимает особое место в творчестве Физули. Это своего рода энциклопедия, справочник по истории философии Древней Греции и средневекового Востока. Знаменательно, что выдающийся поэт первым из многочисленных азербайджанских ученых - философов пишет книгу по истории философии. Физули пишет ее, либо как учебник для своих учеников и последователей, либо с целью пропаганды философских знаний вообще. Как бы то не было, для современных исследователей творчества поэта, трактат позволяет выявить истоки глубоко - философского мышления Физули. Становится понятным объем его знаний философских и теологических учений, распространенных на мусульманском Востоке и философских учений Древней Греции (Фалес Милетский, Гераклит, Пифагор, Платон, Аристотель и др.).

На мировоззрение и творчество Физули большое влияние оказала идеология суфизма. Кепрюлзаде еще в 20-х годах нашего столетия писал: «Так как чувственная склонность и интеллектуальное воспитание с философско - суфийской сущностью весьма гармонично слились друг с другом, восприятие этой абсолютной любви (которую большинство суфийских поэтов насильно втиснуло в сухие безжизненные формулы) в трактовке Физули, избавившись от догматической концепции, приобрело живую и возвышенную форму».

Физули считают основоположником азербайджанской художественной прозы. В прозе написан его большой научный трактат «Метлеул-этикад», предисловия к «Диванам», произведения «Ринд-у-Захид», «Здоровье и болезнь», «Шикайатнамэ» и др. Его авторский перевод произведения «Хадикет-ус-суада» персидского писателя Гусейна Кашифи считается первым прозаическим переводом на азербайджанский язык.

Несмотря на то, что Физули пробовал свои силы почти во всех поэтических жанрах, известных в его время, популярность в азербайджанской литературе он завоевал, как величайший лирик. Как пишет известный литературовед Рустам Алиев: «Основная тема лирики Физули-это описание страданий [277-278] возлюбленного, его мучений во время разлуки, его дум и мечтаний, капризов и жестокости возлюбленной, ее милосердия и отзывчивости и т.д... Поэтические образы Физули оригинальны и обладают исключительной силой эмоционального воздействия. Эти образы, которыми насыщены его газели, поражают читателя своей глубиной, яркостью и неожиданностью, врезаются в память, оставляя зрительное впечатление:

Людей жестоко огорчил печальный вздох мой, горький стон,
Меня же огорчило то, что мною кто-то огорчен.
И в плоти немощной моей недуг любви сильней растет,
Меня не может излечить тот, кто недугов всех лишен.
Мои глаза льют каждый миг кровь сердца моего - затем,
Что мыслью постоянно я к ее рубинам устремлен.
Я вздохов заступом давно подрылся под небесный свод,
И он камнями бьет меня - но я ничуть не удивлен.
Когда, глотая сердца кровь я все терплю - в том нет
стыда;
Зато за бесполезный стон жестоко всеми осужден.

Меня хотела поразить ты стрелами своих ресниц,
Но я кольчугой горьких слез укрыл себя со всех сторон.
Я, Физули, хочу бежать общенья с миром и людьми -
Лишь потому, что образ твой в душе навеки утвержден.

Ряд газелей Физули написан в виде «ответов» на газели таких классиков Востока, как Хафиз, Саади, Низами, Насими, Навои и др. Творчество великого азербайджанского поэта Мухаммеда Физули было высшим достижением гуманистической мысли первой половины XVI века и сыграло выдающуюся роль в развитии тюркских литератур.

В учебнике Московского Университета по литературе Востока средних веков итоги творчества Физули оцениваются так: «Синтезировав художественный опыт своих великих предшественников на Переднем и Среднем Востоке и творчески переработав его, Физули во многом определил дальнейшее развитие поэтической культуры в Азербайджане, Турции и Средней Азии. Лирик и эпик, блестящий мастер во всех современных ему литературных жанрах, писавший на трех языках, Физули олицетворял собой подлинного титана Возрождения.»

Иракский писатель, знаменитый арабский ученый, академик Лондонской, Тегеранской и Каирской академии Хусаин Али Махфуз пишет: «Если говорить о поэзии Востока, то три имени священны для меня: иранский поэт Саади, арабский поэт Мутанабби и азербайджанский поэт Мухаммед Физули... У нас на родине Физули наделяют тремя эпитетами: [278-279] лучший поэт Востока, величайший мастер и глава поэтов... Четыре столетия живут творения великого поэта. Время не стирает их приметы: нетленны творения гения. Я был в Кербеле, где похоронен Физули. Более миллиона человек ежегодно посещает мавзолей поэта. Я видел, как толпы людей стекаются сюда, чтобы поклониться творцу бессмертных строк».

«В Иране трудно найти человека, - пишет иранский литературовед М. Х. Фаридани, - который не знал бы стихов Физули. Его гениальное творение составляет духовное богатство нашего иранского народа».

Гамид Араслы. Великий азербайджанский поэт Физули. Баку - 1958; Литература Востока в Средние века. Часть II. Москва - 1970; III. Ф. Мамедов. Развитие философской мысли в Азербайджане. Издание Московского Университета. Москва - 1965. [279-280]

ЮСИФИ МУХАММЕД ИБН ЮСИФ ТАБИБ

Сведения о выдающемся ученом - медике конца XV и начала XVI веков Юсифе Мухаммеде ибн Юсиф Табибе приводятся в книге первого исследователя истории медицины в Азербайджане И. К. Эфендиева. Биографических сведений об Юсифе Табибе найти не удалось и автор довольствуется анализом его трудов.

До нас дошло несколько трудов Юсифи Мухаммеда ибн Юсифа Табиба посвященных медицине. Наиболее ранний из них «Джеме ул-Феваид» вышел в свет в 1513 г. и посвящен шаху Исмаилу Хатаи. Изложен этот труд, очевидно, для лучшего запоминания, в стихах. Отсюда можно предположить, что он предназначался для студентов какого-либо из существующих, в то время, многочисленных медицинских учебных центров.

Книга состоит из 11 глав. В первой главе рассматриваются вопросы симптоматиологии заболеваний, средства устраняющие болезни и методы приготовления этих средств. Во второй главе разъясняется полезность различных питательных веществ, растительного и животного характера, для человеческого организма; в третьей главе излагаются правила гигиены человека, обсуждается вопрос о пользе покоя и движения. В четвертой главе говорится о нормах поведения человека в обществе, а в пятой - приводится оглавление известного философского трактата «Техфет ул-Мулук». В шестой главе говорится о целебных свойствах мафирфина; в седьмой о правилах написания рецептов. В восьмой главе рассматриваются действия некоторых лечебных средств; в девятой [280-281] главе привила личной гигиены. В десятой главе говорится о вредных привычках и способах избавления от них и, наконец, в последней, одиннадцатой главе рассматривается состояние человека в зависимости от расположения звезд.

Юсифи Мухаммед в основу лечебного процесса ставит принцип противоположного воздействия: «Каждое заболевание его же противоположностью устраняй» и профилактики заболеваний: «Прежде всего всем разъяснять надо, как сохранить здоровье и, что главное заключается в этом». При этом, для предупреждения болезней, он считает необходимым следить за состоянием окружающего воздуха, питанием, движением и покоем, движением и покоем легких, сна и покоя, рвотой и экскреторными способностями организма.

Широкую популярность приобрели составленные Юсифи Мухаммедом ибн Юсифа Табиб таблицы лекарственных средств. В каждую из этих таблиц, состоящих из пяти граф входят название лечебного средства, его характер, полезность, вредность и способ устранения вредности. При этом он писал: «Полезным лекарством можно назвать то средство (вещество), вредность которого можно легко устранить, а лучше всего то, что вовсе вреда не приносит, но ведь безгрешная вода, мать - земля, солнце и воздух - все в одном месте полезно, в другом приносит вред». Как видно, он большое внимание уделял побочным действиям лекарств. Таблицы очень наглядны и удобны в пользовании. Они долгое время служили наглядным пособием при обучении студентов.

И. К. Эфендиев. История медицины в Азербайджане с древнейших времен до наших дней. Баку - 1964. [281-282]

АГА МИРЕК МИРЗА ГИЯС

В начале XVI века в Индии потомком великого Тимура, выдающимся политическим деятелем и ученым - Бабуром, создается Империя Великих Моголов.

Не справившись с могущественными узбекскими правителями Шейбанидами, правитель Ферганской области Бабур бежит без оружия с 200 родственниками и преданными людьми в Кабул. Захватив Кабул и создав армию, Бабур двигается не в Фергану, где его ждут Шейбаниды, а в Индию.

В 1526 году после полной победы над местным Султаном Бабур входит в Дели и создает огромное государство - империю Великих Моголов (Бабуридов). Укрепив власть, Бабур проводит ряд военных и экономических реформ, продолжая традиции Тимура, много делает для развития науки и культуры. Он всячески поощряет развитие поэзии, литературы, живописи и архитектуры. Сам является автором многих сочинений на староузбекском (джагатайском) языке. После него правит его сын Хумаюн.

В 1544 году Хумаюн терпит поражение в борьбе с афганским правителем Шир-ханом и в сопровождении жены и близких людей бежит к сефевидскому шаху Тахмасибу, который встречает его очень торжественно на подступах к Тебризу. Хумаюн преподносит Тахмасибу необычайно дорогие подарки, в том числе огромный алмаз, «равного которому не созерцало око судьбы на протяжении веков и столетий и ухо времени не слышало о подобном». В свою очередь Тахмасиб устраивает торжественный прием в честь Хумаюна и тоже делает ему подарки. [282-283]

Хумаюн просит помощи у Тахмасиба в борьбе за власть. Через несколько лет шах Тахмасиб снаряжает войско, состоящее из 12 тысяч кызылбашей во главе с талантливым полководцем Будаг-ханом Каджаром. Шир-хан оказывается побежденным и Хумаюн возвращает себе престол Великих Моголов.

Будучи в Тебризе, Хумаюн знакомится с искусством миниатюристов, каллиграфов и архитекторов Азербайджана и становится их ярким поклонником. Вернув себе власть, Хумаюн приглашает целый ряд азербайджанских мастеров к себе в Дели. Среди них оказывается и миниатюрист Мир Саид Али Тебризи.

По иронии судьбы Хумаюн для занятий по живописи с Мир Саид Али Тебризи и астрономических наблюдений (Хумаюн увлекается астрологией) выбирает небольшой павильон, построенный Шир-Ханом. Там же он держит библиотеку рукописей. 24 января 1556 года на крыше библиотеки Хумаюн ждет появления на небосклоне планеты Венера. С наступлением сумерек, Хумаюн решает спуститься вниз. Вступив на вторую ступеньку он слышит призыв муэдзина и хочет поклониться. При этом цепляется ногой за свои одежды и, упав вниз головой, разбивается насмерть.

Как было сказано выше, после возвращения из Азербайджана Хумаюн становится большим поклонником сефевидской архитектуры. Поэтому, когда его любимая жена в том же году возвращается из паломничества в Мекку, она привозит из Азербайджана архитектора Ага Мирека Мирза Гияса, которому поручается строительство мавзолея для Хумаюна в стиле, так его восхищавшем.

Только через восемь лет в 1573 году мавзолей был закончен. Ага Мирек доказал, что не зря проделал такой большой путь. Как, пишут искусствоведы Индии, этот мавзолей стал поворотным пунктом в строительстве таких сооружений в Индии. Он был первым в большой серии парковых мавзолеев, возводимых при династии Великих Моголов. Вершиной в этом ряду станет шедевр мировой архитектуры мавзолей Тадж-Махал в Агре (1630-1652 гг., турецкий архитектор Мухаммед Иса Эфенди).

Сохранив монументальную пространственную структуру сефевидских, среднеазиатских и турецких сооружений подобного рода, Ага Мирек смог внести в облик мавзолея много индийского. Вместо ярких цветных изразцов, применяемых сефевидскими и среднеазиатскими архитекторами для украшения мечетей, дворцов и мавзолеев, Ага Мирек применяет сочетание белого мрамора с цветными камнями разных оттенков.

Мавзолей в плане имеет квадратную форму (52 x 52 кв. м.). К центральному октагональному залу примыкают четыре таких же малых зала. Вокруг мавзолея Ага Мирек разбивает сад в лучших сефевидских традициях. Сад находится [283-284] в районе, называемом «Низамаддин». Мавзолей размещается в центре парка на пересечении двух широких аллей. Такая планировка - Чахарбаг соблюдалась при разбивке дворцовых парков в Тебризе, Казвине и Ардебиле. Кстати, в этом же саду находится октагональный мавзолей Иса Хана (1547г.) Такой формы мавзолеи строились в Индии и

раньше. Они удивительно напоминают октагональный Диван-хане Дворца Ширваншахов или наоборот, диван-хане является уменьшенной копией этих мавзолеев.

Имя Ага Мирека хорошо известно в Индии, а построенный им мавзолей до сих пор остается одним из выдающихся памятников архитектуры страны.

В истории Индии с этим памятником связаны трагические события борьбы за независимость и последних дней династии Великих Моголов. В 1857 году выдающийся поэт и правитель Бахадур шах Зафар из династии Великих Моголов возглавил восстание мусульман и хиндуидов против Британского господства. Когда восстание пошло на убыль и англичане стали контролировать положение, Бахадур-шах с семьей нашел убежище в мавзолее Хумаюна. 22 сентября 1857 года англичане ворвались в парк и убили двух юных сыновей и внука Бахадур-шаха, а его самого сослали в Рангун, где последний из потомков Тимура умер.

Имя выдающегося зодчего Ага Мирека Мирза Гияса, построившего мавзолей императору Хумаюну, навсегда вписано в историю культуры Индии. В то же время имя Хумаюна осталось навеки в культуре азербайджанского народа в названии одного из шести основных мугамов. Мугам «Хумаюн» возник, или окончательно оформился во время пребывания Хумаюна в Тебризе при дворе шаха Тахмасиба.

P. Varma Delhi and its monuments, New Delhi - 1987; Сапа Ашурбейли. Экономические и культурные связи Азербайджана с Индией в средние века. «Элм». Баку - 1990; Чәфәр Гијаси. Јахын-узаг елләрдә. «Ишыг». Бақы - 1985. [284-285]

«Око времени никогда не видело подобного этому!»
Нишапури

МИР СЕИД АЛИ

В Британском музее в Лондоне хранится рукопись «Хамсэ» Низами, исполненная в мастерских при шахской библиотеке для шаха Тахмасиба I в 1539-1543 годах. Специалисты считают, что это одна из самых замечательных по художественным достоинствам рукопись всех времен и народов - шедевр книжного искусства Востока. Рукопись имеет богато орнаментированные титульные листы, широкие поля каждой страницы рукописи украшены традиционными силуэтными рисунками, выполненными золотом.

Эту книгу украшают четырнадцать миниатюр большого формата, выполненных самыми выдающимися азербайджанскими художниками XVI века: Султан Мухаммедом, Ага Миреком, Мир-Мусаввиром, Мирза-Али, Мир-Сеидом Али и Музаффаром Али. На одной из страниц рукописи переписавший ее хаттат Шах-Махмуд Нишапури оставил надпись, верность суждения которой сохранилась до наших дней: «Око времени никогда не видело подобного этому!»

Одна из лучших миниатюр этой рукописи «Меджнун у палатки Лейли» выполнена великолепным художником из школы Султана Мухаммеда Мир Сеидом Али. Высоко ценятся и другие миниатюры этого художника, «Сватовство Лейли», «Музыкальный меджлис», «Бахрам Гур и чабан», хранящиеся в лучших музеях мира.

Мир Сеид Али родился в начале XVI века в семье известного художника - миниатюриста Мир Мусаввира. Он получил хорошее образование и писал пользующиеся популярностью у современников стихи под псевдонимом Джудаи (от [285-286] слова разлука). Первоначальное художественное образование он получает у отца, затем продолжает его в мастерских при шахской библиотеке. В это время там работают такие выдающиеся мастера, как Бехзад, Султан Мухаммед, Ага Мирек и др. и Мир Сеид проходит прекрасную школу. Уже в 30-ых годах он приступает к самостоятельной работе ему поручается иллюстрирование рукописи «Хамсэ» Низами, о которой говорилось выше.

Известный азербайджанский художник, искусствовед, поэт и тазкирист Садиг Бек Афшар писал о художнике: «Мир Сеид Али был сыном Мир Мусаввира, превосходного мастера своего дела и одного из сотрудников библиотеки покойного шаха Тахмасиба. Сам Мир был тоже очень искусным орнаменталистом (наккашем) и живописцем (мусаввиром). Из-за мелкой обиды он покинул Азербайджан, переселился в Индию и в службе у Джалаладдина Акпара достиг высоких почестей».

О творчестве отца его Мир Мусаввира известно очень немного. Науке известна всего одна миниатюра его работы. На ней изображен заведующий дворцовым столом Сирхан-бек Сюфрачи. Из источников тех лет известно, что Мир-Мусаввир входил в число преподавателей шаха Тахмасиба, увлекающегося рисованием и каллиграфией.

Индийский император Хумаюн, - из династии Великих Монголов, изгнанный из Индии в 1540-1549 годах, жил при дворе шаха Тахмасиба I в Тебризе. Ознакомившись с работой дворцовой библиотеки и художественных Мастерских, Хумаюн захотел по возвращении в Индию создать у себя нечто подобное. Особое внимание он обратил на Мир Сеида Али и еще, будучи в Тебризе, поручил ему иллюстрировать дастан «Амир Хамза».

Вернув себе трон, Хумаюн приглашает Мир Сеида Али и некоторых других мастеров к себе. Одной из известных работ, выполненных Мир Сеидом Али совместно с тебризцем Самедом Ширази в Индии, была картина - панно «Дом Тимура», на котором изображены портреты представителей династии Тимуридов. За эту картину Хумаюн присваивает ему титул «Надир уль Мулк Хумаюн Шахи» («Редкость царства Хумаюн шаха») и поручает общее руководство по иллюстрации уникального издания дастана «Амир Хамза», состоящего из 16 больших томов с 2400 иллюстрациями. Каждый том издания хранился в специально изготовленном художественном сундуке. Размер листов, из которых состояла книга, достигал почти метровой величины. Над этим изданием под руководством Мир Сеид Али работали 30 художников. Несмотря на это, к 1570 году, когда Мир Сеид Али отправляется на паломничество в Мекку, как считают некоторые исследователи, в свое последнее путешествие, удалось завершить только 4 тома. [286-287]

Имя Мир-Сеид Али осталось навсегда в истории искусств таких богатых своими художественными традициями стран, как Азербайджан, Иран и Индия. Общеизвестно влияние творчества Мир Сеида Али и тебризской школы, которую он представлял, на становлении Могольской школы миниатюрной живописи Индии, так же как на развитие турецкой миниатюры тебризских художников Шах Кули Тебриза, Вели-джана, Кемаля Тебризи и др.

А. Ю. Казиев. Миниатюры рукописи «Хамсэ» Низами. Баку - 1964; А. Ю. Казиев. Художественное оформление азербайджанской книги XII-XVII веков. «Книга». Москва - 1977; Исследования и материалы по архитектуре и искусству Азербайджана. Баку - 1966. [287-288]

ГАСАН БЕК РУМЛУ

Выдающийся историк XVI века, автор знаменитого многотомного труда «Ахсатан ат-таварих» («Лучшая из историй») Гасан-бек Румлу родился в городе Кум в 1530/31 году. В раннем возрасте он потерял отца, о котором ничего не известно. Жил и воспитывался он в семье своего деда Амир Султана Румлу, о котором он часто упоминает в своих произведениях. Так он пишет, что когда в 1536/7 году младший брат Шаха Тахмасиба I приезжает в Казвин, он с матерью живет у Амир Султана и встречает Тахмасиба подарками в виде «шатров, денег, породистых коней и дорогих вещей». Отсюда видно, что Румлу воспитывался в богатой и знатной семье и должен был получить хорошее образование.

В 1539/40 году умирает его любимый дедушка, которым он всегда так гордился, и спокойная жизнь кончается. Нужно как-то определить свое будущее и Гасан-бек поступает в конную гвардию шаха. Теперь юноша участвует во всех походах шаха и близко знакомится с дворцовой жизнью. В походах Гасан-бек проявляет себя смелым и сообразительным воином. Особенно он отличается в походах 1546/7 года в Грузию и в 1550/1 в Курдистан. Участие Гасан-бека в дворцовых приемах подтверждается азербайджанским историком Искендером Мюнши, который пишет о его присутствии на приеме во время вручения подарков Тахмасибу от прибывшего из Индии Могольского шаха Хумаюна. В своем труде Гасан-бек упоминает известных ученых того времени Абдулгасана и Махмуда Ширази, у которых он продолжает свое образование. [288-289]

После смерти шаха Тахмасиба I в 1576/7 году Гасан-бек возвращается в родной Кум и последний том своего труда, посвященный одному из самых жестоких сефевидских правителей шаху Исмаилу II, пишет, не будучи непосредственным участником событий.

После смерти шаха Исмаила II Гасан-бек по приглашению шаха Мухаммеда Худабанде опять попадает во дворец.

Из двенадцати томов «Ахсатан ат-таварих» до нас дошли только два последних тома. Они посвящены периоду правления шахов Тахмасиба I и Исмаила II. Современные историки, изучающие историю Ирана и Азербайджана, считают, что этот труд является наиболее полным источником того периода истории. Там излагаются политические события, происходившие в этих странах, и приводятся основные биографические сведения о феодальных правителях, ученых, богословах и поэтах. Кроме того, в труде нашли отображение события, происходящие в сопредельных государствах Тимура, Аггоюнлу и Ширваншахов.

Как пишет азербайджанский историк Октай Эфендиев, «ни в одном другом источнике события полувекового правления Тахмасиба I не излагаются с такой подробностью, как в сочинении Хасан-бека Румлу».

Октай Эфендиев. Азербайджанское государство Сефевидов. «Элм». Баку - 1981. [289-290]

ИМАМКУЛИ-ХАН КАДЖАР

Сефевидская или, как ее называют Кызылбашская держава, созданная шахом Исмаилом в XVI веке, делится на тринадцать областей - беглярбекств, во главе которых стоят «беглярбеки». В Большой Азербайджан входит четыре беглярбекства - Тебризское, Чухурсаадское, Карабахское (включая Гянджу) и Ширванское. Беглярбекство Карабах и Гянджа с давних времен заселено различными тюркскими племенами, самым многочисленным из которых были Каджары. Беглярбеками Карабаха и Гянджи так же были Каджары - наследственные правители из рода Зияд-оглы.

Первым беглярбеком этой области становится Кямаляддин Шахверди-Султан Зияд-оглы Каджар, затем Ибрагим-Султан Зияд оглы Каджар и Юсиф-Султан Зияд-оглы Каджар, Пейкар-Султан Зияд-оглы Каджар и Имамгулу-хан Зияд-оглы Каджар.

Имамгулу-хан Зияд-оглы Каджар особо выделяется среди них, как выдающийся государственный деятель и талантливый полководец. Биографических данных о нем почти нет. В рукописях имя Имамкули-хана упоминается, в основном, в связи с военными походами совершаемыми им в бытность беглярбеком Карабаха и Гянджи.

22 августа 1576 на престол Сефевидской державы коронуется сын шаха Тахмасиба под именем шаха Исмаила II. К этому времени страна уже ослаблена междоусобной борьбой кызылбашских эмиров. Шах Исмаил II принимает некоторые меры по ослаблению власти эмиров, одновременно производит изменения в составе правителей некоторых беглярбекств. В частности, снимает с поста правителя всего [290-291] Карабаха и Гянджи Юсифа Халила Зияд-оглы Каджара, которого вскоре убивает, занявший его место Пейкар-Султан, представитель той же фамилии Каджар. Он тоже не удерживается на троне и заменяется по приказу шаха Исмаила II на Имамкули-хана Каджар. Выбор оказывается очень удачным. Благодаря дальновидной политике и большому военному таланту, Имамкули-хан Каджар сумел сохранить независимость Карабаха в тяжелые годы оккупации Азербайджана османами.

Имамкули-хан Каджар на протяжении почти десяти лет борьбы с османскими оккупантами придерживается тактики опережения противника. Ему удается большинство сражений давать за пределами границ Карабаха. Имамкули-хан создает мобильное войско, способное даже при проигрыше вернуться с малыми потерями на родину, тем более, что он избегает сражений, называемых в наше время генеральными.

Шах Исмаил II продержался на троне недолго. Однако, сменивший его, шах Мухаммед Худабенде подтверждает назначение Имамкули-хана правителем Карабаха. В это время начинается вторжение османских войск в Ширван. В качестве союзников в своем походе на Грузию и Ширван турки стараются привлечь крымского хана Гирея, дагестанских феодалов, а также часть ширванской знати, стремящейся к восстановлению независимости Ширвана.

Стотысячная османская армия под командованием Мустафа Лала-паша в 1578/79 году выступает в поход на Ширван. Первое сражение с османами Имамкули-хан в союзе с правителем Чухурсаада Тукман-ханом дает на подступах к Тифлису. Сражение заканчивается неудачно для союзников и Имамкули-хан возвращается в Карабах. Вполне возможно, что именно в это время Имамкули-хану был пожалован титул Султана, так как у известного азербайджанского историка Бидлиси, начиная с этого сражения и в дальнейшем, он именуется везде Имамкули-Султаном.

Собрав в Карабахе свежие силы, Имамкули-хан вместе с войсками правителя Азербайджана Амир-ханом, подошедшим к этому времени, опять отправляется навстречу османским войскам. У реки Алазани происходит сражение с крупным отрядом османской армии. Османы оказываются наголову разбитыми и в руки Имамкули-хана и Амир-хана попадают большие трофеи. Кызылбашам достается 1 тысяча верблюдов со снаряжением и 3 тысячи лошадей. В плен попадает много турецких военачальников. Основные войска Османов в это время занимают, без особого труда, Ширван, укрепляются там и, оставив на местах гарнизоны на зиму, возвращаются в Эрзерум. Правителем Ширвана турки оставляют Осман-пашу. [291-292]

В районе Тифлиса объединенные войска Имамкули-хана и царя Симона наносят серьезное поражение войскам Мустафа Леле-паши. Было убито свыше 20 тыс. солдат и захвачена богатая добыча. Отсюда Имамкули-хан направляется в Ареш, хорошо укрепленный турками. Пятитысячный гарнизон во главе с Китай-пашой оказывается разбитым, Китай-паша убит, а один из крупных османских военачальников, Абдурахман, попадает в плен. Часть гарнизона города вырезается восставшими жителями. Попытке объединенных войск кызылбашей освободить Ширван от турок помешал крымский

хан Адиль-Гирей. Более того, преследуя эти войска, Адиль Гирей двинулся на юг в Муганскую степь и у переправы через Куру нанес им сокрушительное поражение, после чего вернулся в Шемаху. Вслед за Адиль-Гиреем были направлены войска, в состав которых входили отряды самых именитых кызылбашских эмиров, в том числе и Имамкули-хана Каджара.

На берегу реки Аксу 28 ноября 1578 года у местечка Моллахасан стороны встретились. Здесь произошло одно из самых знаменитых сражений в истории Ширвана и Карабаха. Сражение длилось с раннего утра до позднего вечера. Почти двадцати тысячное войско Адиль-Гирея стойко оборонялось, но даже вступление в бой самого Адиль-Гирея не могло поменять хода сражения. Адиль-Гирей был выбит из седла и взят в плен. В плен попал и османский военачальник Китай-паша. После пленения Адиль-Гирея татарское войско обратилось в паническое бегство и было перебито. В руки кызылбашей попала огромная добыча, захваченная татарами на Куринской переправе. Эта битва позволила освободить почти весь Ширван. В руках Осман-паши остался, фактически, только Дербент.

В 1579 году крымские татары вновь совершают набег на Ширван, опустошают его и уходят обратно. В 1580/81 году они совершают третий набег на Ширван. На этот раз кызылбашским войскам, сравнительно легко удается вытеснить татар из Ширвана. Однако, вскоре из-за голода, разразившегося в Азербайджане, туркам удается вернуть себе Ширван.

Сефевидское руководство решает принять ряд срочных мер для освобождения Ширвана. Новым беглярбеком Ширвана назначается Пейкар-бек Зияд-оглы Каджар, которому жалуются титул хана. На защиту Ширвана было решено из Карабаха послать племена каджар, отузик и др. во главе с Имамкули-ханом. Весной 1581 года крымские татары во главе с Гази Гиреем и Сефи-Гиреем совершают в четвертый раз набег на Ширван. Сражение происходит между Шемахой и Шабраном. Войска каджаров, джагирлу, караманлу и других, возглавляемые Пейкар-ханом Каджар, одерживают полную победу. Гази-Гирей попадает в плен к [292-293] каджарам. С большим трудом избегает плена Саадат-Гирей. Однако, смерть Пейкер-хана в этом же году, позволяет туркам восстановить свою власть в Ширване.

Только через год, весной 1583 года, Имамкули-хан вновь предпринимает попытку вытеснить турок из Ширвана. В битве около Ниязабада турки терпят полное поражение. Убиты многие турецкие военачальники. Войска Имамкули-хана преследуют отступающих турок почти до Дербента. На берегу реки Самур турецкие войска вместе с подкреплением, пришедшим из Дербента, дают бой Имамкули-хану. Жестокая битва, продолжавшаяся несколько дней, вошла в историю под названием «битвы при факелах» («меш'але савашы»), так как сражение не стихало и ночью, при свете факелов. На четвертый день преимущество превосходящих сил османов стало явным и Имамгулу-хану приходится отступить.

Летом 1584 году османы вновь двигаются в Чухурсаадскую область. Опять беглярбек Чухурсаада обращается за помощью к Имамкули-хану. На этот раз, учитывая подавляющее численное превосходство противника, Имамкули-хан не счел возможным рисковать своим и без того малочисленным и уставшим войском. Турки вступают в Ереван. На следующий год им удается захватить Тебриз. Независимым остается только Карабах. В это же время некоторые кызылбашские племена поднимают мятеж и Имамкули-хан участвует в его подавлении. На протяжении этих тревожных лет Кызылбашский двор часто находится не в Казвине, а в Карабахе. И сейчас, после подавления восстания, шах и его наследник Хамза-мирза прибывают в Карабах в сопровождении Имамкули-хана. Недалеко от Гянджи, после переговоров с турецким пашой Хамзу-мирзу убивает его личный цирюльник и в стране начинается полный развал.

Вскоре шахом страны объявляется 16-ти летний сын Мухаммеда Худабенде под именем шаха Аббаса I. Столицу государства шах Аббас переносит в Исфаган и, как считает большинство азербайджанских историков, Азербайджанское Кызылбашское государство, основанное шахом Исмаилом I, прекращает свое существование. Символично, что это событие совпадает с кончиной выдающегося полководца и патриота Имамкули Султан Зияд-оглы Каджар. На его место правителем Карабаха назначается Мухаммед-хан Зияд-оглы Каджар. Но дни Карабаха уже сочтены. Турецкий полководец Джафар-паша в 1588/89 году через нейтральную Грузию нападает на Карабах. Престарелый Мухаммед-хан фактически без сопротивления уступает страну. Большая часть Азербайджана оказывается в руках турок. Однако, уже через год племена каджаров под предводительством Мухаммед-хана Зияд-оглы Каджар отвоевали у турок Карабах и осадили Гянджу. Однако, шах Аббас, ради сохранения подписанного с турками мира, с трудом уговаривает карабахцев [293-294] снять осаду с Гянджи и оставить Карабах в руках турок. Справедливости ради, надо отметить, что когда в 1605 году шах Аббас I отвоевывает у турок Карабах и Гянджу, он назначает правителем области опять Мухаммеда-хана Зияд-оглы Каджар.

ШАХ АББАС

Идет последняя четверть XVI века. Великая Сефевидская империя, созданная шахом Исмаилом и простирающаяся от границ Османской империи до Индии, терпит острый кризис. На трон возведен почти слепой, безвольный и слабохарактерный шах Мухаммед Худабенде. Фактически же правит государством его жена Хейр ан-Ниса-бегим по прозвищу Махди Уля («Высокая колыбель») и ее сын Хамза-Мирза, талантливый полководец, одержавший ряд блестящих побед над турками. Они безуспешно стремятся укрепить центральную власть в борьбе с почти полностью самостоятельными и непрерывно враждующими между собой, эмирами-главами кызылбашских племен.

Казна опустошена. Народ разорен. Пользуясь тяжелым положением страны, Османская Турция и Крымские татары вторгаются в Ширван и Азербайджан. Борьбе с оккупантами мешают обострившиеся отношения ведущих кызылбашских эмиров с Махди Уля. Ее обвиняют в ущемлении прав Тюркских эмиров и выдвижение на руководящие посты персидской знати. В конце концов эмиры организуют заговор, увивают Махди Уля и ее мать во дворцовом гареме и вновь становятся полновластными хозяевами страны.

Неспокойно в это время и в Хорасане. Шах Мухаммед Худабенди утверждает правителем Герата и воспитателем своего сына Аббаса-мирзы, наместника Хорасана, Алигулу-хана Шамлу. Алигулу-хан Шамлу в союзе с Муршид-Гулу-ханом Устаджлу отказываются подчиняться центральному правительству, находящемуся в Казвине и выбирают Алигулу-хана Шамлу своим лидером – «Ханлар ханы» («Хан ханов»). [295-296] В ответ на это в Казвине эмиры - сторонники шаха казнят мать и отца Алигулухана и других представителей фамилии Шамлу, к которой он принадлежит. После этого хорасанские эмиры в 1581 году объявляют принца Аббаса шахом. Между предводителями фамилий Шамлу и Устаджлу вспыхивает борьба, победителем в которой выходит Муршид-Гулу-хан Устаджлу.

В это время в Казвине фактически правит Хамза-мирза, с переменным успехом отбивающий нападения османских турок и крымских татар. Осенью 1585 года турки захватывают Тебриз. Разрушают в городе дворцы, мечети и жилые дома, устраивают страшную резню. Тебриз из цветущего и не имеющего себе равных на Ближнем Востоке городов, превращается в мертвый город.

Недовольные политикой Хамза-мирзы, кызылбашские военачальники убивают его, подослав для этого к спящему принцу его братора - армянина из Хоя. Происходит это в Гяндже 10 декабря 1586 года, во время мирных переговоров с турками, недалеко от гробницы великого азербайджанского поэта шейха Низами. Турки пользуясь растерянностью царящей во дворе, в связи с убийством принца, развивают наступление и занимают почти весь Азербайджан. Одновременно в Хорасан вторгаются узбеки, на усмирение которых отправляется Шах Мухаммед Худабенди.

Воспользовавшись этим, в разгар войны с узбеками, в 1587 году Аббас-мирза занимает Казвин и принимает титул шаха. Отца своего, старого шаха, он убеждает отречься в его пользу. Новый шах принимает на службу 12000 грузин, принявших мусульманство и приступает к реформам в области военной и гражданской администрации.

Как пишет участник событий Дон Жуан Персидский (Орудж-бек Баяты): «В первый день, как только закончилась церемония присяги в верности новому монарху, шах Аббас отдал приказ, чтобы на следующий день ханы и командиры посетили его дворец в мирном одеянии, без оружия, так как он желает посоветоваться с ними об учреждении Дивана или Государственного Совета. На следующее утро, когда все собрались, как было велено, шах Аббас отдал тайный приказ своей грузинской гвардии закрыть все ходы и выходы на улицы выходящие на площадь вокруг дворца... Затем шах обратился с вопросом к собравшимся а именно, какое наказание заслуживает тот, кто убил своего принца? В конце-концов, все единодушно сошлись на том, что поданный, осуществивший убийство своего принца, заслуживает смерти. Едва этот приговор был произнесен, как по знаку шаха Аббаса грузинские гвардейцы напали на присутствующих во дворцовом здании, предав смерти всех без исключения заговорщиков, после чего двадцать две головы на наконечниках копий были выставлены из окон дворца на обозрение народа; ужасное зрелище вызывающее благоверный [296-297] страх в сердцах самых самонадеянных. После этого молодой монарх, которому только исполнилось пятнадцать лет убивает претендента на регентство - Муршид-Гулу-хана Устаджлу, и других, желающих править от его имени и полностью берет власть в свои руки.

Однако основная борьба впереди. Азербайджан захвачен турками, Хорасан с городами Мервом, Хератом, Мешхедом и Нишапуром - узбеками, внутренние области страны давно вышли из подчинения

центральной власти. Первое, что делает шах Аббас - это вводит ряд законов, ограничивающих права кызылбашских эмиров и расширяющих права и привилегии персидской гражданской бюрократии, проводит ряд военных и гражданских реформ. Однако, нельзя преувеличивать процесс персизации страны и армии, происходящий при шах Аббасе, как это делают некоторые историки. Тюркско - азербайджанский язык остается, как это пишут многие европейские путешественники, официальным языком двора и армии. Дон Жуан Персидский (Орудж-бек Байат), современник шаха-Аббаса пишет: «Сейчас у нас 32 клана благородных семей, признанных в Персии и имеющих огромное превосходство в стране». Все 32 фамилии, включая такие как Устаджлу, Шамлу, Афшары, Туркоманы, Байаты, Текели, Хармандалу, Зулкардарлу, Каджар, Караманлу, Бай-буртлу, Иснирлу, Орийат, Чаушлу и др. относятся к тюркским - азербайджанским фамилиям. Названия военных и придворных чинов также остаются азербайджанскими. Например Хан, Беглярбек, Кызылбаш, Куллар, Ишик-агасибашы, Курчи, Курчибашы, Ясавул, Кануги-башы, Чалчы-башы и многие другие. Азербайджан продолжает оставаться важнейшей административной единицей страны и правитель Азербайджана, назначается наследником престола и главнокомандующим армией. Можно сказать, что Сефевидское государство перестает быть азербайджанским, но вновь создаваемый шахом-Аббасом Сефевидский Иран все еще остается, в большой степени тюркским - Кызылбашским государством (Мемлекет-и Кызылбаш).

Утвердившись в Казвине шах Аббас отправляется в свой первый из многочисленных победоносных походов. В короткое время он освобождает Хоросан от узбеков и мечтает освободить родной Азербайджан. Однако для этого нужно выиграть время и в 1590 году шах Аббас заключает мирный договор с Османами. До этого он всячески сдерживает освободительные выступления на оккупированной территории. Так, перед подписанием договора, кызылбашские племена Каджар и другие во главе с Мухаммед-ханом Зийад-оглу Каджар овладевают Карабахом и осаждают Гянджу. По просьбе шаха Аббаса, которому жалуются турки, осада снимается. [297-298]

По договору большая часть страны переходит в руки Османов. В их руки попадает Ширван, Карабах, Тебриз и прилегающие к ним области. Оставшуюся в руках шаха Аббаса территорию он называет «Азербайджаном», как одну цельную административную единицу. Как пишет известный азербайджанский историк XVI века Искендер Мюнши шах Аббас сохранил «гордое название «Азербайджан!» - наследственное владение Сефевидов». Столицей Азербайджана объявляется Ардебиль. Первым беглярбеком «Азербайджана» в 1592 году назначается Зульфугар-хан Караманлу. Через год, после этого, в Арdebиль торжественно вступает сам шах Аббас.

В 1598 году шах Аббас переносит столицу в Исфаган, находящийся в центре государства. Перед этим шах получает известие, что узбеки захватили Мешхед и вырезали там свыше 40000 человек. На сбор войска шаху Аббасу не хватает средств и он дает приказ переплавить на деньги, имеющуюся у него, великолепную золотую и серебряную посуду, сказав при этом: «Мой отец, слепой царь Мухаммед Худабенде, часто повторял поговорку, что хорошая оплата принесет столько побед, сколько не может принести самая большая удача.»

14 сентября 1603 года шах Аббас начинает военную кампанию по освобождению Тебриза. За четырнадцать дней молодой полководец неожиданно для турок, приводит свои войска от Исфагана к Тебризу. По дороге к нему примыкают войска Амиргуна-хана Каджара и Зульфугар-хана Караманлу. При подходе войск к Тебризу население города восстает, что помогает шаху Аббасу быстро взять город, а спустя месяц и цитадель. Разбив после этого войска османов западнее от Тебриза, шах Аббас двигает войска в сторону Аракса. Нахчиван и Джульфа сдаются без боя. Вскоре к ним присоединяется и восставший Ордубад. По ходатайству первого везира шаха-Аббаса, ордубадца Хатем-бека город, в связи с этим был освобожден от уплаты всех налогов.

Труднее было взять сильно укрепленную Ереван, осада которой началась 16 ноября 1603 года. Здесь шах Аббас впервые применил крупнокалиберные пушки отлитые известным азербайджанским мастером пушкарем Бахадур-беком Топчибашы. Впервые за последние почти сто лет армия государства Сефевидов наступает, а турецкая защищается, при этом во главе армии стоит умный, энергичный, смелый и честолюбивый шестнадцатилетний юноша, поставивший перед собой благородную задачу, восстановления огромной Сефевидской империи шаха Исмаила. Крепость была взята только летом следующего года. Управление областью Ереван поручается Амиргулу-хану Каджару, а Нахчиван - Максуд-Султану Кенгерли. После этого Грузия признает свою вассальную зависимость от шаха Аббаса. [298-299]

Оставалось освободить Карабах и Ширван. Беглярбеком Карабаха заранее был назначен Гусейн-хан Мусахиб Каджар. Между тем, с основными силами османов еще предстояло встретиться. Понимая опасность предстоящего генерального сражения для судьбы всей страны шах Аббас применяет традиционную тактику Сефевидов - тактику «выжженной земли». По своим масштабам и жестокости, однако, он превзошел все, и всех, что до сих пор делалось. Огромное пространство, разделяющее Османов и Ширван, было опустошено, города разрушены, а население переселено в центральные

районы Ирана. Были разрушены Джульфа, Нахчиван и Ереван. Турецкие войска под командованием Джелал-оглу Санан-паши дойдя до Еревана оказываются без провианта и жилищ и вынуждены вернуться в Ван. Войска шаха Аббаса совершают неожиданный рейд в Ван и разбивают войска Джелал-оглу. Теперь здесь применяется та же тактика выжженной земли. На пути от Салмаса до Тебриза на расстоянии почти 250 км местность превращается в выжженную пустыню. Джелал-оглу несмотря на это, вновь собирает огромное войско, почти в 100 тыс. человек и двигается в сторону Тебриза.

7 ноября 1605 года, здесь происходит одно из самых крупных сражений в истории войн шаха Аббаса. Военный талант шаха Аббаса здесь проявился особенно ярко. Все сражение велось под его командованием. Он так распределил основные силы и резервы, что сумел справиться с превосходящими силами противника. Он применял неожиданные военные хитрости. Войскам шаха удалось захватить огромное количество трофеев в том числе около 100 орудий.

Сразу после победы шах Аббас выступает в Карабах и осаждает крепость Гянджу. Взять крепость удалось только через четыре месяца, летом 1606 года. На место прежнего правителя Карабаха Гусейн-хана Мусахиба Каджар был назначен Мухаммед-хан Зияд-оглу Каджар. После этого шах-Аббас берет Лори, Дманиси и Тифлис и направляет войска в Ширван. Осада Шемахи длится почти пол года. В это время население Баку и Дербента восстало и перебило турецкие гарнизоны. Таким образом в середине 1607 года в руках шаха Аббаса оказался весь Азербайджан, Восточные Курдистан, Армения и Грузия.

Турецкий историк Ибрахим Печеви с отчаянием пишет: «Таким образом, все, что было завоевано воинами ислама за 10-12 лет, полностью было потеряно. Этот безбожный шах все отвоевывал в течение двух лет.»

Турки не смиряются с потерей завоеванных территорий и требуют возврата к договору 1590 года. Это приводит к непрерывным войнам, закончившимся заключением нового мирного договора в 1612 г, который, в основном, закрепил [299-300] существующие к заключению договора границы. Фактически, Османское правительство признает завоевание шаха Аббаса.

Уже после заключения договора шах Аббас вторгается в Грузию разоряет Восточную Грузию и угоняет в плен 30 тысяч мирных жителей. В ответ на это огромная 100 тысячная турецкая армия направляется на Кавказ. Придерживаясь своей традиционной тактики Шах Аббас в 1615 году приказывает беглярбеку Карабаха Мухаммед-хану Зияд оглу Каджар разрушить крепость Гянджу, а резиденцию свою и столицу области перенести в крепость Тифлис. Шах Аббас уклоняется от сражения и довольствуется перекрытием связей турецкой армии с тылом. Не выдержав голода и начавшийся эпидемии Османы зимой в 1616/17 году отступают неся огромные потери. На следующий год Халил-паша с огромной армией, состоящей из турок и крымских татар направляется на Тебриз, а затем Ардебиль. Шах Аббас оставляет без боя оба города, предварительно эвакуировав население.

Уклоняющийся от генерального сражения шах Аббас, наконец решает дать бой у местечка Сыных-керпи. Утомленные длительным переходом Османы и татары терпят сокрушительное поражение. В бою гибнет командующий османовским войском Гасан-паша. После этого турки идут на подписание очередного мирного договора (сентябрь 1618 г.). Мир сохраняется не долго. Нарушает его на этот раз шах-Аббас.

В 1622-1623 годах шах-Аббас захватывает Ирак Арабский с городами Багдад, Кербела, Неджеф, Мосул, Киркук и др. и Ахалцих в Грузии. Буквально через год Грузия под командованием Георгия Саакадзе, прошедшим хорошую военную подготовку при шахе Аббасе, поднялась на борьбу с сефевидами. Войска Саакадзе очищают восточную Грузию и захватывают и громят Гянджу. На подавление восстания шах посылает огромное войско, которое одерживает победу над грузинами у Гюмюшлу 30 июня 1625 года. Шах смещает правителя Карабаха Мухаммед-Гулу-хана Зияд-оглу Каджара за трусость.

Умирает шах-Аббас 19 января 1629 года в городе Ашрафе области Мазандаран в возрасте 58 лет.

Известный азербайджанский историк, поэт и общественный деятель XIX века Аббас-Кули-Ага Бакиханов, подводя итоги правления шаха Аббаса, в своем знаменитом труде по истории Азербайджана «Гюлистан-и Ирам», пишет: «Шах Аббас, известный мудрым управлением и устройством государства, учредил гражданские и военные правила и законы, которыми персидские шахи руководствуются и поныне. Даже в европейских историях, где достоинство государей строго разбирается, шах Аббас, покровитель наук и искусств, заслужил имя Великого. Народы же Азии, для которых [300-301] память этого великого человека сделалась идеалом правосудия и мудрости, боготворят его. Он воздвигнул столько общественных зданий, что ни один государь Востока в этом отношении не может с ним сравниться. Мечети и училища в городах, а в пустынях караван-сарай и водопроводы, рассеянные по всей Персии и Закавказскому краю, еще долго будут свидетельствовать о его благодеяниях. Шах Аббас жил в дружбе со всеми современными писателями и учеными Персии, которые в большом числе появились в его время, да и сам он писал иногда стихи, которые и доселе ценятся в Персии.»

Популярность шаха Аббаса так велика, что он становится постоянным героем азербайджанских дастанов и сказок. Он сам пишет стихи и покровительствует ученым, врачам, поэтам, художникам и поэтам. Достаточно сказать, что при его дворе, в разное время находятся такие видные деятели азербайджанской культуры, как поэты Месехи и Саиб Тебризи, каллиграфы и художники Садиг-бек Афшар, Али Рези Тебризи, Мир Мухаммед Казвини, прозванный «Имад ул мулук» («опора державы») и многие другие. При дворце действует дворцовый оркестр, руководит которым «чалчы баши». «Шахская» библиотека Аббаса содержит огромное количество книг религиозного и светского содержания. Ее называют «цветущая kitabxana». Калантаром - попечителем библиотеки был вначале выдающийся азербайджанский художник, поэт и историк Садиг-бек Афшар, получивший титул Садиг Китабдар, а после него каллиграф и поэт Али Рези Тебризи, удостоенный титула «Аббаси» и прозванный, «Шах Навазом» («Льстец шаха»). Последний, кроме того становится приближенным шаха, очевидно в связи с его активным участием в оформлении мечетей и дворцов возводимых шахом в Исфагане-шедевре Сефевидской школы архитектуры.

При шахе - Аббасе Исфаган полностью перепланируется. На прямых и широких улицах вырастают прекрасные дворцы, мечети, караван-сарай, жилые дома, украшенные блестящей цветной глазурью и стенной росписью, парки. В центре города создается огромная прямоугольная площадь – «Шах-Мейданы», на которую выходят шахская мечеть, дворец и парк. Шахская мечеть («Масджид-и Шах»), законченная в 1616 году является одним из лучших памятников архитектуры мира. Все здание мечети покрыто глазурованными плитами разных цветов. При шахе Сефи мечеть была украшена серебряными воротами и облицована мрамором. На площади проводятся воинские парады и игры в човган (поло). По своей планировке, составу зданий и даже по названиям объектов, расположенных на площади эта площадь повторяет столичные площади азербайджанских столиц - Тебриза и Казвина, носящих также названия «Шах-Мейданы.» [301-302] Здесь также как в указанных городах находятся шахская мечеть «Шах масчиди», дворцы «Алы Гапы» и «Хафт Бешишт», «Чехелсутун» и т. д.

В строительстве Исфагани активно участвуют архитекторы, каллиграфы и строители из Азербайджана Шамсаддин Мухаммед Тебризи, Гасым Тебризи, Абдул-лятиф Тебризи, Али Рза Тебризи, Молла Абдулла Тебризи и другие. Для переселенных из Азербайджана ремесленников и мастеров шах - Аббас строит в Исфагане специальный квартал.

А. А. Рахмани. «Тарих-и алам арай-и Аббаси», как источник по истории Азербайджана. Баку - 1960; И. В. Пигулевская и др. История Ирана с древнейших времен до XVIII века. Ленинград - 1958; Чәфәр Гијаси. Јахын-узаг елләрдә. «Ишыг». Баку - 1985. [302-303]

САДИГ-БЕК АФШАР

В созвездии талантов, которыми так богат Азербайджан, звездой первой величины выделяется художник-миниатюрист Сади́г-бек Афшар.

Будучи высокоодаренной личностью, Сади́г-бек не может ограничить свое творчество только живописью. Он пробует силы в каллиграфии (его имя упоминается среди каллиграфов шаха Аббаса), музыке, пишет стихи, прозу, исторические хроники и тазкере и везде он так же талантлив, как в живописи.

Биография этого необычно талантливого человека напоминает остро сюжетный приключенческий роман. То его мы видим странствующим дервишем, то управляющим хозяйством какого-то мелкого правителя, через некоторое время он уже герой ожесточенной битвы, в перерывах между дворцовыми кутежами и смертельными битвами прилежный ученик и подмастерье и, наконец, заведующий библиотекой и художественными мастерскими в шахском дворце.

Современники Сади́г бека - тазкеристы (биографы) и историки очень высоко оценивают его поэтическую одаренность. Он выбирает себе в поэзии псевдоним «Садиги», что означает в переводе «Преданный». Сади́г-бек - автор десяти различных литературных сочинений в прозе и стихах, в том числе «Диван»ов азербайджанских и персидских стихов и историко - эпической поэмы «Фатхнамэ-и-Аббасинамдар» («Книга побед, знаменитого Аббаса»), состоящей из нескольких тысяч прекрасных стихов о военных походах шаха Аббаса. Известный азербайджанский историк XVII века [303-304] Искендер Мунши сравнивает эту поэму с «Шахнамэ» Фирдоуси, написанную тем же размером. В другой книге - тазкире Сади́г-бека «Меджмаул-хавас», написанной на азербайджанском языке, приводится много ценных сведений о четырехстах восьмидесяти поэтах, художниках и каллиграфах эпохи Сефевидов. Она представляет большой интерес для исследования как азербайджанской, так и персидской литературы и искусства. Только сравнительно недавно она была переведена на фарсидский язык и издана в Тегеране.

Большую известность среди специалистов приобрела его стихотворная книга «Ганун ас-Совар» («Канон изображений»), посвященная методике и практике живописи, носящая характер педагогических наставлений. Таких трактатов на Востоке очень немного (большинство трактатов посвящалось искусству поощряемой духовенством - каллиграфии) и поэтому он представляет большую ценность для изучения теории и практики средневековой живописи. Кроме того, для современных художников - копиистов и реставраторов это бесценное пособие по воссозданию техники живописи миниатюр, от подготовки кисти и бумаги до изготовления пигментных и клеевых естественных красок. Очевидно, это является одной из причин возросшего интереса к трактату Садиги со стороны искусствоведов Европы.

Сади́г бек-Афшар происходит из знатной семьи азербайджанского, тюркского племени Афшар. Родился он в Тебризе в 1533 году и еще в детстве увлекается поэзией и живописью. В двадцать лет он теряет отца и в одеянии дервиша много путешествует по городам и странам арабского мира. После возвращения на родину Сади́г-бек работает во дворцах различных мелких правителей.

Энергичной и одаренной личности Сади́г-бека быстро надоедает праздная дворцовая жизнь, о чем он пишет так: «Пока живешь, стремись к ремеслу и искусству, совершенствуйся в них сколько можешь, ибо без искусства - жизнь не жизнь.» Он решает продолжить свое образование и идет в ученики к знаменитому тебризскому миниатюристу, племяннику великого Бехзада, Музаффару Али. По его словам, «Всякая работа, за которую я хотел браться, казалась мне простой и легкой. Заветной моей мечтой было владение бехзадовским искусством... и искал себе устада, подобного Бехзаду. Наконец, наставителем моим стал один светло - сердечный, единственный века редкий уstad, один из воспитанников кисти Бехзада».

В годы учения Сади́г-бек успевает прославиться в сражении с астрабадскими туркменами своей смелостью и отвагой и безрассудной храбростью. Эти черты своего характера Сади́г-бек объясняет своим азербайджанским, тюркским происхождением. Он говорит, что проявляя [304-305] «тюркскую натуру и следуя кызылбашской традиции, считал себя мужественным и смелым и не признавал никого из храбрецов того времени».

Восемь лет учебы не проходят даром. Садиг-бек, как писал, один из его современников, «в конце концов, достиг огромных успехов и сделался непревзойденным художником тонкой кисти и несравненным живописцем и рисовальщиком. Он писал тысячи изумительных портретов». Его приглашают во дворец. При Шахе Исмаиле II Садиг-бек работает в мастерских при шахской библиотеке, а при шахе Мухаммеде Худабенде (1578-1587 гг.) становится руководителем этой знаменитой библиотеки, основанной шахом Исмаилом и называет себя «Садит Китабдар» (Садиги - хранитель книг). Той самой библиотеки, руководителями которой в разное время были гениальные миниатюристы Востока Бехзад и Султан Мухаммед, библиотеки, которая по-праву считается Академией Искусств. В мастерских библиотеки переписываются книги, создаются миниатюры, разрабатываются технологии изготовления красок и обработки бумаги, изготавливаются художественные переплеты. Здесь же готовятся кадры каллиграфов (хаттатов), орнаменталистов (иаккашей), живописцев (мусаввиров), позолотчиков (музаххибов), переплетчиков по картону (саххафов) и по коже (муджелидов).

Некоторое время он работает в этой должности и при шахе Аббасе I. Затем его на этом месте заменяет талантливый каллиграф и еще более талантливый царедворец Али-Ризе Тебризи, прозванный в честь этого «Шах-Наваз» («Льстец шаха»). Однако, как пишет Искендер Мюнши в своем «Тарих-е алем ара-е Аббаси», Садиг-бек продолжает формально числиться китабдаром: «...до конца жизни (Садиги) в служебном его положении изменений не произошло, и он продолжал получать жалование библиотекаря из государственной канцелярии.»

Работы Садиг-бек очень высоко ценятся в стране и далеко за ее пределами. Подарив свои рисунки поэту Горури, написавшему в его честь хвалебную касыду, Садиг-бек предостерегает: «Купцы каждый лист моей работы покупают за три тумана для доставки в Индию, смотри, не продавай их дешевле!»

Известны выполненные Садиг-беком портреты Имам Кули-хана, Теймур-хана Туркмена, Эмира, странствующего дервиша и др. Они хранятся в музеях Стамбула, Парижа, Бостона, Санкт-Петербурга. Все они выполнены в характерной для Садых-бека манере, передающей индивидуальные черты конкретного человека. Сохранилось несколько книг, иллюстрированных миниатюрами Садых-бека.

Умирает Садиг-бек в возрасте около 80 лет. В истории азербайджанской миниатюры Садиг-бек остался великолепным портретистом и новатором в реалистическом воспроизведении [305-306] изображаемого и стремлении к передаче перспективы. Как считают специалисты, его творчество сыграло роль в дальнейшем развитии миниатюры вообще и развитии Исфаганской школы миниатюры Ирана, в частности.

Кәрим Кәримов. Садиг бәј Әфшар. «Ишыг». Бақы - 1987; А. Ю. Казиев. «Садиг-бек Афшар» в книге Садиг-бек Афшар. Ганун ос-совар. Баку - 1963. [306-307]

ИСКЕНДЕР МЮНШИ

Искендер-бек Туркмен Мухаммед Юсиф Муваррих, известный сефевидский историк, автор знаменитого труда «Тарих-и алам арай-и Аббаса» («Украшающая мир история Аббаса»), родился в 1560/61 году в знатной семье тюркского племени Туркман.

Учебу он начинает с раннего детства в общеобразовательной школе, но не закончив ее, приступает к изучению науки, называемой тогда «сияк» (бухгалтерия), о чем в дальнейшем очень сожалеет. Изучив основы экономических знаний того времени, Искендер Мюнши служит у ряда государственных деятелей и даже участвует в военных походах. Далее, как пишет профессор Абулгасан Рахмани, он «отвернулся от неблагородного занятия бухгалтера и под влиянием образованных людей того времени энергично принялся за овладение искусством изложения мысли. Вскоре он изучил все приемы эпистолярного мастерства, что и дало ему возможность впоследствии поступить на почетную службу в августейшую канцелярию шаха Аббаса».

В 1592/93 году Искендер Мюнши вступает в должность «великих секретарей» (мюнши) шаха Аббаса I и сопровождает его в Исфаган при переносе туда столицы Сефевидского государства. Там он с семьей остается на постоянное жительство.

О семье Мюнши ничего неизвестно. В «Истории» Мюнши пишет только о своем племяннике (сын брата) Мухаммеде Салехе, везире Гиляна, как об одном из образованнейших людей того времени. Среди друзей Искендера Мюнши упоминается первый везир шаха Хатем-бек Ордубади, один из [307-308] потомков величайшего ученого Азербайджана - Насирэддина Туси. Некоторые исследователи считают, что именно благодаря его протекции Мюнши попадает в ряды «великих секретарей». Вплоть до смерти Хатим-бека в 1610/11 году Искендер Мюнши везде сопровождает первого везира и работает непосредственно под его руководством. Они участвуют в военных походах шаха Аббаса I, поездках по стране, охотах, дворцовых приемах и т. д. Во время одного из таких походов на Кавказ, после освобождения Гянджи и Еревана от османских войск, Хатем-бек приглашает шаха-Аббаса к себе на родину в Ордубад. Искендер Мюнши с любовью описывает «замечательную местность, прекрасные плодовые сады, прозрачные и приятные воды» Ордубада. В своем труде он приводит родословную Хатем-бека и пишет о заслугах его рода в образовании и становлении сефевидского государства.

Карьера Искендера Мюнши начинается в годы, когда созданное Шахом Исмаилом Кызылбашское государство в результате обострившихся феодальных междоусобиц и ослабления центральной власти переживает глубокий политический и экономический кризис. Почти весь Азербайджан, включая Тебриз захвачен турками. Пришедший к власти шах Аббас I, ограничивает власть кызылбашской знати, переносит столицу в Исфаган и начинает решительную борьбу за освобождение Азербайджана и восстановления былой мощи кызылбашского Ирана.

Искендер Мюнши сопровождает шаха Аббаса I в его пятилетнем походе за освобождение Азербайджана от турок. Он много ездит по Азербайджану, посещает города Тебриз, Ардебиль, Нахчиван, Ахар, Хой, Ману, Гянджу, Ордубад, Шемаху, Баку и др. Участвует в походах шаха Аббаса I в Хоросан в 1599-1601 гг., в Ирак в 1625 г. Посещает много городов Ирана и Ирака и других стран, участвует в путешествиях и шахских охотах, становится свидетелем многих событий в этих странах. Все это позволяет ему написать свое знаменитое сочинение «Тарих-и алам арай-и Аббаса», в котором он приводит подробное описание всего увиденного и историю Сефевидского государства при первых четырех шахах этой династии. Кроме того, он подробно знакомит читателей с выдающимися религиозными и политическими деятелями, поэтами, художниками, каллиграфами, музыкантами и певцами.

Имея экономическое образование, Искендер Мюнши участвует в разрешении финансовых проблем страны. Эти знания пригодились ему и при написании своей «Истории».

Сочинение Искендера Мюнши состоит из двух томов и является ценнейшим источником по истории сефевидского государства. Оно заметно отличается от других сочинений тех времен. Как пишет известный азербайджанский историк Октай Эфендиев: «Он не просто заимствует сведения из [308-309] сочинений своих предшественников, а старается их переосмыслить, систематизировать, часто выдвигая собственное толкование событий. Он подчас игнорирует внешнюю сторону событий, упускает их датировку, уделяя основное внимание раскрытию их содержания. В этом отношении он стоит, на наш взгляд, на голову выше современных ему историков, которые были хронистами, ограничивающимися констатацией фактов.»

Кроме того, эту книгу отличает от аналогичных трудов других авторов глубокий анализ экономической жизни страны и отдельных областей. Здесь можно найти сведения о налоговой политике шаха Аббаса I, о способах взимания этих налогов, финансовом положении ремесленников, торговцев и других сословий, финансовых злоупотреблений чиновников и т. д.

В своей книге выдающийся историк цитирует или использует шахские фирманы и всевозможные официальные документы из шахской канцелярии.

Другое произведение Мюнши – «Зейл-и тарих-и алам ара-и Аббаси» («Продолжение мироукрашающей истории Аббаса»), посвящено начальному периоду правления Сефи I. Труд не был завершен в связи со смертью автора.

Искендер Мюнши, как и большинство образованных людей того времени, писал стихи и прекрасно владел техникой каллиграфии. Стихи его разбросаны по тексту его «Истории». Отдельный сборник стихов Мюнши неизвестен. Один из современников историка пишет, что Искендер Мюнши очень хорошо пишет почерком насталиги, владеет скорописью в совершенстве.

Умер Искендер Мюнши в 1634 в Тебризе на семьдесят пятом году жизни.

Рукописи сочинения Искендера Мюнши «Тарих-и алам арай-и Аббас», являющегося выдающимся памятником исторической науки, хранятся в крупнейших библиотеках и музеях мира. Оно переведено на многие языки народов мира. Виднейшие историки мира ссылаются на этот труд, как ценнейший источник по социально-экономической, политической и культурной жизни Азербайджана XVI-XVII веков.

А. А. Рахмани. «Тарих-и алам арай-и Аббас» как источник по истории Азербайджана. Баку - 1960; Октай Эфендиев. Азербайджанское государство сефевидов. «Элм». Баку - 1981. [309-310]

АЛИ-РИЗА ТЕБРИЗИ

К концу XVI в почти весь Азербайджан оказывается оккупированным турками - османами. Знаменитая тебризская библиотека с мастерскими разорена. Художники - миниатюристы, хаттаты и другие мастера по оформлению и созданию книг вынуждены бежать сначала в Казвин, а затем Исфаган в связи с переносом туда столицы Сефевидского государства.

Одним из таких беженцев был талантливейший каллиграф, орнаменталист, художник - миниатюрист и поэт Низам ед-Дин Али Риза Тебризи. Он пишет семью почерками, но особенно больших успехов достигает во владении почерками насталиг, насхисульс. Биографических сведений о нем очень немного.

Известно только, что Али-Риза Тебризи юность проводит в Тебризе, где обучается письму почерками насхисульс у Ала ед-Дина Мухаммеда Тебризи, а насталигу у Мухаммед-Хусейна. Последний пишет в стихах Али-Ризе наставление о роли художественного письма:

По чину перо считай выше меча, хотя и по
телесной мощи слабее оно!

.....
.....

Против одного владеющего пером не устоять ста
богатырям с саблями. [310-311]

После взятия турками Тебриза 1585 г. Али-Риза перебирается в Казвин и там поселяется. Здесь он участвует в оформлении здания строящейся соборной мечети Казвина переписывает несколько высокохудожественных списков Корана, занимается преподавательской деятельностью. Вскоре Али-Риза поступает на службу к хоросанскому сардару Абул-Мансуре Фархад-хану Караманлу. Слухи о работах талантливого мастера доходят до двора и шах-Аббас берет Али-Риза к себе на службу.

О пребывании Али-Ризы при дворе шаха Аббаса I пишет один из его современников: «... теперь они пребывают на придворной службе у шаха мира, тени всемогущего, в стольном городе Казвине. Там они работают кита и писания для того наивысочайшего превосходительства... Войдя в состав придворных, они постоянно пользуются почетной близостью... они - в кругу самых близких, среди наделенных щедрыми милостями, прославлены и возвеличены безграничными любезностями, подарками и ласками. Есть надежда, что преуспевают в достижении всякого успеха и высоких степеней».

Али Риза преуспевает не только в искусстве каллиграфии, но и в искусстве дворцовой дипломатии и лести. Успехи его настолько велики, что ему присваивают титул «Аббаси». Кроме того, Али-Риза Тебризи пишет стихи и имеет литературный псевдоним «Шах-неваз» («Лысец шаха»).

Али-Риза назначается заведующим шахской библиотекой, которой со времени правления Мухаммеда Худабенде вполне заслуженно руководил известный поэт и художник Сади-бек Афшар. Сразу по поступлению на службу Али-Риза по поручению шаха - Аббаса создает альбом состоящий из лучших каллиграфических образцов и произведений выдающихся художников - миниатюристов.

В 1602-1604 годах Али-Риза находится в Мешхеде, где выполняет надписи и орнаменты на гробнице восьмого имама шиитов - Мусы ар-Резы. Работы выполняются на таком высоком художественном уровне, что после этого шах - Аббас поручает Али-Ризе оформление самых ответственных правительственных зданий и мечетей Исфагана. Среди них надписи крупным «сульсом» на вратах мечети Максуд-бека, мечети шейх-Лутфуллаха и соборной мечети шаха Аббаса I.

В настоящее время известно много рукописей, выполненных Али-Ризой. Среди них Казиев в своей книге о средневековых рукописях Азербайджана упоминает «Тимур-намэ» Хатифи 1568 г., сборник бесед шаха Тахмасиба I с послами турецкого султана Сулеймана I, переписанный насталигом в 1601-1602 годах; «Сабхат ул-абрар» Абд ур-Рахмана Джами 1613 г., сборную рукопись, состоящую из разных стихов и экземпляра «Мехр-и Шафайи» 1616 г. Али-Риза совместно с другими мастерами и астрономами [311-312] принимает участие в проектировании плана реставрации Марагинской обсерватории, пробует силы в искусстве миниатюры и в поэзии.

Один из его биографов, Мирза Санглах, пишет, что Али Риза прожил до 125 лет и был удостоен еще одним титулом «шейх-уль хаттатин» («староста каллиграфов»).

Сын Али-Ризы Тебризи Бади оз-Заман Тебризи проходит у отца хорошую школу и завоевывает известность, как талантливый каллиграф. Он прекрасно владеет почерком насталиг, за что получает прозвище «Никни-гяр» («Обладающий красивым почерком»). Бади пользовался большим авторитетом среди ученых, благодаря глубокому знанию фарсидского, азербайджанского и арабского языков. Бади был также известным поэтом. В Институте Рукописей АН Азербайджана хранится фрагмент его стиха, записанный им самим художественно на отдельном листе.

Будучи в Мешхеде или Исфагане обязательно полюбуйте арабесками, украшающими мечети и гробницы этих знаменитых городов и помяните при этом своего великого земляка Али-Реза Тебризи.

А. Ю. Казиев. Художественное оформление Азербайджанской рукописной книги XIII-XVII веков. «Книга». Москва - 1977; А. А. Рахмани. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке. «Элм». Баку - 1981. [312-313]

МИР ИМАД

Одним из лучших каллиграфов XVII века считается Мир Мухаммед бин Гусейн Гасани Сейфи Казвини, прозванный «Имад ул-мулук» («Опора державы») и получивший, благодаря этому, известность в народе, как Мир Имад.

Родился Мир Имад в Казвине в 1553/4 г. Юношеские и молодые годы он проводит в Тебризе, учась каллиграфии у выдающегося мастера почерка «насталик» Мовлана Мухаммед Гусейна Тебризи. Мир Имад был одним из его любимых учеников. Мухаммед Гусейн незадолго до смерти просит Мир Имада, в виде наставления, записать его стихи, Посвященные восхвалению письма (калем):

Память о наилучшем наследии человека - это калем,
запомни эту тонкость!
Вселенная, благодаря калему, приобрела славу и
честь, если бы не было калема, не было бы
вселенной.
Тот, кто не извлек пользы от калема, не считай его
согласно разуму, превосходным!
Калем чарующ, калем животворен, калем проводник,
калем путеводитель.
Калема не поймет каждый любопытный, (лишь)
писец оценит калем, и только!

После захвата Азербайджана османами Мир Имад много путешествует по странам Османской империи и совершает паломничество в Мекку. По возвращении на родину он поступает [313-314] на службу к Фархад-хану, а после его смерти (1599 г.) едет в Гилян, а оттуда в Казвин, где занимается преподаванием каллиграфии. Через год Мир Имад едет уже в новую столицу Сефевидского Ирана - Исфаган и поступает на службу в «высочайшую канцелярию» шаха Аббаса. Однако он не может приспособиться к жестким дворцовым нравам и вскоре вынужден покинуть шахскую канцелярию.

Мир Имад возвращается в Казвин, где продолжает свою преподавательскую деятельность. Его резко отрицательное отношение к дворцовым порядкам, политике шаха Аббаса и выступления с требованием устранения противоречий между шиизмом и суннизмом, приводящим к нескончаемым войнам с османской Турцией и узбекскими правителями, не остаются незамеченными. Шах Аббас вызывает к себе главу казвинских «шахсевенов» Максуб-бека с требованием положить этому конец: «Неужели нет человека, который убил бы этого пса суннита и избавил бы меня от его пакостей?».

Вечером того же дня 25 августа 1615 г. Мир Имада находят на одной из улиц Казвина убитым и буквально растерзанным на куски.

Образцы его художественного письма хранятся во многих книгохранилищах мира. Часть из них, хранящаяся в Санкт-Петербурге, опубликована в 1962 году.

А. А. Рахмани. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке. «Элм». Баку - 1961; А. Ю. Казиев. Художественное оформление Азербайджанской рукописной книги XIII-XVII веков. «Книга». Москва - 1977 [314-315]

ОРУДЖ-БЕК ДОН-ЖУАН ПЕРСИДСКИЙ

В 1604 году, за год до появления «Дон-Кихота Ламанчевского» Сервантеса, в городе Вальядолиде - столице Испанского Королевства на испанском языке выходит книга с аналогичным названием - «Дон-Жуан Персидский», азербайджанца Орудж-бека из тюркского кызылбашского племени Баят, прибывшего в качестве секретаря сефевидского посольства в Испанию и пожелавшего навсегда там остаться. Событие само по себе было знаменательным по многим причинам. Это была, очевидно, первая книга азербайджанского автора, вышедшая в Европе. Первая книга, напечатанная типографским методом и первый перевод сочинения азербайджанского автора на один из европейских языков. Кроме того, выход этой книги и прием, оказанный Орудж-беку при королевском дворе, косвенно свидетельствует о высоком уровне образования выпускников азербайджанских университетов того времени. В честь Орудж-бека при испанском дворе пишут сонеты, в которых подчеркивается его аристократизм, высокая образованность и любовь к живописи, его общества ищут члены королевской семьи:

Хвала тому, кто смел, красив и строен,
У нас теперь с Испанией сроднился,
Аристократом выгляди, но бился
На бранном поле, как обычный воин.

или [315-316]

Муж воинственный и смелый
Он владел и кистью тонко,
Рисовал как мастер зрелый.
Удостоен славой громкой,
Он запечатлел потомкам
Тех, кто занят бранным делом.

В 1926 году после долгих лет забвения эта книга была переведена на английский язык и издана в Лондоне, а в 1959 году была переведена на персидский язык. На русский язык книга Орудж-бека была переведена и издана в Баку известным азербайджанским историком - мидеивистом Октаем Эфендиевым, совместно с Акифом Фарзалиевым с обширными комментариями и введением. Приводимая ниже биография Дон-Жуана (Орудж-бека) составлена на основе сведений, приводимых самим Орудж-беком в этой книге.

Орудж-бек, по предположению некоторых исследователей, родился в 1560 году. Отец его, Султанали-бек знатный представитель кызылбашского - тюркского племени Баят, был близким приближенным сефевидского шаха Мухаммеда Худабенде (1578-1587 гг.) и его сына Хамза-мирзы.

В годы правления Худабенде почти весь Азербайджан был захвачен османской Турцией и усилия сефевидских властей, в первую очередь, были направлены на освобождение Тебриза. Молодой Орудж-бек вместе с отцом участвует в сражениях за Тебриз. В одном из таких сражений в 1585 году Султанали-бек героически гибнет и командование отрядом в 300 человек, собранным отцом за свой счет, поручается Орудж-беку. После этого Орудж-бек участвует во многих компаниях, проводимых Хамзой-мирзой.

После восшествия на сефевидский престол Ирана выдающегося полководца и государственного деятеля шаха Аббаса I (1587-1629 гг.) Орудж-бек участвует во многих его военных походах и в 1589 году после взятия Герата выдвигается, как он сам говорит, на высокую должность в армии. Авторитет Орудж-бека, как талантливого военного и политического деятеля к этому времени был уже настолько высок, что когда встал вопрос о составе антиосманского посольства, направляемого в Европу шахом Аббасом I, его кандидатура была названа одной из первых.

Посольство, во главе которого стоит Хусейнали-бек, покидает страну в июле 1599 года. В миссию входит четыре секретаря и пятнадцать слуг. Первым секретарем посольства назначается Орудж-бек. Дипломатическая миссия была уполномочена шахом Аббасом I посетить кроме России восемь

европейских государств: Германию, Рим, Испанию, Францию, Польшу, Венецию, Англию и Шотландию.

Из Исфагана через Кум и Казвин посольство направляется в Гилян, откуда на корабле с приключениями добирается до Астрахани. Отсюда путешествие продолжается по Волге до Казани, дальше на санях через Нижний Новгород и Владимир в Москву. В ноябре посольство с большими [316-317] почестями встречается в Москве и принимается царем Борисом Годуновым. Как пишет Орудж-бек, из-за дождей и снега приходится задержаться в Москве пять месяцев.

В начале 1600 года посольство, получив богатые царские подарки, продолжает свой путь на Запад. Из Архангельска на корабле миссия прибывает в устье Эльбы и поднявшись по реке до Эмдена, продолжает свой путь по Германии на восьми каретах. На всем пути до города Праги в Богемии владельцы земель принимают посольство с большими почестями.

В Праге они были торжественно приняты императором Рудольфом II (1576-1612 гг.), внуком Фердинанда I. В течении трех месяцев путешественники отдыхают в императорском дворце, а весной 1601 года отправляются в путь, следуя через Нюрнберг, Мюнхен и другие города Германии в Италию. В Мантуе герцог известного рода Гонзага принимает их в своем дворце. Далее Орудж-бек вместе с другими членами посольства едет через Верону и Феррару во Флоренцию. Во Флоренции они две недели отдыхают во Дворце великого князя Тосканы Фердинанда I. Сам князь с супругой Кристиной, внучкой королевы Екатерины Медичи, Принимают их в Пизе, где они гостят в течении десяти дней. Отсюда миссия направляется в Рим на прием к Папе. У городских ворот их встречают свыше тысячи экипажей, четыре тысяч всадников и огромное количество пеших горожан. Когда посольство въезжает в город, из крепостных пушек в их честь дается салют, а папские мушкетеры дают залп. В Риме они остаются два месяца и принимаются Папой.

Из Рима Хусейнали-бек с оставшимися членами посольства на зафрахтованных галерах отправляются во Францию и верхом на лошадях через города Авиньон, Монпелье, Перпиньян попадают в Барселону и оттуда с небольшими остановками в столицу Испанского Королевства Вальядолид. Здесь, передав послание шаха Аббаса I королю Испании Филиппу III, дипломатическая миссия Хусейнали-бека завершает свое задание и, совершив путешествие по всей Испании, прибывает в порт отправления на родину - Лиссабон. Все в работе миссии было бы хорошо, если бы не одна неприятная неожиданность: трое из четырех его секретарей посольства принимают христианство и решают остаться в Испании.

Крестным отцом Аликули-бека, племянника посла, становится сам король Филипп III, дав ему имя дона Филиппа Персидского. Вторым крестится Буньяд-бек и становится доном Диего Персидским и, наконец, последним вероотступником оказывается наш Орудж-бек, названный в новой вере Дон Жуаном Персидским. Крестной матерью его стала Маргарита Австрийская, королева Испании.

О дальнейшем пребывании Дон Жуана в Испании почти ничего неизвестно. Есть, правда, сообщение одного из современников о ссоре его с послом Персии 15 мая 1605 года и убийстве последнего шпагой на поединке. Исторические сведения и путевые заметки, приводимые Орудж-беком, свидетельствуют об его наблюдательности и стремлении [317-318] к обобщениям. Так, говоря о сефевидском Иране, он пишет: «Сейчас у нас 32 клана благородных семей, признанных в Персии и имеющих огромное превосходство в стране». К ним он относит фамилии Устаджлу, Шамлу, Афшары, Туркоманы, Байаты, Текелу, Хармандалу, Зулкардарлу, Каджар, Караманлу, Байбартлу, Испирлу, Орийат, Чаушлу, Асайишлу, Чамиш-Казаклу, Сарузолаклу, Карабаджаклу, Бахарлу, Куйниорилу(?), Кырклу, Бошалу(?), Хаджи Факихлу, Хамзалу, Золахлу, Махмудлу, Гарачомахлу, Гарагойунлу Гези-Байызлу(?), Пейклу, Иназлу(?) и Кух-Гилуйалу. Следовательно, управление всем Ираном даже при шах-Аббасе I который старался уменьшить авторитет кызылбашской знати, согласно Орудж-беку, находилось полностью в руках азербайджанцев.

Строки, написанные Орудж-беком об Испании, без каких-либо изменений могли бы сойти за репортаж с Олимпийских игр 1988 года в Барселоне, переданный по телевидению, хотя написаны они почти четыреста лет назад: «Все эти народные празднества, как нам показалось, в Испании проводились лучше, чем в любом другом королевстве или стране, которую мы посетили раньше, так как испанцам даже в состязаниях присущи великолепие и самообладание которых не хватает у других народов».

Читая описание Орудж-беком жизни в Московии, на память приходят пережитые годы: «Никому не разрешается обращаться к врачу для лечения, если тот иностранец, и ни один под страхом смерти не может покинуть Московию, чтобы поехать в другую страну, иметь общение с другим народом и выучиться чему-нибудь».

О персах он пишет, что они «всегда ревновали своих жен, это их древняя характерная черта».

В заключении хочется отметить, что несомненно Орудж-бек был выдающейся личностью, а его труд, написанный без обычной шахской цензуры, является ценным источником по исследованию истории Азербайджана, Ирана, Кавказа и других сопредельных стран и географии, этнографии и

искусства России и ряда стран Европы. Сам Орудж-бек свое путешествие без лишней скромности сравнивает с путешествиями Марко Поло и Магеллана.

Остается, правда, неясным вопрос мог, ли Дон-Жуан (Орудж-бек) послужить прототипом образа рыцаря-женоклюбца Дон-Жуана, выведенного испанским драматургом Тирсо де Молика в его пьесе «Севильский озорник или Каменный гость» в 1630 году или, напротив, при крещении Орудж-беку было дано имя популярного в народе и чем то его напоминающего Дона-Жуана.

Книга Орудж-бека Байата Дон-Жуана Персидского. «Язычи». Баку - 1988. [318-319]

РУКНАДДИН МАСУД МАСИХИ (ДОКТОР РУКНА)

Масихи является одним из самых видных поэтов и врачей XVII века. Происходит он из потомственной семьи врачей - ученых. Отец его, Низамеддин Али, был придворным врачом различных правителей Ирана и Индии. Братья его Насир и Гутба и сын Мухаммед Гусейн также были врачами. Все они так же, как и большинство образованных людей того времени, пишут стихи.

Низамеддин Али сам занимается медицинским образованием сына и уже в юношеском возрасте Масихи не только начинает врачебную практику, но и пишет для врачей - практиков, получившую в дальнейшем широкую известность книгу «Забитэт ул-элач» («Правила лечения»). Однако, известен Масихи сейчас больше как поэт, хотя большая часть его поэтического наследия утеряна. Кроме ряда лирических и эпических произведений сохранилась и принесла ему славу только поэма «Варга и Гюльша», написанная в 1629 году на азербайджанском языке. Уникальные экземпляры рукописи этой книги хранятся в Британском музее и в библиотеке Тегеранского университета. Вторая рукопись, как это следует из надписи, сделанной в ней, принадлежала вначале беглярбеку владельцу Карабаха Угурлу-хану Зияд оглу Каджару (назначен на должность в 1664 году), который всегда покровительствовал ученым и поэтам и сам был неплохим поэтом. Затем каким-то образом она попадает в Москву, откуда некто Гусейнгулу сын Мухаммеда Хатами Кахдамини в 1749/50 году выкупает ее и привозит в Тегеран. Лондонская рукопись переписана через 17 лет после завершения [319-320] поэмы, а Карабахская через четыре года. Известно и имя переписчика рукописи Угурлу-хана. Им был известный каллиграф Хабибуллах ибн Асадуллах Думбули.

Упомянутые самим Масихи произведения «Дане ва дан» («Зерно и синок») и «Занбур ва асал» («Пчела и мед»), написанные также на азербайджанском языке, пока не выявлены. Не обнаружены также и произведения Масихи, написанные на темы поэм Низами, о которых пишут его современники.

Сведения о жизни и творчестве Масихи собраны на основе анализа произведений средневековых тазкиристов литературоведом Алияром Сафарли.

Время жизни врача - поэта определяется приблизительно 1579/80-1655/56 годами. Родом Масихи из Тевриза. Известно, что отец Масихи сначала перебирается из Тебриза в Казвин во время переезда двора Шаха Тахмасиба, а затем, когда шах Аббас переводит столицу еще дальше на восток, придворный врач оказывается в Исфагане.

Полное имя поэта Рукнаддин Масуд Масехи. Часто его зовут просто доктор Рукна. Масехи (Масих, Масиха) - его литературный псевдоним. Масихи получает хорошее образование в Исфагане. Прекрасно владеет азербайджанским, фарсидским и арабским языками, изучает медицину, философию, логику, астрологию, богословие и стихосложение. Как и многие его современники, Масихи увлекается каллиграфией, и, если верить ему, достигает здесь больших успехов. Стихи пишет он на азербайджанском и фарсидском языках. Его сочинения содержат около 100 тысяч бейтов.

Принимая эстафету от отца, Масихи в качестве придворного врача попадает во дворец шаха Аббаса. Благодаря высокой эрудиции, образованности и, что было очень важно при дворе, высокому уровню поэзии, Масехи сближается с шахом и становится его ближайшим советником. Средневековые тазкиристы пишут, что шах часто гостит у Масихи дома и участвует в его меджлисах. Масехи считается советником шаха и сопровождает его во многих походах. После размолвки с шахом Масехи уезжает в Индию вместе со своим другом доктором Гейдаром.

Доктор Гейдар, как и Масехи, был талантливым поэтом, писавшем на азербайджанском языке. Известен даже указ шаха Аббаса о необходимости перевода его стихотворных рассказов на персидский язык.

В Индии Масихи имеет врачебную практику при дворах правителей разных рангов, в том числе и у шахов Акбара и Джахангира из династии Великих Моголов. Авторитет Масихи, как врача, при дворе был очень велик. Об этом свидетельствует один эпизод из его жизни при дворе шаха Джахангира. После какого-то очередного проступка гордого доктора Рукна просят покинуть двор. Однако, через год [320-321] когда шах тяжело заболевает и никто из придворных врачей помочь ему не может, его с извинениями приглашают вернуться и продолжить свои обязанности доктора.

Он живет и работает в Агре, Аллахабаде, Джайпуре и других городах Индии. Здесь он часто встречается со своими земляками. При дворе Масихи встречается с выдающимся азербайджанским

поэтом Саибом Тебризи. Многие тазкиристы Саиба считали учеником Масиха. Их дружба положительно повлияла на творчество обоих поэтов.

Один из первых «Диван»ов Масихи после его смерти был составлен Саибом. Тазкирист Мирза Тахир Насрабади, лично знакомый с Масихи, пишет, что в доме Саиба имелось десять «Диван»ов Масихи. В Бенгале Масихи встречается с азербайджанским ученым Гусейном ибн Каларом Бурхан Тебризи, автором словаря «Бурхане-гате».

В 1632 году Масихи возвращается из Индии на родину, Пробыв там свыше 20 лет. По случаю его возвращения поэт Овджи Назари пишет в стихах: «Тысячу благодарений богу, что я увидел врача Рукну. Его врачевание, будучи старым вином, свежо и прекрасно, дает врачам о естественной жизни. Да будет полным от вина кубок того, кто помог моим рукам дотянуться до бокала». Вернувшись на родину, Масехи преподносит поэму «Варга и Гулша», начатую еще до поездки в Индию, в честь сефевидского шаха Аббаса I, шаху Сефи. Двор, однако, его не принимает и остаток жизни он проводит в нужде.

Умирает доктор Рукна в возрасте 81 лет в городе Кашане, не оставляя врачебной практики до последних дней жизни.

А. А. Рахмани. Азербайджан в конце XVI и в XVII веке. Баку - 1961; Алияр Сафарли. Азербайджанская эпическая литература XVII-XVIII веков. «Язычи». Баку - 1986; Ә. Сәфәри. Мәсихи. «Кәнчлик». Бақы - 1992. [321-322]

САИБ ТЕБРИЗИ

Одним из самых выдающихся поэтов Востока XVII века был Саиб Тебризи, писавший на азербайджанском и фарсидском языках.

Мирза Мухаммед Али Саиб Тебризи родился в 1601 году в городе Тебризе - столице Азербайджана, где получил начальное образование. Отец его Мирза Абдулрагим был купцом и, как пишет известный тазкирист Насрабади, считался одним из коммерсантов, «заслуживающих доверия». Дядя со стороны отца Шамс ад-Дин Мухаммед Тебризи был великолепным каллиграфом, прославившемся на Востоке под именем Ширин-калам (Сладкое перо).

Тебриз, в царствовании Тахмасиба, в конце шестнадцатого века, был оккупирован османами. После его освобождения Шах Аббас переселяет многих тебризцев в Исфаган. В их число попадает и отец Саиба. Там Саиб продолжает образование и свою поэтическую деятельность. Педагогами его являются выдающиеся ученые того времени Каши и Шафаи. После окончания учебы его уже знают в Исфагане, как образованнейшего человека и талантливого поэта. В дальнейшем, образование, как это было принято в те времена, Саиб продолжает в путешествиях. Он посещает Мекку и Медину, оттуда едет в Турцию. Там он встречается с учеными и поэтами, знакомит их со своим творчеством.

В Исфагане, куда Саиб вскоре возвращается, поэта встречает холодный прием и в 1625 году он уезжает в Индию. Из Исфагана он едет в Кабул. Правитель Кабула, Мирза Ахсанулла Навваб, известный в поэтическом мире под псевдонимом Зафархан, принимает Саиба, как дорогого гостя у себя во дворце. В 1630 году Зафархан везет Саиба [322-323] с собой во дворец могольского шаха Джахана (Шах Джахан стал в дальнейшем известен всему миру по мавзолею, построенному им своей жене Тадж Магал) Шах Джахан принимает поэта с большими почестями и удостоивает его почетного звания.

При дворе Саиб встречается с выдающимся азербайджанским врачом и поэтом автором знаменитой поэмы «Гюльшен и Варга», написанной на азербайджанском языке - Масихи, который здесь выполняет обязанности главного врача шаха. Дружба поэтов продолжается много лет и положительно влияет на творчество обоих поэтов, хотя многие тазкиристы Масихи называют учителем Саиба. Саиб очень высоко ценит творчество Масиха и является одним из первых составителей его «Дивана», сразу после его смерти. Тазкирист Мирза Тахир Насравади пишет, что в доме Саиба имелось десять «Диванов» Масихи.

За Сахибом в Индию приезжает отец с разрешением вернуться поэту в Исфаган. В 1633 году Зафархан ставший уже правителем Кашмира отпускает Сахиба на родину, Однако, по ряду причин в Исфагане поэт долго не задерживается и опять отправляется в путешествие. Он посещает Мешхед, Гум, Казвин, Йезд, Ардебиль, Тебриз после чего опять возвращается в Исфаган. Здесь Саиба с большими почестями встречает и приглашает во дворец шах Аббас II (1642-1666 г) Во дворце Саиб становится «малики-шуара» - главой дворцовых поэтов. Здесь он пишет лирические стихи и касыды.

Саиб Тебризи создает новое направление в поэзии которое иранские исследователи называют «Исфаганским стилем». Здесь же следует отметить что в Индии его называют основателем «Индийской школы» фарсоязычной поэзии.

При дворе Саиб в своих касыдах и эпических произведениях воспеваает военные подвиги шаха. Особенно высоким художественным уровнем выделяется поэма «Кандахар-намэ». Она посвящается военному походу шаха Аббаса II в Афганистан и взятию Кандахара в 1649 году.

После прихода к власти шаха Сулеймана (1666-1694 гг.) отношение к Саибу при дворе резко меняется в худшую сторону и он уходит из дворца.

Последние десять лет жизни Саиб посвящает приведению в порядок и систематизации своих произведений. Он создает тематические сборники своих стихов: «Мир'атул-джамал», «Арайишенигяр» и «Ваджибюль-Хифз».

Саиб оставил огромное поэтическое наследие. Некоторые исследователи считают, что он составил около 300 тысяч (двустийший). Видный азербайджанский ученый Мухаммед Али Тарбийат в своей книги «Выдающиеся деятели Азербайджана» пишет, что он сам видел его «Диван» в 120 тысяч бейтов (не считая поэм). [323-324]

Умер Саиб Тебризи в 1677 году в городе Исфагане где и похоронен.

Творчеством Саиби Тебризи интересовались, в свое время Сейид Азим Ширвани, Гусейн Эфенди Гаиров, Ф. Б. Кочарли, академик Араслы, Азероглы. Творчество Саиба исследуется очень интенсивно в Иране, Индии и на Западе. Все исследователи, как один, признают талант Саиби и его

выдающуюся роль в поэзии Востока. Известный чешский востоковед Ян Ринка считает, что после Хафиза и Саади, Саиб Тебризи является самым ярким поэтом. Академик А. Крымский считает, что Саиб был учителем поэтов Ирана XVII века. Академик Бертельс видит в Саибе Хафиза XVII века. Видный индийский ученый Шибли Неман считает Саиба последним крупным поэтом Ирана. Очевидно, здесь надо добавить - последним поэтом старой школы. В истории литературы известна закономерность. Чем выше авторитет поэта тем больше бывает городов и стран называющих его своим. Так было с Гомером, Низами, Насими, Шекспиром и многими другими.

Споры продолжают много веков и наверное никогда решены не будут, так как такие люди принадлежат всему человечеству. Судьба Саиба сложилась несколько иначе. Своим поэтом его считают Азербайджан, Иран и Индия и никто друг у друга это право не оспаривает, так много поэт сделал для этих стран, хотя Саиб всегда подчеркивал роль Тебриза в формировании его поэтического дарования, указывал на свое тебризское происхождение, восхвалял красоту этого города:

Если Саади - из глины Ширази.
То Саиб из чистой земли Тебриза

Азәроғлу. Саиб Тәбризи. В книге-Саиб Тәбризи. Сечилмиш әсәрләри. «Язычи». Баку - 1980
[324-325]

НАДИР-ШАХ АФШАР

В конце XVII и начале XVIII веков, Сефевидский Иран переживает страшный экономический и политический кризис. Центральная и восточная часть страны попадает под власть афганцев. Азербайджан, Ширван и прилегающие к ним провинции оккупируются Турцией. Большую активность на Кавказе проявляет Россия. В 1723 году Петр I предпринимает поход на Баку и занимает все прикаспийские области.

Независимым, фактически, остается только область Мазандарана, где правит сильно окрепший за беспокойные годы последних лет правления сефевидов, правитель Астерабада Фатали-хан Каджар. Он принимает у себя бежавшего от афганцев сына сефевидского шаха Султана-Хусейна, принца Тахмасиба, который вскоре объявляет себя шахом.

В стране нарастает недовольство сложившейся обстановкой как среди крестьянства и городского населения, так и среди знати. Не хватает только лидера, который мог бы взять на себя руководство борьбой с завоевателями. Такой личностью оказался, мало известный тогда Надир Кули-хан Афшар.

Надир Кули-хан, будущий шах Ирана, происходил из клана кырклу тюркского племени Афшар, которое еще шахом Исмаилом I было переселено из Азербайджана в Хорасан. Здесь в 1688 году родился Надир-кули в бедной семье овчинника. Когда юноше исполняется восемнадцать лет, его вместе с матерью, после очередного набега хорезмских узбек, угоняют в рабство. Надир-кули вскоре бежит из плена и вернувшись в Хорасан поступает на службу к Баба Али-беку, правителю Абиверда. Он набирает небольшое [325-326] войско, постепенно подчиняет себе несколько провинций Хорасана и принимает имя Надир-Кули-бека. Дальнейшее победоносное продвижение по Хорасану Надир Кули-бека приостанавливается могущественным феодалом Мелик Махмудом. Надир Кули-бек обращается за помощью к Тахмасибу и когда в 1726 г. шах Тахмасиб и Фатх Алихан Каджар прибыли с войсками в Хорасан для низложения Мелик-Махмуда и восстановления власти иранского шаха Надир Кули-бек вместе со своими воинами поступает к шаху на службу.

Тахмасиб назначает Надир Кули-бека наместником Хорасана и тот на этот раз принимает имя Тахмасиб Кули-хана. Надир Кули-хан нужен был шаху Тахмасибу, кроме всего прочего, для нейтрализации Фатх Али-хана Каджара, влияние которого быстро растет. Однако и этого шаху (и не в меньшей степени Надиру) оказывается недостаточным, и во время осады Мешхеда - столицы владений Мелик-Махмуда, Фатх Али-хана Каджара убивают по приказу шаха Тахмасиба. Поводом послужило донесение Надира о том, что Фатх Али-хан, якобы, имеет тайный союз с Мелик-Махмудом. После этого Надир Кули-хан назначается главнокомандующим шахскими вооруженными силами. Вскоре Надир разбивает войска Мелик-Махмуда, а его самого казнит. После этого положение Надира при дворе значительно окрепло.

В 1727 году Надир идет на полный разрыв с шахом Тахмасибом и приступает к борьбе за власть во всем Хорасане. Надир одерживает ряд побед над вышедшими из под контроля курдскими и туркменскими племенами и войсками шаха Тахмасиба. Шах признает свое поражение и ищет примирения. Тем временем Надир, совершив целый ряд удачных походов объединяет весь северо-восточный Иран. Его успехами крайне обеспокоен афганский шах в Иране-Ашраф. Ашраф двигает войска в Хорасан для борьбы с Надиром. 30 сентября 1729 г. в сражении у реки Михмандоста, Ашраф был разбит. Этим сражением Надир открывает счет своим блестящим победам в борьбе за освобождение страны от иноземцев. Войско Ашрафа отступает к Тегерану, а оттуда направляется в Исфаган. Турецкий султан посылает большое войско на помощь афганскому шаху Ашрафу, прекрасно понимая, что покончив с афганцами Надир двинется в Азербайджан.

Решительное сражение между Надиром и Ашрафом происходит 13 ноября 1729 г, недалеко от Исфагана. На этот раз Надир одерживает победу над объединенными афганско-турецкими войсками. Начинается беспорядочное бегство афганцев. Они так напуганы, что без боя в тот же день оставляют Исфаган. Надир торжественно входит в город и собственноручно возлагает иранскую корону на голову шаха Тахмасиба. Спустя некоторое время Надир направляет [326-327] свое войско вслед за афганцами в провинцию Фарс. Опять Надир одерживает победу, а Ашраф гибнет во время бегства.

Восток страны полностью освобожден. Остается освободить от турков - османов Азербайджан и некоторые прилегающие к нему области.

В период компании 1731 года Надир Кули-хан разбивает турков и освобождает Азербайджан, Хамадан и Керманшах. Турки остаются только севернее Аракса.

Тахмасиб пытаясь поднять свой пошатнувшийся авторитет решает сам освободить эту область. Однако терпит поражение и в 1731 году заключает позорный для страны договор, по которому все области севернее Аракса, а так же некоторые области Керманшаха переходят в руки турков. Надир-Кули-хан не признает договора и в 1732 году созывает соблюдая древние тюркские обычаи, гурултай ханов и знати на котором Тахмасиб низлагается, а шахом объявляется его восьмимесячный сын нареченный Аббасом III. Фактически власть переходит полностью в руки Надира. Затем, в течении двух лет он одерживая победу за победой, очищает от турок весь Азербайджан и Восточную Грузию.

Как пишет Бакиханов полководческий талант проявился у Надир Кули-хана особенно при осаде Гянджи в которой засел турецкий гарнизон. Осада затягивалась однако гарнизон не сдавался надеясь на помощь турецкого полководца Абдулла-паши. Он расположился в Карее и постоянными обещаниями помощи поддерживал дух осажденных. Надир оставив часть войска у стен Гянджи и перекрыв дороги в Дагестан с 15 тысячами воинов отправляется в Карс. Абдулла паша не рискуя вступить в бой с Надиром, уже показавшим себя способным военачальником, запирается в крепости готовясь к длительной осаде. Желая ускорить события, однажды ночью Надир снимает осаду и поспешно отходит. Абдулла-паша попавшись на обман с 100 тысячным войском выходит из крепости и преследует Надира до Еревана. Там юго-западнее Эчмиадзина Надир неожиданно поворачивает назад и нападает на турецкие войска. Неожиданное нападение вносит панику в ряды турецких воинов и Надир Кули-хан одерживает полную победу. После этого гарнизоны Еревана и Тифлиса сдаются на милость победителя.

К концу 1735 года Кавказ оказывается полностью очищенным от турецких войск, что можно считать большой победой Надир-шаха. Здесь важно отметить помощь местного населения Надир Кули-хану в борьбе с турками, а затем их борьбу и с самим Надир Кули-ханом. В этой борьбе закладываются основы будущих независимых азербайджанских ханств. Первым независимым становится шекинское ханство вышедшее из подчинения Надир Кули шаха. [327-328]

Россия согласно Гянджинскому договору 1735 года уступает Надиру занятые еще Петром I Баку и Дербент с условием, что он будет продолжать борьбу с Турцией и не заключит с ней сепаратный мир. Однако, Надир Кули-хан нарушает эти условия и заключает с османской Турцией в 1736 году мирный договор, по которому она возвращает ему все территории в границах Сефевидского Ирана 1722 года. Непокорность продолжают проявлять только народы Дагестана, всегда ориентирующиеся на суннитскую Турцию. Надир направляет свои войска в Дагестан, доходит с большим трудом до Казикумуха и возвращается обратно. Правителем вновь завоеванных областей Азербайджана Надир, в дальнейшем, назначает своего брата Ибрагим-хана.

Впервые за много лет огромная территория Азербайджана оказывается административно подчиненной одному человеку. Теперь границы сефевидского Ирана почти полностью восстановлены и остается еще восстановить его разрушенное хозяйство.

Представители старой династии сефевидов потеряли авторитет среди феодальной знати и народа и вряд ли способны были поднять страну из разрухи. Надир решает на единственный с его точки зрения верный шаг - захват престола. Для этого он в Муганской степи, опять соблюдая древнетюркские обычаи, собирает сходку, на этот раз - большой гурултай. На гурултай он собирает военную, гражданскую и духовную знать, а также городских и деревенских старост. Всего, вместе с челядью там собирается около 100 тыс. человек. Для них из дерева и камыша возводится около 12 тыс. временных построек, включая мечети, бани и базары. К празднику Нового Года - Новруз Байраму 21 марта 1736 года Надир Кули-хан предлагает гурултаю избрать из своей среды шаха, так как шах Аббас III еще ребенок, а сам же Надир Кули-хан утомился от дел и отказывается от власти.

Кызылбаши - азербайджанская военная знать своим возвышением была обязана сефевидам и, конечно, была против смены династии, но открыто выступить против решился только беглярбек Карабах и Гянджи Угурлу-хан Каджар, за что в дальнейшем лишился большей части своих владений. За ним оставляется только область Гянджи и сохраняется титул беглярбека Гянджи, а большая часть каджаров Карабаха переселяется в Хорасан.

Когда гурултай коронует Надира под именем Надир-шаха, он долго еще заставляет себя упрасивать, прежде чем дает согласие принять этот титул. После этого Надир раздает всем участникам гурултая дорогие подарки, включая рабов и рабынь, в основном из армян и грузин.

Придя к власти Надир-шах делает ставку на войну, и военный гений Надира его не подводит. В мире по пальцам можно перечислить полководцев выигравших так много [328-329] сражений. В походах Надир-шах надеялся восстановить экономику страны, помочь обогатиться и привлечь на свою сторону, недовольную сменой династии, кызылбашскую знать.

В 1737 году Надир-шах выступает против восставших афганцев и занимает Герат и Кандагар. Затем он отправляется походом в Индию, которая принимает беженцев афганцев. Войска Надира почти беспрепятственно подходят к Карналу (северо-западнее Дели), где 24 февраля 1739 года наголову

разбивают войска «Великого Могола» Мухаммед-шаха и 20 марта занимают Дели. Держава «Великого Могола» обязывается уплатить огромную контрибуцию в размере 6 млн. рупий деньгами и 500 млн. рупий драгоценными камнями. Военная добыча оценивается в 700 млн. рупий, большая часть богатств отвозится в Келат, где хранится до смерти Надир-шаха. Драгоценные камни Надир-шах исключил из дележа принятого в кызылбашской армии, и оставил себе. Это вызвало недовольство воинов. В контрибуцию вошли известный на весь мир бриллиант «кухи-нур» («гора света») и усыпанный драгоценными камнями «павлиний трон.»

Завоевав Индию, Надир подчиняет Синд и предпринимает экспедицию в Среднюю Азию. Несмотря на упорное сопротивление, к 1740 г. Надир-шаху удается включить в состав своего государства Бухарское и Хивинское ханства.

Оставив в завоеванных странах военные гарнизоны, в 1741 году Надир-шах предпринял поход в Дагестан. Дело в том, что пока Надир-шах завоевывает Индию горцы выходят из подчинения. Их войска регулярно нападают на Дербент и Шемаху, Кахетию и Джаро-Белоканскую область. В 1738 году в битве у села Джаника войска Ибрагима-хана, врага Надир-шаха, были разбиты объединенными войсками горцев. Ибрагим-хан и Угурлу-хан Каджар, беглярбек Гянджи, были убиты.

В Дагестане Надир-шах встретил упорное сопротивление. Несмотря на ряд побед в начале 1743 г. Надир-шаху пришлось отступить из Дагестана, хотя для поддержания престижа в Дагестане была отчеканена монета с именем Надир-шаха.

Стремясь восстановить подорванную в Дагестане репутацию, Надир-шах начал войну с Турцией с целью захватить арабский Ирак. Однако эта война проходила с переменным успехом и не увенчалась победой, так как часть войск пришлось перебросить в Иран и сопредельные страны для подавления анти-надировских выступлений.

В 1746 году Надир заключает с Турцией мир, по которому сохраняются старые границы. В эти же годы Надир-шах предпринимает экспедиции в Бахрейн, Оман и Маскат. Столицу государства Надир-шах переносит из разоренного Исфагана в Мешхед и недалеко от него строит для себя, [329-330] на неприступной горной вершине, крепость Келат, где хранит казну. Для строительства крепости азербайджанские крестьяне доставляли сюда мраморные глыбы весом до 15 тонн. Приблизительно в то же время он начинает строительство флота в Персидском заливе и на Каспийском море с привлечением европейских специалистов, перевооружает армию. Особое место в армии занимала артиллерия и туфенки - пехотинцы вооруженные тяжелыми мушкетами. Для литья новых пушек, мортир и ядер, в Мерве был создан огромный укрепленный центр. Здесь же проходило испытание и пристрелка артиллерии, и подготовка топчиев - пушкарей и минеров. Все это входило в обширные планы дальнейших завоеваний Надир-шаха. Он мечтал завоевать все побережье Каспийского моря, покорить Китай и создать огромное государство. Однако планам не суждено было сбыться.

Политика централизации, которую он проводил, не совпадала с интересами своевольной феодальной знати. В 1741 году, когда он проезжает через Мазандаранские леса на него совершается покушение. Затем следуют неудачи в Дагестане и ряд восстаний в 1743-1747 годах. Все это озлобляет Надир-шаха и он начинает прибегать к массовым казням, которые касаются и членов ведущих фамилий. В результате во дворце зреет заговор и в июне 1747 г. Надира убивают ночью в своей палатке. Так трагически заканчивается жизнь «Наполеона Востока», как его называют многие историки.

Ф. М. Алиев. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII века. «Элм» Баку - 1975; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Государство Надир-шаха Афшара. Москва - 1958; В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана. Москва - 1965; Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-и Иран. «Элм» Баку - 1991. [330-331]

ГАДЖИ ЧЕЛЕБИ

Видный политический деятель и талантливый полководец Гаджи Челеби Шекинский вошел в историю, как создатель независимого Шекинского ханства. Он является дальним потомком Дервиш-хана, возглавившего в 1551 году восстание шекинцев против Сефевидского шаха Тахмасиба I.

Гаджи Челеби одним из первых ханов выходит из подчинения Надир-шаха и объявляет Шекинское ханство независимым, еще при его жизни. Все начинается с массовых выступлений против жесткой налоговой политики Надир-шаха в Ширване и Дагестане. Волна недовольств доходит до далекой Шеки.

Мелик Наджаф назначенный Надир-шахом для управления областью, своими непомерными поборами и жестокостью восстанавливает население области против себя. Жители Шеки обращаются с жалобой к Надир-шаху, который в это время находится около Дербента. Надир-шах напуганный возрастающим недовольством народа его политикой в Азербайджане и Дагестане решает сгладить инцидент. Он предлагает шекинской знати выбрать уполномоченного для надзора за действиями мелика Наджафа и прислать его в ставку шаха. Шекинцы в конце 1741 года выбирают своим представителем состоятельного и пользующегося большим авторитетом Гаджи Челеби. Шах назначает его векилом Шекинского магала и уполномочивает контролировать сбор повинностей с населения Меликом Наджафом. После этого Гаджи Челеби, фактически берет власть в свои руки. Он открыто вмешивается в дела, входящие в компетенцию Мелика Наджафа. [331-332]

Наджаф отправляется в лагерь Надир-шаха с жалобой на Гаджи Челеби: «Челеби не пускает, чтобы я возлагал исполнение приказов на шаха. Сам не слушает и народу не дает слушать». Надир-шах не желающий терять богатый край вызывает к себе в лагерь Гаджи Челеби и приказывает его повесить. Однако мужественный Гаджи Челеби с петлей на шее убеждает Надир-шаха в ложности обвинения: «Мелик - сказал он, получив от шаха какое-либо приказание [всегда] добавляет к нему еще несколько поручений». Надир-шах оправдывает Гаджи Челеби, наделяет его еще большими полномочиями и обращается к своим эмирам с укором: «В то время, как при мне никто не смеет даже заикнуться, этот нухинец Челеби осмелился с петлей на шее, не теряясь, выразить мне свое мнение. Увидите, что он что-нибудь да натворит, я никогда не ошибаюсь».

Когда Надир-шах ушел из Ширвана в 1743 г., там начались новые антинадировские выступления. Воспользовавшись этим Гаджи Челеби, с верными ему людьми, нападает на резиденцию ставленника Надир-шаха, Мелика Наджафа и убивает его. После этого Гаджи Челеби объявляет Шекинскую область независимым княжеством - ханством. Как пишет Фуад Алиев «Этот акт положил начало создания на территории Азербайджана мелких государственных образований - независимых ханств. Примечателен тот факт, что если подавляющее большинство независимых ханств образовалось после распада государства Надир-шаха, то Шекинское ханство заявило о своей независимости еще в период правления Надир шаха.»

«Надир-шах зимой 1744 года направляет свои войска в сторону взбунтовавшегося Гаджи Челеби. Гаджи Челеби предвидя такой шаг предлагает шекинцам перебраться в заново укрепленную и снабженную провиантом крепость получившую после прихода Надир-шаха название «Гелярсен-Гересен» («Придешь - Увидишь»). Надир-шах идет к крепости с отрядом в 15 тысяч отборных воинов. Однако уже через три дня он отступает, даже не организовав осады. Шекинцы постоянными вылазками наносят войскам Надир-шаха существенный урон. Сам Надир-шах при отступлении едва не гибнет. В руки шекинцев попадают богатые трофеи. Надир-шах уводит войска в Барду. Оттуда он с 30 тысячным войском в конце 1744 года отправляется в Дербент. Здесь его опять ждут неудачи и он снова возвращается в Барду. В феврале он вновь выступает против Гаджи Челеби. Осада крепости «Гелесен-Гересен» опять не дает результатов. Тогда Надир-шах сжигает древнюю Шеки и окрестные села. Почти три года шекинцы терпят страшные лишения в крепости «Гелесен-Герерсен», борясь с превосходящими силами Надир-шаха. Наконец, в марте 1746 Гаджи Челеби заключает с Надиром договор. Надир присылает в Шеки нового мелика - племянника Наджафа, но в то же время наделяет [332-333] Гаджи Челеби правами мелика и шлет ему денежное вознаграждение. Это была далеко идущая победа Гаджи Челеби. Когда через год после резкого повышения налогов от Надир-шаха отложились Тифлис, Гянджа, Нахчиван и Ереван. Гаджи Челеби уже был подготовлен к новым выступлениям против Надир-шаха.

Популярность Гаджи Челеби так высока, а войско так мобильно и хорошо вооружено, что к нему обращаются за помощью из различных областей Кавказа. Так, в одной из исторических хроник того

времени говорится, что представители Гянджи из страха перед Кызылбашами обратились к Гаджи Челеби с просьбой приехать в Гянджу, и он отправился к ним в середине лета 1748 года вместе с Али-ханом Каджаром и оба там остались.

Когда Панах-Али-бек удостоивается титула хана и приступает к строительству, в конце 1748 года крепости в баяте, враждующие с ним соседи обращаются к Гаджи Челеби за помощью. Как пишет известный историк того времени Мирза-Адигезал-бек, они обратились к Гаджи Челеби Шекинскому, являющемуся в то время суверенным, и правителем Ширваната. «Однако предупрежденный Панах-хан смог организовать надежную оборону и Гаджи Челеби с войском пришлось отступить. Возвращаясь, он сказал: «Панах-хан до сих пор был подобен серебру без чеканки. Мы же пришли отчеканили это (серебро) и вернулись обратно.» Гаджи Челеби продолжает укреплять военную и экономическую мощь ханства, часто за счет соседей. После ухода из Карабаха Мухаммед-Гасан-хана Каджара безуспешно осаждавшего Шушу, Панах-хан Карабахский, Керим-хан Карадагский, Гейдар-Кули-хан Нахчиванский и Шахверди-хан Каджар Гянджинский съезжаются на совещание, где осуждают поведение Гаджи Челеби, который якобы не считается с ними и «не становится с ними на почву мира и дружбы». Свое решение начать борьбу с Гаджи Челеби они доводят до грузинского царя. Царь приглашает их на переговоры.

В 1752 году недалеко от Гянджи грузинский царь Теймураз и его сын Ираклий берут в плен всех четырех ханов прибывших на переговоры, планируя захватить Гянджу и Карабах. Один из слуг Шахверди-хана Каджара (по другой версии сын Панах хана Ибрагим Халил хан) успевает оповестить о случившемся Гаджи Челеби, который с громадным войском выходит навстречу союзным войскам и располагается на противоположном берегу Куру.

Гаджи Челеби решает спасти ханов. Окончательное слово, однако, остается за его эмирами. Перед тем, как собрать совещание по этому поводу, Гаджи Челеби говорит эмирам знаменитую фразу, ставшую затем поговоркой: «Какое бы вы решение не приняли, переход через Куру в нем должен быть». Мелики отказались идти на совещание мотивируя [333-334] это тем, что: «Мы шли на совещание лишь для того, чтобы дело обошлось без перехода через Куру. Но если вы желаете пусть будет так. Прикажите войскам выступить.» Гаджи Челеби переправляет войска через Куру и дает бой у мавзолея Низами. «У святого мавзолея шейха Низами, да благословит его бог всевышний, там, откуда исходит божественный свет и озаряет сердца и умы людей, столкнулись два войска и завязался бой.» Грузинские войска терпят страшное поражение. Ираклий II еле спасается бегством. Челеби преследует грузин почти до Тифлиса и назначает своего сына Ага-Киши-бека правителем всех освобожденных областей - Гянджи, Казаха и Борчалы. Это было уже второе столкновение Челеби с грузинами. Ранее, на усмирение чересчур быстро набирающего силы хана двинулись объединенные грузинско - кахетинские войска во главе с царями Ираклием II и Теймуразом II. В первой же схватке с грузинами шекинцы отступают. Это было, однако, военной хитростью. На потерявшее бдительность грузинское войско внезапно нападает сам Челеби и им приходится беспорядочно отступать неся потери в живой силе и обозе.

В 1755 году Гаджи Челеби с огромным войском двигается на Ширван и осаждает Агсу. На помощь ширванцам приходит кубинский хан Гусейн Али-хан. Челеби терпит поражение и отступает.

Умирает Гаджи Челеби в 1755 году. Ему удается сделать шекинское ханство одним из самых могучих и развитых ханств Азербайджана. Челеби много делает для благоустройства своей столицы - Шеки. Там строятся медресе, мечети, караван-сарай, бани, школы. С тех пор облик Шеки сохраняет свою неповторимую прелесть.

А. Р. Саламзаде, М. А. Исмаилов, К. М. Мамед-заде. Шеки. «Элм». Баку - 1988.[334-335]

ПАНАХ ХАН КАРАБАХСКИЙ

Основатель Карабахского ханства, известный полководец и государственный деятель Панахали бек Сарыджалы Джеваншир, родился в 1693 году в знатной семье рода Джеванширов в Карабахе. Совсем молодым Панах-хан поступает на службу к иранскому шаху Надир-шаху Афшару. Надир-шах выделялся среди современников ярким полководческим талантом и молодой Панах-хан проходит у него хорошую школу стратегии и тактики ведения боя. Здесь же Панах-хан учится основам управления государством.

Способности и личная отвага Панах-хана были замечены и Надир-шах делает его одним из своих приближенных. Вскоре, однако, в результате интриг завистников Панах-хан попадает в немилость и оказывается вынужденным бежать от гнева шаха на родину. Собрав из близких ему людей мобильные отряды он скрывается в горах Карабаха и шекинской области.

В 1747 году после убийства Надир-шаха в Азербайджане возникают независимые Гянджинское, Ширванское, Шекинское, Кубинское, Бакинское и другие ханства. В Карабахе Панах-хан в упорной борьбе с местными эмирами и меликами, выступающими против централизации власти создает Карабахское ханство.

Карабахско-Гянджинское Беглярбекство, основанное в 1551 году, распадается на Карабахское и Гянджинское ханства и власть в Карабахском ханстве переходит от Каджаров к Джеванширам (в Гянджинском ханстве продолжают править Зияд-оглы Каджары). Дело в том, что до массовых выселений кызылбашских племен шах-Аббасом и Надир-шахом с Кавказа это беглярбекство было заселено, в основном, [335-336] тюркскими племенами каджар и управляли им, начиная с Шахверди Зияд-оглы Каджар, удостоенного в 1547 году даже титула Султана, также всегда представители этой фамилии из рода Зияд-оглы. Естественно, каджары не могли смириться с потерей ведущих позиций в Карабахе и в дальнейшем неоднократно пытались вернуть себе родные земли.

Столицей ханства Панах-хан делает отстроенную в короткий срок крепость Баят. Претендующий на руководящую роль в регионе шекинский хан Гаджи Челеби обеспокоен активностью Панах-хана и в союзе с ширванским ханом осаждает молодую столицу. Месяц осады крепости Баят ничего не дает и понеся большие потери, союзники отходят ни с чем. По словам историка Мирза Джамала, Гаджи Челеби-хан, уходя сказал: «Панах-хан был ханом. Мы пришли, воевали с ним и не смогли одолеть. Мы возвращаемся, сделав его шахом». В дальнейшем Панах-хан строит новую столичную крепость в местечке Шахбулаг, недалеко от современного Агдама и продолжает объединять и расширять за счет соседних ханств земли Карабаха. Авторитет Панах-хана растет. Шекинский, Гянджинский, Ереванский, Тебризский и Карадагский ханы ищут с ним союза и дружбы.

У Панах-хана далеко идущие планы, но для их выполнения надо быть спокойным за семью и казну, и он решает построить для столицы уже третью, на этот раз совершенно неприступную крепость. Место для крепости выбирают приглашенные из разных мест специалисты. В 1750 году в густом лесу, окруженном скалами, закладывается крепость, первоначально названная в честь Панах-хана Панахабадом, а затем - по имени соседнего села Шушой. Для строительства крепостных стен и города завозятся зодчие и строители со всего Азербайджана; жители окрестных сел переселяются в новую столицу. Строятся ханский дворец, мечети, бани и, наконец, монетный двор. Здесь чеканятся монеты Карабахского ханства «Панахабади». Монеты имеют хождение во всех азербайджанских ханствах и в Иране наравне с другими монетами.

В Иране в это время идет упорная борьба за власть между представителями племен афшаров, каджаров и зендов. Больших успехов в этой борьбе достигает Мухаммед Гасан-хан Каджар. Он контролирует большую часть территории Ирана, считает себя чуть-ли не шахом страны и даже чеканит от своего имени монеты.

В 1751 году Мухаммед Гасан-хан Каджар направляет свои войска в Карабах. Около месяца Мухаммед Гасан-хан со своей многочисленной армией готовится к штурму Шуши, но получив из Ирана вести о выступлении против него Керим-хан Зенда, срочно с войском возвращается туда. Панах-хан преследует его и захватывает провинцию Ардебиль. [336-337]

Не успевает Карабах придти в себя после похода Мухаммед Гасан-хана, как у стен Шуши появляется один из самых выдающихся полководцев Надир-шаха, правитель Урмии Фатали-хан Афшар с 30-тысячной армией. Потерпев сокрушительное поражение в первом же бою, Фатали-хан обещает в знак примирения выдать свою дочь за сына Панах-хана Ибрагим-Халила, если будут возвращены

пленные. Панах-хан принимает предложение Фатали-хана и посылает ему в лагерь вместе с пленными сына. Фатали-хан, нарушив обещание, захватывает Ибрагим-Халила и с войском поспешно уходит в сторону Урмии. Панах-хан не может примириться с потерей сына и ищет встречи с Фатали-ханом на поле боя. Вскоре такая возможность предоставляется. Керим-хан Зенд, потерпевший в борьбе за шахский трон поражение под Исфаганом от Фатали-хана, предлагает Панах-хану союз в борьбе с их общим врагом. Панах-хан предложение принимает и их объединенные войска в Урмии разбивают войска Фатали-хана, а его самого берут в плен. Авторитет Панах-хана как государственного деятеля и полководца в Иране и на Кавказе заметно возрастает. Это беспокоит Керим-хана Зенда и он, отослав Ибрагим-Халила в Карабах, «приглашает» Панах-хана погостить к себе в Шираз.

Вскоре, в 1758 году, Панах-хан, не перенеся такого принудительного гостеприимства, умирает. Хоронят его недалеко от Агдама с большими почестями. О смерти Панах-хана существует такая легенда: «Чтобы избавиться от «гостеприимства» Керим-хана, Панах-хан принимает большую порцию опиума и засыпает. Он оставляет «завещание» с просьбой похоронить его на родине. Только несколько близких людей знают об этой уловке хана. Но так как дело происходило летом, Керим-хан приказал дворцовому врачу вскрыть его живот. После этой операции Панах-хан умирает на самом деле».

Упомянутый выше историк Карабаха Мирза Джамал Пишет, «что за двенадцать лет правления Панах-хана после смерти Надир-шаха он показал себя как выдающийся полководец и государственный деятель. Ему подчинялась большая часть области «Азербайджан».

Мирза Джамал Джеваншир Карабахский. История Карабаха. Баку - 1959; Мирза-Адигезаль-бек. Карабах-намэ. Баку - 1950. [337-338]

АГА МУХАММЕД ШАХ КАДЖАР

Тюркско-кыпчакское племя Каджаров, так же как племена Афшар, Баяты, Кенгерли, Зулькадар, Шамлу и другие, сыграло заметную роль в этногенезе азербайджанского народа.

История Каджаров увлекательна и драматична. Они прошли трудный путь многовековой борьбы, сопровождающийся блестящими победами и горькими поражениями, стремительными взлетами и еще более быстрыми падениями. Каджары жили, в основном, в северной части Азербайджана в районах Карабаха, Гянджи и Еревана. Видный азербайджанский историк Искендер-бек Туркмен Мунши (1560-1634 гг.) в своем знаменитом труде «Тарих-и алам арайи Аббаси» пишет: «Карабах - красивейший край с гышлаками и яйлагами, чистым воздухом и сплошной зеленью. Древние жители Карабаха - каджары и родственные им племена вырастили здесь прекрасные сады». Память об этом сохранилась в названиях села около гор. Физули (Каджар) и города в Зангезуре - Каджар (ныне Каджаран) и др.

Лучшие представители каджаров на протяжении последних 6-7 веков принимали самое активное участие в бурных исторических событиях, происходящих на территории Ирана и Азербайджана.

Согласно каджарской хронике, их «предки жили счастливо в Туркестане, проводили летние месяцы на горных пастбищах и спускались зимой на плодородные нижние равнины прекрасной страны. Начало расцвета племени началось с [338-339] семьи пяти братьев, объединенных общим стремлением к возвышению и величию. Они добились известности в боях и отважных подвигах. Благодаря их природной доблести и врожденному великодушию, все без исключения, присоединяются к смыслу приводимого четверостишия:

Мы пять братьев произошли из одного корня
Мы являемся пятью пальцами руки Фортуны
Когда мы встаем, мы добиваемся знамени Победы
Когда мы объединяемся, мы наносим удары в лица
наших врагов.

Старшего брата звали Каджар-хан и, поэтому, его племя было названо Каджар-Хани. Во время похода Огуз-Хана в Персию это племя составило часть его армии. После завоевания Персии они свои летние и зимние жилища сложили в Диарбекире и Ерлате. В царствование Султана Гасан-бека Аггоюнлу (1453-1478 гг.) они были отселены из Диарбекира в Азербайджан. Во времена правления султана Йакуба и Альвенда Мирзы знатные люди и предводители племени каджаров были правителями большинства городов Азербайджана, Ирана и Фарса». Согласно этим же каджарским легендам и хроникам, шахская династия Каджар ведет свой род от сына Чингиз-хана Каана Лу. Один из предков Каджаров взял своему сыну в жены дочь Каан-Лу, и якобы после этого они стали называться Каван Лу Каджар, в отличие от другого колена племени - Дованлу Каджар. Имеющиеся исторические документы свидетельствуют, что в последний раз каджары приходят в Переднюю Азию в составе войск внука Чингиз-хана Хулагу-хана (1256 г.) в XIII веке. Эти группы каджаров расселяются в Иране, а затем, после падения государства Ильханов, переселяются в Сирию (между Сирией и Ираном, в основном, в Армению). При Тимуре их расселяют в районах Карабаха, Гянджи и Еревана среди родственных им племен. Влияние Каджаров сильно возрастает при первых Сефевидях. Шах Исмаил выдает им купчую на захваченные земли, узаконивает их земельные владения. Каджары входят в число кызылбашских племен, с помощью которых Сефевиды устанавливают свою власть в Азербайджане, а затем и в Сефевидском Иране.

К этому времени не было города или провинции в Иране и Азербайджане, которыми в то или иное время не правили бы представители этой фамилии. Так первым Сефевидским правителем (XVI век) в Шеки назначается Тойгун-бек Каджар. Приблизительно в то же время, крупный Сефевидский политический деятель, получивший в 1547 году титул Султана, Кямалладин Шахверди-хан Зияд-оглу Каджар начинает править Карабахом и Гянджой. Первым правителем [339-340] Ереванской области был Кули-хан Каджар, а первым правителем Ереванского ханства Гасан Али-хан Зияд-оглу Каджар (ум. 1783). Представители фамилии Зияд-оглу Каджар, почти без перерыва, правили этими областями, начиная с XVI века до начала XIX, когда они были присоединены к России. Беглярбеками (правителями) Ширвана в разные годы при Сефевидях были Али-Кули-бек Каджар и Пейкар-хан Зияд-

оглу Каджар, беглярбеком Азербайджана Муртуза Кули-хан Каджар (ум. 1664 г.) и др. Шах Аббас, решив ослабить нарастающую власть каджаров и, одновременно укрепить границы Ирана, переселяет их с Кавказа в пограничные районы страны. Часть из них переселяется в Хорасан для охраны северо-восточных границ от узбеков, часть в Астрабад по реке Горган, отделяющей Иран от воинственных туркмен и часть остается у границ с Грузией. Хорасанские каджары быстро ассимилируют, а Астрабадские и Карабахские активно участвуют в политической жизни Ирана и Азербайджана. Из их среды выходит много выдающихся личностей.

Астрабадские каджары живущие на правом высоком берегу реки Горган, называются юхары-баш или довалу (верхние), а живущие на левом берегу ашагы-баш или кованлу (низинные). Между ними идет непрерывная борьба за главенствующую роль в Астрабаде. Чаше победителями оказываются представители каджаров кованлу.

Первым выдающимся представителем этого рода был Фатх Али-хан Каджар Кованлу. Он становится правителем Астрабада и успешно борется за расширение своих владений. Шах Тахмасиб II (1722-1732 гг.) делает его главнокомандующим своих войск и он ведет успешную борьбу с афганцами. Однако, когда в лице Надир Кули-хана, будущего шаха Надира, появляется достойный кандидат на должность главнокомандующего, Тахмасиб спешит избавиться от чересчур быстро и высоко поднявшегося каджара. По его приказу, не без подсказки Надир Кули-хана, в 1727 году Фатх Али-хана убивают.

Следующее возвышение каджаров из рода кованлу происходит при сыне Фатх Али-хана Мухаммед Гасан-хане. Он захватывает власть в Астрабаде и изгоняет оттуда представителей администрации Надир-шаха. В ответ Надир-шах шлет туда войска и Мухаммед Гасан-хан вынужден бежать к туркменам. Возвращается в Астрабад он только после смерти Надир шаха.

Сын его, Ага Мухаммед Каджар, основатель династии Каджаров в Иране, родился 26 октября 1741 года. Мать Ага Мухаммед-хана - Джейран-ханум была сестрой знатного представителя другого рода Каджаров-Довалу Мухаммед-хана Довалу. Джейран-ханум была очень красивой, храброй и умной женщиной. Она получила хорошее образование и [340-341] сделала все, чтобы привить Ага Мухаммеду любовь к книгам и знаниям. Она помогает мужу в управлении Астрабадом и будучи прекрасной наездницей, в ответственных сражениях старается всегда быть рядом с мужем. Многие историки считают, что если бы не Джейран-ханум, Мухаммед-Гасан-хан не смог бы достичь своего высокого положения, а Ага Мухаммед-хан не стал бы шахом.

Преемник Надир-шаха Али-Гулу-хан Афшар (Адиль-шах), С целью привлечения могущественных Каджаров на свою сторону, назначает Мухаммед Гасан-хана Каджар эшикага-сибаши (оберцеремониймейстером) при своем дворе в Мешхеде. Но независимый и привыкший к руководящей роли Каджар, вскоре ссорится с шахом и опять бежит к туркменам. Малолетние сыновья хана, однако, попадают в руки Адиль-шаха. Жестокий Адиль-шах, уничтоживший почти всех родственников Надир-шаха, правит недолго. Мухаммед Гасан-хан помогает сесть на престол внуку Надир-шаха Шахрух-Мирзе. Тот его богато одаривает и назначает правителем Астрабада. Шахрух-Мирза тоже долго не задерживается у власти. Его ослепляет и смещает с престола внук Сефевидского шаха Сулеймана, пришедший к власти под именем шаха Сулеймана Сани. Сулейман Сани-шах назначает Мухаммед-Гасан-хана сардаром (военным правителем) Астрабада. Это позволяет последнему собрать силы, укрепиться в Астрабаде и Мазандаране. Он восстанавливает на престоле Шахруха-Мирзу и начинает борьбу с рвущимся к власти, под лозунгом восстановления Сефевидской державы, Керим-хан Зендом. Долгое время в этой борьбе Мухаммед-Гасан-хану сопутствует успех. Гасан-хан владеет всем центральным Ираном (Ирак-е-Аджам) и Азербайджаном и считается некоронованным шахом Ирана. От его имени даже чеканятся монеты.

В одном из его походов впервые участвует его сын - тринадцатилетний Ага Мухаммед-хан. Он командует передовым отрядом. После этого, молодой Ага Мухаммед-хан часто сопровождает отца в походах и тот, даже, поручает ему в разное время управление Азербайджаном и Астрабадом.

В 1759 году Мухаммед-Гасан-хан гибнет в борьбе за Шираз с зендами и эстафета борьбы за власть в Иране от отца переходит к его старшему сыну Ага-Мухаммеду Каджару. Как видно из всего вышесказанного, Ага-Мухаммед-хан Каджар борьбу за престол начинает не на голом месте. Авторитет его отца был очень высок, почва для выступления тоже была основательно подготовлена и для продолжения борьбы за трон Ага-Мухаммеду требовалось только проявить высокие личные качества.

После смерти отца Ага-Мухаммед бежит в Туркменскую степь, где собирает отряд юных соплеменников и туркмен. Он начинает вести партизанскую войну с зендами и даже пытаются захватить Астрабад. В 1761/62 году 4-х тысячное [341-342] войско Керим-хан Зенда окружает отряд Ага Мухаммед-хана. 500 всадников Ага Мухаммед-хана решают прорваться через окружение. Сражение продолжается почти весь день. Только десяти юношам во главе с Ага Мухаммед-ханом удается уйти. Ага Мухаммед-хан получает девять тяжелых ран, но находит в себе силы остаться в седле до конца

битвы. Утомленные и израненные воины недалеко от города Наджаф, выставив караул, устраиваются на ночлег. Там их настигает отряд правителя Мазандарана. Разбуженный Ага Мухаммед-хан пытается сопротивляться, но силы покидают его. Его связывают и отправляют в Тегеран к Керим-хану Зенду. Керим-хан Зенд держит Ага Мухаммед-хана при себе то ли заложником, то ли почетным «гостем» в течение 16 лет.

Для историков до сих пор остается загадкой вопрос, почему Керим-хан Зенд не лишил жизни Ага Мухаммед-хана или не ослепил его, как это обычно делали в те времена правители со своими соперниками? Легенды объясняют это довольно просто.

Когда Керим-хан Зенд узнает, что Ага Мухаммед-хан оскотлен, он перестает видеть в нем соперника в борьбе за трон и оставляет в живых. Своим поведением Ага Мухаммед-хан на протяжении всего времени пленения старается убедить Керим-хана Зенда, что он действительно потерял интерес к политике. Обстоятельства, при которых произошло оскотление Ага Мухаммед-хана, описаны в литературе очень скупо. Считается, что Ага Мухаммед-хан был оскотлен в семилетнем возрасте Адиль-шахом. Однако, если это так, то почему не был оскотлен его брат Гусейн-Гулу-хан, который был там же. Кроме того, внешность Ага Мухаммеда стала изменяться значительно позже, так что заслуживают внимания и другие версии этого печального события. Согласно одной из этих версий, оскотление произошло в результате тяжелого ранения Ага Мухаммеда в сражении у Наджафа. По другой версии, Ага Мухаммед-хан влюбляется в дочку Заки-хана Зенда, отличающейся необычной красотой. Они сближаются до обручения, что считалось страшным грехом, и опозоренный отец клянется отомстить Ага Мухаммед-хану. Согласно этой версии, в битве с зендами, в которой гибнет Мухаммед Гасан-хан, участвовали и Ага Мухаммед-хан с Джейран-ханум. Ага Мухаммед-хан с матерью попадает в руки Заки-хана Зенда. Несмотря на все мольбы матери, Заки-хан Зенд, повинувшись законам мести тех времен, оскотляет юношу, опозорившего его семью. После чего мать и сына отпускают. Ага Мухаммед-хан тут же дает клятву отомстить Зендам и уничтожить весь этот род. Придя к власти, Ага Мухаммед-хан выполняет свою клятву. [342-343]

В стремлении нейтрализовать Каджаров Керим-хан жеиится на сестре Мухаммед-Гасан-хана Хадидже-Бейим, а остальных родственников отправляет в Казвин. Брату его Гусейн-Гулу-хану жалует в управление Дагман. Гусейн-Гулу-хан в Дагмане женится и у него рождается сын Баба-хан, будущий правитель Ирана Фатх-Али-шах. Вскоре Керим-хан Зенд поручает Гусейн-Гулу-хану собрать войско и покорить вышедшего из подчинения правителя Астрабада, Мухаммед-хана Каджар из ветви Довалу. Гусейн-Гулу-хан покоряет Астрабад и тут же выходит из подчинения Керим-хану Зенду. Он объявляет себя шахом и строит планы подчинения Мазандарана и Гиляна. Керим-хан Зенд не может этого допустить и Гусейн Гулу-хан гибнет в 1755 году от рук наемного убийцы. Хоронят его рядом с отцом в Астрабаде.

За это время умирает Джейран-ханум и младший брат Ага-Мухаммед-хана Аббас-Гулу-хан.

Как уже говорилось, Керим-хан Зенд оставляет Ага Мухаммед-хана у себя в Тегеране без права выезда. Там Ага Мухаммед-хан начинает посещать университет (медресе), где преподает известный богослов и философ шейх Али Таджрими и ведет очень скромный образ жизни. Ежедневно он встает с петухами, совершает физические упражнения, идет в медресе, где слушает лекции и участвует в диспутах, ведет постоянно переписку со своими близкими и соотечественниками. Он уверен, что его звездный час рано или поздно придет. Благодаря рациональному питанию (он очень нетребователен к еде и пищу принимает по весу) и постоянным физическим упражнениям ему удается сохранять юношескую фигуру и боевую форму.

Ага Мухаммед-хан страстно любит охоту. Особенно, соколиную охоту на лис. Пойманных лис он дарит соседям и близким, так как в то время считалось, что лиса в доме приносит счастье.

Когда Керим-хан Зенд переносит столицу в Шираз, он берет с собой туда и Ага Мухаммед-хана. Ага Мухаммед-хан, попав в один из древних культурных центров Ирана, продолжает учебу и добивается больших успехов. Он изучает богословие, философию, математику, астрономию и астрологию и поэзию. Благодаря великолепной памяти Ага Мухаммед-хан в будущем свободно цитирует коран, отрывки из философских произведений и, даже, стихи самых малоизвестных поэтов. На литературных межлисах он пользуется большим авторитетом и к нему обращаются за советами и справками. Из философов ему полюбился больше других андалусский философ XII века ибн-Туфейл. Увлечение этим философом остается у Ага Мухаммед-хана на всю жизнь. Книга ибн-Туфейла, философский роман «Хай, сын Якзана» всегда находится при Ага Мухаммед-хане, и в походе, и во дворце. Он ее цитирует, постоянно на нее ссылается. [343-344]

Ага-Мухаммед узнает об угрозе его жизни, и с братьями и небольшой группой преданных ему слуг, тайно, под предлогом охоты, бежит из Шираза в Мазандаран.

К началу 80 годов, он выходит победителем в упорной борьбе со своим братом Рза-Гулу-ханом за главенство среди каджаров и подчиняет себе весь Мазандаран и Астрабад. В этой борьбе ему

большую помощь оказывают братья. В 1782 году Ага-Мухаммед приезжает в Астрабад и со всеми своими братьями и родственниками посещает гробницу своего отца Мухаммед-Гасан-хана.

После смерти Керим-хана Зенда к власти рвутся его родственники. В течение нескольких лет между ними идет жестокая борьба. У власти долго никто не задерживается. Ага-Мухаммед Каджар, воспользовавшись этим, с небольшим отрядом в 500-600 человек идет из Мазандарана в сторону Исфагана. В 1785 году он берет этот город, изгоняет оттуда Зендского правителя и затем, после ряда блестящих побед над представителями Зендов, освобождает почти весь Центральный Иран. Большую помощь в этой борьбе Ага Мухаммед-хану оказывает его брат - талантливый полководец Джафар-Гулу-хан. Резиденцией своей Ага-Му-хаммед-хан выбирает, небольшой тогда городок Тегеран, который в 1786 году объявляет столицей нового государства. В этом же году он одерживает очень важную победу над считающим себя шахом Ирана Джафар-ханом Зендом. Разбитый Джафар-хан бежит в Шираз, где гибнет в результате заговора. После этого Ага-Мухаммед-хан завоевывает Гилян и правителем его и Астрабада назначает своего брата Муртуза-Кули-хана Каджара. Однако, последний изменяет ему и переходит на сторону Зендов. Отсюда он бежит в Талыш и обращается за покровительством к Екатерине II. Через год Муртуза-Кули-хан при поддержке русской флотилии возвращается в Гилян, но, получив известие о приближении большого войска Ага-Мухаммед-хана, вновь бежит в Россию. В 1798 году он умирает в Петербурге.

В 1795 году после похода в Грузию, Ага-Мухаммед-хан наказывает талышей за поддержку Муртуза-Кули-хана. В это время, многие правители Азербайджана, Курдистана и Центрального Ирана (Ирак-е Аджам) встают на сторону Каджаров. К началу 90-х годов, под властью Ага-Мухаммеда Каджара находится уже почти весь Иран. Отказавшиеся признать власть Ага-Мухаммед-хана Каджара, туркмены - йомуды разбиты, а из голов убитых сложена пирамида. Останки Керим-хана Зенда, к которому Ага-Мухаммед питает лютую ненависть, выкапываются из могилы и помещаются под порог шахского Гюлистанского дворца в Тегеране.

В 1791 году Ага-Мухаммед провозглашает себя шахом Ирана, отложив коронавание на более поздний срок. Он принимает меры по укреплению центральной власти, жестоко расправляется с непокорными ханами и делает все возможное [344-345] для восстановления экономических и торговых связей внутри страны, хотя серьезных административно - хозяйственных реформ он так и не успевает провести. Последняя битва между Каджарами и Зендами летом 1794 года в Кермане заканчивается полной победой Ага-Мухаммеда Каджара и падением династии Зендов на престоле Ирана. Здесь Ага-Мухаммед узнает о намерении грузинского царя Ираклия II перейти под покровительство России и передачи ей не без содействий Ибрагим-Халил-хана Карабахского, наследственных земель Каджаров - Карабахского и Ереванского ханств и Гянджи. Намерение царя Грузии Ага-Мухаммед воспринимает как предательство поданного Ирана и вмешательство во внутренние дела Азербайджанских ханств уже много веков, заселенных и управляемых родственными ему Каджарами.

В апреле 1795 года Ага-Мухаммед-шах Каджар направляет свое 60-ти тысячное войско на Кавказ. Небольшая часть войска направляется через Мугань в Дагестан, основная часть в Карабах во главе с самим Ага Мухаммедом к Шуше и третий отряд во главе с братьями шаха в сторону Ереванского ханства. Взять, в короткий срок, неприступную Шушу, без специальной подготовки невозможно, и Ага Мухаммед-шах поворачивает в сторону Тифлиса. Отряд Ага-Мухаммеда без особого труда разбивает ополченцев Ираклия II и входит в Тифлис. Ираклий бежит в горы. 22 тысячи мирных жителей продано в рабство. Тифлис разграблен и основательно разрушен.

Поводом для быстрого снятия осады Шуши и похода на Тифлис могла быть военная экспедиция против Гянджи, организованная Ираклием II во время осады Шуши. Самая активная поддержка Ага Мухаммеда Гянджинским ханом Джавад-ханом Зияд оглы Каджаром, очевидно, тоже в какой-то степени объясняется желанием отомстить Ираклию за непрерывные грабительские набеги на Гянджу. После разгрома Тифлиса многие азербайджанские ханы объявляют свою покорность Ага-Мухаммед шаху. Не признают его только Ереванский и Карабахский ханы.

Летом 1796 года 20-ти тысячная армия под командованием братьев Ага-Мухаммед шаха подходит к Еревану. Осада длится пять недель, после чего крепость сдается и заключается мир.

При возвращении из похода, в Муганской степи Ага-Мухаммед-хан организует торжественную церемонию коронации. Он отказывается одеть корону Надир-шаха, коронация которого также проходила в этой области Азербайджана. Корона эта содержит четыре пера и олицетворяет господство над Ираном, Индией, Афганистаном и Средней Азией. Коронуют Ага-Мухаммед-хана небольшой диадемой и шахским мечом, освященных на гробнице шейха Сафи-ад-Дина [345-346] в Ардебиле. Это должно символизировать преемственность его власти от Сефевидов. Ага-Мухаммед-шах мечтает восстановить великую сефевидскую империю.

Он всячески подчеркивает главенствующую роль в его государстве представителей фамилии Каджар. Кроме того, в своей борьбе за власть он опирается на азербайджанско - тюркские племена

Афшар, Халадж, Байат и Гарагезлу. В устном завещании о престолонаследии Ага-Мухаммед-шах говорит своему племяннику Баба-хану: «Дочь беглярбека мирзы Мухаммед-хана-Довалу-Каджар возьми в жены Аббас-мирзы, который является наследником престола (после Баба-хана) и по матери является Довалу, чтобы его сын, которому будет дано мое имя и который будет назван Мухаммед-мирзой, происходил от двух великих Каджарских племен. Мой дядя Сулейман-хан много потрудился для государства, выдай свою дочь за его сына, а родившуюся у него дочь я предназначил для Мухаммед-мирзы. Сын, который родится у Мухаммед-мирзы, будет с двух сторон твоим внуком». Отсюда следует, что Ага-Мухаммед хотел чтобы наследниками престола были Каджарские принцы, отцы которых принадлежали к роду Кованлу, а матери - Довалу. Поэтому, наследником Баба-хана (Фатх-Али-шаха) был назначен, впоследствии, не его старший сын, рожденный грузинкой, а Аббас-мирза.

После коронации Ага-Мухаммед-шах покоряет Хорасан, где правил внук Надир-шах-Афшара, Шахрух. По дороге в Хорасан Ага-Мухаммед-шах подавляет Астрабадских туркмен, вышедших из подчинения. У стен Мешхеда, куда Ага-Мухаммед подходит в 1796 году, его встречает со знаками покорности сам Шахрух. Ага-Мухаммеду этого недостаточно. Он требует передачи ему знаменитой шахской казны Надир-шаха. Только под страшными пытками, когда старику на голову выливают расплавленный свинец, он выдает места, где хранятся сокровища Надир-шаха и драгоценности, почитаемые во всем мусульманском мире, мешхедской мечети Имама-Резы. Последний политический противник Ага-Мухаммеда, измученный пытками, вскоре умирает.

В ответ на поход русских во главе с генералом В. А. Зубовым в Грузию в 1797 г. Ага-Мухаммед с большим войском вновь движется на Кавказ. По пути в Грузию он захватывает Шушу. Карабахский хан Ибрагим-Халил бежит на Север Азербайджана. Однако, поход в Грузию на этот раз не состоится. Ага-Мухаммед-шаха убивают его же слуги. По одной версии, заговор против шаха организуется его полководцем, видным азербайджанским ханом Садах-ханом Шаггаги, связанным с азербайджанскими ханами и проживающими в Иране грузинами, по другой - в числе убийц был грузин Садек Горджи (Андрей из Мцхета), действующий по указанию грузинских властей. По сведениям хронистов, Ага-Мухаммед был зарезан ночью своими слугами, [346-347] грузином Садахом Горджи, исфаганцем Ходадом и мазандаранцем Аббасом, которых шах намеревался казнить на следующий день за какую-то провинность. Захваченные шахские драгоценности были переданы Садах-хану Шаггаги, что дает основание предполагать о существовании заговора против шаха.

Дворцовый историк так описывает финал этих событий: «Как только это смелое предприятие и важное событие было преступно осуществлено нечестивыми и не знающими угрызения совести негодяями, они захватили корону и диадему шахской власти, каждая из жемчужин которых была несравненной красоты и цена каждого из камней равнялась величине налогов и дани (с территории равной территории Семи Климатов); а также, такие предметы царской принадлежности, как бриллиантовый нарукавник, уничтожающие врагов мечи, украшенные драгоценными камнями, шкатулку с драгоценностями, а также, бриллианты под названиями «Кох-и-нур», «Дарья-и-нур», «Тадж-и-Мах» и величественно иллюстрированные рукописи, каждой из которых было бы достаточно для того, чтобы украсить грудь и плечи любого Монарха мира.»

Убийцы были заколоты знатными каджарками, в том числе матерью Баба-хана и теткой шаха. Тело шаха перевозится в Мешхед и там предается погребению. Голову посылают в Белоканы Ибрагим Халил-хану, который с большими почестями предает ее земле на кладбище знаменитых личностей. Шахские войска отступают в Иран и шахом провозглашается его племянник Баба-хан, под именем Фатх-Али-шаха. Такова печальная история основателя династии Каджаров в Иране, просуществовавшей до 1925 года, когда на смену им пришла династия Пехлеви. Она имеет продолжение, представляющее интерес для наших читателей.

В 1847/8 году внук Фатх-Али-шаха, сын Аббас-мирзы, правитель Азербайджана и наследный персидский принц Бахман-мирза Каджар, в результате дворцовых интриг вынужден бежать на Кавказ и просить убежища у русских. Русское правительство принимает его с большими почестями, назначает ему царскую пенсию и обещает предоставить местожительство в любом месте России. После некоторых колебаний Бахман-мирза просит разрешения поселиться в Шуше. Туда он переезжает со своим большим гаремом, детьми и приближенными. Из Ирана в Шушу доставляют его казну и богатую библиотеку. Детям и внукам Бахман-Мирза дает европейское образование в лучших привилегированных учебных заведениях России, сам отходит от политики и пишет труды по истории Азербайджана. Большинство из его тридцати одного сыновей становятся военными. К началу первой мировой войны, среди них было шесть генералов и множество офицеров. Революцию дети [347-348] Бахман-мирзы не принимают и, большинство из них расплачивается за это жизнью. Кавказская ветвь потомков Бахман-мирзы, фактически, перестает существовать.

Память о Бахман-мирзе, талантливом политическом деятеле, полководце и ученом, остается жить в его трудах, а также, в разбросанных по многим музеям и библиотекам Азербайджана, России,

Украины и Грузии рукописных книгах и предметах прикладного искусства из его богатейшей коллекции.

А. Абдурахманов. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана. Баку - 1964; О. П. Маркова. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. «Наука». Москва - 1966; Хаджи Мурат Ибрагимбейли. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. «Наука». Москва - 1969; Ш. П. Хамидова. XVIII əsrin ikinçi yarısında Azərbaycan-Qırqıstan münasibətləri tarixindən. Баку - 1985; Дж. М. Мустафаев. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII-начало XIX в.). «Элм». Баку - 1989; Жан Кевр. Хачə шаһ. «Кəнчлик» Баку - 1993. [348-349]

ДЖАВАД-ХАН ЗИЙАД ОГЛЫ КАДЖАР

С образованием Сефивидского государства Азербайджан разделяется на полунезависимые беглярбекства, во главе которых стоят беглярбеки. Начиная с того времени, наследными беглярбеками Карабаха и Гянджи становятся Каджары из рода Зийад-оглы. Первым беглярбеком Карабаха и Гянджи стал выдающийся политический деятель и полководец Кямаладдин Шахверди-Султан Зийад-оглы Каджар (ум. 1568 г.). Когда же после смерти Надир-шаха Афшара на смену беглярбекствам приходят независимые ханства, правителями Гянджинского ханства опять остаются Каджары из того же рода. Первым правителем этого ханства стал Шахверди-хан Зийад оглы Каджар (1747-1760 гг). Последним правителем Гянджинского ханства, был один из выдающихся политических деятелей Азербайджана конца XVIII и начала XIX веков Джавад-хан ибн-Шахверди-хан Зийад-оглу Каджар. Родился он в 1748 году в городе Гяндже. Отец Джавада Шахверди был ханом Гянджи с 1756 по 1761 год. Мать Шаряф Джахан-бегим тоже была родом из благородной семьи. У Джавад-хана было три сестры Хуршид-бегим, Тути-бегим и Хейранса-ханум. В 1780 году Джавад-хан женится на простой крестьянской девушке Шукуфе-ханум, а в 1790 на сестре шекинского хана Малик-нисе бегим (Бегим-ханум). Первая умирает в 1812 году, вторая - в 1830. Вторая жена Джавад-хана после его гибели возвращается в Шеки к брату и там умирает вдовой. Могила ее находится в Шеки. У Джавад-хана и Шукуфы-ханум было три сына - Угурлу-хан, Гусейнгулу-хан и Алигулу-хан и четыре дочери - [349-350] Пуста-бегим, Тути-бике, Хатун-бегим, Баладжа-бейим. Угурлу хан в 1801 году женится на дочери Маммед-хана Джахан-бегим. Сына называет Джавадом. Гусейнгулу-хан (1784-1804 гг.) женится на родственнице Насиб Султана Шамшадинского Зейнаб-ханум.

После Шахверди-хана к власти в Гяндже приходит его сын Мухаммед Гасан-хан Зийад-оглы Каджар. Он проявив выдающиеся способности государственного деятеля, еще больше укрепляет независимость Гянджинского ханства и способствует его процветанию. После убийства его родным братом Мухаммед-ханом в Гяндже создается обстановка неустойчивости. Не успел слабохарактерный и жестокий Мухаммед хан занять престол брата, как он вместе с сыном Агабеком был захвачен объединенными карабахско - грузинскими войсками, ослеплен и посажен в шушинскую тюрьму. Управление Гянджинским ханством возлагается на ставленника Ибрагим хана Хазратгулу-бека и представителя царя Ираклия князя Кейхосрова.

В это время Россия в борьбе с турками за Крым активизирует свои действия на Кавказе, с тем чтобы отвлечь внимание Турции в этом направлении. Кавказской политикой поручено руководить самому Потемкину - фавориту Екатерины II, фактическому правителю России. Основным советником Потемкина по кавказским делам становится армянский архиепископ Иосиф Аргутинский. Уже через год после этого в 1783 году в штаб-квартире Потемкина в Георгиевске между Грузией и Россией заключается трактат, по которому Грузия переходит под протекторат России и туда входят русские отряды. Однако дело этим не кончается. Грузинский царь Ираклий требует права на владение Гянджой, Ереваном, Ахалцихом и Нахичиванью. Он пишет: «Предпочитаю выгодным, чтобы Россия овладела Адрибежаном, а потом часть оного благоволит пожаловать мне.» В первую очередь грузинский царь требует подчинения ему Гянджи. Планы Грузии становятся известными Ибрагим-хану и он организует выступление гянджинцев против грузинского гарнизона. Кейхосров бежит из Гянджи, а Ираклий решает посадить на престол гянджинского ханства Мухаммед хана, находящегося в плену у Ибрагим хана. Проведав об этом Ибрагим хан пленника убивает. Однако и ставленник Ибрагим-хана Хазратгулу-бек после этого долго в Гяндже не задерживается. После очередного восстания гянджинцев к власти приходит сначала Рагим-бек, а через некоторое время его брат Джавад-хан. Джавад-хан приходит к власти, очевидно, не без помощи Ираклия, так как после этого в течение нескольких лет он выплачивал ежегодно грузинскому царю 10 тысяч рублей. Чтобы как-то избавиться от этой зависимости и непрерывных набегов грузин на Гянджу, Джавад-хан в 1785 году присоединяется к войскам Ага [350-351] Мухаммед-хана Каджар, идущим на Тифлис. После ухода Ага-Мухаммед хана, взаимоотношения между Джавад-ханом и Ираклием II еще больше обостряются.

Отряды Ираклия II, правителя Карабаха Ибрагим-хана и Умма хана Аварского, его родственника, осаждают Гянджу, длительная осада оказывается безуспешной, для снятия ее Джавад хан вынужден вернуть захваченных им в Тифлисе пленных и оплатить военные расходы Ибрагим хана.

После смерти царя Ираклия Джавад-хан борется за возвращение земель Борчалы и Шамшадиль, подаренных Грузии Надир-шахом. Вернуть ему удается, однако, только Шамшадиль, куда он впоследствии посылает своего сына Угурлу-хана.

По распоряжению Екатерины II в 1796 году начинается поход русских войск под командованием генерала Валериана Зубова, брата другого фаворита Екатерины II Платона Зубова, на Кавказ. Официальной целью похода считается восстановление спокойствия в крае, нарушенного Ага-Мухаммед ханом. В походе участвует свыше 30 тысяч человек. В очень короткий срок русскими почти без боев были заняты прикаспийские районы Азербайджана. Большинство ханов вынуждены перейти под покровительство России с условием сохранения ханств и ханской власти, хотя среди них явно были и представители турецкой и персидской ориентации. К Гяндже Кавказский корпус подошел под командованием генерала Римского-Корсакова 13 декабря 1786 года. Джавад хан сам вышел из города навстречу войску и преподнес ключи от города Римскому-Корсакову.

Благожелательное вначале отношение азербайджанцев к русским резко ухудшилось после обращения Аргутинского, назначенного теперь уже советником Зубова, к карабахским меликам. Он заявляет, правда, без согласования с Зубовым, что русские пришли в Азербайджан с «главным намерением освободить армян от ига мусульман.» Заявление, однако, делается не без основания. Армянские мелики предъявляют свои права на Карабах и Зангезур. Еще русские не успели прийти на Кавказ, как начинается дележ азербайджанских земель между грузинами и армянами. В обмен на содействие Грузии в экспансии на Кавказе, Россия обещает в будущем способствовать установлению гегемонии грузин в этом регионе. Ереванское и Карабахское ханства планируется заселить армянами, завезенными сюда из Персии и Турции с целью создания буферного христианского государства. Кстати, эта политика продолжается до самых последних дней. В этот регион, получивший громкое название «Армения», с тех пор было завезено свыше 1,5 миллиона армян и приблизительно столько же азербайджанцев, было оттуда насильственно выселено. [351-352]

В том же году Екатерина II умирает, а новый император Павел I отдает приказ Зубову покинуть Закавказье. Сразу же после ухода русских Ага-Мухаммед-хан организует карательный поход в север Азербайджана. Он берет Шушу, куда под стражей доставляют бакинского хана Гусейн-кули. Туда же прибывает и Джавад-хан. Они должны объяснить шаху причины сдачи русским крепостей без сопротивления.

Убийство шаха 5 июня 1797 его слугами избавляет ханов от возможного наказания. В 1799 году в Грузию возвращаются русские войска, а через год объявляется манифест о присоединении Грузии к России. Грузинский царь Георгий XII тут же поднимает вопрос о возврате Шамшадилья. Джавад хан посылает туда войско под командованием своего сына Угурлу хана. В это время казначей грузинского царя друживший в свое время с Джавад ханом, предупреждает его о приближающемся походе русско-грузинских войск на Гянджу. Вполне возможно, что этим письмом пытались запугать Джавад хана и принудить его к бегству. Как пишет русский историк Ольга Петровна Маркова «Самый большой вопрос внутренних отношений в Закавказье-вопрос о подчинении Гянджи, теперь вновь обострился.» Командующим русскими войсками на Кавказе назначается русский генерал, грузинский князь П. Д. Цицианов. Из Тифлиса он пишет Джавад-хану письмо с требованием краткого отчета о его деятельности и просьбой прислать сына Угурлу-хана в заложники, в знак верности и дружбы. Джавад хан отказывается выполнять требования, поставленные в такой грубой форме, прекрасно понимая, что на этот раз речь идет не о переходе под русское покровительство с сохранением ханства, а о его полной ликвидации.

22 ноября 1803 года русские из Тифлиса направляются в сторону Гянджи. На подступах к Гяндже Цицианов вновь шлет Джавад хану письмо в котором в ультимативной форме требует сдачи города. Джавад-хан отвечает, что готов отстоять Гянджу в битве. Как пишет азербайджанский историк Мирза-Адигезал-бек Джавад хан, собрав своих людей и войско, двинулся на врага. Сражение завязалось недалеко от могилы великого азербайджанского поэта шейха Низами у местечка Кулу-кобу. Силы были явно неравными и после битвы гянджинцы, неся тяжелые потери, отходят в город и запираются во внутренней крепости. Русские войска, войдя вслед за ними в Гянджу, окружают цитадель с четырех сторон. В течение месяца на все угрозы и ультиматумы Цицианова Джавад-хан отвечает однозначно: «Что касается сдачи города, оставь эту несбыточную мечту. В Гянджу ты сможешь войти только через мой труп. Понял? Только после моей смерти и никак по другому.» [352-353]

Приближаются зимние холода и Цицианов 3 января 1804 решает на штурм крепости. Первая атака и попытка штурма крепости по приставным лестницам заканчивается неудачей. Тут же начинается атака с другой стороны цитадели. Несмотря на героическое сопротивление гянджинцев, русским удается захватить основные башни крепости. В битве на стенах крепости в ночь с 3 на 4 января (4 часа утра) 1804 года Джавад хан гибнет от вражеской пули. При штурме на стенах крепости героически гибнет сын Джавад-хана Гусейн-Гулу-хан. Гянджинское ханство, перейдя в состав России перестает существовать,

хотя 26 июля 1826 сыну Джавад-хана Угурлу-хану удалось взять Гянджу и восстановить на короткий срок ханство.

Угурлу хан отличался необычным мужеством и талантом полководца и до этого дважды со своим небольшим отрядом совершал глубокие рейды в Азербайджан и даже пытался взять Гянджу.

Джавад-хан был похоронен в Гяндже у «Джума» мечети, построенной шах-Аббасом.

В 1962 году, якобы в связи с реконструкцией площади вокруг мечети, могила была уничтожена. Останки Джавад-хана местным патриотам удалось сохранить и уже 27 марта 1990 года они были возвращены на прежнее место. Над могилой был установлен скромный памятник с не совсем грамотной надписью. К счастью, всегда находящейся в научных поисках Мешадиханым Не'мят удалось в архиве обнаружить фотографию надгробия Джавад-хана. Оно было изготовлено из мрамора, на котором почерком «насталиг» по-фарсидски очень искусно была сделана надпись:

«В этой гробнице покоится беглярбек Гянджи Джавад-хан Зияд-оглы из рода Каджар».

Елэ ки, гара торпаг олду онларын мэкэни
Истэр мискин дэрвиш, истэрсэ шаһи - чәһан олсун
Кәнчәдә бу мэгбәрәни бина етди
Мәрһум, рәһмәтлик Чавид хан
Кәрбәлә шәһидләринин торпағындан
О астадан чохлу торпаг кәтириб
Һәмин түрбәни малалады
Өз өлүләри үчүн әмин-аман бир ев јаратды.

Умер в тысяча двести восемнадцатом году (1218/1804). Аллаһы таныјан чәннәтлик Чавад хан

Ондан сонра бу мэгбәрәдә дәфн олундулар
О фатехин нәсли вә аиләси. [353-354]

О том, какое большое значение Россия придавала победе над Джавад ханом и взятию Гянджи можно судить по выпуску наградных и памятных медалей посвященных этому событию и повторному взятию Гянджи в 1827 году. Были выпущены нагрудная (серебряная) медаль «За взятие Гянджи 30 января 1804 года» и медаль «За храбрость и усердие при взятии Гянджи.» Взятие Гянджи в битве с Угурлу ханом в 1826 году было отмечено выпуском памятной медали знаменитого медальера графа Федора Толстого «Сражение под Елисаветполем. 1826». Город был переименован в Елисаветполь в честь жены Николая I.

Во время правления Джавад-хана Гянджа процветает. Налаживается торговля, развиваются различные ремесла. Строятся жилые дома, школы, караван-сарай, мечети. При дворе Джавад-хана собираются ученые, писатели и поэты. Там служил Кербалаи Садах - отец выдающегося азербайджанского поэта Мирза Шафи. После захвата русскими Гянджи дочь Джавад-хана Пусте-ханум взяла Мирза Шафи к себе в управляющие, после шамхорского сражения Угурлу-хан берет Пусте-ханум с собой в Иран.

Внучка Джавад-хана, дочь Угурлу-хана Бадирджахан-бегим, жена последнего карабахского хана Мехти Кули-хана Джаваншира, была известной поэтессой и общественным деятелем. Внук Джавад-хана Келбали-хан Мусахиб писал стихи на азербайджанском и фарсидском языках. Брат Джавад-хана Фатали-бек Зийад-оглу Хали Гянджали был известным поэтом. Рукопись его дивана, написанного в основном на азербайджанском языке, хранится в Институте Рукописей АН Азербайджана. При дворе Джавад-хана творил известный азербайджанский писатель Мохсун Насири. По заказу Джавад-хана он пишет азербайджанскую версию «Тути-намэ», созданной на основе древнеиндийских сказок. Некоторые из потомков Джавад-хана после присоединения к России приняли фамилию Зиятхановых. Сейчас в Баку и в Гяндже можно найти прямых потомков Джавад-хана.

Ш. П. Һәмидова. XVIII әсрин икинчи јарысында Азәрбајчан-Јурчүстан мүнәсибәтләри тарихиндән. «Элм». Бақы - 1985; А. Абдурахманов. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана. Баку - 1964; О. П. Маркова. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. «Наука». Москва - 1966; Хаджи Мурад Имрагимбейли. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века (из военно-политической истории). «Наука». Москва - 1969; Дж. М. Мустафаев. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII-начало XIX в.). «Элм». Баку - 1989. [354-355]

ЗЕЙНАЛАБДИН ШИРВАНИ

8 марта 1852 года на сессии Кавказского отдела Русского географического общества делается сообщение о книге «Риязуз-сеяхет» («Луга путешествия») Зейналабдина Ширвани. Председателя собрания, наместника Кавказа князя Воронцова так заинтересовывает сообщение, что он распоряжается собрать сведения о Зейналабдине Ширвани и достать или снять копию вышеуказанной книги. Через русское посольство в Иране устанавливается контакт с принцем Мухаммед Реза-Мирзой Каджар, который отказывается продать единственный экземпляр книги, но любезно соглашается снять с нее копию. Кто же такой Зейналабдин Ширвани, кем так заинтересовались русские ученые и высокопоставленные сановники и чьим именем сейчас называются музей в Индии, библиотека в Индонезии, географические общества в Мекке и в Джизе (Саудовская Аравия), улица в Иранском городе Ширазе, теплоход, плавающий на Каспии, и т. д.?

Гаджи Зейналабдин ибн Ахунд Искендер Ширвани, выдающийся географ - путешественник, историк, этнограф, философ и поэт, родился в 1780 году в городе Шемаха. В 1785 г., когда Зейналабдину исполнилось пять лет, семья ахунда Искендера переселяется в город Кербелу (недалеко от Багдада), где отец будущего путешественника занимается преподаванием в медресе. Здесь же начальное образование получает Зейналабдин. В 1796 г. он направляется в Багдад для завершения образования. Там Зейналабдин продолжает изучение философии, медицины, астрономии, математики и языков. [355-356]

Книги путешественников, которых было так много в библиотеках Багдада, ученые Багдада, съехавшиеся сюда со всего Востока, и многочисленные паломники, посещающие святой город, открывают перед юношей таинственный и незнакомый мир. Стремление увидеть этот мир и донести рассказ о нем до своих сородичей становится целью жизни юного Ширвани, и без долгих сборов он отправляется в путь. Как пишет видный азербайджанский исследователь творчества Зейналабдина Ширвани Нуреддин Керемов: «Этот путь протянулся более чем на шестьдесят тысяч километров и продолжался сорок лет. Он пролегал через Малую Азию, Иранское нагорье, Среднеазиатские, Аравийские и Североафриканские пустыни, через леса и саванны Судана, тропические леса Индии, острова Индийского океана, он пересек горные хребты Гиндукуш, Загрос, Сулеймановы горы, Памир. Путь этот вел и во многие другие области Азии и Африки.»

В своих трудах З. Ширвани не рассматривает путешествия по частям. Нуреддин Керемов же выделил три основных его путешествия. «Маршрут первого из них следующий: Багдад, «Ирак-е аджам», Гилян, Ширван, Муган, Талыш, Южный Азербайджан, Хорасан, Герат, Забуль, Кабул, далее индийские области Пенджаб, Декан, Бенгал, Гуджарат, острова Индийского океана Синд, Мултан, затем по горным дорогам в Кашмир, Музаффарабад и «по Кабульскому пути» в Тахаристан, оттуда в Туран и через Бадахшанские горы в Хорасан, затем «по Иранскому пути» в Фарс. После непродолжительного отдыха З. Ширвани начинает второе путешествие. Оно началось из Шираза (Фарс), оттуда в Дараб, потом к морю в Бендер-Аббас, далее, «по Ормузскому пути» в Хадрамаут, Йемен, затем в Эфиопию и Судан, потом снова на Аравийский полуостров в Джидду, Хиджаз, Медину, Мекку. После этого – «по морскому пути в страну Сеидов» (иначе говоря, в эс-Саид - местность вдоль Нила), из Египта через Ближний Восток «в Шам-Рум» (Анатолию), в Диярбекир, Караман и Айдын. Третье путешествие З. Ширвани - к Атлантическому океану и обратно - проходило по следующему маршруту: «острова Бахре Ахзар» (что означает «зеленое море» - так восточные географы называли Атлантический океан), Рум-Эли (или Румелия, как именовали европейскую часть Османской империи), Анатолия, Азербайджан, Тегеран, Хамадан, Исфаган, Керман, Шираз, Багдад».

Используя свыше пятисот рукописных и печатных источников, многие из которых в настоящее время утеряны, и личные наблюдения, сделанные во время этих путешествий, Ширвани пишет три книги, принесшие ему мировую известность: «Риязус-сеяхет» («Луга путешествия») в 1822 г., «Хадаикус сияхат» («Сады путешествия») в 1827 г. и «Бустанус-сияхат» («Цветник путешествия») в 1833 г. В них он [356-357] приводит ценные сведения о географии, истории, этнографии, архитектуре, литературе и выдающихся деятелях многих стран. Особое внимание он уделяет описанию климатических зон земного шара. Так же как его предшественники на Востоке, Ширвани делит Землю на семь климатических поясов.

Путешествуя, Ширвани близко знакомится с многими учеными и политическими деятелями. С его мнением считаются. Встречи с ним ищут. Молва об учености и образованности Ширвани

распространяется далеко за пределы маршрутов его путешествий. На вопрос Ширвани правителю одной из областей Индии о причинах его необыкновенного гостеприимства тот ответил: «Я оказал вам только одну сотую долю дани уважения, которого вы достойны. Я уважаю вас по восьми причинам: одна из них это ваше человеколюбие, люди должны уважать друг друга; другая причина - вы приехали, как гость нашей страны, а гостей надо уважать; и еще потому, что вы ученый, а ученых нужно уважать; и наконец, еще одна причина та, что вы - мудрый и много знающий человек - помогаете бедным людям, а тот, кто помогает беднякам и обездоленным, тот достоин уважения... Вот за это я вас уважаю и люблю от всего сердца». Его приглашают ко двору правитель Египта Ибрагим-бек, шах Ирана Фатали-шах Каджар, султан Турции Махмуд и многие другие. Там он участвует в диспутах и беседах, но на просьбы остаться при дворе отвечает вежливым отказом. Ширвани благополучной жизни при дворе предпочитает полную лишений и приключений жизнь путешественника.

В то же время Зейналабдин был поэтом и писал стихи под псевдонимом Тамкин. Стихи эти разбросаны по его географическим трудам и собраны в «Диване», рукопись которого хранится в Центральной Библиотеке Тегерана. Рукописи остальных трудов хранятся в Британском Музее, Парижской Национальной Библиотеке, Санкт-Петербурге и Иране.

Творчество Ширвани исследовалось многими азербайджанскими, иранскими, русскими и европейскими учеными, в том числе Аббас-Кули Бакихановым, М. А. Тарбийатом, Аскером Хамид Раббани, Б. А. Дорном, Н. В. Ханьковым, З. Брауном, С. Сторном, Э. Блоше и др. Особое место занимают труды Н. К. Керемова, посвятившего большую часть жизни пропаганде научного подвига Зейналабдина Ширвани.

Женится Зейналабдин в 1820/21 году в городе Ширазе, вскоре у него рождается сын Джалаладдин Магаммед, а через два года второй сын Хусамеддин Али. Старший сын живет недолго, младший же идет по стопам отца и совершает путешествия по Ираку, Ирану и Индии. Зейналабдин Ширвани последние годы своей жизни проводит с семьей в [357-358] Ширазе. Отсюда же он отправляется в свое последнее путешествие. Этим путешествием оказался хадж в Мекку, предпринятый им вместе с женой. По дороге он заболевает и умирает недалеко от города Джиды в 1838 году, где и похоронен.

Н. К. Керемов. Жизнь в пути. «Мысль». Москва - 1973. [358-359]

МОЛЛА ПАНАХ ВАГИФ

Молла Панах Вагиф - первый везир Карабахского ханства, известный политический и общественный деятель Азербайджана XVIII века, является одним из последних выдающихся поэтов Азербайджана средневековой и первым поэтом, новой реалистической, близкой к народному творчеству поэзии. Его творчество оказало большое влияние на дальнейшее развитие азербайджанской поэзии.

Родился Вагиф в 1717 году в селении Салахлы, недалеко от Казаха. Существует мнение, что его дальние предки переселились сюда с родины, великого Физули Байата. Сведений об его родителях известно очень немного. Деда его звали Сулейманом, отца - Мехти, мать - Аггыз.

Панах получает хорошее образование. Он овладевает фарсидским и арабским языками и имеет солидные познания в астрономии, математике, архитектуре, музыке и поэтике. В Казахе он учится у известного ученого и педагога Шафи-афенди. Некоторые биографы считают, что дальнейшее образование он получает в Гяндже или в Тебризе. В Казахе, а затем в Карабахе Вагиф занимается преподавательской деятельностью в медресе при мечете, где он получает имя Молла Панах. Слава об учении Вагифа распространяется далеко за пределы его родины. В народе даже складывается поговорка: «Не каждый грамотей может стать Мола Панахом».

В середине XVIII века на границе с Грузией создается обстановка и многие семьи из казахской области переселяются в районы Карабаха и Гянджи. В число переселенцев [359-360] попадает и семья Вагифа. Она находит убежище в селе Тертербасар Джаванширского уезда Карабаха. Здесь Вагиф продолжает учительствовать. В небольшом бедном селе эта работа приносит очень скромные доходы и семья Вагифа бедствует. Очевидно, в эти годы он пишет стихотворение «Байрам олду» («Праздник пришел»):

Наступил байрам.
Как нам быть теперь?
Ведь у нас муки ни чувала нет;
Риса в кладовой горстка, мерь не мерь,
Мяса нет давно, да сала нет.

Рта нельзя раскрыть, не дают житья,
-Неугодный, мол, раб аллаха я.
Объедается у других семья,
А у нас?
У нас и мотала нет.

Милостив аллах!
Пуст совсем наш дом,
-Ни циновки в нем, ни красоти в нем.
Не гордись, Вагиф, что богат умом,
И ума у нас уж не стало, нет.

Можно было бы, конечно, не упоминать этот, ничем не примечательный стих, если не его печальная известность. В советское время этот стих ставится во главу всего творчества поэта. Его с упоением декламируют в детских яслях и университетских аудиториях. Из содержания стиха делаются далеко идущие обобщения о преимуществе существующего строя. Широкая масса населения Азербайджана начинает знакомство с творчеством Вагифа, в основном, с этого стиха, также как историю родины и биографию великого поэта узнают из содержания не менее печально известной драмы Самеда Вургунa «Вагиф».

Вскоре после переезда в Карабах Вагиф перебирается из Тертербасара в Шушу. Здесь он открывает школу и быстро завоевывает у шушинцев известность, как прекрасный педагог и талантливый поэт. Слава поэта доходит до дворца Карабахского хана Ибрагима Халил-хана и его приглашают во дворец.

О том, как Вагиф попал во дворец существует несколько легенд. Согласно одной из них Вагиф с большой точностью предсказывает лунное затмение и землетрясение. Узнав об этом Ибрагим хан хочет

познакомиться с удачливым астрологом и Вагифа приглашают во дворец. Пораженный [360-361] умом, сообразительностью и личным обаянием Вагифа Ибрагим хан предлагает ему переехать во дворец. По другой легенде Вагиф, будучи в Гяндже пишет от имени просителя письмо правителю Гянджинского ханства Джавад-хану Каджару. Язык письма так понравился Джавад-хану, что он берет Вагифа к себе во дворец, а затем уступая настойчивым просьбам Ибрагим Халил-хана отпускает его в Карабах.

Во дворце Вагиф остается до конца своих дней, сначала на должности ешикагасы, т. е. везира по внутренним делам, а затем первого везира. Своей образованностью и ученостью он завоевывает всеобщее уважение.

Вагиф, видно, серьезно изучает астрономию и с успехом использует свои знания как на практике, для предсказаний затмений и календарных выкладок, так и для астрологических изысканий, часто совершенно необходимых во дворце для принятия серьезных решений. Очевидно, достаточно хорошо Вагиф владеет и практической математикой и использует эти знания при строительстве ханского дворца, Жилых домов и крепостных стен в Шуше. У Вагифа богатая библиотека и он непрерывно занимается самообразованием. Он заметно выделяется своей ученостью среди дворцовой знати и интеллигенции Шуши и оправдывает свой поэтический псевдоним Вагиф («Сведущий»).

Как говорит видный исследователь творчества Вагифа Азиз Шариф, на посту везира Карабахского ханства Вагиф проявил себя незаурядным государственным деятелем, мудрым и дальновидным политиком. Нет оснований сомневаться в незаурядных способностях Вагифа, вот только напрашивается вопрос не его ли или Ибрагим Халил-хана «дальновидная политика» привела Азербайджан к сегодняшним кровавым событиям в Карабахе.

У Вагифа, очевидно, было две жены. Одну из них звали Медина, другую Гызханум. Гызханум была дочерью Дурбанд-бека и вышла замуж в юном возрасте за уже пожилого Вагифа. В народе ходили легенды о ее необычайной красоте. У Вагифа были один сын и две дочери. Все они были детьми Медины-ханум. Сына звали Али-ага. Он писал стихи под псевдонимом «Алим» («Ученый»), и был убит в зрелом возрасте.

Вагиф дружил с поэтами: Видади, Гусейнханом Муштагом, Аггыз оглу Пири. Самым близким его другом, а по некоторым сведениям, и дальним родственником, был поэт Видади который тоже был родом из Казаха. Дочери Вагифа были замужем за сыновьями Видади. Стихотворная переписка двух поэтов занимает видное место в творчестве обоих поэтов.

Другой его друг Мухаммед Гусейн Муштаг в течении 22 лет был шекинским ханом. Известна и их стихотворная переписка. [361-362]

Попав во дворец, суннит Вагиф принимает шиизм, исповедуемый ханом. Здесь он как первый везир руководит иностранными делами Ханства. Положение в Азербайджане было очень сложным. После убийства Надир шаха в 1747 году и даже несколько ранее, в Азербайджане создаются независимые ханства. В короткое время такие ханства, как Карабахское, Гянджинское, Кубинское, Шекинское и другие выходят на международную арену и получают всеобщее признание. Однако, несмотря на достигнутые этими ханствами политические, военные и экономические успехи над ними все время висит угроза потери независимости. Как это будет и в дальнейшем, на ведущую роль в Азербайджане претендуют Иран, Турция и Россия. Независимости угрожают и соседние ханства, а также Грузия. Непрерывные феодальные войны и угроза вторжения сильных соседей вынуждают ханства идти на союзы с соседними ханствами и искать поддержку у ведущих государств. Ибрагим хан идет на союз с Грузией и они ищут поддержку у России.

Уже в 1783 году грузинский царь Ираклий II переходит в подданство России и Вагиф на следующий год присутствует в Тифлисе на приеме, устроенном в честь подписания договора между этими двумя странами. Известны его стихи, написанные в Тифлисе и посвященные принцу Еулону сыну Ираклия, грузинским красавицам и восхвалению города Тифлиса.

В 1783 году Ибрагим Халил-хан обращается с письмом к Екатерине II с просьбой принять Карабахское ханство в российское подданство. Ибрагим хану приходится выбирать между русскими и Ага Мухаммед шахом Каджаром, который пришел к власти в Иране. Ибрагим Халил-хан, конечно, предпочтение отдает России. Дело в том, что Карабах с давних пор был заселен каджарами и управлялся в течении почти 200 лет Каджарами из рода Зийад-оглы. Ага Мухаммед шах, наверняка, стремясь подчинить Карабахское ханство, в какой-то степени мог мотивировать это восстановлением там прав родственных ему каджаров. Перед приходом в Карабах Ага Мухаммеда, Ибрагим Халил-хан еще больше сближается с Ираклием II. Вагиф участвует в переговорах Ибрагим Халилхана, Ираклия II, правителя Еревана Мухаммед-хана и правителя Талыша Мир Мустафа-хана о совместной борьбе с Ага Мухаммедом.

Готовясь к походу на Карабах Ага Мухаммед требует от Ибрагима Халил-хана покорности и в подтверждении согласия просит прислать в залог сына. Ибрагим Халил-хан на это не идет.

В 1795 году войска Ага Мухаммед шаха переходят Араз и направляются в сторону Шуши. Шушинцы под руководством Вагифа успевают хорошо подготовиться к обороне. [362-363] Осада Шуши затягивается и Ага Мухаммед шах решив запугать Ибрагим Халил-хана просит придворного поэта написать ему письмо. Тот пишет следующий стих:

Безумец! Град камней летит с небес.
А ты в стеклянных стенах ждешь чудес.

Здесь обыгрывается название осаждаемого города. Шуша - по азербайджански обозначает стекло. Листок с этим двустушием был прикреплен к стреле, которую воины шаха запустили в крепость. Этим же путем они получили ответ написанный Вагифом - первым везиром Карабахского ханства:

Меня стеклом создатель окружил,
Но в крепкий камень он стекло вложил.

Стих этот вызвал страшный гнев Ага Мухаммеда и он возобновляет пушечный обстрел Шуши. 33 дня длилась безуспешная осада крепости, после чего войска шаха снимают ее и направляются в Грузию.

В обороне крепости принимает участие и прекрасно владеющий оружием Вагиф. Об его искусстве стрельбы ходят легенды. Говорят, что как-то на армянской свадьбе многочисленные гости устраивают соревнование по стрельбе и победителем выходит Вагиф. У Вагифа есть даже мухаммас посвященный ружью:

Мне запах пороха милей, чем кудри муксусные дев.
.....
.....
Я благородное ружье всему согласен предпочесть.
Оно от лютого врага оберегает жизнь и честь.
И помогает храбрецу осуществить святую месть.

В 1796 году русские войска под начальством графа В. Зубова проходят через Шемаху до границ Карабаха. Ибрагим Халил-хан посылает к Зубову посольство во главе с сыном Абульфат-ханом, в которое входит Вагиф и сыновья некоторых Карабахских эмиров.

При возвращении посольства Ибрагим Халил-хану и Вагифу от имени Екатерины II преподносят ценные подарки. Вагифу дарят посох, украшенный драгоценными камнями. Ибрагим Халил-хан все это время ведет переписку с Екатериной II. Тексты писем Ибрагим Халил-хана к Екатерине составляются Вагифом, и императрица сразу замечает незаурядные способности автора текстов. В письме к Г. А. Потемкину в 1784 году Екатерина II отмечает, что письма Ибрагим-хана выделяются галантностью из всех писем приходящих [363-364] из Персии и Турции. Она просит своего фаворита выяснить подробности о личности автора писем и его здоровье.

В 1796 году умирает императрица Екатерина II. Новый император Павел I отзывает русское войско с Кавказа. Этим хочет воспользоваться Ага Мухаммед шах, чтобы наказать непокорных ханов. В этом же году он начинает новый поход и опять начинает его с Шуши. На этот раз Ибрагим Халил-хан без сопротивления сдает крепость Шушу и в сопровождении небольшого отряда, с родственниками и приближенными, бежит на север Азербайджана. Однако, среди приближенных нет Вагифа. Только через неделю, после прихода иранских войск в Шушу, его арестовывают и доставляют во дворец Мухаммед Гасанбека, брата Ибрагим Халил-хана, в котором разместился Ага Мухаммед шах.

Сдача крепости без боя, прославившимся знаменитой обороной Шуши Ибрагим Халил-ханом, историками объясняется бедственным положением области, где в результате засухи был страшный голод. Отсутствие Вагифа в свите хана объясняется по-разному. И те и другие объяснения вызывают многочисленные вопросы. Шуша считалась неприступной крепостью и у Ибрагим Халил-хана было достаточно времени запастись провиантом и подготовиться к защите. Если же он хотел с самого начала сдать крепость, об этом, наверняка, должно было быть известно Вагифу - его самому близкому придворному и он попытался бы к этому моменту быть в крепости. Ибрагим Халил-хану оставалось взять его с собой. Однако по каким-то причинам он отказывается от защиты крепости и не берет с собой Вагифа.

Существуют несколько версий, объясняющих отсутствие поэта в свите хана. По одной из них Вагиф, якобы, ездил с неким Джамилем-ага в Тифлис и при возвращении был схвачен людьми Ага Мухаммед шаха. По другой, Вагиф, убегая от шаха, был схвачен Джавад ханом и передан шаху.

Есть еще предположение, что город был захвачен противниками Ибрагим Халил-хана за несколько дней до вступления туда Ага Мухаммеда и Вагиф был арестован еще до прихода шаха. Этим можно объяснить и сдачу неприступной крепости без боя.

Дальше происходят еще более загадочные события. По сообщению историка Мирза Джамала, который занимает место Вагифа при дворе Ибрагим Халил-хана после его возвращения в Шушу, Вагифа привозят во дворец близко к заходу солнца и Ага Мухаммед объявляет, что казнит его утром. Самое удивительное, что в тот же вечер за какую-то провинность, по сведениям того же историка, он обещает казнить, опять же утром, и трех своих слуг. До утра, однако, Ага Мухаммед шах не доживает. Слуги, [364-365] которым он пригрозил казнью беспрепятственно проникают в спальню шаха и убивают его. В этой истории все как-то упрощенно и протекает она по одному сценарию.

Многие историки считают, что Ага Мухаммед гибнет в результате заговора, руководимого либо кем-то из его окружения связанного с оппозицией в Иране, либо с грузинским царем Ираклием II. Причастность к убийству Ага Мухаммеда Ираклия II объясняют тем, что один из исполнителей преступления был грузином. Если это так, то большинство загадок поставленных перед потомками могут быть объяснены. Ибрагим Халил-хан был близким союзником грузинского царя и не исключено, что если был заговор, в нем мог участвовать и Ибрагим Халил-хан. Тогда, можно предположить, что Вагиф остался в Карабахе для продолжения борьбы с иранским шахом и, не исключено, что и для руководства участниками заговора, среди которых могли быть и представители иранской знати, сопровождающие Ага Мухаммеда в Шушу. Одним из таких заговорщиков, как считают историки мог быть его полководец, знатный азербайджанский хан Садык-хан Шегги, связанный с азербайджанскими ханами и грузинами, проживающими в Иране. Это в какой-то степени подтверждается тем, что после убийства шаха драгоценности, бывшие при шахе передаются ему. После убийства шаха войско его разными путями возвращается в Иран, и предполагаемый поход на Грузию не состоится. Для того, чтобы снять с себя подозрение заговорщики после убийства шаха могли распространить слух об якобы имеющий место угрозе шаха казнить утром провинившихся слуг. Поведение Вагифа в ночь перед убийством шаха служит подтверждением этой версии. Вагиф, как свидетельствовали очевидцы, ночью и под утро несколько раз вызывал начальника тюрьмы и спрашивал не произошли ли в городе какие-либо необычные происшествия.

Сразу после убийства шаха Ирана, во главе Карабахского ханства встает Маммед-бек Джеваншир - племянник Ибрагим Халил-хана. Кажется пришло спасение, но нет Маммед-бек Джеваншир через некоторое время после освобождения из тюрьмы первого везира ханства казнит его и его сына Али-бека. О причинах казни поэта у историков тоже нет единого мнения.

Рассказывали, что, в день казни, когда стража вела отца с сыном, якобы, к хану сын поинтересовался почему их ведут вниз, когда хан находится наверху. Вагиф ответил сыну, что нас ведут туда, куда мы многих посылали. Хоронят Вагифа с большими почестями в Шуше. На могиле его возводят скромный мавзолей, ставший затем местом паломничества. [365-366]

После убийства Вагифа, дом его оказывается разграбленным, рукописи сожжены. «Диван» его стихов до нас не доходит. Известные сейчас произведения поэта собираются по крупицам несколькими поколениями любителей его творчества. Стихи поэта жили среди ашугов и в народе. Были и записи его стихов. Осталось их собрать, записать и опубликовать. Первым это делает Мирза Юсиф Нерсесов. Он публикует их в 1856 году в Теймурханшуре. Эстафета затем переходит к М. Ф. Ахундову. Он собирает богатый материал и передает его видному востоковеду Адольфу Берже, который издает их в 1867 году в Лейпциге. Одновременно творчеством Вагифа заинтересовался составляющий большую антологию азербайджанской поэзии, муфтий Закавказья Гусейн Эфенди Гаиров, дальний потомок поэта Видади. Хотя он свои рукописи не опубликовал, его материалами пользуются многие литературоведы. Наконец, последний раз в дореволюционный период его произведения издаются редактором газеты «Новая жизнь» Гаши-беком Везириным. После революции, для сбора и публикации сочинений Вагифа очень много сделал Салман Мумтаз.

Популярность стихов Вагифа была очень большой не только среди азербайджанцев, но и среди грузин и армян. Известно, что в те годы азербайджанский язык был языком межнационального общения на Кавказе и записи его стихов сохранились не только азербайджанским алфавитом, но и в Грузии грузинским алфавитом, а в Армении - армянским.

Вагиф использует все классические формы восточной поэзии. Он пишет газели, теджнисы, мухаммасы, мустезада, муашшара, мушаире, месневи и элегии. Однако, особое место в его творчестве занимает поэтическая форма-гошма, взятая им из ашугского, народного творчества. Язык этих стихов предельно приближен к народному. До минимума доведено заимствование арабских и фарсидских слов.

Вагиф вырос в ашугской среде и прекрасно знал вкусы и потребности аудитории. Этим можно объяснить преобладание в его творчестве поэтической формы - гошма. С другой стороны, «Диван» Вагифа был утерян, а в памяти народной могли остаться только близкие по духу - гошма, откуда и

может идти преобладание стихов этой формы. Увлечение этой поэтической формой положительно повлияло на содержание и язык стихов классических форм.

Любовь в стихах Вагифа окончательно освобождается от суфийско-мистической символики, присущей в какой-то степени большинству азербайджанских средневековых поэтов. Вагиф в своих стихах воспевает наслаждение жизнью, красоту возлюбленной, горечь разлуки и радости встречи и любви. [366-367]

Целый ряд стихов Вагиф посвящает описанию азербайджанских красавиц. Почти в каждом из этих стихотворений поэт описывает глаза, брови, кудри, щеки, руки, ноги, стан, взгляд любимой. Нам эти стихи кажутся несколько однообразными. Совсем иначе воспринимают их современники поэта. В мусульманском обществе мужчина лишенный возможности видеть лица женщин и свободно с ними общаться особенно остро воспринимает их красоту. Стихи, просто перечисляющие прелести красавиц, позволяют им представить, как наяву, недоступные живые образы. Эмоциональность аудитории того времени была значительно выше нашей. Подтверждением этому может служить неоднократно описанные в литературе суфийские собрания, на которых чтение сравнительно безобидных, с нашей точки зрения, любовных стихов производило необычно сильное эмоциональное воздействие на слушателей, вплоть до потери ими сознания. Острое восприятие женской красоты мужской аудиторией того времени, позволяло при чтении или прослушивании стихов Вагифа воссоздавать в своем воображении живые образы, совершенно непохожие друг на друга игривых, кокетливых, изящных, стройных, белокожих красавиц с большими глазами и ресницами и родинкой на щеке, горящим взглядом и обязательно умных и суетливых. Поэзия Вагифа на это и рассчитана. Она очень образна и позволяет конструировать в воображении, как сейчас говорят, живые образы в объеме и в цвете.

Если заложить в ЭВМ, стихи поэта с описанием азербайджанских красавиц она могла бы создать образ «идеальной» по-Вагифу красавицы. Однако он и сам не раз отвечает на этот вопрос:

Но красавица быть вот какою должна:

Роста среднего, кудри спадают к плечам,
И улыбка лица быть зарею должна.

Щеки розовые, словно маки весной,
Губы алые, словно рубин огневой,
С головы и до ног, словно ландыш лесной,
Вся жемчужной сверкать белизною должна.

За собою следит и нарядна она,
И кокетлива с милым, когда влюблена,
И дыханием нежным и речью - весна,
-Пахнущая, точно фиалка весною, должна.

Ноги стройные, белые, в танце легки.
Удлиненные, узкие кисти руки.
На широком лице нос и губы тонки,
Но приятной манить полнотою должна. [367-368]

Лет должно быть тринадцать-четырнадцать ей.
Красоты безупречной ресниц и бровей
Недостаточно, - всех своих сверстниц умней,
Отличаться ума остротою должна.

Как павлин, прихорашиваться по утрам
И при этом уметь говорить по душам,
Все понять по намекам, неясным речам
-Угадать твои чувства душою должна.

Вагиф не только мастер поэзии любви, но и знаток радостей любви. Как пишет А. Шариф, «вместо неземной, идеальной любви, стоящей в центре внимания классических поэтов средневековья, Вагиф воспел горячие и живые чувства, простые радости любви». И действительно, прочтите нижеприведенный мухаммас и вы согласитесь, что в богатой поэзии средневекового Азербайджана

трудно найти другой стих, с такой непосредственностью, вдохновением и в тоже время с какой-то целомудренностью воспевающий «горячие и живые чувства» и «простые радости любви»:

Головой к груди прижаться и на миг познать
забвенье
Любоваться легкой прядкой, что легла на щеки
тенью,
Взять за тонкое запястье, где звенят запястий
звенья,
И, обнявшись, на балконе вместе быть весь день
весенний,
В поцелуе исступленном замерев в оцепененье.

Осмелев, с лица любимой сбросив шелк золототканый,
Развязать расшитый пояс туго стянутого стана,
С губ сорвать намек запретный, рот ее увидеть рдяный,
Чтоб она ко мне приникла обнаженной и желанной,
Только жемчуг ей оставить в волосах для украшения.

Провести рукой по косам, перевитым жемчугами,
Пряно пахнувшим нарциссом и цветущими лугами,
Любоваться юной грудью обнаженными сосками
И познать, целуя страстно, мед и горечь, лед и пламя,
Обо всем забыть на свете в это дивное мгновение.

Никогда не насыщаясь, любоваться ею снова.
Безрассудно подчиняясь силе чувства молодого,
Просыпаться освеженным, к пиру новому готовым, [368-369]

И, прижавшись, упиваться звонким смехом,
родниковым.
И рассказывать друг другу все, что было в сновиденье.

Чтобы нас никто не слышал, клясться в чувстве
неизменном.
Обещать любовь до гроба, все сокровища вселенной.
И глаза и щеки милой целовать попеременно...
А потом расстаться с нею, будто вырваться из
плена,
И, Вагифу уподобясь, о другой мечтать в томленье.

Здесь не только «высокая поэзия», но и глубокое знание философии и прелестей любви. К сожалению, этот стих остался как-то незамеченным исследователями творчества поэта, не говоря уже о прекрасном переводе его на русский язык Т. Стрешневой. В русской переводной литературе это один из самых прекрасных образцов любовной лирики. У Вагифа есть глубоко философские стихи о смысле жизни и бренности мира, есть стихи и обличительного характера, но для нас он остается поэтом любви, красоты и радостей жизни.

Араз Дадашзадэ. Вагиф (həjət və jərədyçylyғы). Бақы - 1966; Молла Пənah Вагиф. Əсəрлəri. Бақы - 1968; Мирза Чамал Чаваншир Гарабағи. Гарабағ Тарихи. Бақы - 1959. [369-370]

Мирза-Шафи, что от тебя хотят?
Тебя то превозносят, то хулят
«Ключ мудрости». Мирза-Шафи

МИРЗА ШАФИ

Система образования в школах и университетах средневекового Азербайджана (в школах при мечетях эта система сохранилась до конца XIX века) была построена так, что наибольшее внимание в них, после теологии, уделялось изучению языков, теории и практике стихосложения и каллиграфии. Поэтому, почти всем образованным людям того времени, в той или иной степени приходилось пробовать свои силы в стихосложении и каллиграфии. Однако бумага, чернила и труд переписчика стоили очень дорого и только поэты имеющие очень богатых покровителей могли позволить себе такую роскошь, как размножение своих трудов. Большинство же рукописей, написанных в единственном числе, как правило, со временем, исчезали, а об их авторах забывали. То же самое могло бы произойти и с простым гянджинским переписчиком рукописей Мирза Шафи, если бы не почти детективная история, развязка которой принесла ему мировую известность.

Мог ли скромный каллиграф, а затем учитель азербайджанского языка мечтать, что его стихи будут переведены лучшими переводчиками и поэтами европейских стран почти на все языки мира, что сборник его стихов выдержит сотни изданий в разных странах мира, а на его стихи будет написана великолепная музыка композиторами различных музыкальных школ. Однако произошло все именно так и [370-371] произошло благодаря, а может быть, и вопреки стараниям Фридриха Боденштедта - путешествовавшего по России и Кавказу немецкого литератора. Теперь все по порядку.

Во дворце последнего гянджинского хана Джавад-хана Зияд оглы Каджар в начале XIX столетия жил и работал зодчий Кербалай Садык - коренной гянджинец (отец его Мухаммед, так же был гянджинцем). У него было два сына. Один из них-Абдул-Али был подмастерьем у каменотеса, а второй - Шафи учился в шах - аббасском медресе Гянджи. Оставшийся без средств, после гибели гянджинского хана, взятии Гянджи русскими войсками в 1804 году, Кербалай Садык, набожный и благочестивый человек, все надежды возлагает на сына - Шафи, надеясь, что способный юноша станет известным богословом. Однако увидеть это ему не пришлось. После гибели Джавад-хана Каджара он оказывается полностью разоренным и не выдержав превратностей судьбы, вскоре умирает, оставив братьев сиротами.

Продолжить образование Шафи помог, вернувшийся после долгих странствий из Тебриза известный купец Гаджи Абдулла, «человек замечательного ума и высокой нравственности».

Гаджи Абдулла был родом из Гянджи. Разбогатев на торговле он переезжает в Тебриз, а затем в Багдад. Здесь он знакомится с неким дервишем - суфием по имени Сеид Саттар. Под влиянием страстных проповедей дервиша, Гаджи Абдулла становится ярым сторонником его философских идей. Перед отъездом в Гянджу Гаджи Абдулла, в знак признательности за учебу, предлагает своему бездомному и бедному другу богатый подарок. От подарка Сеид Саттар отказывается и взамен просит купца принять его мировоззрение и соответственно с ним изменить свой образ жизни. Гаджи Абдуллы сдерживает свое слово. Прибыв в Гянджу он не только изменяет образ своей жизни, но и становится активным пропагандистом принятого им суфистского мировоззрения.

На Шафи проповеди Гаджи Абдуллы производят большое впечатление и он становится ярим его сторонником. Дело в том, что Шафи еще в медресе увлекается суфизмом и пантеистической философией Востока, без знания которых трудно было понять поэзию любимых ему Хафиза, Физули, Хайама, Саади и других поэтов суфиев и проповеди Гаджи Абдуллы оказываются близки ему по духу. Гаджи Абдулла, в свою очередь, берет его под свое покровительство и, как считают некоторые исследователи, даже усыновляет. Еретические высказывания Шафи и поддержка им Гаджи Абдуллы в его спорах с представителями духовенства Гянджи на общественных диспутах не остаются незамеченными и будущего поэта исключают из медресе. Исследователи творчества Мирза Шафи не должны забывать, что поэт до [371-372] конца своих дней остается верным своему учителю и не отходит от позиций суфизма. Доказательством тому служит знаменитый стих:

Учитель мой - Хафиз,
Мой храм - питейный дом.
Я прихожу в кабак
-Все ходит ходуном.

Аллах, благослови,
Позволь направить нам
Свои сердца к любви,
А ноги к кабакам.

Могу я рай земной
Себе представить так:
Мечети ни одной,
И под рукой кабак

Где удастся мне
Во время питья
Разгадывать на дне
Загадки бытия.

В суфийской поэзии под питейным домом, кабаком (Мейхана, Харабат) понимали собрание суфиев, а воспеваемая любовь относилась к богу (см. Мехсети Гянджеви). Кстати, стихи несущие скрытый суфийский смысл, о котором мог не знать Боденштедт, смело можно относить к подлинным стихам Вазеха.

Оставшемуся без средств Шафи Гаджи Абдулла помогает устроиться управляющим к дочери погибшего Джавад-хана Пусте-ханум. С тех пор к его имени стали прибавлять почетное звание - Мирза.

В 1826 году старшему сыну Джавад-хана-Угурлу-хану Зияд-оглы Каджару в составе войск Аббас-мирзы Каджар удается восстановить Гянджинское Ханство. Однако, вскоре русские войска вновь берут Гянджу и Угурлу-хан забирает свою сестру Пусте-ханум с собой в Иран. Оставшись опять без работы Мирза Шафи зарабатывает на хлеб перепиской мусульманских духовных книг. В 1831 году умирает его единомышленник и покровитель Гаджи Абдулла. Он завещает [372-373] Мирза Шафи несколько сот рублей. Это позволяет Мирза-шафи расплатиться с долгами и несколько поправить свое материальное положение, но не надолго.

С появлением типографий спрос на его труд переписчика резко падает и Мирза-Шафи оказывается вновь, в тяжелом положении.

Один из лучших знатоков творчества поэта М. Рафили считает, что именно на этот период жизни приходится расцвет творчества Мирза-Шафи, принявшего поэтический псевдоним - Вазех. Он пишет: «Преследуемый жизненными тяготами и нападками духовенства, Мирза Шафи, одинокий отверженный поэт, находил выход в восхвалении прелестей вина и возлюбленной в стихах, нередко носивших мистический характер, отчасти идущий от Хафиза и Хайама, а также от Физули - величайшего азербайджанского поэта XVI века.»

Мирза Фатали Ахундов, выдающийся азербайджанский философ и драматург, помогает Мирза-Шафи в ноябре 1840 года получить место учителя в Тифлиском уездном училище. Там он работает до конца своих дней. Только в 1848 году он на два года переезжает в Гянджу, где преподает во вновь открытом Гянджинском уездном училище. В Тифлисе в соавторстве с И. Григорьевым Мирза-Шафи пишет один из первых учебников азербайджанского - тюркского языка «Китаб-и тюрки». Книга была напечатана в одной из типографий Тебриза. В официальных бумагах она называлась так: «Хрестоматия азербайджанского наречия, составленная преподавателями Григорьевым и Мирза-Шафи Садык-оглы.» «Мудрые изречения и наставления», приводимые Мирза-Шафи в этой книге будут, в дальнейшем, дословно повторяться Боденштедтом без указания авторства Мирза-Шафи.

В Тифлисе Мирза Шафи попадает в новую для себя среду. Однако, связи с поэтическим кругом, созданным в Гяндже он не теряет. Литературное общество «Диван-Хикмет», организованное Мирза-Шафи в Гяндже продолжает функционировать. В Тифлиский период в него входят выдающиеся азербайджанские ученые и поэты Аббас-Кули-Ага Бакиханов и Мирза Фатали Ахундов, поэты Наджми, Насех, Шоле, Мирза-Гасан, Молла-Абдулла, Хаджи-Абдулла, Мирза-Юсиф Видади, Хаджи-Юсиф Кане и другие. В работе общества принимают участие так же русские и грузинские литераторы и востоковеды

, знающие азербайджанский и персидский языки. В общество входят и европейские ученые и поэты проживающие в Тифлисе. Одним из таких членов в 1843 году становится и Фридрих Боденштедт, о котором уже говорилось выше. В судьбе наследия Мирза-Шафи он сыграл настолько большую роль, что о нем следует рассказать особо. [373-374]

Родился Боденштедт 28 апреля 1819 года в бывшем Ганноверском королевстве. В лучших университетах Германии в Геттингене, Мюнхене и Берлине он изучает языки и литературу. Затем в 1841 году приезжает в Москву, где занимается воспитанием детей князя Михаила Голицина. Через три года Боденштедт отправляется в Тифлис в качестве наблюдателя и преподавателя иностранных языков. В Тифлисе Боденштедт решает приступить к изучению восточных языков. «Я был в то время единственным немцем в Тифлисе, - пишет Боденштедт в своих «Воспоминаниях», - который изучал восточный язык, и я начал с татарского (тюркского), потому что он являлся самым важным языком в сношениях с многочисленными народами Кавказа. С ним можно было быть понятым везде, где русский язык был недостаточен». Знакомые Боденштедта, в качестве педагога, в числе прочих, рекомендуют ему и Мирза-Шафи, имеющего богатый стаж частного преподавания в Гяндже и Тифлисе. «Из рекомендованных мне больше всего понравился Мирза Шафи, благодаря своей стройной внешности и кроткой серьезности существа», пишет Боденштедт. Уроки происходят три раза в неделю и на них присутствуют также другие ученики Мирза Шафи. Вскоре учитель и ученик настолько сближаются, что Боденштедт становится полноправным участником «Дивана» Мирза Шафи.

На уроках и на заседаниях литературного меджлиса «Диван-Хикмет» идут оживленные философские дискуссии, Мирза-Шафи на память читает и поет стихи Фирдоуси, Хайама, Саади, Физули. Большое место на уроках Мирза-Шафи отводит и своим стихам - старым и новым - экспромтом сочиненным, в присутствии учеников и членов «Дивана». «Я не помню, чтобы он приносил на уроки языка какую-либо книгу, - вспоминает Боденштедт, - он пел, диктовал, доказывал и цитировал всегда на память, и его так богато и счастливо одаренная память никогда его не оставляла». Высокообразованный Боденштедт эффективно использует время проводимое со своим учителем. Он записывает содержание бесед и стихов, которые ему приходится здесь слышать. Часто, Мирза Шафи специально диктует или напевает немецкому ученику свои стихи для записи. Эффективность такой методики обучения языкам, апробированная многими веками, была очень высокой и Боденштедт вскоре начинает понимать прелесть азербайджанской и персидской поэзии, представляемой ему в оригинале Мирза-Шафи. Мирза Шафи нравится искреннее желание Боденштедта поближе познакомиться с Востоком и он дарит ему книгу своих стихов, озаглавленную «Ключ мудрости». «Эта тетрадь, - пишет Боденштедт, - содержала в себе все мирозерцание нашего учителя». Во вступлении книги поэт дает предисловие, которое в дальнейшем Боденштедт опубликует в немецком переводе, в подлинности которого трудно усомниться: [374-375] «Во имя аллаха всемилосердного и всемилостивого! После того, как воздали честь и хвалу создателю неба и земли, мы раскрываем подлинную сущность и природу этой книги. По настоянию своего друга и ученика Бустана-эфенди (пусть аллах множит его дни!) Мирза Шафи (да улучшит аллах обстоятельства его жизни!) записал в этой книге собрание своих касыд, газелл, мукатаат, месневийт и рубайят, как источник мудрости и познания; пусть черпают оттуда безумцы и наслаждаются им мудрецы. В этом сборнике собраны песни о любви, радости прекрасного и доброго, а также песни осуждения и бича всего дурного и пошлого; семена мудрости, выращенные для посева не на пашне жажды знания и в бороздах восприятия; песни, которые не созданы для людей, желающих держаться золотой середины в качестве образца поэзии и красноречия и отказывающихся пустить своего коня по дороге многословия.»

В 1845 году Боденштедт возвращается в Германию, и подводя итоги своему пребыванию в Тифлисе, в 1850 году издает книгу «1001 день на Востоке». В ней он приводит также свои переводы песен Мирза Шафи Вазеха на немецкий язык. Обращаясь к поэту Боденштедт говорит, тогда еще искренне: «Восстаешь опять в моем воспоминании, Мирза Шафи, мудрец из Гянджи! Твои слова стали правдой и исполнилось то, что ты нам обещал. Твои песни нашли прекрасное убежище в сердцах наших женщин и девушек, и твое имя гордо звучит на Западе. Цветы, которые ты мне подарил, я сплел в венки и жемчужины, которые ты рассыпал передо мной, я нанизал на нити в честь тебя и на радость людям.» Там Боденштедтом приводятся переводы и других азербайджанских и персидских авторов. Он не только указывает авторство каждого поэта, в том числе и Мирза Шафи, но и подробно рассказывает, где и при каких обстоятельствах были записаны стихи или песни и какое на него они произвели впечатление. Так, благодаря стараниям прилежного ученика с произведениями одного из выдающихся азербайджанских поэтов XIX века знакомится вся Европа.

Боденштедт и раньше занимался литературной деятельностью и переводами, однако популярным он никогда не был. Его знали только в узком кругу литераторов. И вдруг, вопреки ожиданиям даже самого автора, книга имеет успех. Окрыленный Боденштедт по предложению своего издателя решает переиздать книгу, вернее издать отдельной книгой «Песни Мирза Шафи», принеся ей успех. Успех

«Песен» оказался ошеломляющим. Автор и переводчик «Песен» в течение, буквально, нескольких лет, завоевывают во всем мире имя и славу. «Песни» выходят на французском, английском, шведском, голландском, датском, испанском, португальском, русском, чешском, венгерском, еврейском и других языках. Несколько стихотворений из [375-376] «Песен» даже переводят на древнееврейский язык. В одной только Германии до 1922 года книга выдержала 169 немецких изданий. Успех там был настолько велик, что часто приходилось в течение одного года выпускать по несколько изданий «Песен Мирза Шафи». Так в 1868 году было выпущено в свет 6 изданий, а в 1876 году - 12 изданий. О популярном поэте даже пишут оперетту «Die Lieder des Mirza-Schaffy», премьера которой состоится в 1887 году в Берлине. Сейчас трудно назвать какое-либо произведение, если не считать переводы Омара Хайама, выполненные Фицджеральдом, на которое выпал бы такой грандиозный и совершенно неожиданный успех.

Из многочисленных, различных по уровню русских переводов, следует остановиться на двух. Это великолепный перевод С. Я. Надсона из песен Мирза Шафи о Зулейхе:

Ни ангелов, сияющих в лазурных небесах,
Ни роз, благоухающих в задумчивых садах,
Ни неги ослепительных, полуденных лучей,
-Я не сравню с Зулейхою, красавицей моей.

Чужд непорочных ангелов недуг любви земной,
В садах без острых терний нет розы ни одной,
И гасит солнце к вечеру огонь своих лучей,
Но к ним не приравняю я красавицы моей!

и перевод Петра Ильича Чайковского стиха, на немецкий текст которого был написан романс А. Г. Рубинштейна очень популярный до наших дней и получивший мировую известность в исполнении Ф. И. Шаляпина:

Клубится волною кипучею Кур,
Восходит дневное светило,
Как весело сердцу, душе как легко
-О! Если б навеки так было,
О! Если б навеки так было!

По какому-то недоразумению во многих странах считалось, что «Песни Мирза Шафи» являются переводами «с персидского», хотя сам Боденштедт в описаниях своего путешествия на Кавказ приводит их в качестве перевода «с тюркского». Вокальный цикл Рубинштейна, состоящий из 12 романсов на слова Мирза-Шафи, по той же причине был известен под именем «Персидские песни». [376-377]

Рафили пишет, что читатели настолько были убеждены в авторстве Мирза Шафи, что некоторые даже обращались к Боденштедту с просьбой показать им оригиналы этих чудесных песен. Но успех «Песен» вскружил голову Боденштедта, и в очередной книге с типично длинным немецким названием «Из наследия Мирза-Шафи с прологом и дополнительным разъяснением Фридриха Боденштедта», вышедшей в 1874, когда уже не было в живых самого Мирза-Шафи и многих близко знакомых с ним современников, Боденштедт выступает с публичным «саморазоблачением». Он объявляет, что единоличным автором ранее вышедших двух книг, изданных как переводы Мирза-Шафи, является он сам, Фридрих Боденштедт. Он настолько вжился в этот образ, что даже стал подписываться именем «Мирза-Шафи». Его иронически называют «тюрком, происходящим из, Ганновера, или немцем, происходящим из Гянджи». Немецкой и западноевропейской литературной критикой заявление Боденштедта было принято без оговорок. Многие даже стали сомневаться в существовании самой личности Мирза-Шафи, тем более, что «Диван» Мирза-Шафи в архиве Боденштедта после его смерти обнаружен не был. Кстати лучшим доказательством авторства Боденштедта могла бы стать тетрадь стихов Мирза-Шафи и то, что она, при немецкой пунктуальности вдруг исчезает уже говорит о многом. В 1880 году в Лейпциге, в честь юбилея Боденштедта, выходит книга «Западно-Восточный «Диван» Мирза Шафи» литовского литературоведа и полиглота Юргиса Юлиуса Зауервейна. В книге автор приводит написанные им поздравления на азербайджанском, русском, фарсидском, санскрите, китайском, французском, английском, итальянском, латинском, польском, греческом, румынском, венгерском, литовском, древнегерманском, датском, шведском, арабском и др. языках. Первым идет

стих, написанный на азербайджанском языке, в котором он Мирза-Шафи называет духовным наставником (мюршидом) Боденштедта:

Ханəнин дəрвəзəсында будур олду Издиһам
Литвалылар, полшалылар кəндəрəр сənə салам.
Һəр гəбилəлəр, миллэтлəр севəр бу шаири
Ки, тəмам алəмдə мəшһурдур, шаир əлмəрам.

Азəрбajчан, һəм Тифлис тəбрик кəндəрир
Бу диjарын һамиси Мирзə Шəфидир тамам.
Муршидин Мирзə Шəфи татарчə jахшы сəjləмиш,
Мən муридин дə jазарам бу сəфи татар кəлам.

Азербайджанскими учеными Салманом Мумтазом, М. Рафили, А. Сеид-заде и др. удалось по крупицам восстановить биографию поэта и отыскать подлинники его стихов, [377-378] написанные на азербайджанском и персидском языках. Анализ «Песен Мирза-Шафи», проделанный ими, после этого, показал о несомненном авторстве их Мирза-Шафи. Хотя там были обнаружены стихи классиков поэзии Востока Хафиза, Саади, Физули и стихи, написанные самим Боденштедтом «под Мирза-Шафи» (такое наблюдалось за ним и раньше: в его переводах Лермонтова обнаружено семь таких импровизаций), а также «поскутные переводы» (А. Сеидзаде), когда строки одного стихотворения Мирза-Шафи разбрасывались по нескольким стихам «Песен».

О том, что Мирза-Шафи был известным в Тифлисе поэтом свидетельствует появление его знаменитого стиха «Учитель мой Хафиз, мой храм питейный дом...» в русском переводе в журнале «Отечественные записки» 1850 году, до публикации Боденштедтом «Песен». Стих был записан тифлиским корреспондентом журнала в знаменитом трактире Зальцмана со слов одного из завсегдатаев, назвавшего Мирза-Шафи «нынешнем Хафизом Востока.» О такой популярности Мирза-Шафи говорит и сам Боденштедт в своей первой книге: «Многие песни Мирза-Шафи, которые он пел во время поэтических соревнований или по другим торжественным случаям, продолжают жить в устах грузин и татар (азербайджанцев), в то время как ему самому никогда не приходило в голову запечатлеть их в записях. Зачастую даже могли бы не знать, что они созданы им, если бы на Востоке не было обычая присоединять к каждой газелле имя поэта.»

Мирза-Шафи умер 16 ноября 1852 года в Тифлисе. Обкраденный и забытый при жизни, он оказывается ограбленным и после смерти. Азербайджанское кладбище, находящееся за Тифлиским Ботаническим садом после войны сносится и никто у него на родине не решается поднять голос в защиту памяти своего великого земляка.

Исследование творчества Мирза-Шафи еще не завершено, однако полученного материала вполне достаточно, чтобы восстановить его имя в мировой поэзии, ничуть не умоляя при этом заслуг его талантливого переводчика.

Фридрих Боденштедт. Мирзə-Шəфи һаггында хатирəлəр. «Jазычы». Баку - 1987; А. А. Сеидзаде. Мирза-Шафи Вазех. Баку - 1969; Песни Мирзы-Шафи. «Jазычы». Баку - 1988; Мирза-Шафи Вазех. Лирика. Москва - 1967; Акиф Байрамов. Классическая азербайджанская литература на немецком языке. «Jазычы». Баку - 1992. [378-379]

МИР МОХСУН НАВВАБ КАРАБАХСКИЙ

Город Шуша всегда являлся одним из центров культуры Азербайджана. По словам известного ученого, музыковеда Фиридуна Шушинского в XIX веке в этом небольшом городе находится 95 поэтов, 22 музыковеда, 38 певцов профессионалов, 16 живописцев, 5 астрономов, 18 архитекторов, 16 врачей и т.д. В городе функционируют около десяти литературных, музыкальных и других обществ, действуют свыше десяти медресе, школ и училищ. В горной Шуше, как нигде в Азербайджане, долго сохраняются средневековые традиции в науке, искусстве и культуре. В богатых библиотеках каллиграфы пишут и переписывают книги, художники украшают настенной живописью городские здания, создают книжные миниатюры. В ковровых мастерских ткуют ковры, которыми, в дальнейшем, будут гордиться лучшие музеи мира. Музыканты высоко несут знамя карабахской школы мугама. Поэтому, не удивительно, что именно здесь в середине XIX века, когда по всему Азербайджану зарождаются капиталистические отношения и пробивает дорогу новое мышление, появляется последний ученый - энциклопедист средневекового склада - Мир Мохсун Навваб Карабахский.

Действительно, Мир Мохсуна, выдающегося музыковеда, поэта, художника, каллиграфа, астролога, химика и математика Азербайджана по содержанию, уровню и объему знаний смело можно отнести к последним энциклопедистам [379-380] средневековья, хотя в общественной жизни Шуши он всегда стоял на передовых, для того времени, прогрессивных позициях.

Больше всего Мир Мохсума знают в наше время, как музыковеда, автора музыкального трактата написанного на азербайджанском языке «Вузухуль-арнам» («Объяснения цифр»). Этот, написанный в лучших классических традициях трактат, очевидно, является последним трактатом такого рода на Востоке. В Азербайджане же, кроме того, Навваб был одним из последних алхимиков, астрологов и художников старой школы.

Мир Мохсун Навваб родился в 1833 году в семье Гаджи Сеид Ахмеда и прожил без выезда всю жизнь в Шуше. Образование он получает сначала в духовной школе, где овладевает в совершенстве арабским, фарсидским, турецким языками, затем в медресе Аббаса Сарыджали, где изучает астрономию, химию, математику и другие науки.

На протяжении всей своей долгой жизни Навваб активно участвует в культурной и общественной жизни Шуши. Пишет стихи, издает в открытой им типографии книги, преподает в школе, пишет свыше двадцати книг посвященных самым различным областям науки и культуры, создает литературное общество «Меджлиси-фарамушан» («Меджлис забытых») и музыкальное общество – «Меджлиси ханенде» («Общество музыкантов»), открывает в Шуше библиотеку и читальню. В указанные общества (меджлисы) входят поэты Абдулла-Бек Аси, Фатмаханум Кэmine, Мешади Эййуб Баки, Хан Карабаги, Абдулла Гасан Шахид, музыканты и певцы Гаджи Гуси, Мешади Джамиль Амиров, Ислам Абдуллаев, Сеид Шушинский. Эти общества поддерживают активную связь с другими такими же обществами Азербайджана - в Шуше «Меджлисы-унс», в Шемахе «Бейтус-Сафа», «Меджмуа-шуара» в Баку и др.

Среди трудов Навваба представляет интерес антология «Тезкирей-Навваб», в которой представлены сведения о жизни и творчестве свыше 100 азербайджанских поэтов Карабаха XIX века. В 1913 году эта книга была издана в Баку.

Мир Мохсун Навваб интересуется математикой, химией и астрономией. У себя дома он создает небольшую обсерваторию с двумя телескопами и химическую лабораторию. В книге «Кифаятуль-атфал», написанный в виде учебника по астрономии в 1899 году он приводит таблицы местоположения небесных тел, время солнечных затмений и т. д. В химической лаборатории демонстрирует опыты ученикам и одновременно проверяет ряд рецептов средневековых алхимиков. В книге «Насихатнамэ» Навваб приводит 500 назиданий для молодежи. В какой-то степени назидательными являются и книги «Кифаятуль-атфале», «Нуруль-Энваре» и «Ленднамэ», отображающие этические взгляды педагога и [380-381] ученого. Большой вклад в искусство Карабаха и Азербайджана Мир Мохсун вносит своим художественным творчеством. Он оставляет нам много акварельных рисунков, книжных миниатюр и росписей жилых зданий и мечетей.

Знаменитый музыкальный трактат Мир Мохсун Навваба «Визухуль-аргам» («Объяснения цифр») впервые издан в 1913 году в Баку (известно и другое его произведение «Кешфуль-хагигейи месневи» посвященное музыке). В трактате Мир Мохсун касается вопросов связанных с

происхождением и названием отдельных мугамов, составом некоторых дастгяхов, связи мугама со стихотворным текстом, взаимодействии исполнителя и слушателя и их оптимальное взаиморасположение с точки зрения акустики. Навваб одним из первых вводит в обиход термин «дастгях» и приводит один из вариантов составов, существовавших тогда в Карабахе шести дастгяхов: Раст, Махур, Шахназ, Рахави или Рахаб Чаргях и Нава. Как говорит Навваб, состав исполняемого дастгяха во многом зависит от вкуса и способностей исполнителя. Там же он приводит 82 мугамов и песен, исполняемых в то время в Карабахе. Мир Мохсун объясняет происхождение некоторых мугамов и происхождение их названий. Так название мугамов Азербайджан, Нишабур, Забули, Багдади, Ширвани, Гаджари, Шах Хатаи и др. он связывает с именами создавших их лиц и с названиями местностей. Мугам «Раст» связывает с дуновением весеннего ветра, «Рахави» с каплями дождя, «Чахаргях» с раскатами грома, «Дугях» с водой бьющей из фонтана, «Хумаюн» с полетом птиц, «Нава» со стоном несчастных влюбленных, «Махур» с течением воды, «Шахназ» с пением соловьев, «Ушшаг» с движением птицы, «Уззал» с полетом метеорита.

Говоря об эмоциональном воздействии мугамов Навваб пишет, что «Ушшаг», «Буселик» и «Нава» побуждают к мужеству и отваге, «Бозарг», «Рахави», «Зангюле», «Зиреф-кенд» и «Хусейни» располагают к грусти. Навваб высказывает ряд интересных идей о целебных свойствах музыки. Трактат заканчивается словами: «Этот трактат написан с целью увеличить силу отечественной науки».

Известный музыковед Земфира Сафарова, посвятившая много лет исследованию творчества Навваба пишет: ««Визухиль-аргам» ценный труд по музыке, затрагивающий важные вопросы музыкального искусства и мугамного исполнительства прошлого столетия не только Азербайджана, но и восточных стран в целом».

Умер Навваб в 1918 году в городе Шуше, известным в Азербайджане и за его пределами ученым.

Мир Мөвсүн Нәввәб. Вүзуһул-аргам. «Елм». Бақы - 1989; Вәли Мәммәдов. Мугам, сөз, ифачы. «Ишыг». Бақы - 1981; Әфрасијаб Бәдәлбәјли. Мусиги лүғәти. «Елм». Бақы - 1959; Земфира Сафарова. Мир Мохсун Навваб. «Язычы». Баку - 1983. [381-382]

САДЫХДЖАН

Во второй половине XIX века столица Карабаха Шуша переживает мощный культурный подъем. Здесь действуют университеты (медресе), школы и училища. Образуется свыше десяти литературных и музыкальных обществ. Развиваются культура и наука. Однако, наибольший подъем в этот период времени наблюдается в музыке. Шуша превращается в музыкальную академию всего Кавказа. Здесь создаются новые мелодии, распространяемые по всему Востоку. Отсюда выходит множество выдающихся певцов и музыкантов.

Особое место среди большого созвездия талантов занимает Садыхджан - тарист, композитор и создатель нового тара. Обладая большим певческим и музыкальным талантом, он в юности теряет голос и сосредоточивает свои способности на исполнительской деятельности. Достигнув необычайно больших высот в игре на таре, Садыхджан неудовлетворяется этим и создает на его основе фактически новый музыкальный инструмент. Кроме того, он изменяет манеру игры, на этом самом почитаемом в Азербайджане инструменте, и значительно расширяет возможности исполнителей классических азербайджанских мугамов. Садыхджан прославился как выдающийся импровизатор и композитор.

Анализ творчества Садыхджана и теоретических основ новаций, введенных Мирза Садыхом при реконструкции тара, были сделаны известным музыковедом профессором Афрасийабом Бадалбейли. Материалы по биографии Садыхджана, приводимые ниже, собрал неумолимый исследователь творчества профессиональных певцов и музыкантов классической азербайджанской музыки Фиридун-бек Шушинский.

Мирза Садых Асад оглы Садыхджан родился в 1846 году в городе Шуше в бедной семье. Садых, как и большинство шушинцев, с детства пробует свои силы в исполнении народных песен и мугамов. Дело в том, что участие в театрализованных представлениях и религиозное пение дома во время праздника месяца «маггерам» считалось богоугодным делом и многие бедные семьи, которым было накладно приглашать на праздники профессиональных певцов, с раннего детства учили своих детей петь. Для этого в Шуше существовали специальные музыкальные меджлисы и школы. Ученики были и почти у всех выдающихся музыкантов и певцов. Многие выпускники этих меджлисов и школ прославились в дальнейшем на весь Восток и выступали на свадьбах и концертах.

Одним из лучших педагогов в то время в Шуше был Харрат Кули Мухаммед оглы. Он прекрасно знал восточную музыку, обладал очень хорошей памятью, писал стихи и имел свою очень эффективную методику обучения вокальному искусству. Мирза Садых отдаёт на учебу в школу Харрату Кули. Хотя в восемнадцать лет Мирза Садых теряет голос, школа сыграла огромную роль в формировании музыкального образования Мирза Садыха. После потери голоса Мирза Садых учится играть на различных инструментах. Он пробует играть на свирели, на кеманче и таре. В конце концов останавливается на таре и под руководством выдающегося шушинского тариста Мирза Али Аскера в совершенстве овладевает искусством игры на этом инструменте. Как пишет Фиридун-бек, «Садых, обладающий большими руками, длинными и сильными пальцами, в скором времени, благодаря своему природному таланту и трудолюбию, постигает это искусство и даже превосходит в мастерстве учителя». Когда Садых играл на таре, Аскер со вздохом говорил: «Я бы хотел, чтобы мое богатство оказалось у Садыха, а его пальцы у меня».

Рассказывают, что первоначально Мирза Садых играл в ансамбле Мирза Али Аскера на кеманче, которая играет здесь второстепенную роль и только однажды, когда его учитель заболел, Мирза Садыху удалось сыграть на таре и продемонстрировать всем свои феноменальные способности. После этого Мирза Садых посвящает себя полностью игре на этом чудесном инструменте и еще больше совершенствует свое искусство, а технику исполнения доводит до предела.

Мирза Садых участвует в деятельности знаменитых шушинских музыкальных и литературных обществ - меджлисов, в частности, в обществах, организованных известным музыковедом Мир Мовсумом Наввабом «Маджлиси-фарамушан» [383-384] («Меджлис забытых») и «Меджлиси хананде» («Общество музыкантов») и меджлисах Хуршид Натаван, в которых обычно проходят испытание певцы и музыканты и обсуждаются проблемы теории музыки, впервые исполняются поэтические произведения, организуются конкурсы. Имя его становится популярным во многих соседних странах. В это время он получает в народе прозвище «Садыхджан». Заслужить такой почет в народе удалось кроме Мирза Садыха только известному певцу Абдул-Баги Зулалову. Его звали Бюльбюльджан.

Мирза Садых выступает в трио знаменитого на весь восток шушинского певца Гаджи Гуси вместе с кяманчистом Ата Багдагюль оглы а затем в трио другого шушинского ханенде Мешади Иси. В 1880 году трио приглашают в Иран на свадьбу сына Насреддин-шаха Каджар Музафараддина-мирзы в город Тебриз. На свадьбе Гаджи Гуси признается лучшим певцом, а Садыхджан непревзойденным таристом и награждается орденом «Шири-Хуршид». В Тебризе один известный тарист вызывает Садыхджана на состязание. Садых соглашается, но при этом срезает все указатели на грифе инструмента. Увидев это, соперник отказывается от состязания и целует его волшебные пальцы.

Известный тарист Мешади Сулейман Мансуров, сын руководителя бакинского музыкального меджлиса Мешади Мелика Мансурова, пишет в своих воспоминаниях: «Мирза Садых был самым известным таристом того времени. Его изумительная игра на таре обладала какой-то непонятной властью над людьми. Опытный мастер - виртуоз Мирза Садых часто играл без медиатора, поднося тар к самому подбородку, и чтобы левой руке было легче, он поднимал ее как можно выше. А иногда играл на таре, прислонив его к шее. В сад на звуки его игры слетались соловьи». Любитель музыки из Баку Абдулгамид Бабаев в своих воспоминаниях пишет: «Впервые увидел я Садыхджана в 1897 году в нашей Бакинской крепости. На всем Кавказе не было такого прекрасного тариста. Садых был очень красив: высокий, широкоплечий, атлетического сложения. В меджлисах он вел себя благородно и сдержанно. Люди бесконечно уважали его. Левая рука его была настолько сильна, что он часто играл без медиатора». Садыхджан выступает на свадьбах, приемах, концертах и во время антрактов спектаклей, которые ставились в Шуше и Тифлисе, с лучшими певцами Азербайджана и гастролерами из Персии. Он много гастролирует по Кавказу, Средней Азии и Ирану, участвует в деятельности ряда музыкальных обществ. Однажды он был специально приглашен в Шемаху в составе трио Гаджи Гуси для участия в работе музыкального общества (меджлиса) Махмуда Ага. Гости с большой торжественностью были встречены членами меджлиса и интеллигенцией города. Однако по некоторым обстоятельствам, о которых [384-385] мы узнаем из стиха выдающегося азербайджанского поэта XIX века Сейид Азим Ширвани, Мирза Садых вскоре возвращается в Шушу. Из стиха видно, что Сейид Азим был близко знаком с Мирза Садыхом и очень высоко ценил его мастерство.

Сравнительно быстро Садыхджан признается первым таристом на всем Кавказе. Как пишет газета «Кавказское обозрение», игра его отчетлива, артистически точна и очаровательно сильна. Не мешало бы нашим тифлиским композиторам воспользоваться пребыванием Садыха в Тифлисе и у него позаимствовать восточные мотивы, которые послужат им хорошим материалом для новых композиций».

Когда Мирза Садых понял, что больше, чем он достиг от тара взять невозможно он начал упорно искать пути усовершенствования конструкции древнего инструмента и изменения манеры игры на нем. Не зря его звали Мирза Садых, т.е. ученый Садых. Его аналитический ум ученого музыканта помог за несколько лет решить эту задачу. До Садыхджана на таре играли, держа его на коленях. Он, используя свою виртуозную технику, впервые стал играть на таре, подняв его к груди. Мирза Садых увеличил количество струн и изменил строение грифа и остова тара, усовершенствовал их крепление и уменьшил общий вес инструмента. До его реконструкции тар имел 5 струн. Он довел количество струн до одиннадцати, на грифе выбросив лишние тона, оставил только 17 тонов. Музыканты новый инструмент стали называть «волшебным таром», а Садыхджана – «отцом тара». Новшества, введенные Садыхджаном позволили поднять культуру исполнения на таре на более высокую ступень и сделать его звучание более ярким и сочным.

Выдающийся турецкий музыковед Рауф Екта-бек писал: «Музыкальная слава Садыха распространилась по всему Кавказу. Великий тарист Садых к пятиструнному тару добавил еще 6 струн и тем самым обогатил его». Рауф Екта-бек считал Садыхджана самым выдающимся музыкантом на Кавказе. Реконструкция тара, произведенная гениальным музыкантом, была настолько эффективной и, казалось, давно назревшей, что очень быстро тар Садыхджана полностью вытесняет старый, так называемый «иранский тар», со всего Кавказа и Средней Азии.

Мирза Садых был еще и талантливым композитором. Им была сочинена музыка ряда рянгов к мугамам Орта Сегях и Байаты Шираз и некоторые другие музыкальные пьесы, входящие в мугамы, обогащен состав некоторых популярных мугамов.

Большая заслуга Мирза Садыха в организации в 1897 году в Шуше музыкального спектакля «Лейли и Меджнун» по образцу религиозных представлений «Шабех». Как писал в дальнейшем Узеир Гаджибеков, этот спектакль, так же [385-386] как представления «Шабех», сыграли большую роль в зарождении азербайджанской, не имеющей аналогов в мире, мугамной оперы. Кстати европейские путешественники (XVII-XVIII вв.), наблюдавшие эти религиозные мистерии и другие представления в ханских дворцах, отмечают их близость по композиции и строю европейским операм.

Садыхджан участвовал в первом Восточном концерте, состоявшемся в Шуше в 1901 году. Там он впервые сольно исполнил на таре мугам «Махур». Скончался Мирза Садых в 1902 году в городе Шуше.

Роль его в развитии азербайджанской музыки неоценима. Афрасийаб Бадалбейли пишет: «Если принять во внимание, что при исполнении мугамата среди всех музыкальных инструментов тар занимает первое место, то можно утверждать, что открытия Мирзы Садыха, в конечном счете, ознаменовались поворотом в истории азербайджанской музыки. Можно сказать, что начиная с Мирзы Садыха сущность азербайджанских мугамов, их выразительные средства, сила влияния и приемы исполнения этих мугамов поднялись на новую ступень. Мирза Садых открыл новую страницу в истории азербайджанской музыки.»

Справедливости ради надо отметить, что изменения, внесенные Гаджибековым в настройку тара с целью приближения ее к европейской нотной системе, не дают нам права считать современный тар полностью таром Садыхджана.

Ф. Шушинский. Народные певцы и музыканты Азербайджана. Москва - 1979; Әфрасијаб Бадалбәјли. Мусиги лүғәти. Бақы - 1979; Фиридун Шушински. Азәрбајҹан халг мусигичиләри. Бақы - 1985. [386-387]

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ-ПРАВИТЕЛИ НЕКОТОРЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Начиная с X-XI веков и до конца XIX веков правителями целого ряда государственных образований на территориях Ширвана, Азербайджана, Армении, Грузии, Ирана и Ирака, становятся тюрки-азербайджанцы. Азербайджанские династии Гарагоюнлу, Аггоюнлу, Сефевиды, Афшары и Каджары сыграли огромную роль в истории Передней и Средней Азии. Эти династии дали миру таких выдающихся политических деятелей и полководцев, как Кара Йусиф, Узун Гасан, Шах Исмаил, Шах Аббас, Надир-шах и Ага Мухаммед-шах Каджар. Ниже приводится генеалогия некоторых азербайджанских династий.

ГОСУДАРСТВО АТАБЕКОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

Шамс ад-Дин Ильдениз (Ильдегиз) 1137, Нусрат ад-Дин Джахан Пахлаван 1176, Музаффар ад-Дин Кызыл-Арслан 1187, Кутлуг Инандж 1191, Нусрат ад-Дин Абу Бакр 1186, Узбек 1210-1225

ГАРАГОЮНЛУ

Кара-Мухаммед Турмуш 1380, Кара-Йусиф 1389, Искендер 1420, Джахан-шах 1438, Хасан Али 1467-1468.

АГГОЮНЛУ

Кара-Улю Усман 1378, Хамза 1435, Джахангир 1444, Узун-Гасан 1453, Халил 1478, Йакуб 1478, Байсонкур 1490, Рустам Геде 1492, Ахмад Геде 1497, Мухаммед 1499, Альвенд 1499-1501, Мухаммед-мирза 1499, Мурад 1499-1503. [387-388]

СЕФЕВИДЫ

Исмаил I 1501, Тахмасиб I 1524, Исмаил II 1576, Мухаммед Хадабенде 1577, Аббас I 1587, Сафи I 1629, Аббас II 1642, Сулейман I (Сафи II) 1666, Хусейн I 1694, Тахмасиб II 1722, Аббас III 1732, Сулейман II 1749, Исмаил III 1750, Хусейн II 1753, Мухаммед 1786.

АФШАРЫ

Надир-шах, Тахмасиб Кули-хан 1736, Адиль-шах, Али-Кули-хан 1747, Ибрагим 1748, Шахрух 1748-1795.

КАДЖАРЫ

Фатх Али-хан 1721, Мухаммед Хасан-хан 1750, Хусейн Кули-хан 1770, Ага-Мухаммед-шах 1779, Фатх Али-шах 1797, Мухаммед 1834, Насир ад-Дин 1848, Музаффарад-Дин 1896, Мухаммед Али 1907, Ахмед 1909-1925.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Территория западного побережья Каспийского моря, от Кавказских гор до реки Сефид-руд в Иране с давних пор была заселена родственными народами и племенами, отличающимися от народов сопредельных стран своими самобытными обычаями, нравами и культурой. Свыше 2300 лет тому назад владетель Малой Мидии Адербад (греческое - АТРОПАТ) создал на этой территории мощное независимое государство, которое в его честь было названо Адербадаганом (Атропатеной). С приходом сюда арабов в VIII-IX веках эта область Халифата стала называться на арабский манер Азербайджаном и с тех пор сохранила это название.

Азербайджан - благодатная страна. Благодаря своим большим природным богатствам и выгодному географическому расположению на путях, связывающих страны, представляющие шумерскую, греческую, римскую, иранскую, тюркскую, индийскую, китайскую и другие цивилизации, Азербайджан с древних пор отличался высоким уровнем развития производства и славился самобытной, оставившей большой след в истории человечества, культурой. В лучших музеях мира хранятся образцы художественной обработки металла, миниатюры, рукописные книги, ковры и ткани, изготовленные на территории Азербайджана с древнейших времен до наших дней, однако древняя история оставила нам очень немного имен выдающихся личностей того времени.

Народ Азербайджана пришел к исламу почти через все великие религии человечества. Азербайджан был родиной зороастризма и как считали средневековые мусульманские ученые, родиной основателя этой религии - Зороастра. Он стал одной из первых стран в мире, на территории которой были приняты христианство и иудаизм. Следы этих религий до сих пор остались на севере страны. На территории Азербайджана с древних времен существовала государственность. Здесь зародились и процветали такие государства, как Манна, Адербадаган, Албания, Ширван, Аг-Гоюнлу [389-390] и Гара-Гоюнлу, Сефевидов и государственные образования завоевателей из Ассирии, Урарту, Александра Македонского, Арабского Халифата, сельджуков и тюрко - монголов. Все это оставило неизгладимы и след в этногенезе азербайджанского народа, культуре и искусстве Азербайджана, создало экономические правовые и культурные предпосылки для появления целой плеяды выдающихся личностей во всех областях общественной жизни, культуре и искусстве.

Они творили в Гяндже, Шемахе, Барде, Тебризе, Нахичеване, Ардебиле и в других стольных городах Азербайджана. Здесь было много школ и университетов, действовали частные и общественные библиотеки, работали «Дома здоровья» - своего рода клинические центры, обсерватории и мастерские по производству бумаги, переписке и художественному оформлению книг. Во дворцах действовали музыкальные и поэтические меджлисы (собрания), собирающие лучших поэтов, композиторов, музыкантов и певцов страны.

Издание «Выдающиеся сыны древнего и средневекового Азербайджана» Ч. Каджар в отличие от носящей обзорной характер книги иранского ученого Мухаммедали Тарбията «Данишмандани Азербайджан» («Видные люди Азербайджана») позволяет читателю почувствовать дух и атмосферу времени жизни той или иной личности, ознакомиться с конкретными фактами, жизнедеятельности и творчества. Особую атмосферу восприятия создает своеобразный стиль изложения материала, ощущение духовной близости автора с каждой из описываемых личностей.

Описанные в хронологическом порядке биографии ученых, богословов, философов, литературоведов, языковедов, поэтов, художников, каллиграфов, мастеров прикладного искусства, астрономов, инженеров, архитекторов, шахматистов, музыкантов, композиторов и музыковедов, государственных деятелей и полководцев позволяют читателю представить себе картину развития истории, культуры, искусства и государственности Азербайджана с древних времен до начала XIX века.

ЭЛЬДАР Намазов,
кандидат исторических наук.